

Южночешский Университет в г. Ческе-Будеёвице
Философский факультет
Институт истории

Владимир Панов

**Габсбурги и Рюриковичи в раннее новое время:
Дипломатия и взаимный образ (1558–1598)**

Диссертация

Научный руководитель: проф. PhDr. Вацлав Бужек, CSc.

Ческе-Будеёвице 2021

Настоящим заявляю, что свою диссертацию я написал самостоятельно и только с использованием источников и литературы, приведённых в разделе об использованной литературе.

Заявляю, что согласно § 47b закона 111/1998 Sb. в настоящей редакции согласен с публикацией своей диссертации, в полном объёме и в электронной форме на интернет-страницах общедоступной базы данных STAG, которую содержит Южночешский университет в Ческе-Будеёвице, и с сохранением моих авторских прав на представленный текст этой квалификационной работы. Я согласен также с тем, чтобы аналогичным цифровым путём, согласно соответствующему установлению закона 111/1998 Sb. были опубликованы заключения научного руководителя и оппонентов работы, и сообщение о ходе и результатах квалификационной работы. Также соглашаюсь с тем, чтобы текст моей квалификационной работы был сопоставлен с базой данных подобных работ, которой управляет Национальный реестр квалификационных работ высшего образования, и с системой выявления плагиата.

Ческе-Будеёвице, 1 июля 2021

.....

Владимир Панов

Благодарности

За критические замечания, самую разнообразную помощь и бесконечное терпение в ходе подготовки настоящей работы я благодарю моего научного руководителя, проф. д-ра Вацлава Бужека, без которого эта диссертация не увидела бы свет. Я всегда буду у него в неоплатном долгу.

Огромное спасибо научному коллективу Института истории Философского Южночешского университета за товарищескую поддержку, замечания и советы.

От всего сердца благодарю свою жену, которая имела смелость никогда во мне не сомневаться.

Аннотация

Эта работа изучает обмен дипломатическими миссиями между Священной Римской Империей и Московским государством второй половины 16 века и их придворный посольский церемониал в свете и взаимных представлений, которые бытовали в дипломатических кругах двух этих государственных образований. Автор изучил как неопубликованные, так и опубликованные австрийские и русские дипломатические источники, а также литературные источники и эго-документы с использованием современных исторических и междисциплинарных методов исследований, включая лингвистику и антропологию.

В качестве событийного фона он представил краткий, но полный обзор внешнеполитических контактов 1558-1598 годов, а затем рассмотрел четыре области посольского ритуала, в которых лучше всего отражались взаимные воззрения имперских и московских дипломатов. Эти области таковы: встречи и аудиенции, подарки, пиры, а также взаимные именования монархов. Автор заключил, что царские эмиссары 16 века почти полностью воздерживались от «внеслужебных» оценок, не проявляя в документах свои личные черты и воззрения. В то же время их имперские визави, напротив, оставили богатые описания московского быта и нравов, до сих пор мало исследуемые.

Проанализировав эти описания, автор попытался понять, когда и почему имперские дипломаты были движимы стереотипными представлениями или дискурсами, которые нередко были заложены ещё Сигизмундом Герберштейном, и где они, наоборот, выражали свежий и объективный взгляд на своих оппонентов. В итоге, сопоставив результаты посольских миссий и взаимные представления дипломатов, автор пришёл к выводу, что отношения с австрийскими Габсбургами стали для последних Рюриковичей не столько областью реальных внешнеполитических достижений, сколько важным эталоном и инструментом саморепрезентации и продвижения своего политического статуса дома и за рубежом.

Summary

This thesis explores the exchange of diplomatic missions between the Holy Roman Empire and the Muscovite tsardom in the second half of the 16th century, along with their feical ceremonial, in the light of mutual perceptions of the two state entities' ambassadorial circles. The author studied both archival and published diplomatic sources of Austrian and Russian origin together

with literary sources and ego-documents of the time using up-to-date historical and interdisciplinary methods of study including linguistics and anthropology.

A concise but comprehensive review of diplomatic missions of 1558-1598 was presented as a factual background, after which light was shed on four aspects of feacial ceremonial that reflected the mutual perceptions of imperial and Muscovite emissaries in the fullest way possible, namely the welcoming ceremonies and audiences, the gifts, the feasts and the mutual salutatuons of the monarchs. The author came to conclusion that the tsars' emissaries almost totally shyed away from "nonservice" accounts, leaving no space for their personal traits and opinions in documents, whereas their imperial counterparts left some rich descriptions of Muscovite daily life and mores, accounts that are nevertheless rarely studied.

Having analysed the said descriptions, the author tried to grasp when and why the imperial diplomats were motivated by stereotypes or biased discourses that were sometimes established by no less than Siegmund Herberstein, and when they expressed a fresh and unbiased outlook on their opponents. In the end, having matched the results of the ambassadorial missions and the mutual perceptions of the diplomats, the author concluded that the last Rurikids saw their relations with the Austrian Habsburgs not only as a field of foreign policy achievements, but as a paragon and a tool of self-representation and of promoting their political status both at home and abroad.

Оглавление

I. Имперско-московская дипломатия второй половины 16 века: историография, источники и методы исследований проблемы	9
I. 1. Обзор историографии имперско-московских отношений	9
I. 2. Источниковедческий обзор дипломатических сношений Габсбургов и Рюриковичей	15
I. 3. Обзор исследований по истории дипломатии посольского ритуала и взаимных представлений	20
I. 4. Историография Ливонской войны	26
I. 5. Грозноеведение как проблема: историография правления Ивана IV и Бориса Годунова	29
II. Имперско-московская дипломатия периода Ливонской войны (1558 – 1584)	35
II. 1. Победы Московии и дипломатическое наступление Фердинанда I	36
II. 2. Империя смягчает позиции: военный тупик и польское бескоролье	39
II. 3. Посольство Кобенцеля и Принца в Московию: проект сближения	41
II. 4. Миссия Сугорского и Арцыбашева в Регенсбург	46
II. 5. Серия посольств Ивана IV: бесплодная инициатива	51
III. Преодолевая наследие Грозного (1584-1593): пауза между Ливонской и Долгой Войнами	66
III. 1. Польский вопрос как повод для сближения	69
III. 2. Первая миссия Варкоча (1589): империя наводит мосты	72
III. 3. Вторая миссия Варкоча (1593): турецкий вопрос на первом плане	79
IV. Имперско-московская дипломатия начального этапа Долгой войны (1593-1598)	90
IV. 1. Третья миссия Варкоча (1594): помощь без альянса	91
IV. 2. Посольство Вельяминова – Власьева: поразить Прагу, прославить царя	99
IV. 3. Миссия Авраама фон Доны: небывалый размах и тупик в переговорах	104
V. Дипломатия Габсбургов и Рюриковичей в свете даров и ритуалов дарения	114
V. 1. Эволюция имперских даров: от посуды и драгоценностей к оружию, реликвиям и магическим артефактам	115
V. 2. Московские дары: стабильность мехов и восточных раритетов	126
V. 3. Донаторы, адресаты, выбор и возврат подарков	131

VI. Посольские пиры и корм: еда как элемент дипломатического церемониала и обычаев	143
VI. 1. Пиры в Праге, Вене и Регенсбурге: императорский банкет без императора	144
VI. 2. Пиры в Московии: спектакль власти среди золота и алкоголя	151
VI. 3. Корм: инструмент репрезентации, кнут и пряник	161
VII. Приезд дипломата: ритуалы первой встречи и аудиенции	170
VII. 1. Московский ритуал встречи: эскалация помпезности	171
VII. 2. Имперский ритуал встречи: непостоянство и сдержанность	187
VIII. Взаимное именование Габсбургов и последних Рюриковичей	203
VIII. 1. Московское именование: кайзер как эталон статуса и борьба за признание царского титула	203
VIII. 2. Имперское именование: сознание своего превосходства	213
IX. Взаимные представления через оптику посольских документов	228
IX. 1. Царские дипломаты об империи: только служебные описания	229
XI. 2. Московская вера и нравы глазами имперских дипломатов	230
X. Заключение	246
XI. Приложения	253
XI. 1. Неопубликованные источники	253
XI. 2. Опубликованные источники	254
XI. 3. Библиография	255

I. Имперско-московская дипломатия второй половины 16 века: историография, источники и методы исследований проблемы

Внешнеполитические сношения Габсбургов и последних Рюриковичей, вкупе с их ритуалами и взглядом дипломатических кругов двух монархий друг на друга – тема, которая не относится к приоритетам европейской историографии, за некоторым исключением периода Ливонской войны. На современном этапе развития исторической науки многие аспекты этой темы ещё только ждут подробных исследований. Эта диссертация не ставит целью написать исчерпывающую историю дипломатических контактов между Габсбургами и последними Рюриковичами. Однако она включает в себя обзор этих контактов в контексте восточноевропейской дипломатии второй половины 16 века, без которого нельзя понять ни многообразие форм и смыслов имперских и московских посольских ритуалов, ни оценить взаимный образ дипломатических элит двух монархий.

Цель этой работы – выяснить ход, задачи и итоги дипломатических связей Священной Римской Империи и Московского государства во второй половине 16 века, для чего предстоит ответить на следующие вопросы. Во-первых, какими дипломатическими миссиями обменивались две монархии, с какими задачами и результатами? Как менялись и чем определялись повестка и инициатива этих контактов? Наконец, как выглядели отношения, если поставить их в более широкий контекст восточноевропейской политики?

Второй круг проблем, более важный для этой работы, связан уже не столько с политико-дипломатической историей, сколько с историей ментальностей и исторической антропологией. Предстоит выяснить, какие критерии собственной и чужой идентичности были особенно важны для дипломатических акторов, и как это формировало оптику, через которую они смотрели друг на друга. Далее, на каком фундаменте формировался образ другого, какие дискурсы при этом применялись, и где для обеих сторон проходила граница между «нами» и «ими» / «другими»?

Важность вопроса о том, каким дипломат раннего нового времени видел своего визави, и в каком мере он видел в нём «другого», сложно переоценить. Посол, посланник или даже гонец в 16 веке – человек, который и находится на переднем крае международных отношений, творил их непосредственно. Он не просто представлял и олицетворял своего монарха, но и проводил его политику. Как два potentata найдут общий язык в эпоху отсутствия постоянных посольств, постоянной связи, а нередко и непрерывной

государственной внешней политики? Как будут развиваться их контакты? Это во многом зависело именно от мировоззрения, воззрений, предрассудков и мастерства коммуникации конкретного эмиссара.

Как пример: когда в 1514 году имперский эмиссар Георг Шнитценпаумер самовольно назвал московского князя кайзером, одной этой церемониальной и коммуникационной ошибки в документе хватило царям вплоть до Петра I, чтобы легитимизировать свои претензии на царский, а затем и на императорский титул, ссылаясь на этот казус.

Историческая ирония: именно Шнитценпаумер, эмиссар единственной империи Европы, символически «стал сооснователем» другой империи, Российской. Если бы посол лучше разбирался в московской и европейской титулатуре, ход русской истории был бы несколько иным.

Временные рамки работы были ограничены второй половиной 16 века по следующим причинам. Во-первых, первую треть этого столетия затмил собой «открыватель Московии» Сигизмунд Герберштейн, чьи прорывные визиты на Русь уже не одно столетие порождают огромный пласт исследований и дискуссий, и следственно, достаточно изучены. Во-вторых, период 1525-1572 годов оказался почти бессобытийным в плане имперско-русских сношений, тогда как уцелевшие фонды «имперских» книг Посольского приказа были в основном утрачены в пожарах. Эта скудость событий и источников не была долгой: уже в 1570-х дворы кайзера и царя возобновляют интенсивный дипломатический обмен, на который и прольёт свет эта работа.

Автор, кроме того, позволяет себе питать следующую надежду. Эта работа, пусть и будучи весьма скромным вкладом в изучение истории австрийских Габсбургов раннего нового времени, привлечёт внимание чешских коллег к обилию белых пятен в проблематике имперско-московских контактов, но главное, познакомит их с многообразием русских источников, литературы, мнений и подходов, которые обогатят и простимулируют новые исследования.

I. 1. Обзор историографии имперско-московских отношений

Первые исследования имперско-московских отношений раннего нового времени провели Бурхард Генрих фон Вихманн и особенно Фридрих фон Аделунг,¹ чья книга стала важным реестром европейской московитики вплоть до 17 века, как и недавний обзор

¹ Burchard Heinrich von WICHMANN (ред.), *Sammlung bisher noch ungedruckter kleinen Schriften zu ältern Geschichte und Kenntnis des russischen Reiches*, Berlin 1820, а также Friedrich von ADELUNG, *Kritisch-Literarische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700*, Sankt Petersburg 1846.

Маршалла По; были сделаны и аналогичные подборки российских историков.²

Показательно, что все эти авторы начали с компиляции сведений о путешественниках на Русь, чтобы затем вписать их миссии в более широкий исторический контекст.

Чешский русист Ян Славик³ и особенно австриец Ганс Юберсбергер⁴ начали рассматривать эту проблематику в 1906 году уже в деталях. Йозеф Матоушек, а позднее и Ян Пауль Нидеркорн, всесторонне исследовали политические манёвры вокруг Долгой войны с турками,⁵ а Вальтер Ляйтш написал ещё одну классическую работу, где затронул связи Священной Римской Империи с Московией в рамках рождавшейся системы многосторонних альянсов. Ляйтш, кроме того, изучал влияние труда Сигизмунда Герберштейна на европейскую московитику, найдя его значительным.⁶ В области же истории чешско-русских контактов, если не считать небольшого и узкого по теме сборника выдержек из архивных материалов Владимира Францева,⁷ пионером стал Антон Флоровский, автор самой широкой работы по теме, хотя труд Флоровского охватил в основном средневековье и остался незавершённым. Это, скорее, сборник разнородных исследований или эссе под обобщающим названием, чем цельное исследование темы.⁸

Что касается идеологии, которой Московское государство вооружилось для своих внешнеполитических начинаний, это в первую очередь мифологема о Москве как Третьем Риме. Разные её аспекты и отражение в московском общественном сознании, материальной и духовной культуре и политике впервые изучили участники одноимённого сборника Павла Бочека.⁹ Авторы новаторски исходят из того, что эта теория не отлилась ни в конкретную политическую повестку, ни даже в связную идеологию, что не помешало «мифу Третьего Рима» подготовить почву для обоснования новой имперской

² Marshall POE, *Foreign Descriptions of Muscovy: An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources*, Columbus, Ohio 1995. Из российских обзоров такого рода надо обратить внимание на сборник: Пётр МАЛЫГИН (ред.), *Западноевропейские авторы XV-XVII вв. о России: материалы к библиографическому словарю*, Москва 2018.

³ Jan SLAVÍK, *Habsburkové a Rusko v 16. století*, *Český časopis historický* 12, 1906, стр. 169–177, 312–334, 447–467.

⁴ Hans UEBERSBERGER, *Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts*, Wien 1906.

⁵ Josef MATOUŠEK, *Turecká válka v evropské politice v letech 1592-1594*, Praha 1935, и Jan Paul NIEDERKORN, *Die europäischen Mächte und der „Lange Turkenkrieg“ Kaiser Rudolfs II. (1593-1606)*, Wien 1993.

⁶ Walter LEITSCH, *Moskau und die Politik des Kaiserhofes im XVII. Jahrhundert*, Graz 1960, а также Walter LEITSCH, *Herberstein's Impact on the Reports about Muscovy in the 16 and 17 Centuries. Some Observations on the Technique of Borrowing*, *Forschungen zur osteuropäische Geschichte* 24, 1978, стр. 163-178. Надо упомянуть и важный ориентирующий труд об эпохе Рудольфа II: Josef JANÁČEK, *Rudolf II. a jeho doba*, Praha 1987.

⁷ Владимир ФРАНЦЕВ, *Русские посольства в Чехии в XVI веке*, Варшава 1902.

⁸ Антон ФЛОРОВСКИЙ, *Чехи и восточные славяне: очерки по истории чешско-русских отношений (X – XVIII вв.)*, том 2, Прага 1947.

⁹ См. Pavel BOČEK (ред.), *Moskva – Třetí Řím. Od ideje k symbolu*, Praha 2019, и обзор этого сборника: Vladimír PÁNOV, *Boček, Pavel a kolektiv, Moskva – Třetí Řím. Od ideje k symbolu*, *Opera historica* 21 (2), 2020, стр. 305-307.

трансформации России, и даже звучать в официальной идеологии до самого крушения дома Романовых.

Имперско-русские связи интересны мне и в силу того, что ряд имперских послов в Московии, включая Никласа Варкоча, Даниэля Принца и Авраама фон Дону, происходили из чешских земель либо служили там. В европейской историографии эта тема обычно рассматривается не сама по себе, а в широком внешнеполитическом ключе, что породило целый ряд интересных работ.¹⁰ Зарождение русско-имперских связей и их развитие до 1519 года, тем не менее, стало предметом монографии Даны Пицковой, которая наиболее подробно пролила свет на первые два договора между империей и Москвой.¹¹ Её книга — едва ли не первый специальный труд на данную тему со второй половины 19 века, когда вопрос о первых контактах Габсбургов и Рюриковичей поставили русские учёные.¹² Вместе с тем отмечу, что русским посольствам Пицкова уделяет куда меньше внимания, чем имперским.

Итак, общий рисунок имперско-русских отношений в целом изучен, как и формирование русского централизованного государства, с которым имперские послы имели дело.¹³ Этого, однако, нельзя сказать о миссиях послов, гонцов и агентов империи, и тем более об ответных русских посольствах, несмотря на такие обстоятельные работы, как исследование Эккехарда Фёлькиля и Курта Веселы о царском посольстве на регенсбургский рейхстаг 1576 года.¹⁴ Йозеф Полишенский и Иржи Прохазка в конце 20 века поставили поездки имперского посла Никласа Варкоча в широкий контекст восточноевропейской политики конца 16 века, особенно его усилия по созданию антитурецкой лиги.¹⁵ Замечу здесь, что многие статьи о габсбургских послых в Московии

¹⁰ Например, Pavel BOČEK – Vladimír GONĚC – Lubomíra HAVLÍKOVÁ – Richard PRAŽÁK – Jiří ŠRÁMEK – Zdenka VESELÁ, *Dějiny střední, jihovýchodní a východní Evropy*, Brno 1995 и Dominick LIEVEN, *Empire. The Russian Empire and its Rivals*, Yale 2003.

¹¹ Dana PIČKOVÁ, *Habsburkové a Rurikovci na prahu novověku*, Praha 2002. Отмечу работу того же автора, хронологически более актуальную для данной диссертации и помогающую сравнить обращение с английскими и австрийскими дипломатами в России: Dana PIČKOVÁ, *Anglo-ruské vztahy ve druhé polovině 16. století*, Praha 1992.

¹² В частности, Владимир БАУЭР, *Сношения России с германскими императорами в конце XV – начале XVI столетий*, Журнал Министерства народного просвещения 3, 1870, а также Георгий ПИСАРЕВСКИЙ, *К истории сношений России с Германией в начале XVI века*, Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских 2, 1895.

¹³ В чешской историографии, в частности, строительству церковных и государственных структур последних Рюриковичей и их взаимоотношениям посвящена работа Pavel BOČEK, *Stát a církev v Rusku na přelomu 15. a 16. století*, Brno 1995.

¹⁴ Ekkehard VÖLKL – Kurt WESSELY, *Die Russische Gesandtschaft am Regensburger Reichstag*, Schriftenreihe des Regensburger Osteuropainstituts Band 3, Regensburg 1576, стр. 5-56.

¹⁵ J. POLIŠENSKÝ, *Poselství*, стр. 9-21, Иржи ПРОХАЗКА, *Посольства Николая Варкоча в Россию и проблема образования в конце 16 века антитурецкой коалиции* (диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук), Москва 1981, а также: Jiří PROCHÁZKA, *Cesta slezského šlechtice do Ruska v roce 1589*, Slezský sborník 4, 1997, стр. 255-262.

посвящены их личностям, происхождению и литературным трудам, а не собственно миссиям и взглядам на москвитов.¹⁶

В России систематическое рассмотрение иностранных дипломатических миссий, включая имперские, заложил Николай Бантыш-Каменский, автор первой подборки внешнеполитических документов из московских архивов.¹⁷ С 19 века историография русско-габсбургских связей прошла путь от этого источниковедческого исследования, через период позитивизма и марксизма, до междисциплинарного направления потестарной имагологии во главе с Михаилом Бойцовым.¹⁸ Оно исследует самосознание и средства саморепрезентации и символической коммуникации политической власти. Здесь следует указать на отсутствие на постсоветском этапе крупных обзорных работ о дипломатии и внешней политике России, так что историки вынуждены полагаться на опорные монографии советского времени, иногда глубоко переработанные.

Таков труд Анны Хорошкевич, которая изучила роль и место Московии на международной арене в 16 веке, показав, какими средствами и с какими целями и результатами царство вернулось в европейские внешнеполитические дела.¹⁹ В чём-то актуальным остаётся и анализ системы международных отношений Восточной Европы 16 века Бориса Флоры.²⁰ Он исследовал внешнеполитические связи Москвы и Речи Посполитой во всей полноте и динамике. По его концепции, Московия и Польша пытались реализовать идеи феодальной квази-федерации и военно-политического союза в борьбе за украинские и белорусские земли, для решения «балтийского вопроса» и противостояния Турции. Но эти планы сближения рухнули, по Флоре, из-за агрессивных устремлений польско-литовской шляхты и её замыслов неравноправной унии с Москвой.²¹ В этой и других обобщающих работах, однако, очень многое уже принадлежит

¹⁶ Таковы, например, эссе, посвящённые Иоганну Кобенцелю, посетившему Россию в 1576 году: Silvano CAVAZZA, *La Relatione delle Cose di Moscovia di Giovanni Cobenzl*, Quaderni Giuliani di Storia, 34 (1/2013), стр. 53-98, а также Bonner MITCHELL – Russell ZGUTA, *The Sixteenth-Century Account of Muscovy Attributed to Don Felippo Prenestein*, Russian History/Histoire Russe 8/3, University Center of International Studies, University of Pittsburg, Pittsburg 1981, стр. 390-420. В ряде случаев, например, с бургграфом Авраамом фон Доной, дипломат больше интересует исследователей в контексте истории его дворянского рода: Volker PRESS, *Das Haus Dohna in der europäischen Adelsgesellschaft des 16. und 17. Jahrhunderts*, Reformatio et reformationes. Festschrift für Lothar Graf zu Dohna zum 65. Geburtstag, Darmstadt 1989, стр. 371–402.

¹⁷ Николай БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ, *Обзор внешних сношений России (по 1800 год)*, том 1, Москва 1894.

¹⁸ Михаил Бойцов – Фёдор УСПЕНСКИЙ (ред.), *Власть и образ: очерки потестарной имагологии*, Санкт-Петербург 2010.

¹⁹ Анна ХОРОШКЕВИЧ, *Россия в системе международных отношений середины XVI века*, Москва 2003.

²⁰ Борис ФЛОРА, *Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в.*, Москва 1978.

²¹ Б. ФЛОРА, *Русско-польские отношения*, стр. 288-289. Впоследствии смежную проблематику на новом материале и методологии тот же автор затронул в работе: Борис ФЛОРА, *Русское государство и его западные соседи*, Москва 2010.

прошлому, включая методы позитивистской и марксистской историографии, и жёсткий примат политической (и часто политизированной) истории.

Из отдельных имперских дипломатических миссий к числу наиболее изученных в русской историографии также относятся поездки Никласа Варкоча,²² хотя ни он, ни другой имперский посол второй половины 16 века пока не удостоились отдельной монографии.²³ Отчасти такое внимание связано с участием Варкоча в судьбоносных для Московии событиях. В целом, его деятельность часто оценивается как неэффективная ещё со времён Николая Карамзина²⁴ — узкая точка зрения, с которой более подробный анализ документов не позволяет согласиться. С подачи Сергея Платонова, который особенно подробно описал участие Варкоча в русской политике, этот посол считается важным проводником идей антитурецкой коалиции и имперско-московского династического альянса. Варкоч был и важным свидетелем политической борьбы, приведшей к воцарению Бориса Годунова, и его наблюдения многое говорят о московском придворном быте и политической борьбе 1590-х годов.²⁵

Среди других популярных сюжетов – получение Варкочем от Москвы денежной помощи²⁶ и попытки создания антитурецкого альянса.²⁷ Примечательно, что посольство Авраама фон Доны 1597 года, намного более знатное и многочисленное, удостоилось такого внимания лишь в последние годы.²⁸ А миссия Иоганна Кобенцеля и Даниэля Принца не затрагивалась историками с конца 19 века, хотя тогда она освещалась в

²² Н. БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ, *Обзор*, стр. 13-14.

²³ Варкоч скорее не «наиболее исследованный», а «наименее неисследованный» имперский дипломат конца 16 века – его коллегами занимаются ещё меньше. Его миссии скупно рассматривались в основном в контексте русской внешней политики и дипломатии: Александр ЗИМИН – Владимир ПАШУТО (ред.), *Международные связи России до XVII столетия*, Москва 1961, и Михаил ТОЛКАЧЁВ, *Европейское направление во внешней политике России в период правления Фёдора Иоанновича и Бориса Годунова* (диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук), Самара 2011. Другой контекст – изучение придворного и посольского ритуала, европейской московитики и краеведения: Дмитрий КОРЕНЕВ, *Третий Рим: власть одежды и одежда власти*, Орёл 2011 и Дмитрий ЗАНКОВ, *Русь за трапезой*, Москва 2016.

²⁴ «Мы тратили время и деньги в сношениях с Австриею, совершенно бесполезных»: Николай КАРАМЗИН, *История государства российского*, том 10, Санкт-Петербург 1834, стр. 96.

²⁵ Сергей ПЛАТОНОВ, *Очерки по истории Смуты в Московском государстве 16-17 веков*, Москва 1937, стр. 140-146.

²⁶ В. ОРЛОВ, *Новые данные о посольстве Николая фон Варкоча в 1589 году*, Советские Архивы 2, 1985, стр. 75-77.

²⁷ Интересный взгляд на антитурецкие усилия Варкоча в контексте имперско-персидских контактов бросил Lukáš RYBÁR, *Misia Mikuláša Varkoča Lukáša Pauliho do Moskvy v roku 1589 a otázka spojenectva Habsburgovcov s Perziou proti Osmanom*, Byzantinoslovaca VII. Byzantologický seminár A. Avenaria. Zborník k životnému jubileu profesora Miroslava Daniša, Bratislava 2020, стр. 214-229. См. также: Инесса МАГИЛИНА, *Московское государство и проект антитурецкой коалиции в конце XVI – начале XVII веков* (диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук), Волгоград 2009.

²⁸ Инесса МАГИЛИНА, *Переговоры между Московским государством и Священной Римской Империей по поводу заключения антитурецкого соглашения*, Известия Самарского научного центра Российской академии наук 2, том 11, 2009, стр. 18-23.

широком контексте восточноевропейской политики, Ливонской войны и региональных династических связей и притязаний Габсбургов.²⁹ Надо при этом отметить: до сих пор нет обобщающих монографий ни по посольскому корпусу Священной Римской Империи, ни по русской политике императоров, ни по многим дипломатическим миссиям царского правительства в империю. Даже опубликованные источники крайне медленно вводятся в научный оборот, а корпус русских источников, за исключением книг Посольского приказа, малоизвестен в европейской историографии.

Несколько слов о терминологии работы. Для описания России 16 века автор целенаправленно использует термины «Московия» и «Московское государство / царство». Они больше отвечают трендам европейской историографии и историческим реалиям, нежели отчасти политизированные термины «Россия» и «Русское централизованное государство», принятые в современной российской историографии, но выглядящие спорным анахронизмом для описания русских земель 16 века. Соответственно, выходцы из Московии могут быть в разных контекстах «московитами» (акцент на подданство, государственную принадлежность) либо «русскими» (акцент на особенности языка, веры, культуры и менталитета в противовес имперскому, австрийскому или «немецкому»). Оба этнонима используются как политически нейтральные, без позитивной или негативной коннотации. Применительно к территориям бывшей Киевской или Древней Руси, населённым в 16 веке восточнославянскими этносами, с преобладанием восточнославянских языков и выраженным присутствием православного вероисповедания, я использовал не вполне устоявшийся, но достаточно ясный термин «русские земли». Он указывает не на принадлежность к Московскому государству и политические претензии допетровской и постпетровской России, а на общее происхождение этих земель от государственных образований Древней Руси.

²⁹ Фёдор ВЕРЖБОВСКИЙ, *Посольство Иоанна Кобенцеля в Москву в 1575-1576 гг.: исторический очерк*, in: Фёдор ВЕРЖБОВСКИЙ (ред.), *Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях*, Варшава 1896, а также Осип БОДЯНСКИЙ, *Донесение о Московии Иоанна Пернштейна*, Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, книга 2, 1876, стр. II-VI. Работа Бодянского пролила свет на авторство Кобенцеля: из-за ошибок в переписывании долго было принято считать, что на Русь в 1576 году ездил ещё и некий «Иоанн Пернштейн», вовсе не существовавший (ему приписывали один из списков отчёта Кобенцеля). Но ещё и сейчас можно встретить эту вымышленную фигуру в солидных научных работах, например: Леонид ЮЗЕФОВИЧ, *Путь посла: русский посольский обычай, обиход, этикет, церемониал: конец XV-первая половина XVII в.*, Санкт-Петербург 2011, стр. 166.

I. 2. Источниковедческий обзор дипломатических сношений Габсбургов и Юриковичей

Ниже будут представлены первичные источники работы и обзор историографии русско-австрийских дипломатических отношений середины – конца 16 века и воззрений имперских дипломатов на Московию. Разрабатывая тему связей Московии и Священной Римской Империи, логично разделить и источниковую базу на русскую и австро-немецкую. Основной массив австрийских источников – это реляции, письма и записки дипломатов, направленных в Москву, и в меньшей степени инструкции императоров.

Часть из них не опубликована. К ним относятся, в первую очередь, документы по второй миссии Никласа Варкоча в Москву 1593 года. Это инструкция послу, отчёт самого Варкоча (немецкий оригинал в Haus-, Hof- und Staatsarchiv),³⁰ переписка о подготовке миссии и итоговое письмо дипломата о расходах на посольство 1593 года (оно находится в венском Finanz- und Hofkammerarchiv при Österreichisches Staatsarchiv).³¹ Также были использованы документы по московской миссии посла бургграфа Абрахама фон Доны, 1597, включая инструкцию, отчёт посла (в Haus-, Hof- und Staatsarchiv)³² и письма о расходах и подготовке, 1596 (они находятся в Finanz- und Hofkammerarchiv).³³

Отчёт Варкоча надо признать куда более пространным, а также разносторонним и полезным источником, чем короткую реляцию фон Доны. Речь не только о явных талантах Варкоча как дипломата, политика, чиновника и даже литератора (более того, он имел обширный опыт работы с москвитями), но и о большей событийной насыщенности и результативности его миссий по сравнению с посольством бургграфа. Документ, практически не введённый в научный оборот, был известен ещё Фридриху Аделунгу, который, однако, ошибочно считал его реляцией о третьей, а не второй миссии Варкоча.³⁴

³⁰ Haus-, Hof- und Staatsarchiv in Vienna, StAbt Russland I, 3 (1589-1595), Relatio auss Moskaw. Den 19 Martzj 1594 (далее Relatio).

³¹ Österreichische Staatsarchiv, Finanz- und Hofkammerarchiv, Sonderbestände, Sammlungen und Sekelte (1170-1987), Reichsakten, Aktenstücke betreffend die Kostfreihaltung der in Begleitung des Niklas von Warkotsch, der vom Kaiser nach Moskau gesandt worden war, eintreffenden moskowitischen Gesandtschaft von der Grenze bis Prag (AT-OeStA/FHKA SUS RA 269.6).

³² Haus-, Hof- und Staatsarchiv in Vienna, StAbt Russland I, 4 (1596-1599).

³³ Österreichische Staatsarchiv, Finanz- und Hofkammerarchiv, Sonderbestände, Sammlungen und Sekelte (1170-1987), Reichsakten, Aktenstücke betreffend den Voranschlag über die Kosten der Gesandtschaftsreisen des Abraham Burggrafen von Dohna nach Moskau (AT-OeStA/FHKA SUS RA 269.7), а также Berichte des Jacob Theuffl über die Einholung und Begleitung der moskowitischen Gesandtschaft (AT-OeStA/FHKA SUS RA 269.8).

³⁴ Датировке и содержанию этого документа посвящена работа Vladimír PANOŮ, *On the Contents of Niklas Warkotsch's 1594 Report in the Light of His Moscow Missions*, *Slovanský přehled* 2 (105), 2019, стр. 277-292.

Из числа опубликованных австрийских источников использовались: отчёт о посольстве Иеремии Гофмана, 1560, на русском языке,³⁵ отчёт Иоганна Кобенцеля на немецком языке³⁶ и письмо Даниэля Принца о поездке в Московию,³⁷ 1576 года (русский перевод с латыни). Интересный и обширный материал дали также корреспонденция и записки имперских дипломатов, в первую очередь письмо Иоганна Кобенцеля о поездке к Ивану Грозному (1576),³⁸ записки о Московии его коллеги Даниэля Принца (1578).³⁹ Немало информации о восприятии москвитов в империи дала переписка и меморандумы канцелярии Максимилиана II, касавшиеся миссии Захария Сугорского в империю в 1576 году.⁴⁰ Отчёт Никласа Варкоча о первой миссии в Москву 1589 года достаточно известен в литературе, но автор данной диссертации сделал попытку не просто проанализировать его, но и сопоставить для этого неравноценные переводы (сокращённый русский с немецкого списка и чешский с испанского списка).⁴¹

Ещё один отчёт Никласа Варкоча о второй миссии в Москву 1593 года на итальянском языке из архивов Ватикана, был значительно переработан и предельно сокращён современниками. По сути, речь идёт не столько об отдельной итальянской версии, сколько о резюме из исходного немецкого отчёта, со значительными отличиями в содержании.⁴² Спутник Варкоча, секретарь посольства Стефан Гейс также оставил интересный документ, путевой дневник (для работы использовался русский перевод, сверенный с оригиналом из Haus-, Hof- und Staatsarchiv).⁴³ Своеобразный взгляд на русские реалии представляют путевые записки агента Эриха Лассоты с Украины (1594 год, перевод с

³⁵ Ю. МАДИССОН, *Посольство И. Гофмана в Ливонию и Русское государство в 1559-1560 гг.*, Исторический архив 6, 1957, стр. 134-140, а также Василий Любич-РОМАНОВИЧ (ред.), *Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках*, Санкт-Петербург 1843, глава “Сношения царя Иоанна Васильевича с императором Фердинандом о ливонских делах”, стр. 1-10.

³⁶ Фёдор ВЕРЖБОВСКИЙ, *Посольство Иоанна Кобенцеля в Москву в 1575-1576 гг.: исторический очерк*, in: Фёдор ВЕРЖБОВСКИЙ (ред.), *Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях*, Варшава 1896.

³⁷ *De jure Magni Moscoviae Ducis in Livoniam epistola* (автор не указан), in: Adalbert STARCZEWSKI (ред.), *Historiae Ruthenicae Scriptores Exteri Saeculi XVI*, том 2, Берлин и Санкт-Петербург 1842, стр. 31-34.

³⁸ Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века (автор не указан), *Журнал Министерства народного просвещения* 9, 1842, стр. 127-153.

³⁹ Даниэль ПРИНЦ, *Начало и возвышение Московии*, Москва 1877.

⁴⁰ Корпус этой переписки был воспроизведён репринтом в 18 веке как приложение к изданию: Franz Dominicus HÄBERLIN, *Neueste Teutsche Reichs-Geschichte: Vom Anfange des Schmalkaldischen Krieges bis auf unsere Zeiten*, 1776 том 10, Vorrede,

⁴¹ Отчёт переведён и откомментирован на чешском и русском языках соответственно Йозефом Полишенским и Людмилой Лаптевой: Josef POLIŠENSKÝ, *Poselství z Prahy do Moskvy roku 1589*, Praha, 1975, а также Людмила ЛАПТЕВА, *Донесение австрийского посла о поездке в Москву в 1589 году*, *Вопросы истории* 6, 1978, стр. 95-112. Русский перевод заметно сокращён.

⁴² Опубликовано в: Александр ТУРГЕНЕВ (ред.), *Акты исторические, относящиеся к России, извлечённые из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым*, том 2, Санкт-Петербург 1842, стр. 32-45.

⁴³ Стефан ГЕЙС, *Описание путешествия в Москву посла римского императора Николая Варкоча с 22-го июля 1593 года*, Москва 1875.

немецкого на русский),⁴⁴ и отчёт гонца Михаэля Шеля (также иногда Шиля, Шиле) о поездке в Москву (1598 год, перевод с немецкого на русский).⁴⁵

Источниками также послужили прочие дипломатические инструкции, грамоты и письма первых лиц Священной Римской Империи, папы римского и других европейских правителей. Это послание императора Фердинанда I к Ивану IV (1560 год),⁴⁶ инструкция Фердинанда I Иеремии Гофману (1560 год, русский перевод),⁴⁷ и инструкция Максимилиана II для миссии Кобенцеля и Принца (1575 год).⁴⁸ Не меньший интерес представляли инструкция Рудольфа II для первой миссии Никласа Варкоча (1588 год)⁴⁹ и реляция датского посла Якоба Ульфельдта (1578 год), ставшая своего рода сторонним эталоном для более точной оценки имперской дипломатической документации.⁵⁰

Отдельный источниковый массив составила переписка деятелей католической церкви, связанная с Москвией, главным образом письма папского нунция при дворе Рудольфа II Чезаре Speziано (1592-1598 годы)⁵¹ и послания папы Климента VIII царю Фёдорову Иоанновичу (1596 год).⁵²

Самостоятельную, хоть и не приоритетную группу источников составляют труды чешских хронистов и писателей вкупе с эго-документами чешского дворянства. Некоторые авторы, например, Марек Быдзовский из Флорентина и Даниэль Адам из Велеславина,⁵³ проявляли пристальный интерес к визитам царских эмиссаров, но не имели прямого

⁴⁴ Фёдор Брун (ред.), *Путевые записки Эриха Лассоты, отправленного императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 году*. Санкт-Петербург 1873.

⁴⁵ Опубликовано в: Александр ШЕМЯКИН (ред.), *Донесение о поездке в Москву придворного Римского императора Михаила Шиля*, Москва 1875.

⁴⁶ Грамота императора Фердинанда к великому князю Московскому, опубликовано в: В. ЛЮБИЧ-РОМАНОВИЧ (ред.), *Сказания*, стр. 4 в конце книги (сборник не имеет сплошной нумерации страниц). Публикация эта тем значительнее, что оригинал документа считается утраченным.

⁴⁷ Инструкция императора Фердинанда I И. Гофману опубликована в: Исторический архив 6, 1957, стр. 134.

⁴⁸ Инструкция Maximilianus etc. опубликована в: Фёдор ВЕРЖБОВСКИЙ (ред.), *Материалы по истории Московского государства в XVI – XVII веках, выпуск 1: Путешествие Иоанна Кобенцеля в Москву в 1575-1576 гг.*, Варшава 1896, стр. 43.

⁴⁹ *Instructio pro Nicolao Warkotz, 6 octobris 1588, Отчёт о 21 присуждении наград графа Уварова*. Санкт-Петербург 1880, стр. 115-116.

⁵⁰ Елпидифор БАРСОВ (ред.), *Путешествие в Россию датского посланника Якова Ульфельдта в XVI веке*, Чтения Императорского Общества Истории и Древностей Российских, Москва 1889, стр. 1-61.

⁵¹ Свод опубликован в: Alena PAZDEROVÁ (ред.), *L'edizione critica della corrispondenza dei nunzi del XVI secolo (Elaborazione editoriale della corrispondenza di Cesare Speciano, nunzio apostolico presso la corte imperiale nel periodo 1592-1598)*, Praha 2018.

⁵² Clemens P. P. VIII Theodoro Czar, Domini Russiae, Magno Duci Moscoviae etc. Principi Magno et desideratissimo salutem et omnis gratiae frictum, опубликовано в: А. ТУРГЕНЕВ (ред.), *Акты исторические*, стр. 48-49.

⁵³ См. Marek BYDŽOVSKÝ z FLORENTINA, *Svět za tři českých králů*, Praha 1987, и Daniel Adam z VELESLAVÍNA, *Dějiny evropského světa 1453 – 1576 v interpretaci Veleslavínové*, Pavel VOREL (ред.), *Dějiny evropského světa 1453 – 1576*, Praha 2008. Интересные следы московские миссии оставили в записках Павла Корки из Коркине: Zdeněk VYBÍRAL (ред.), *Paměti Pavla Korky z Korkyně: Zápisky křesťanského rytíře z počátku novověku*. Pelhřimov 2014.

доступа к официальной информации. Это позволяет сопоставлять реальные факты миссий и их преломление в общественном сознании просвещённой части чешского общества.

Публикация всех этих источников, за исключением чешских, не должна вводить в заблуждение относительно их использования в европейском научном обороте. Даже многие изданные австрийские первичные источники по миссиям в Московию подчас изучены слабо либо вовсе забыты. Созданные, как правило, по следам переговоров с правителями Московии, они сосредотачиваются не только на политических событиях, но и на описании быта и нравов русских. Это свойство сложно найти у московских источников, часто куда подробнее описывающих политические события, но не оставляющие места для всего остального, включая бытописание. Записки, дневники и письма дипломатов нередко уделяют больше внимания быту и менталитету Московского государства раннего нового времени, чем донесения послов.

Особняком стоит ценный источник о Московии, которые не относятся напрямую к теме по хронологическим рамкам диссертации, но служит своего рода эталоном для других источников. Это знаменитые «Записки о московских делах» Сигизмунда Герберштейна.⁵⁴ Книга Герберштейна стала авторитетной и даже архетипичной для следующих описаний Московии, и она даёт точку отсчёта, благодаря которой воззрения германских дипломатов на Россию и русский посольский обычай можно оценивать в динамике. В меньшей степени ту же роль играют московские записки папского посла Антонио Поссевино, который представлял императора в Московии лишь формально.⁵⁵ Книга даёт подробное описание придворного быта и дипломатических практик конца 16 века, а потому тоже служит для данной работы своеобразным эталоном. Отмечу богатую европейскую исследовательскую библиографию, которой обросли оба этих источника.⁵⁶

⁵⁴ Сигизмунд ГЕРБЕРШТЕЙН, *Записки о Московии*, тома 1 и 2, Москва 2008. Использовалось также немецкое издание с комментариями: Frank KÄMPFER – Eva MAURER – Andreas FÜLLBERTH (ред.), *Sigismund von Herberstein. Rerum Moscoviticarum Commentarii. Synoptische Edition der lateinischen und der deutschen Fassung letzter Hand*, Basel 1556 und Wien 1557, München 2001.

⁵⁵ Антонио ПОССЕВИНО, *Исторические сочинения о России XVI в.*, Москва 1983.

⁵⁶ Европейская герберштейниана в рамках данного исследования включает в себя такие важные работы и сборники как Dana PÍSKOVÁ, *První moskevská mise císařského diplomata Siegmunda von Herberstein (1517), Staletí objevů, diplomacie a válek*, (Acta Universitatis Carolinae Philosophica et Historica 1 – 2003, Studia Historica LV.), Praha 2005, стр. 375-385, а также Gerhard PFERSCHY (ред.), *Sigismund von Herberstein. Kaiserlicher Gesandter und Begründer der Russlandkunde und europäische Diplomatie*, Graz 1989 и ценный библиографический обзор Reinhard FRÖTSCHNER, *Herberstein-Bibliografie 1949-1999*, in: Frank KÄMPFER (ред.), *Das Russlandbuch Sigismund von Herberstein Rerum Moscoviticarum Commentarii 1549-1999. Beiträge zu Ehren der internationalen Tagung im Oktober 1999 an der Universität München*, Hamburg 1999, стр. 131-140. Путешествию Поссевино посвящена, в частности, работа Walter DELIUS, *Antonio Possevino SJ und Ivan Groznyj. Ein Beitrag zur Geschichte der kirchlichen Union und der Gegenreformation des 16. Jahrhunderts*, Stuttgart 1962.

Если говорить о русских архивалиях, особо выделю публикацию документов «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», первые два тома которой собрали документы о связях со Священной Римской Империей, а десятый – с римскими папами.⁵⁷ Это главным образом посольские книги, то есть записи Посольского приказа о русских и иностранных миссиях, и статейные списки, то есть отчеты русских послов – богатый источник, который зачастую даёт более подробные сведения об имперских дипломатах, чем источники австрийские.

Во-первых, москвиты фиксировали каждый шаг послов в целях снабжения, наблюдения и анализа, чего сами имперцы обычно не делали. Во-вторых, эти сборники объединяют отчёты местных властей и документы центральных органов власти Московии, которые целенаправленно объединяли сведения о дипломатических связях и ритуалах, внешней политике и культурных воззрениях своего времени, так что посольские книги иногда выглядят сплавом официальной переписки и публицистики.⁵⁸ Особенность этого издания – сплошная публикация документов без разделений и заголовков, из-за чего подчас приходится гадать о точной датировке и жанре документа, не говоря уже о точном названии. Используются также свидетельства иностранных дипломатов о посещении Московии из сборника *Supplementum ad Historica Russiae monumenta, ex archivis et bibliothecis extraneis deprompta, et a Collegio archaeographico edita*.⁵⁹

В диссертации также использованы документы Российского государственного архива древних актов РГАДА, фонд 32, описи 1 и 2. Это многочисленные статейные списки, грамоты и трактаты, реляции русских послов в Австрии, дела о приглашении на службу в Россию иностранцев, об отправлении за границу на обучение русских дворян 1488-1719, и грамоты о дипломатических и торговых сношениях с Австрией 1573-1699. По содержанию и характеру они иногда перекликаются с документами, напечатанными в «Памятниках дипломатических сношений», но не все из них ранее публиковались. В этих же фондах содержатся немецкие оригиналы императорских грамот царям, что позволило пролить свет на такие вопросы, как семантика взаимных наименований Габсбургов и Рюриковичей. Также были использованы многочисленные разрядные книги и

⁵⁷ Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, тома 1, 2, 10, Санкт-Петербург 1851 (далее сокращённо ПДС). Исключение составляет период с 1521 по 1571 годы: «цесарские книги» этого времени (документы о сношениях с империей) признаны навсегда утраченными ещё в 1614 году: Наталия КАЗАКОВА, *Западная Европа в русской письменности XV-XVI веков*, Ленинград 1980, стр. 257.

⁵⁸ Николай РОГОЖИН, *Посольские книги конца XV – начала XVII веков* (автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук), Москва 1993, стр. 1.

⁵⁹ Иван БОРИЧЕВСКИЙ (ред.), *Supplementum ad Historica Russiae monumenta, ex archivis et bibliothecis extraneis deprompta, et a Collegio archaeographico edita*, Санкт-Петербург 1849.

литературные источники позднего средневековья и раннего нового времени (См. раздел «Приложение»).

I. 3. Обзор исследований по истории дипломатии посольского ритуала и взаимных представлений

Обобщающих монографий по истории дипломатии раннего нового времени до сих пор относительно немного. Среди прорывных работ по этой проблематике стали работы Гаролда Николсона об эволюции дипломатических методов, рассмотренных в свете эволюции морали и этоса дипломатов, и особенно яркая книга Гарретта Мэттингли «Ренессансная дипломатия».⁶⁰ Мэттингли идёт дальше создания образа типичного посла как символического представителя своего монарха: историк схватывает переломный момент, когда в Европе быстро формировались профессиональные дипломатические кадры, а редкие миссии уступали место постоянным посольствам. Книга Мэттингли написана во многом на западноевропейском материале, но затрагивает и дворы испанских и австрийских Габсбургов.

Историю московской дипломатической службы 16 века одним из первых изложил русский архивист Сергей Белокуров, чей труд о Посольском приказе и полные списки имперских дипломатов, которые посетили Москву, и московских – империю, до сих пор не утратили актуальности, несмотря на новые работы по теме.⁶¹ Освещение русских посольских инстанций имело перед имперскими то преимущество, что Габсбурги, в силу структуры их империи, вплоть до 18 века не имели единой дипломатической службы. Так что освещение имперской внешней политики часто оставляло в тени её организационные аспекты, несмотря на ряд интересных обобщающих работ, которые посвящены развитию имперских политических структур и их взаимным контактам.⁶²

Комплекс проблем дипломатического ритуала в последние десятилетия, напротив, получает всё больше внимания как самостоятельное историко-культурологическое

⁶⁰ См. Harold NICHOLSON, *The Evolution of Diplomatic Method*, London 1954, и Garrett MATTINGLY, *Renaissance diplomacy*, Boston 1955.

⁶¹ Сергей БЕЛОКУРОВ, *О Посольском приказе*, Москва 1906, и Сергей БЕЛОКУРОВ, *Списки дипломатических лиц русских за границей и иностранных при русском дворе*, Москва 1893. Из последних монографий о Посольском приказе: Николай РОГОЖИН, «У государевых дел быть указано»: *история Посольского приказа*, Москва 2019.

⁶² Например, Heninz ANGERMEIER, *Das Alte Reich in der deutschen Geschichte. Studien über Kontinuitäten und Zäsuren*, München 1991, Friedrich HEER, *The Holy Roman Empire*. New Haven 2002 и Georg SCHMIDT, *Geschichte des Alten Reiches*, München 1999.

направление исследований, даже в отрыве от международных отношений. В основе этого комплекса лежит мысль о том, что ритуал упорядочивал и пронизывал все сферы общественно-политической жизни раннего нового времени, включая дипломатию и её материальную культуру, и заодно служил важнейшим средством саморепрезентации политических акторов этого периода. Немецкая историография (в широком культурно-лингвистическом смысле слова) дала здесь ряд прорывных междисциплинарных работ именно на материале Священной Римской Империи и Габсбургов; эти труды во многом определили направление и характер данного исследования.⁶³ В первую очередь, они показали, через какую оптику имперские дипломаты смотрели на своих московских визави и на царские аудиенции, как они расшифровывали действия москвитов.

Ритуалистику русского посольского обычая одним из первых начал исследовать Владимир Савва, с упором на византийские и домонгольские влияния. Он признал дипломатические практики, заимствованные у Константинополя, ключевыми для московского двора.⁶⁴ С культурно-антропологических позиций русский посольский церемониал Москвы исследовали Ирина Михайлова⁶⁵ и особенно Леонид Юзефович. Он развил тему в двух обобщающих монографиях, последняя из которых успела стать прорывной.⁶⁶ Для его подхода характерно следующее: Юзефович часто рассматривает посольские практики не только как средство культурной коммуникации с иноземцами, но и как своеобразное выражение русского менталитета, «народного духа», что особенно заметно в пору Ивана Грозного.⁶⁷

Если российские историки часто рассматривают посольский ритуал как сопровождение дипломатии и внешней политики, европейские авторы чаще видят в нём часть русского культурного кода, средство саморепрезентации и символической коммуникации. Кроме того, у них он нередко связан с тематикой взаимных представлений русских и европейцев.

⁶³ Особняком здесь стоят Barbara STOLLBERG-RILLINGER, *Des Kaisers alte Kleider. Verfassungsgeschichte und Symbolsprache des Alten Reiches*. München 2013, и Harriet RUDOLPH, *Das Reich als Ereignis. Formen und Funktionen der Herrschaftsinszenierung bei Kaisereinzügen (1558–1618)*, Köln 2011. Отмечу также работы Рудольф с современными прочтениями дипломатического ритуала: Harriet RUDOLPH, *The Material Culture of Diplomacy. The Impact of Objects on the Dynamics of Habsburg-Ottoman Negotiations at the Sublime Porte*, Innsbrucker Historische Studien, 29. Band, Politische Kommunikation zwischen Imperien. Der diplomatische Aktionsraum Süd- und Osteuropa, Innsbruck – Wien – Bozen 2013, I стр. 211-240. Штольберг-Риллингер внесла весомый вклад в изучение политических ритуалов раннего нового времени: Barbara STOLLBERG-RILLINGER – Matthias PUNLE – Jutta GÖTZMANN – Gerd ALTHOFF (ред.), *Spektakel der Macht. Rituale um alten Europa 800 – 1800*, Darmstadt 2008. Более широкий взгляд на проблему бросает работа Edward MUIR, *Ritual in Early Modern Europe*, Cambridge 1997.

⁶⁴ Владимир САВВА, *Московские цари и византийские василевсы*, Харьков 1901.

⁶⁵ Ирина МИХАЙЛОВА, «И здесь сошлись все царства...»: *Очерки по истории государева двора в России XVI в.: повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности*, Санкт-Петербург 2010.

⁶⁶ Помимо уже упомянутой книги Юзефовича «Путь посла» отмечу работу: Леонид ЮЗЕФОВИЧ, «Как в посольских обычаях ведётся...»: *Русский посольский обычай конца XV – начала XVII века*, Москва 1988.

⁶⁷ Л. ЮЗЕФОВИЧ, *Путь*, стр. 303-305.

С таких позиций к царскому и имперскому церемониалам, в частности, подошли Клаудиа Гарнье⁶⁸ и Ян Хеннингс. Последний исследует ритуал как систему связей между «куртуазной Европой», которая создала «образ иного» из «варварской Московии». ⁶⁹ Это же культурное отчуждение и взаимовосприятие русских и европейцев стало темой ещё двух важных монографий. Маршалл По провёл глубокий анализ дискурсов русской *terra incognita*, предполагаемого русского варварства и тирании. ⁷⁰

Интересные историко-культурологические соображения о ритуале путешествий имперского двора высказала Харриет Рудольф⁷¹: церемониал появления императора на аудиенциях и его отражение в сознании рудольфинской эпохи – важная точка отсчёта для сравнения европейских придворных нравов с совершенно иными, русскими. Но вместе с тем в империи глубокое идеологическое наполнение этого церемониала было столь же важной частью политического процесса, как и в Москве. Трудностями культурно-политического и практического порядка, с которыми дипломаты императоров сталкивались на Востоке, включая и Россию, занимался Ян Пауль Нидеркорн. ⁷² Отдельно стоит сказать о застольных ритуалах в империи и чешских землях в частности; исследовать этот фактор в данной работе было бы сложно без обобщающей монографии Йозефа Хрдлички о застольной культуре раннего нового времени. ⁷³

Отражение образа Московии в зарождающейся европейской печати и путевых документах немцев – ещё одна перспективная тема. ⁷⁴ Среди специальных работ о воззрениях европейских авторов и новостных изданий на Россию и действия печатной пропаганды

⁶⁸ Claudia GARNIER, „Welcher massen die Potschafften emphanen und gehalten werden“. *Diplomatisches Zeremoniell und Ritualpraxis am Moskauer Hof aus der Perspektive westlicher Gesandter im 16. und frühen 17. Jahrhundert*, in: Peter BURSCHEL – Christine VOGEL (ред.), *Die Audienz. Ritualisierter Kulturkontakt in der Frühen Neuzeit*, Köln – Weimar – Wien 2014, стр. 57-80, а также Claudia GARNIER, „Wer meinen Herr ehrt, den ehre ich billig auch.“ *Symbolische Kommunikationsformen bei Gesandtenempfangen am Moskauer Hof im 16. und 17. Jahrhundert*, *Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte* 7, 2005, стр. 27-51.

⁶⁹ Jan HENNINGS, *Russia and the courtly Europe: ritual and the culture of diplomacy, 1648-1725*, Cambridge 2016. Хотя исследование писалось на несколько более позднем материале (1648-1725), многие базовые дискурсы и обычаи, которые рассматривает Хеннингс, оказались вполне применимы и к концу 16 столетия.

⁷⁰ Marshall T. POE, „A People Born to Slavery“: *Russia in Early Modern European Ethnography, 1476-1748*, Ithaca – London 2000.

⁷¹ Harriet RUDOLPH, *Das Reich als Ereignis. Formen und Funktionen der Herrschaftsinszenierung bei Kaisereinzügen (1558–1618)*, Köln 2011.

⁷² Jan Paul NIEDERKORN, *Gesandte – Vermittler – Schwindler. Von der Schwierigkeiten diplomatischer Kontakte mit orientalischen und osteuropäischen Mächten in der frühen Neuzeit*, *Östeuropäische Osthefte* 37, 1995, стр. 863-878.

⁷³ Josef HRDLIČKA, *Hodovní stůl a dvorská společnost. Strava na raně novověkých aristokratických dvorech v českých zemích (1550-1650)*, České Budějovice 2000.

⁷⁴ В первую очередь, укажу на сборники Friedhelm Berthold KAISER – Bernard STASIEWSKI (ред.), *Reiseberichte von Deutschen über Russland und von Russen über Deutschland*, Wien 1980, а также Hans ROTHE (ред.), *Deutsche in Russland*, Wien 1996. В чешской историографии тоже ведётся изучение эго-документов дипломатов, посещавших Россию, например Marie RYANTOVÁ, *Z Čech až do Konstantinopole a Moskvy. Neznámý štambuch téměř neznámého šlechtice Jana Rejcharta ze Štampachu z let 1589 až 1610*, *Studie o rukopisech*, Praha: Masarykův ústav a Archiv Akademie věd ČR, v. v. i., 2014, стр. 201-270.

детальностью выделяется уже упомянутая книга Андреаса Каппелера.⁷⁵ Хорошо известна крупная работа Зденека Шимечка, который подробно рассмотрел становление новостного и газетного дела на чешском материале.⁷⁶ А Катержина Пражакова и Инге Ауэрбах проанализировали восприятие Московии в Восточной Европе, в том числе на материале Ливонской войны, её отражении в периодической печати и рукописных газетах дворянства чешских и немецких земель, и степень их стереотипизации.⁷⁷

Весьма интересную работу о том, как русский посольский ритуал действовал в симфонии с архитектурой и живописью царских покоев Кремля представил Дэниел Роулэнд, отозвавшийся о контрапункте этих средств как об эффективном, выгодном орудии политической и культурной пропаганды.⁷⁸ Историография США дала ещё одну интересную работу о том, как ритуалы отражали государственную мифологию России.⁷⁹ Ричард Уортмэн изучил ритуалы русского царизма и то, как через них преломлялись политические мифы, и сделал вывод о ритуале как о ключевом средстве саморепрезентации Романовых. (К сожалению, на Рюриковичей этот подход автором распространён не был, но метод Уортмэна переносится и на них).

«Ответных» российских исследований, о восприятии москвитями Европы, несколько меньше, в том числе благодаря меньшему уровню подобной рефлексии в самом русском обществе 16 века. Не вполне ясно, например, как воспринимались в Московии титулы иностранных государей и как они соотносились с русской титулатурой, хотя ритуалам именованию и посвящена прекрасная, глубокая монография Бориса Успенского и ряд других работ.⁸⁰ Правда, в чешской историографии эти ритуалы, история и символика королевских и кайзеровских титулов удостоились ещё меньшего внимания: специальных монографий на эту тематику пока не написано.

Феномен иноземцев-протестантов в России ещё в конце 19 века первым обстоятельно изучил Дмитрий Цветаев в своём труде на стыке краеведения, истории религии и истории

⁷⁵ Andreas KAPPELER, *Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes*, Bern-Frankfurt am Mein 1972.

⁷⁶ Zdeněk ŠIMEČEK, *Počátky novinového zpravodajství a novin v českých zemích*, Brno 2011.

⁷⁷ Kateřina PRAŽÁKOVÁ, *Obraz Polsko-litevského státu a Ruska ve zpravodajství české šlechty (1450-1618)*, České Budějovice 2015, и Inge AUERBACH, *Russland in deutsche Zeitungen (16. Jahrhundert). Auszüge aus Russlandschriften der Zeit Iwans IV.*, in: Mechtild KELLER (ред.), *Russen und Russland aus Deutscher Sicht 9. – 17. Jahrhundert*, München 1985, стр. 183-205. Общим аспектам возникновения и развития периодики посвящён важный труд Zdeněk ŠIMEČEK, *Počátky novinového zpravodajství a novin v českých zemích (do devadesátých let 18. století)*, Brno 2011.

⁷⁸ Daniel ROWLAND, *Architecture, Image and Ritual in the Throne Rooms of Muscovy, 1550-1560: A Preliminary Survey*, in: Chester S. L. DUNNING – Russell E. MARTIN – Daniel ROWLAND (ред.), *Rude & Barbarous Kingdom Revisited: Essays in Russian History and Culture in Honour of Robert O. Crummey*, Bloomington 2008, стр. 53-71.

⁷⁹ Richard S. WORTMAN, *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*, Princeton 1995.

⁸⁰ Борис УСПЕНСКИЙ, *Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов*, Москва 2000.

повседневности, доказав их неожиданно широкое расселение в Москве.⁸¹ Правовому положению немцев в России и их восприятию как представителей иной веры, культуры и подданства посвящена монография Сергея Орленко. Он указал на двойственную природу восприятия русскими иностранцев: их приветствовали как специалистов, и в то же время могли жёстко ограничивать в правах как «еретиков».⁸² Наталия Казакова изучила сведения о Западной и Центральной Европе в русской письменности, признав степень осведомлённости московских элит о делах в европейских государствах, и в империи в частности, весьма высокой и объективной, а интерес к ним – сильным.⁸³

Российские исследователи часто указывают на популярный в 16 веке русский дискурс духовно-нравственного преимущества над иноземцами, который порой демонстративно преподносился иностранным дипломатам. Книжники и представители русских элит воспринимали фигуру своего царя сакральной, с чертами первосвященника, стоящей выше европейских правителей, а православную веру считали единственно истинной. Но если высокое положение «священного царя» европейцы замечали и принимали,⁸⁴ то о религиозности русских, наоборот, часто отзывались как о поверхностной.⁸⁵

Отдельный пласт литературы посвящён механизмам формирования идентичности и инаковости и социальной стереотипизации как таковым. Среди нестареющих работ, которые положили начало изучению этой проблематики, стало знаменитое «Общественное мнение» Уолтера Липпмана.⁸⁶ Раздел книги, посвящённый формированию, категоризации и выявлению стереотипов в общественном сознании, следует признать наиболее актуальным для данной диссертации. Хотя книга Липпмана в известной мере претендует на универсальность, она не всегда годится для работы с социальной психологией 16 столетия: всё же автор исходил из современных ему

⁸¹ Дмитрий ЦВЕТАЕВ, *Протестанты и протестантство в России до эпохи преобразований*, Москва 1890, стр. 249. Столь же известна обзорная работа о динамике русско-европейских культурных связей и духовном влиянии и миграции европейцев в Россию как об истоках реформ Петра I: Сергей ПЛАТОНОВ, *Москва и Запад в XVI – XVII веках*, Москва 1925.

⁸² Сергей ОРЛЕНКО, *Выходцы из Западной Европы в России XVII века: правовой статус и реальное положение*, Москва 2004, стр. 266.

⁸³ Н. КАЗАКОВА, *Западная Европа*, стр. 258. Тема отчасти развита и в другом труде автора: Наталья КАЗАКОВА, *Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV - начало XVI в.*, Ленинград 1975. Смежную тему – поиск русских источников европейской московитике и их значительное влияние на труды Яна Длугоша, Матвея Меховского, Сигизмунда Герберштейна и даже Джона Мильтона, изучила работа, до сих пор актуальная: Юрий ЛИМОНОВ, *Культурные связи России с европейскими странами в XV – XVII веках*, Ленинград 1978.

⁸⁴ Татьяна ЧУМАКОВА, *Царская власть в России глазами иноземцев (XVI-XVII вв.)*, in: Сергей ОРЛЕНКО (ред.), *Иноземцы в России в XV – XVII веках: сборник материалов конференций 2002-2004 годов*, Москва 2006, стр. 207-214.

⁸⁵ Людмила СУКИНА, *Русский человек и его православная вера глазами европейцев (вторая половина XVI - XVII век)*, in: Сергей ОРЛЕНКО (ред.), *Иноземцы в России в XV – XVII веках: сборник материалов конференций 2002-2004 годов*, Москва 2006, стр. 215-225.

⁸⁶ Уолтер ЛИППМАН, *Общественное мнение*, Москва 2004.

политических структур, ритуалов и ментальностей. Да и само понятие «общественное мнение» в той форме, какую ему придаёт Липпман, в раннее новое время могло существовать весьма условно; всё это не помешало, однако, «Общественному мнению» породить волну литературы о стереотипах, предрассудках и дискриминации на стыке психологии, истории, социологии и теории коммуникации.⁸⁷

Что касается 16 столетия и Центральной и Восточной Европы, то здесь столкновением менталитетов, идеологий и идентичностей занимались, в первую очередь, Андреас Каппелер⁸⁸ и Карл Воцелка.⁸⁹ Швейцарец Каппелер, изучив Ивана IV в зеркале пропаганды своего времени, пришёл к выводу, что именно новостные издания и памфлеты сыграли ключевую роль в складывании образа Грозного в Европе. Интересно у Каппелера и наблюдение, что воззрения европейцев на Московию испытали влияние литературы о турках (оба восточных соседа империи, таким образом, выглядели равно «иными», азиатами) – тезис, который автор, увы, решил не развивать в рамках монографии, как и вопрос о том, насколько пропагандистские материалы влияли на политические решения империи относительно «Московита».

Карл Воцелка взял более широкую тему, обозрев систему политической пропаганды времён правления Рудольфа II как одно целое. Автор убедительно показал, как императорские стратеги использовали современную рукописную и печатную прессу как инструмент репрезентации и повышения престижа монарха; стоит отметить и мнение Воцелки о том, что Рудольф II, вопреки установившемуся мнению, был способным и энергичным правителем как минимум на турецком направлении. Для этой диссертации труд Воцелки имел то большое значение, что показал работу механизмов пропаганды и саморепрезентации, и то, как они видоизменяли и использовали информацию о дипломатических сношениях императоров с соседями, включая Московию.

Интересные наблюдения о различии в менталитете русских при царском режиме и европейцев сделал Ричард Пайпс, который, впрочем, отводит географическим и

⁸⁷ Отдельно отмечу David SCHNEIDER, *The Psychology of Stereotyping*, New York 2005, и классическую работу о социальных предрассудках и категорическом мышлении Gordon ALLPORT, *The Nature of Prejudice*, Cambridge 1954. В чешской научной среде обращают на себя внимание недавние работы по теме идентичности: Lud'a KLUSÁKOVÁ, *Prostředí a identita*, in: Karel KŘÁL (ред.), *Obraz druhého v historické perspektivě II*, AUC, Philosophica et Historica, Studia Historica 52, 2003, стр. 59-77; L. KLUSÁKOVÁ – M. KŘÍŽOVÁ – K. KUBIŠ – M. REZNÍK – D. TINKOVÁ, *Namísto úvodu*, стр. 14-19 и Lud'a KLUSÁKOVÁ – Hana SOBOTKOVÁ, *Oriental or European Identity? Modernization and Balkan Towns in Czech popular discourse*, in: Lud'a KLUSÁKOVÁ (ред.), „We“ and „The Others“. *Modern European Societies in Search of Identity*, AUC, Philosophica et Historica, Studia Historica 53, 2004, стр. 131-151.

⁸⁸ Andreas KAPPELER, *Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschrift en seiner Zeit; ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes*, Bern, 1972.

⁸⁹ Karl VOCELKA, *Die politische Propaganda Kaiser Rudolfs II. (1576–1612)*, Wien 1981.

социально-экономическим факторам, особенно вотчинному хозяйству, большую роль в формировании этим различиям, чем социокультурным или психологическим.⁹⁰ Описывая различия во взаимном восприятии русских и европейцев, Пайпс уделяет немало внимания разнице религиозных обрядов и теологических постулатов православия, католичества и протестантизма.

Подытоживая историографию ритуала и взаимного образа, отмечу два обстоятельства. Во-первых, она изобилует белыми пятнами: отдельные аспекты русского церемониала остаются неизученными и не сопоставляются с европейскими аналогами, а впечатление от ритуала самих иностранных послов не приводятся. Во-вторых, подавляющий массив литературы о русско-имперской дипломатии освещает 14-15 века либо 17 век, уже гораздо более богатый московскими посольскими источниками в Европе. 16 век на этом фоне остался менее изученным.

I. 4. Историография Ливонской войны

Затяжной конфликт на берегах Балтики стал ключевым политическим событием Восточной Европы второй половины 16 столетия. Он стал важным фактором повестки имперско-московской дипломатии и восприятия москвитов имперскими современниками. В этом качестве война и будет затронута в данной диссертации. Ряд имперских миссий в Кремль были почти целиком посвящены выяснению позиций Москвы и попыткам прекращения военных действий. В развитой и многоплановой историографии конфликта выделяются следующие основные направления: история боевых действий, армий, политических структур, отдельных участников, история внешней политики и дипломатии конфликта, и наконец, Ливонская война в оценке современников, пропаганде и общественной мысли.

Этот конфликт пока остаётся на периферии интересов чешских историков, хотя есть как обобщающие труды с анализом роли войны в истории региона, например, пера Лубоша Швеца и соавторов, так и перспективные работы по ряду аспектов этой темы.⁹¹ В западноевропейской историографии предпосылки и начальный период конфликта подробно проанализировали Эрих Доннерт,⁹² Эрик Тибберг⁹³ и Уолтер Киршнер,⁹⁴ причём

⁹⁰ Ричард ПАЙПС, *Россия при старом режиме*, Москва 2012.

⁹¹ Luboš ŠVEC – Vladimír MACURA – Pavel ŠTOL, *Dějiny pobaltských zemí*, Praha 1996. Отмечу и работу Robin ČORNEJ, *Antonio Possevino a jeho zprostředkovatelská mírová mise* (diplomová práce), Brno 2008.

⁹² Erich DONNERT, *Der Livländische Ordenstritterstaat und Russland. Der Livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583*, Berlin 1963.

последний кладёт в основу балтийского вопроса торговое соперничество Московии, Швеции, Дании и Польши.

Усиление России, отчасти «перетянувшей на себя» региональную гегемонию Швеции на Балтике, исследовал Дэвид Кирби.⁹⁵ Рассматривая «балтийский мир», подобно Средиземноморью у Броделя, как единое целое в динамике трех столетий, он вписал Московию в культурный и политический контекст Северной Европы как наследницу Швеции, ушедшего с арены регионального гегемона. Ливонская война в более узком контексте, с позиций политики и дипломатии Священной Римской Империи стала темой монографии Джейсона Лэвери.⁹⁶

Политику Ивана Грозного на оккупированных землях и московитское правление в Ливонии пока что рассмотрела единственная специальная работа Норберта Ангерманна,⁹⁷ тогда как в более общем контексте русско-польско-ливонских связей темой занимался Теодор Шиманн.⁹⁸ Роберт Фрост в своей классической монографии⁹⁹ подробно рассматривает Ливонскую войну преимущественно с военно-политической точки зрения, но только как один конфликт в цепи «северных войн», где поражение Ивана Грозного имело лишь преходящее значение.

Русская историография долго оставляла в тени Ливонскую войну как одну из многих внешнеполитических проблем раннего нового времени, но в итоге внесла видный вклад в разработку темы. Николай Костомаров, с опорой на немецких и ливонских хронистов, в меньшей степени – на русские летописи и хронографы, называет причиной войны завоевательное расширение Московии и «инерцию экспансии», а не прорыв к Балтике ради торговли.¹⁰⁰ Повествование доводится до 1562 года, то есть, проанализирован лишь первый этап войны, удачный для Ивана IV.

Рассмотрение Ливонской войны не в узком военно-политическом контексте, а в широкой парадигме «балтийского вопроса» утвердится в русской историографии только к концу 19

⁹³ Erik TIBERG, *Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges: Die Beziehungen zwischen Moskau und Litauen 1549–1562*, Uppsala 1984.

⁹⁴ Walther KIRCHNER, *The rise of the Baltic question*, Westport 1970.

⁹⁵ David KIRBY, *Northern Europe in the Early Modern Period: The Baltic World. 1492–1772*, London, New York 1990.

⁹⁶ Jason LAVERY, *Germany's Northern Challenge: the Holy Roman Empire and the Scandinavian Struggle for the Baltic, 1563-1576*, Boston, Leiden 2002.

⁹⁷ Norbert ANGERMANN, *Studien zur Livländpolitik Ivan Groznyj's*, Marburg 1972.

⁹⁸ Theodor SCHIEMANN, *Russland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert*, Berlin 1887. Общий обзор истории балтийского региона предпринял Wittram REINHARD, *Baltische Geschichte - Die Ostseelände - Livland Estland Kurland 1180-1918*. Darmstadt 1973.

⁹⁹ Robert FROST, *The Northern Wars: War, State and Northeastern Europe: 1558–1721*, Edinburgh 2000.

¹⁰⁰ «Московия возникла захватами – правило, какими средствами государство основывается, такими и держится, приложимо и к ней»: Н. КОСТОМАРОВ, *Ливонская война*, стр. 48.

столетия. Первым воплощением этого подхода стала классическая монография Георгия Форстена.¹⁰¹ На Ливонскую войну он смотрит лишь как на первую стадию решения вопроса об обладании Балтикой, который на столетия predetermined историческое развитие участников, сначала лишь через столкновение культурных и торговых интересов, а затем и политических. Причём из всех держав региона спорный выход к морю был жизненно важен, по Форстену, лишь для Московии и Польши.¹⁰²

Такая парадигма требовала углублённого и обширного изучения европейской политики, а также религиозных и династических конфликтов. Подробное описание подготовки к войне и её дипломатического сопровождения дал Константин Бестужев-Рюмин. Он видел в войне главное свершение Грозного, который перехватывал у Ливонии торговые связи с Европой, и лишь затем стремился к территориальным захватам.¹⁰³ Выиграть Московия не могла из-за внутренней слабости, нашествий татар и отсутствия у Грозного таланта дипломата и полководца. Едва эти факторы исчезли, Пётр I решил задачу.¹⁰⁴ Аналогичные причины войны приводил и Сергей Соловьёв: Москва видела в Ливонии и плацдарм для прорыва на Запад, и легкую добычу,¹⁰⁵ тогда как Василий Ключевский делал акцент на борьбе за торговлю.¹⁰⁶ Витольд Новодворский изучил заключительный период Ливонской войны, 1570-1582 годы через призму противостояния России и Польши. Среди итогов войны он назвал усиление Польши при истощении экономического потенциала России, и то и другое усугубило Смуту.¹⁰⁷

Советская историография внесла скромный и уже обесценившийся вклад в разработку темы: единственная её работа о войне не выходила за пределы марксистской методологии и сталинистской апологии Грозного. Она рассматривала конфликт как столкновение Руси с собирательным враждебным Западом из-за жизненно важной балтийской торговли.¹⁰⁸ В постсоветское время конфликт «Россия vs Европа» уже не в политико-идеологической, а в цивилизационно-культурной плоскости присутствует и в куда более значимых трудах

¹⁰¹ Этот подход отразился, в частности, в следующих работах: Георгий ФОРСТЕН, *Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544-1648)*, том 1, Санкт-Петербург 1893; Александр БАШМАКОВ, *Балтийский вопрос*, Ревель 1894.

¹⁰² Г. ФОРСТЕН, *Балтийский вопрос*, стр. 717.

¹⁰³ Константин БЕСТУЖЕВ-РЮМИН, *Русская история*, том 2. Санкт-Петербург 1885, стр. 230-233. Автор указывает и на политический фактор: уничтожение «давнего врага России», Ливонского ордена, и захват его территории были необходимы, так как иначе земли ордена достались бы враждебным соседям Московии.

¹⁰⁴ *Ibidem*, стр. 319.

¹⁰⁵ Сергей СОЛОВЬЁВ, *История России с древнейших времён*, Москва 2005, стр. 215.

¹⁰⁶ Василий КЛЮЧЕВСКИЙ, *Русская история. Полный курс лекций*, Москва 2005, стр. 297.

¹⁰⁷ Витольд НОВОДВОРСКИЙ, *Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою*, Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-петербургского университета, Санкт-Петербург 1904, стр.303, а также: Витольд НОВОДВОРСКИЙ, *Ливонский поход Ивана Грозного*, Москва 2010.

¹⁰⁸ Владимир КОРОЛОК, *Ливонская война*, Москва 1954.

Александра Филюшкина.¹⁰⁹ На стыке историографии и источниковедения, культурной антропологии, военной истории и истории ментальностей он пишет историю не только битв и дипломатии, но и восприятия войны с 16 века до наших дней.

Филюшкин оспаривает догму о многовековой битве за Балтику, указывая: и до, и после столкновения выход к морю у Московии был. Саму же Ливонскую войну он считает историографическим конструктом, предпочитая рассматривать её как цепь связанных конфликтов. Резюмируя историографию войны на Балтике в 16 века, надо признать её достаточно богатой и развитой для целей данной диссертации, хотя и с обилием белых пятен. При этом европейской историографии, как представляется, ещё предстоит уделить больше внимания самому этому конфликту и разным аспектам его отражения в культуре и мировоззрении европейцев и русских раннего нового времени.

I. 5. Грозноеведение как проблема: историография правления Ивана IV и Бориса Годунова

Невозможно изучать дипломатию Московского государства и его оценки иностранцами, не составив представление о его историческом развитии и элитах, в первую очередь, о правителях. Здесь возникает необходимость бросить взгляд на Ивана IV (1530-1584, правил с 1533 года). Ни один правитель не устаивался в русской историографии таких противоречивых оценок, как он. Можно даже говорить о целой области исторических и междисциплинарных исследований – грозноеведении,¹¹⁰ которое изучает личность и правление Ивана IV, часто с оценкой роли царя в истории. Фигура Грозного интересует и европейских исследователей, во многом из-за начатой им Ливонской войны, перевернувшей политический ландшафт северо-востока Европы. Для целей данной работы важно разобраться в вопросе о связи личности и политики Грозного. Во-первых, с середины 1570-х годов Иван IV остался единственным архитектором московской внешней политики, включая и сношения с Габсбургами. Во-вторых, агрессия в Ливонии и террор в

¹⁰⁹ Александр Филюшкин, *Иван Грозный против Европы: Ливонская война глазами современников и потомков*, Санкт-Петербург 2013, а также Александр Филюшкин, *Изобретая первую войну России и Европы: балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков*, Санкт-Петербург 2013. Свежий взгляд на балтийский конфликт, во многом с позиции Великого Княжества Литовского, предпринят и в работе: Андрей Янушкевич, *Ливонская война 1558–1570 гг. и Великое княжество Литовское*, Минск 2013.

¹¹⁰ Термин «грозноеведение» далеко не устоялся в исторической науке, но в этой работе используется по следующим причинам. Во-первых, он описывает вполне конкретную историческую проблематику раннего нового времени в истории России, и в этом качестве очень удобен. Во-вторых, в русской историографии успел накопиться обширный массив литературы о жизни и деятельности Ивана IV, принадлежащий выраженным, преемственным, взаимосвязанным и полемизирующим друг с другом историографическим течениям. Следовательно, грозноеведение стало важным и существенным направлением русской исторической мысли.

Московии сыграли ключевую роль в закреплении образа царя как дикого тиранствующего «Московита», квинтэссенции Московии, и соответственно, дискурсов русского варварства, тиранства и рабства в европейском массовом сознании.

Исходя из оценки личности и правления Ивана IV, в грозноведении можно выделить апологетическое, критическое и объективистское течения – конечно, условные.¹¹¹ В парадигме политической позитивистской «истории правлений» они изучали проблемы, которые сводятся в четыре столь же условных группы. В первую очередь, это личность Грозного как ключ к русской истории 16 века. Отсюда интерес к характеру и патологии психики царя, к его религиозности и церковно-политическим взглядам. На стыке истории и медицины возникло и психиатрическое течение,¹¹² объяснявшее террор Ивана тяжёлой паранойей. Оно не вписывало деяния царя в исторический контекст и развития не получило, но весь 19 век общим местом у историков были такие характеристики Грозного: «маньяк»,¹¹³ «зверь»,¹¹⁴ «полупомешанный»,¹¹⁵ «коронованный психопат».¹¹⁶

Во-вторых, это внутренняя политика и завоевания: реформа монархической централизации власти, борьба против татар и взятие Казани и Астрахани. К середине 19 века возникает интерес к становлению служилого дворянства, закреплению крестьян и социальным конфликтам. Третий пласт — опричнина и террор, который часто выделяется в независимую линию исследований. Наконец, это внешняя политика Московского царства, в первую очередь Ливонская война.

Взаимосвязь личности и внутренней политики Ивана IV подчёркивал отец русской историографии Николай Карамзин, негласный основатель объективистского течения. Он ценил усилия царя по централизации самодержавной власти, его законодательные, судебные и административные реформы, победы над татарами и колонизацию Сибири.¹¹⁷ Карамзин активно изучал и опричнину, причём в основном её террор, а не земельно-административную реформу. В нём он видел бесцельный и бесплодный акт, не связанный с борьбой против реальной оппозиции.¹¹⁸

¹¹¹ Подробнее Vladimir PANOVA, *Ivan the Terrible in the Russian Historiography of the 19th-21st Centuries: Problems, Methodology, Opinions*, Opera historica 1 (18), 2019, стр. 83-105.

¹¹² Пример такого подхода являет психиатр и одновременно историк Павел Ковалевский, *Иоанн Грозный и его душевное состояние*, Психиатрические эскизы по истории, том 3. Санкт-Петербург 1901.

¹¹³ Николай Михайловский, *Критические опыты*, Санкт-Петербург 1887, том 1, стр. 112.

¹¹⁴ Николай Карамзин, *История государства российского*, Москва 2016, стр. 1190.

¹¹⁵ Николай Костомаров, *Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей*, Москва 1995, стр. 378.

¹¹⁶ Александр Кизеветтер, *Иван Грозный и его оппоненты*, Москва 1898, стр. 5.

¹¹⁷ Н. Карамзин, *История*, стр. 1191.

¹¹⁸ Ibid., стр. 1074.

Карамзину возражал основатель апологетической линии Константин Кавелин: Иван IV заложил основу развития России, борясь с боярско-княжеской верхушкой, тормозившей самодержавие, и с польским влиянием на северо-западе.¹¹⁹ Опричный террор поэтому выглядит у Кавелина бесплодным, но не бесцельным. Новшеством стал призыв Кавелина освещать царствование Грозного в общем контексте политики московского княжеского дома, видеть в царе проводника идеи самодержавия.¹²⁰

Отделить репрессии от других деяний Ивана IV сумел Сергей Соловьёв, родоначальник «государственной школы» и явный объективист. Личность царя интересует историка меньше, чем историческое содержание его правления – завершение перехода от родового строя к самодержавию. Отсюда акцент на реформах управления и на завоевании Казани и Астрахани, которое названо в числе главных достижений Грозного. Оно обретает у Соловьёва и внешнеполитическое звучание в европейском контексте как победа над мусульманством, триумф всей Европы, «шедшей под христианским знаменем государя московского».¹²¹ Террор для Соловьёва и его последователей не был пустым кровопролитием: Иван IV, считал он, опирался на народ в борьбе с боярством, мешавшим России на пути к самодержавию.¹²² У царя был не выдуманный, а реальный враг, с которым, однако, тот боролся ужасными методами. Опаснее был не сам террор, а его плоды: попытка ликвидировать княжеско-боярскую верхушку подорвала социальные институты, связи и мораль русского общества. Итог – катастрофа Смуты.¹²³

К психопатологии Ивана IV возвращается критическое течение грозноведения, которое заложил Михаил Погодин: реформы царя были идеей и делом окружения царя, но не его самого – предположительно, мятущегося садиста, чья психика не выдержала детского одиночества, боярских унижений и зрелищ насилия.¹²⁴ «Критики» объявляли Грозного ненужной и даже фатальной фигурой русской истории: незавершённые реформы, Ливонская война и террор у них прямо вели к Смуте. В тематическом плане критическое течение часто игнорировало дипломатию и внешнюю политику, делая упор на опричнине и репрессиях. Системный психологизм на стыке критики и объективизма отличает работы

¹¹⁹ Это эхо официальной и религиозной публицистики 17-18 веков: Константин КАВЕЛИН, *Мысли и заметки о русской истории*, Санкт-Петербург 1904, стр. 640.

¹²⁰ Это подметил А. КИЗЕВЕТТЕР, *Иван Грозный*, стр. 6-8

¹²¹ Сергей СОЛОВЬЁВ, *История России с древнейших времён*, том 6, Москва 2001, стр. 57.

¹²² Концепцию Соловьёва критически анализирует и развивает А. КИЗЕВЕТТЕР, *Иван Грозный*, стр. 15.

¹²³ С. СОЛОВЬЁВ, *История*, том 6, стр. 207.

¹²⁴ Неслучайно самая подробная и обсуждаемая в то время работа Погодина о Грозном связана именно с личностью и характером царя: Михаил ПОГОДИН, *О характере Ивана Грозного*, in: Михаил ПОГОДИН, *Историко-критические отрывки*, Москва 1825.

Василия Ключевского. Он раскрыл психологическую подоплёку деяний Грозного в контексте политической, социальной и духовной истории.

Для целей же данной работы важнее, что Ключевский первым систематизировал и разносторонне изучил новый массив источников – рассказы иностранцев.¹²⁵ В целом Иван IV у него не выдающийся государственный муж, а лишний персонаж для становления русской государственности.¹²⁶ Опричнина, «выводя крамолу, вводила анархию»¹²⁷ и не решала никаких задач, но расколола и истощила страну, приведя к Смуте. Критическое грозноеведение иссякло к 20 веку на работах Николая Костомарова. Тот видел в Грозном лишь жертву психических травм детства, которые определили всё его правление.¹²⁸

Европейско-американское грозноеведение далеко уступает российскому по массиву исследований. Выявить здесь какие-либо течения не удалось, несмотря на наличие ряда основательных монографий, дающих свежий взгляд на одну из ключевых фигур русской истории.¹²⁹ В последние годы оно тематически обогащается, и здесь также делаются попытки осмыслить не только роль Грозного в истории России и Европы, но и его отражение в массовом сознании 16 века и современности.¹³⁰

Что касается русской историографии Бориса Годунова,¹³¹ здесь над внешней политикой доминируют внутривнутриполитические сюжеты – введение патриаршества и крепостного права. Среди причин и военная пауза в преддверии Смуты, и миролюбие Годунова. Борис

¹²⁵ Василий Ключевский, *Сказания иностранцев о Московском государстве*, Москва 2012. На религиозности русских в отражении иностранцев сосредоточился его современник Лев Рущинский, *Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков*, Москва 1871. За исключением некоторой тенденциозности в отношении католических авторов, книга служит непревзойдённым до сих пор по полноте анализом свидетельств чужеземцев о русской церкви и религиозности.

¹²⁶ Иван IV у Ключевского – и первый, и «лишний» царь: «Жизнь Московского государства и без Ивана устроилась бы так же, как она строилась до него и после него. Но без него это устройство пошло бы легче и ровнее, чем оно шло при нём и после него»: Василий Ключевский, *Полный курс лекций по русской истории*. Москва 2005, стр. 311.

¹²⁷ Ibid., стр. 304

¹²⁸ Н. КОСТОМАРОВ, *Русская история*, стр. 327.

¹²⁹ Речь в первую очередь о свежем взгляде на террор и походы против татар, которые немецкая историография склонна рассматривать как череду внешнеполитических аннексий. Отметим работы Hans von ESKARDT, *Iwan der Schreckliche*, Frankfurt am Main 1947; Erich DONNERT, *Russland an der Schwelle der Neuzeit. Der Moskover Staat im 16. Jahrhundert*, Berlin 1972, а также Erich DONNERT, *Iwan Grosny „der Schreckliche“*, Berlin 1980, и не в последнюю очередь Andreas KAPPELER, *Russland als Vielvölkerreich. Entstehung. Geschichte*. München 1992.

¹³⁰ Maureen PERRIE, *The Image of Ivan the Terrible in Russian Folklore*, Cambridge 1987 а также Maureen PERRIE, *The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia (Studies in Russian and Eastern European History and Society)*, New York 2001.

¹³¹ С 1584 боярин и шурин царя Годунов был одним из регентов при Фёдоре, неспособном к правлению, а с 1585 стал фактическим правителем России. В 1598 избран царём, правил до внезапной смерти в 1605 году.

победил Швецию, но не использовал это во внутривнутриполитических целях без прочной опоры среди бояр – концепция, которую развивал ещё Карамзин.¹³²

Сдержанность Годунова во внешней политике помогла отсрочить Смуту на пятнадцать лет – этот постулат стал общим местом в историографии с подачи Костомарова.¹³³ Миролюбие не мешало Борису быть энергичным дипломатом, который расширял международные связи Москвы, завязал отношения с Персией и привлекал иностранных специалистов, что особо подчеркивал Соловьёв.¹³⁴ Развитые европейские устремления Годунова акцентирует его апологет Сергей Платонов: Борис у него сторонник европейских культурных связей, не боявшийся крепить связи с империей и Англией в интересах развития России, хотя и недостаточно последовательно.¹³⁵ Повышению статуса Московского государства должно было служить и патриаршество: по образцу Византии, светская власть царя, в цезарепапистском духе, дополнялась властью политически несамостоятельного патриарха, а заодно Москва формально закрепляла свой статус «Третьего Рима».¹³⁶

Внешнюю политику и торговые связи правительства Годунова, главным образом с Речью Посполитой, полно рассмотрел Борис Флоря.¹³⁷ Он доказывал: выход к Балтике стал главной внешнеполитической задачей, которую Москва решала вплоть до польско-литовской интервенции. Политика Московии не была антипольской, хотя именно Польша и Швеция путём дипломатии и военного давления помешали тогда Москве добиться выхода к Балтике. В итоге разлад между царством и Польшей в пору Смуты, вылившийся в польскую интервенцию, надолго породил шведскую гегемонию на Балтике.¹³⁸

Подытоживая историографию габсбургско-московских связей и взаимных воззрений и посольского ритуала России, надо сказать, что в ней успел накопиться богатый источниковый материал, впрочем, обработанный далеко не полностью и на минувших этапах развития исторической науки, включая главным образом позитивистский и в меньшей мере марксистский. Но нельзя не отметить, что содержание отдельных имперских дипломатических миссий в Москву относится к числу наименее изученных

¹³² Н. КАРАМЗИН, *История*, стр. 1351.

¹³³ Н. КОСТОМАРОВ, *Русская история*, стр. 302.

¹³⁴ С. СОЛОВЬЁВ, *История*, том 8, стр. 19, 28.

¹³⁵ Сергей ПЛАТОНОВ, *Борис Годунов*, Санкт-Петербург 2010, стр. 77-84. Культурные и идеологические аспекты этой проблематики в последнее время разрабатывались в сборнике работ Pavel VOŠEK (ред.), *Moskva – Třetí Řím. Od ideje k symbolu*, Praha 2019.

¹³⁶ *Ibidem*, стр. 105.

¹³⁷ Борис ФЛОРИЯ, *Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII века*, Москва 1973.

¹³⁸ *Ibidem*, стр. 210.

проблем в этой области. В меньшей степени это касается посольских практик Московии и восприятия москвитов иностранцами, хотя и здесь видно множество белых пятен, ликвидировать которые отчасти попытается данная работа.

II. Имперско-московская дипломатия периода Ливонской войны (1558 – 1584)

Ливонская война, начатая Московским царством в январе 1558 года, перевернула политический ландшафт северо-востока Европы и в итоге немедленно стала господствовать в имперско-русской дипломатической повестке. Армия Ивана Грозного вторглась в земли, которые сохраняли формальный вассалитет от императора. Священная Римская Империя не могла не отреагировать, вопреки своей структурной рыхлости и бремени войн конфликтов, с Турцией и католическо-протестантских. Полемика о внешнеторговых, политических и социально-экономических причинах войны выходит за рамки данной работы.¹³⁹ Но надо отметить идеологическо-политический комплекс причин на стыке исторического и психологического познания, объективных и субъективных факторов, который выглядит доминирующим. Наиболее ясно его очертила Анна Хорошкевич. Это неуёмное, иррациональное стремление Ивана IV представить себя не просто царём, но наследником и преемником легендарного Пруса, предка Рюрика. С этим сливалось столь же навязчивое желание царя предстать единственным поборником православия как истинного христианства, и в такой роли даже карать лютеран и католиков Ливонии за «вероотступничество».¹⁴⁰ Дальнейший анализ сношений имперского и царского дворов в годы войны, покажет, что эта причина войны была хорошо отрефлексирована Габсбургами. В имперских документах она не называлась прямо. Но мотив недопустимого покушения на права и полномочия императора ясно виден в посланиях Фердинанда I, Максимилиана II и Рудольфа II.

Не последнюю роль в такой позиции сыграли жестокости московских войск в Прибалтике. Благодаря летучим листкам и газетам они стали известны и шокировали Европу: война предстала перед глазами европейцев как нашествие инокультурных, иноверных пришельцев.¹⁴¹ Хотя правдоподобность ряда таких описаний оставляет вопросы, этот дискурс русского варварства интересен уже в качестве отражения мышления эпохи в интерпретации событий, того, что Вильгельм Дильтей называл «фактами культуры»

¹³⁹ Этому посвящены основательные работы Erich DONNERT, *Der livländische Ordensritterstaat und Russland: Der livländische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558-1583*, Berlin 1963; Robert FROST, *The Northern Wars: War, State and Society in Northeastern Europe, 1558 – 1721*, New York 2014; Knud RASMUSSEN, *Die Livländische Krise, 1554-1561*, København 1973 и Erik TIBERG, *Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges: die Beziehungen Zwischen Moskau und Litauen 1549-1562*, Uppsala 1960.

¹⁴⁰ А. ХОРОШКЕВИЧ, *Россия в системе международных отношений*, стр. 204. Здесь хорошо виден мотив укрепления претензий Грозного на законность его царского титула – и куда более радикальными методами, чем именованное Иваном IV царём в посланиях императору, на котором всегда так настаивали московские дипломаты. В пользу этого фактора говорит и упрямое стремление царя продолжать войну любой ценой, даже после поражений от крымцев и сожжения Москвы, ценой разорения и социального упадка.

¹⁴¹ А. KARPELER, *Ivan Groznyj*, стр. 29-30.

(Kulturtatsachen).¹⁴² Представляется, что именно из-за веса такой интерпретации император Фердинанд I не мог игнорировать никакие действия москвитов на Балтике без ущерба для своего престижа самого могущественного монарха мира.¹⁴³ Кроме того, именно у австрийских Габсбургов уже были налажены контакты с Москвой, которые в Вене не хотели приносить в жертву, судя по частым попыткам диалога.

II. 1. Победы Московии и дипломатическое наступление Фердинанда I

Попыток военного вмешательства в конфликт «постаугсбургская империя», раздираемая внутренними трениями, изначально не предпринимала. В дипломатии же пробным шаром стала отправка в Ливонию и Москву посланника Иеремии (либо Иеронима) Гофмана по решению Аугсбургского рейхстага 1559 года. По немецким источникам, в дипломатию тот попал с военной службы и имел посольский опыт в Польше.¹⁴⁴ Фердинанд I вручил ему послания для архиепископа Риги Вильгельма и магистру Тевтонского ордена Вильгельма фон Фюрстенберга, а в Москве велел выяснить, каковы успехи Грозного и возможен ли мир. Гофман был обязан и «*разузнавать и разведывать*»: он владел польским языком, что особо отмечено в его инструкции.¹⁴⁵ Этот документ в целом оставляет впечатление, что в Вене ничего не знали о намерениях Ивана IV, и шире, что сама война застала всю Восточную Европу врасплох, не обнаружив ни серьёзного сопротивления региональных акторов, ни понимания мотивов, царя, ни якобы предполагавшейся антимосковской коалиции.¹⁴⁶

Аудиенцию в Кремле Гофман получил 11 февраля 1560 года, но она оказалась бесплодной. Что ещё хуже, посланник попал под домашний арест за отказ императора

¹⁴² Wilhelm DILTNEY, *Über das Studium des Menschen und der Geschichte*, in: Wilhelm DILTNEY, *Die Wissenschaften vom Menschen, der Gesellschaft und der Geschichte. Vorarbeiten zur Einleitung in die Geisteswissenschaften (1865–1880)*, Göttingen 1977, стр. 8-16.

¹⁴³ Хронисты, включая Даниэля Адама из Велеславина, указывали: ни помощи, ни защиты от империи ливонцы не получили: «*Tohoto roku, jako i předešlého, veliké kníže moskevské silně vpadl do Lifflandu a hubil tu zemi. Lifflandové pak, namohouce žádné pomoci ani ochrany od Říše dostati, poddali se králi polskému*»: D. A. z VELESLAVÍNA, *Dějiny*, стр. 177.

¹⁴⁴ Иногда Гофмана называли камергером: Eduard REIMANN, *Das Verhalten des Reichs gegen Livland in den Jahren 1559-1561*, *Historische Zeitschrift* 1876, Band 35, стр. 362.

¹⁴⁵ *Инструкция императора Фердинанда I И. Гофману*, Исторический архив 6, 1957, стр. 134. Документов Посольского приказа о визите этого дипломата пока не найдено. Указания «*спешным порядком*» и «*в кратчайший срок*» говорят о высоком приоритете, как выезд без сопровождения и подарков. Это указывает и на невнимание канцелярии императора к репрезентационным амбициям царя, что понятно, учитывая агрессию Москвы в Ливонии.

¹⁴⁶ О её складывании писал, в частности, Борис ГРЕКОВ, *Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV-XVII вв.*, Москва 1963, стр. 309.

именовать Грозного царём.¹⁴⁷ Тем не менее, Гофман собрал сведения, которые, как затем станет понятно, ещё долго определяли московскую политику империи. Он установил, что Иван IV не стремился к миру в силу успехов в Ливонии: его армия взяла 18 городов и замков. Гофман выяснил и состояние русского общества: военные усилия Москвы облегчались поставками европейских военных товаров, в том числе через Любек, Гамбург и Бремен, и москвиты были уверены в победе. Но война уже становилась непопулярной.¹⁴⁸ Между царём и боярами начались разногласия о дальнейших действиях, причём ряд царедворцев считали, что конфликт не удастся закончить скоро.¹⁴⁹

Известия Гофмана дают интересный материал для анализа борьбы в московских элитах, если сопоставить их с перестановками в окружении царя. Представляется, что степень этой борьбы проницательный посланник преувеличил; во всяком случае, она была скоротечной и закончилась уничтожением условной «антиливонской партии». В мае 1560 года произошла громкая опала окольничего Алексея Адашева, одного из архитекторов внешней политики и ближайших к царю людей. Летом в опалу попал другой противник войны, наставник Грозного поп Сильвестр. Уход из московской политики двух её столпов означал качественно новый этап правления Ивана IV, самовластного и бесконтрольного. Одновременно, как представляется, была пройдена точка невозврата для западной завоевательной политики Грозного, тем более что кампания 1560 года шла успешно. К лету москвиты овладели рядом стратегических пунктов, включая Феллин, и подошли к Риге и Ревелю (Таллинну).

Хотя многие сведения из реляции Гофмана требовали проверки, в главном венский двор теперь не сомневался: мир выглядел нереальным, и Иван IV намеревался воевать вопреки угрозе вступления в конфликт поляков и шведов. Однако царь и вправду начинал думать о мирном покорении Ливонии, несмотря на всю военно-дипломатическую браваду – во всяком случае, в попытках сэкономить ресурсы. Об этом косвенно говорит то, что русские власти Феллина активно рассылали орденским чиновникам приглашения к переговорам.¹⁵⁰ Такое действие могло быть санкционировано только сверху. Разрастание конфликта, описанное Гофманом, также имело место в реальности: литовское посольство

¹⁴⁷ Реляция И. Гофмана о Русском государстве и Ливонии, Исторический архив 6, 1957, стр. 134. По всему визиту Гофмана даётся имперская датировка.

¹⁴⁸ Ibidem, стр. 138.

¹⁴⁹ Ibidem. «Так бояре и говорят, что царь и великий князь всея Руси начал войну и только богу в небесах известно, как война будет доведена до конца. Таковы совсем открытые толки среди князей, бояр и простого народа в Москве».

¹⁵⁰ Игорь Курукин, *К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Адашева и Сильвестра*, in: Владимир БУГАНОВ (ред.), *Источниковедческие исследования по истории феодальной России*, Москва 1981, стр. 42.

1559 года потребовало от Москвы прекратить войну и вывести войска из Ливонии, для которой в то же время обозначилась перспектива перехода под покровительство польского короля Сигизмунда II Августа.¹⁵¹

Открытия Гофмана видятся одной из причин того, что в разгар первой фазы Ливонской войны, то есть московско-ливонского столкновения, дипломатическое общение императора и царя оставалось редким и непостоянным: русские в Прибалтике застали империю врасплох. Если Москва пока не нуждалась в интенсивных контактах с Веней, то имперские стратеги явно думали о том, как эти контакты с восточным соседом выстраивать в новых условиях. Ни австрийские, ни московские источники какое-то время не фиксируют даже обмена посланиями, и можно предположить, что сношения на время прервались.

Но обстановка вокруг и внутри Московии быстро менялась: в 1561 году Ливонский орден и его конфедерация прекратили существовать. Лишь некоторые его территории оставались в той или иной степени подконтрольны императору, в частности, Рига, ставшая свободным имперским городом. Ливония оказалась расчленена между Московией, Швецией, Польшей и Данией, причём конфронтация между Иваном IV и поляками выглядела наиболее очевидной. Назревала война между Московским государством и Великим Княжеством Литовским с одной стороны, и Швецией – с другой: оба западных соседа Ивана Грозного готовились взять свою долю ливонского наследия. К тому же, Дания заявила права на Северную Эстонию.¹⁵²

Таким образом, международные позиции Ивана IV ухудшались, хотя пока ему удавалось балансировать, не вступая в прямой конфликт со скандинавскими монархами.¹⁵³ С другой стороны, внимание царя отвлекалось на внутренние проблемы, включая подавление политической оппозиции: шла административно-земельная реформа опричнины (1565-1572). В свою очередь, и у Габсбургов были серьёзные проблемы, в том числе и в Прибалтике. Последние годы Фердинанда I были отданы конфессиональной и антитурецкой повестке, оставлявшей мало места и времени для Московии. А Максимилиана II, который пришёл к власти в 1564 году, ожидала Северная семилетняя война Дании и Швеции (1563-1570), которая потребовала от него примирить врагов. Шесть лет спустя его усилиями был заключён Штеттинский мир, символичный для политики императора в регионе, что отчасти вытекало из известной слабости империи:

¹⁵¹ Борис Флоря, *Проект антитурецкой коалиции середины XVI в.*, in: Борис РЫБАКОВ (ред.), Россия, Польша и Причерноморье в XV-XVIII вв., Москва 1979, стр. 82.

¹⁵² Подробнее К. RASMUSSEN, *Die livländische Krise*, стр. 131.

¹⁵³ H. UEBERSBERGER, *Österreich*, стр. 353.

плохой способности к проекции силы.¹⁵⁴ Венскому двору, тем самым, оставалось зондировать почву либо предлагать Москве альянсы, не столько для их заключения, сколько для поддержания контактов и для подвижек в ливонском вопросе.

II. 2. Империя смягчает позиции: военный тупик и польское бескоролье

Необходимость активизации отношений с Москвой стала для имперских стратегов очевиднее в июле 1572 года. Смерть короля Речи Посполитой Сигизмунда II Августа положила конец династии Ягеллонов и открыла бескоролье 1572-1576 годов; фоном стала резко ослабшая центральная власть, с раздорами шляхетских и магнатских групп. На элекционном сейме зимой 1573 года кандидат Габсбургов, эрцгерцог Эрнст (1553-1595), неудачно противостоял французскому принцу Генриху III Валуа (1551-1589). Иван IV и его сын Фёдор в этих выборах тоже участвовали, по крайней мере, формально, и столь же безуспешно, что дало Габсбургам и Москве повод к сплочению.

Поэтому в 1573 году в Москве побывал имперский гонец Магнус Паули. Он привёз предложения о совместных действиях против Валуа и, неожиданно, против Турции. Кроме того, в Вене надеялись устранить Люблинскую унию 1569 года и разделить польский и литовский престолы, что как минимум вывело бы Великое Княжество Литовское из-под будущей власти монарха-француза. Литва и отошедшие к ней ливонские земли стали бы территориями Москвы, которая тем закрепила бы свой успех вторжения в Прибалтику. Об этом намерении, говорит, в частности, анализ инструкции Паули, чья миссия выглядела как зондирование почвы, учитывая его низкий статус.¹⁵⁵

Нельзя не отметить, что внешне незаметный приезд Паули означал принципиальный сдвиг в позиции императора. По сути, Максимилиан II согласился обсуждать принадлежность Ливонии, но в связке с антитурецким альянсом, в котором Иван IV должен был бы участвовать – идея свежая, но лишь на бумаге. Косвенно это могло предполагать прекращение Ливонской войны: Москва закрепляла бы за собой немалую часть ливонских земель, и высвобождала бы войска для кампании против турок.

Разумеется, и эти задачи замыкались на покорение польского престола: без него не имели смысла не только планы раздела Речи Посполитой, но и реальный антитурецкий альянс,

¹⁵⁴ J. LAVERY, *Germany's northern challenge*, стр. 145-146.

¹⁵⁵ На успех этой идеи в Вене не надеялись, во всяком случае, предполагали трудное её обсуждение: *Памятная записка, переданная Иоганном Таубе и Эллертом Краузе Павлу Магнусу*, in: Юрий ЩЕРБАЧЁВ (ред.), Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326-1690, Москва 1893, стр. 82.

что в Европе хорошо понимали. Более того, идеи совместной польско-имперско-русской борьбы с Портой были популярны и в самой Польше, о чём в Вене знали. Аббат Цир, имперский агент в Варшаве, даже доносил о плане удара по Турции и Крыму, который разрабатывался в Польше.¹⁵⁶ Польский вопрос, таким образом, становился приоритетом в австрийско-московских контактах.

Хотя Иван IV и не ответил Паули сразу, визиты в Москву имперских и польских послов летом 1573 года можно интерпретировать так, что предложение императора было Грозному выгодно. Иван IV не мог не понимать, что быстро терял шансы на короны Речи Посполитой: 12 июля 1573 года польско-литовское посольство Тарановского и Воропая сообщило царю об избрании королём Речи Посполитой Генриха III Валуа, а также о том, что русскую кандидатуру на сейме вообще отказались обсуждать.¹⁵⁷ Габсбурги, однако, пока не выходили из избирательной борьбы, так что воздействие на поляков в интересах австрийского дома становилось для Грозного рычагом влияния на Вену. Тем более, поляки просили царя продлить перемирие, на что Иван IV в итоге согласился, явно ожидая скорого распада и катастрофы Речи Посполитой. К тому моменту, как стоит напомнить, Литва уже отказалась выдавать в Варшаву древние государственные акты, а её дворяне даже ставили вопрос о собственном короле.¹⁵⁸ Ситуация развивалась как будто благоприятно для Кремля – во всяком случае, такой она там виделась.

Для развития контактов и обсуждения польских дел в августе 1573 года в Вену отправился московский гонец Константин Скобельцын. Аудиенцию у Максимилиана II он получил 7 марта 1574 года, а 21 марта был вызван для ответа. И этот визит не дал практических результатов: выяснилось, что плодотворных и конкретных предложений из Москвы не поступило, кроме очевидной идеи поддерживать любого Габсбурга в борьбе за польский трон. Приехав, Скобельцын передал в Посольский приказ некое устное сообщение от Максимилиана II, чья грамота тоже ограничилась дипломатическими абстракциями.¹⁵⁹ С разведывательной задачей гонец справился. Он подтвердил приезд Генриха III Валуа в

¹⁵⁶ План этот предлагал бежавший из Москвы князь Андрей Курбский. Он был ещё влиятелен и мог служить посредником между польскими и русскими придворными партиями, желавшими удара по мусульманству, так что его замысел имел вес: Яков ЛУРЬЕ, *Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А. М. Курбским в 1569 году*, Археографический ежегодник за 1957 год, Ленинград 1959, стр. 460. Позже очень похожую мысль высказал и имперский посол в Москве Иоганн Кобенцель.

¹⁵⁷ На это указывал, в частности, Александр ЗИМИН, *В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России*, Москва 1986, стр. 5.

¹⁵⁸ Александр ТРАЧЕВСКИЙ, *Польское бескорольевье по прекращении династии Ягеллонов*, Москва 1869, стр. 20.

¹⁵⁹ «Учинить... любовь против царя и великого князя любви»: Статейный список Константина Скобельцына. Опубликовано в: Археографический ежегодник за 1979-1981 гг., Москва 1981, стр. 308-319, здесь стр. 313.

Варшаву, и точно предсказал короткое правление француза, которого «*добре не любят*». ¹⁶⁰

Итак, вопрос о новом польском короле был решён до лета 1574 года: 18 июня Генрих бежал из Варшавы, а в августе 1574 года весть об этом дошла и до Москвы. ¹⁶¹ Можно заключить поэтому, что новых реальных предложений по покорению Речи Посполитой у кайзера ещё не готовили, как минимум до конца 1575 года. Что касается Турции, то её перемирие с империей соблюдалось, и как выяснил Скобелев, действовало ещё полтора года, снижая актуальность антитурецкой переговорной тематики. Дальнейшие контакты императора и царя обходили вниманием и ливонскую тему как явно бесперспективную. ¹⁶² Этому способствовали и новые военные успехи московитов в Прибалтике: в июле и августе 1575 года они взяли Пернов (Пярну) и Гельмет, хотя уже события следующего года показали, что эти победы Грозного были последними. ¹⁶³

Но застой в отношениях был прерван в октябре 1575 года, когда имперский рейхстаг с подачи Майнца высказался за попытку прекратить войну в Ливонии и обеспечить мирные отношения империи с царём. Гася балтийский кризис, немецкие государства тем самым развязывали себе руки во вновь разгоравшейся борьбе против Турции, а кроме того, стабилизировали балтийскую торговлю, в том числе с той же Москвой. ¹⁶⁴ Решение этих задач требовало отправки к царю большого посольства, первого за полвека.

II. 3. Посольство Кобенцеля и Принца в Московию: проект сближения

Обстоятельства подготовки этой миссии косвенно указывают, что в империи ждали прорыва сразу по двум вопросам, ливонскому и польскому. Послом назначили Иоганна Кобенцеля, ландкомтура Тевтонского ордена, образованного и опытного придворного, бывшего эмиссара в Риме. Он происходил из современной Словении и был знаком со славянскими языками. В помощь ему был назначен придворный советник, силезец Даниэль (Даниил) Принц фон Бухау, который владел чешским и польским. В посольство включили представителей видных австрийских родов, повышая его статус: среди 12

¹⁶⁰ Ibidem, стр. 313.

¹⁶¹ А. ЗИМИН, *В канун*, стр. 8.

¹⁶² В мае и декабре 1574 года Москву вновь посещает гонец Магнус Паули. Он доставлял в империю просьбы царя помочь с освобождением московского дипломата Никона Ушакова, захваченного шведами: ПДС, том 1, столбец 516. По данным Сергея Белокурова, Паули также приехал объяснить, почему император так и не прислал в Москву послов. Заодно он просил отпустить его задержанного сына Лукаса, также имперского дипломата и агента: С. БЕЛОКУРОВ, *Списки*, стр. 13.

¹⁶³ Г. ФОРСТЕН, *Балтийский вопрос*, том 1, стр. 653.

¹⁶⁴ Ibidem, стр. 661.

дворян миссии были Вольфганг фон Штубенберг и даже Кристоф фон Герберштейн, потомок «открывателя Московии».¹⁶⁵ К выбору дипломатов, как видно, в Вене подошли основательно, ввиду трудной задачи, которую инструкция императора ставила перед Кобенцелем. Ему предстояло заручиться помощью Москвы в продвижении эрцгерцога Эрнста на польский престол. Одновременно послы должны были прощупать возможность мира в Ливонии, и пожаловаться на насилие, которое русские там чинили.¹⁶⁶

Эти задачи выглядели противоречивыми: послам приходилось просить у Ивана IV сразу две уступки, по выборам польского короля и о прекращении войны в Ливонии, что требовало ответных уступок от империи. Борьба за польский трон к тому моменту выходила для Габсбургов не менее сложной, чем задачи на московском направлении. Весной 1575 года, незадолго до отправки имперских послов в Москву, польская шляхта почти единогласно заявила эмиссарам Максимилиана II, что «не хочет немца», уже в силу такого серьёзного довода, как габсбургские притязания на Мазовию.¹⁶⁷ Но из самого факта посольства и его спешной подготовки вытекает, что в Вене спешили с поиском любой поддержки ввиду конвокационного и элекционного сеймов, которые поляки наметили, соответственно, на октябрь и ноябрь 1575 года.

Четвёртого декабря 1575 года посольство Кобенцеля и Принца в составе 25 человек прибыло в Смоленск.¹⁶⁸ Документы Посольского приказа фиксируют цель австрийской миссии крайне формально, как закрепление старого союзного договора, «*докончанья*». Это ясная апелляция к важной отправной точке отношений двух стран, достигнутой ещё при Максимилиане I в 1514 году: тот договор, будучи заключён, оставался лишь на бумаге. Эта цель выглядела более выгодной для Москвы, чем для Вены, так как явно развязывала бы Грозному руки в Ливонии: в Кремле могли рассчитывать, что союз де-

¹⁶⁵ Silvano CAVAZZA, *La Relazione delle cose di Moscovia di Giovanni Cobenzl*, Quaderni Giuliani di Storia 34, №1, 2013, стр. 63. Посольский приказ заметил обоих: в документах упомянуты «Криштоф Герберстен... и Волф Стубенбергат» (ПДС, том 1, столбец 487).

¹⁶⁶ Инструкция Maximilianus etc. опубликована: Фёдор ВЕРЖБОВСКИЙ (ред.), *Материалы по истории Московского государства в XVI – XVII веках, выпуск 1: Путешествие Иоанна Кобенцеля в Москву в 1575-1576 гг.*, Варшава 1896, стр. 43. Приписка рекомендовала Кобенцелю проявлять осторожность в критике жестокостей русских в Ливонии, на что обратил внимание S. CAVAZZA, *La Relazione*, стр. 63. Кобенцель выполнил наказ, сказав: «*А много о Ливонскую землю говорить нам не велено, только б Государь ваш Ливонские земли до тех мест воевать не велел, покаместа послы цесаревы болише будут у Государя вашего*»: ПДС, том 1, столбцы 535-536.

¹⁶⁷ Christoph AUGUSTYNOVICZ, *Kaiser Maximilian II. als electus Rex poloniae*, in: Michael PORTMANN – Marija WAKOUNIG – Wolfgang MUELLER (ред.), *Nation, Nationalitäten und Nationalismus im östlichen Europa: Festschrift für Arnold Suppan zum 65. Geburtstag*, Wien – Berlin 2010, стр. 68.

¹⁶⁸ ПДС, том 1, столбец 486. В Москве послами называли обоих дипломатов, но Кобенцель назывался «*посол большой*», а Принц – «*посол меньшей*»: Ibidem, столбец 512. Это указание лишь на должностное старшинство Кобенцеля, а не на то, что император наделил эмиссаров статусом «больших послов», который русские выделяли особо: Фёдор СЕРГЕЕВ, *Русская дипломатическая терминология XI – XVII веков*, Кишинёв 1971, стр. 19.

факто закрепил бы русские завоевания, так как царь и кайзер обрели бы в лице Польши общего неприятеля.

На первой аудиенции 24 января 1576 года, однако, быстро выяснилось, что в империи этот союз видели иначе, и приурочили к нему несколько условий. Кобенцель и Принц назвали главной темой своего визита не сам союз, выборы в Речи Посполитой. Они просили царя поддержать там Габсбурга – но уже не самого императора, а эрцгерцога Эрнста. Вот за это Максимилиан II и обещал стратегический союз, *«крепкое и вечное соединенье»*, на фоне чего Кобенцель даже предложил отправку против поляков царских войск.¹⁶⁹ Но сразу после этого он призвал Ивана IV прекратить боевые действия в Ливонии. Во-первых, этот край оставался имперским леном. Во-вторых, кайзер расценил бы это как жест доброй воли Москвы в рамках стратегического сближения, ради которого царь и должен был повлиять на польские выборы. Таким образом, за союз Грозному пришлось бы заплатить немалую цену.

Что же император обещал царю за его усилия? Политический проект имперско-русского сближения, который Кобенцель и Принц затем развернули перед Грозным, удивляет размахом: ничего подобного Вена ещё никогда не предлагала Москве. После того как Эрнст получил бы трон Польши, Иван IV должен был примириться со Швецией, и вместе с империей выступить против Турции, а после её разгрома получить остатки Византийской империи – *«всё Цесарство Греческое на восход солнца»*. Перед нами не что иное, как проект (точнее, прожект) раздела Восточной и Юго-Восточной Европы и одновременно пробная и прямолинейная попытка вовлечь Москву в антитурецкие действия, или протупать почву для такого вовлечения и начать переговоры. В ближайшей перспективе Иван IV, увязший в Ливонии, вряд ли мог выступить против Высокой Порты – тем более что бедственное социально-экономическое состояние Московии и итоги опричного террора не оставляли уже никаких шансов на новые военные предприятия, хотя имперские стратеги могли этого и не осознавать.

Этот «византийский проект» Кобенцеля и Принца импонировал московскому политикуму, который был пронизан структурным «мифом Третьего Рима», да и лично Грозному с его претензиями на лидерство в христианском мире и на наследие императора Августа. Но послы императора облекли свой проект в заведомо неприемлемую форму, не предложив

¹⁶⁹ ПДС, том 1, столбцы 523-525. *«А будете не мочно словом своим, ино б и силою, или как Твоему Величеству мочно учинити, чтоб их закручинити»*, – сказал Кобенцель. Неясно, как Вена видела это вмешательство: то ли там ошибочно считали Польшу уже неспособной к серьёзному отпору, то ли пытались изобразить готовность к применению силы, чтобы сподвигнуть на то же и Грозного.

ощутимых преимуществ, кроме присоединения уже завоёванных ливонских земель.¹⁷⁰ Интерпретировать это имперское предложение как неудачное можно уже потому, что Иван IV не сделал встречных шагов, а лишь имитировал уступку в виде отказа от претензий своего сына Фёдора на польский трон. Но Фёдор и так не был фаворитом на выборах, а политическая обстановка в Варшаве была такой нестабильной, что в Москве правильно подозревали: скоро и сам Максимилиан II, поспешно избранный на двойной трон частью шляхты, лишится корон Речи Посполитой из-за интриг и борьбы в польских элитах. Так вскоре и случилось.¹⁷¹

Ответ, который послы получили на 26 января 1576 года, явно содержал крупные встречные требования, которые можно распознать в источниках, хотя книга Посольского приказа его напрямую не зафиксировала. Её записи можно интерпретировать так, что Иван IV потребовал от Габсбургов Великое Княжество Литовское в случае их победы на выборах короля Речи Посполитой. Это косвенно вытекает из того, что Кобенцель и Принц в ответной речи отвергли такой вариант как невозможный из-за Люблинской унии 1569 года. Заодно послы предупредили: избрание трансильванского князя Стефана Батория либо Генриха III Валуа будет опасно и для империи, и для Московского царства.¹⁷² При этом Кобенцель настаивал: для создания антитурецкой лиги необходимо сначала подчинить Польшу¹⁷³ — вариант, выгодный империи больше, чем царству.

Можно предположить, что Иван IV отказал императору и по вопросу мира в Ливонии, поскольку Кобенцель повторял призыв к прекращению войны, и обещал отправку знатного посольства по этому вопросу, и для «*докончанья*». Последний ответ царя послы услышали 27 января 1576 года, и звучал он уже по-другому. Если избрание Эрнста королём Польши Иван IV ещё поддерживал, то переход Литвы под власть Москвы он

¹⁷⁰ Ibidem, столбцы 525-529. Статус некоего восточного императора, «*всходного Цесаря*», Ивану IV должны были гарантировать Священная Римская Империя и папа римский – неприемлемое требование для Москвы, которая всегда провозглашала независимость от католической церкви и одновременно боялась брать любые полномочия из рук папы или кайзера. Но в отпускной речи послам дьяк Василий Щелкалов внезапно согласился, «*чтоб произволением брата нашего Максимилиана Цесаря и папы Римского и Короля Ишпанского... всё Царство Греческое на всход солнца к нам пришло*»: Ibidem, том 1, столбцы 554-555. Москва всегда провозглашала себя наследницей василевсов, и формально декларировала готовность даже к альянсу с католическими потентатами. На деле он вряд ли был возможен.

¹⁷¹ Алексей БАЧИНСКИЙ – Константин ЕРУСАЛИМСКИЙ – Вячеслав КОЗЛЯКОВ – Искра ШВАРЦ, *Проект раздела Речи Посполитой между Россией и Священной Римской Империей: Краковский столбец начала 1576 года*, Studia Slavica et Balcanica Petropolitana 2019, №2 (26), стр. 147.

¹⁷² Это выглядит уловкой: бежавший из Варшавы Валуа уже вышел из игры, а Литву имперские политики сами предлагали Москве через Магнуса Паули всего три года назад. Но теперь такое явное усиление позиций Ивана IV, видимо, было сочтено в империи нежелательным.

¹⁷³ «*Максимилиан Цесарь, и сын его Княжата Эрнест, и папа Римской, и Король Ишпанской и все Государи хрестыанские навеки в братстве и в любви и в соединенье будут напротив всех недругов... те Государи хрестыанские будут в докончанье и в соединенье*»: ПДС, том 1, столбцы 534-535. В отношении же кандидатуры Батория послов беспокоило, что турецкий двор поддерживал его как своего вассала, в роли альтернативы любому Габсбургу.

теперь предлагал напрямую. Таким образом, видно, что царь считал вариант с вручением обеих корон Речи Посполитой к Габсбургам лишь запасным, и ещё верил в возможность разрушить Люблинскую унию.¹⁷⁴ Ивана IV не останавливало и то, что у него было мало шансов на одобрение литовским дворянством – в первую очередь, политически слабым, которое лишь заигрывало с Грозным, но на деле вело с ним игру с целью остановить московское наступление.¹⁷⁵

Неудачу переговоров в Можайске усугубило невыгодное сторонам развитие событий на элекционном сейме. Если 12 декабря 1575 года, к моменту приезда Кобенцеля и Принца, избранным на двойной трон считался ещё Максимилиан II, то уже в январе 1576 года, когда имперская миссия подходила к концу, фаворитом стал Стефан Баторий, который и был выбран 1 февраля 1576 года. Молчание московских и австрийских документов по этому поводу, да и сам ход переговоров, можно интерпретировать однозначно: ни Кобенцель, ни Посольский приказ не имели сведений с сейма и ими не руководствовались.

Примечательно, что анализ документов, оставленных московскими и имперскими дипломатами, показывает и ключевое разногласие по польскому вопросу: они по-разному видели судьбу Речи Посполитой, и по-разному зафиксировали спор о разделении тронов. Немецкие источники тоже содержат предложение Кобенцеля и Принца развалить Люблинскую унию. Но в записях Посольского приказа отмечено обратное: послы доказывали нерушимость *«крепкого утверженья»* между Краковым и Вильно.¹⁷⁶ Скорее всего, речь здесь идёт не об ошибке или проблеме перевода, а о том, какими намерениями руководствовались австрийские дипломаты, и как они были поняты русскими.

Пространный отчёт Кобенцеля, где он описывает дорогу, Московию и приёмы у царя едва ли не подробнее, чем переговоры, в целом согласуется с документами Посольского приказа. В сообщении Максимилиану II посол докладывал: планы императора насчёт выборов в Речи Посполитой нашли у царя полное понимание. Иван Грозный готов был поддерживать в предвыборной борьбе сына кайзера, Эрнста Габсбурга, наравне с

¹⁷⁴ *«А будет Литовские паны... не похотят быти под Государя нашего Государством и Литовские б паны похотели быти с Коруню Полскою вместе и себе за Государя обрали цесарева сына Эрнеста, а инога б никого не обрали мимо его, а Государь наш будет с Максимилияном Цесарем и с сыном его Эрнестом в соединенье на всякого недруга заодин»*: Ibidem, том 1, столбцы 541-542.

¹⁷⁵ На это указывает, в частности, К. PRAŽÁKOVÁ, *Obraz*, стр. 208.

¹⁷⁶ Ibidem, стр. 212. Автор ссылается на отчёт о миссии: Sächsisches Staatsarchiv, Hauptstaatsarchiv Dresden, 10024 Geheimer Rat, 114. Moskowitische Sachen (Russland), sign. Loc. 09772/03. Но боярам один из послов, судя по всему, Кобенцель, заявил: *«У Коруны Полские со Великим Княжством Литовским меж себя крепкое утверженье, что никому ни от кого не отстати и быти... под одним Государем»*: ПДС, том 1, столбец 534.

собственным сыном Фёдором – который, однако, мог получить трон Литвы лишь при распаде унии.¹⁷⁷ Другой же вариант соглашения, предусмотренный Грозным, видимо, оставлял за Габсбургами Польшу, а литовский трон – уже за самим царём.¹⁷⁸ Сообщение Кобенцеля, будто Иван IV стремился крепить дружбу с домом Габсбургов, в Вене явно не могли воспринять всерьёз, учитывая, что царь требовал прекратить притязания на его «наследственную Ливонию».¹⁷⁹ Об этом говорит полное соответствие заявлений Грозного и его дипломатическому стилю, и его курсу на признание царского титула в Европе, который изменится, как будет видно, лишь к окончанию войны. Из донесения Кобенцеля также становится понятно, почему он выражал перед царём неверие в разделение Речи Посполитой. Посол замечал императору: такой сценарий принесёт империи сложности из-за упорного сопротивления поляков, которые пойдут на всё.

Учитывая всё сказанное, ликвидация Люблинской унии и вправду выглядела для Вены и нежелательной, и нереальной: в лучшем случае они теряли Литву, а в худшем – всю Польшу.¹⁸⁰ Но австрийцы, видимо, продвигали идею подрыва унии в качестве дипломатической уловки, ища точки соприкосновения с Москвой и толкая её к уступкам. В этом случае понятно, почему послы перестали настаивать на разделе унии в последний момент: они убедились, что царь реально претендует на Литву в ущерб интересам Габсбургов. Миссия Кобенцеля и Принца, тем самым, не принесла результатов, но и не окончилась провалом: её повестка обсуждалась дальше.

II. 4. Миссия Сугорского и Арцыбашева в Регенсбург

У Москвы тем временем росла надежда на выгодное решение польского вопроса: когда эмиссары Габсбургов уехали домой 29 января 1576 года, с ними на имперский сейм в Регенсбург отправились князь Захарий Сугорский и дьяк Андрей Арцыбашев. У обоих был редкий и не самый солидный статус «лёгких послов» и поручение продолжить обсуждение польских и ливонских дел.¹⁸¹ Одновременно царь написал польским Панам

¹⁷⁷ Herr Hanss Kobenzels von Prosseg Teutschordens-Ritters und Herrn Daniel Prinzens allerunderthenigste Relation uber ihre getragene Legation bey dem Grossfürsten in der Mosca, mit Beylagen ab A usque Z inclusive, sambt Et und 9, anno 1576. Отчёт опубликован по документу из венского Haus-, Hof- und Staatsarchiv, фонд Rossica 1576: Ф. ВЕРЖБОВСКИЙ (ред.), *Материалы*, здесь стр. 48.

¹⁷⁸ «...so wollt sy Euer Mt. Polln gem lassen, aber Littau selbs behalten». Ibidem, стр. 41.

¹⁷⁹ «...in derselben uhralten Erb-Lifland eingenommen». Ibidem, стр. 40.

¹⁸⁰ «...solche Sonderung und Thailung wurd sich gar nit thuen lassen». Ibidem, стр. 42.

¹⁸¹ Это один из всего двух случаев в русской дипломатии, когда применялось редкое звание «лёгкий посол», почти равное посланнику. Сугорский и Арцыбашев шли без большой свиты, чтобы быстро завершить миссию. Они были, тем самым, уполномочены передавать информацию и закреплять прежние договорённости, но не заключать новые: Ф. СЕРГЕЕВ, *Русская дипломатическая терминология*, стр. 33.

раде, прося избрать на престол Речи Посполитой если не его сына Фёдора, то эрцгерцога Эрнста, что можно интерпретировать как знак готовности к переговорам с Веней.¹⁸² Вряд ли, однако, Иван IV был готов к реальным уступкам: Сугорскому велено было представить Ливонию окончательно возвращённой Москве, а это исключало манёвр на переговорах.¹⁸³

Грозный, впрочем, предлагал *«соединенье и докончанье»*, если Эрнст Габсбург станет королём Речи Посполитой при поддержке Москвы. Но это надо понимать лишь как повтор старого предложения Максимилиана II, уже явно неактуального. В случае согласия Вены монархи могли бы вместе *«стоять против всех недругов»*, то есть Польши, Швеции и Дании. Ещё в Москве рассчитывали на ответные посольства императора, папы и короля Испании для заключения договоров, цель которых в наказе Сугорскому сформулирована расплывчато и оппортунистски.¹⁸⁴ Здесь видится попытка Ивана IV нарастить внешнеполитический вес в ливонском противостоянии, так как он уже перестал одерживать победы. Если бы новый король Польши вступил в войну, авторитет трёх католических владык на стороне Москвы ставил бы Варшаву в невыгодное положение. Именно поэтому Посольский приказ дал Сугорскому и Арцыбашеву тайные задачи: разведать, сколько у Максимилиана II войск, и не готов ли он воевать. Ещё Москву интересовало, не отдадут ли Габсбурги *«Киев и другие земли»* в обмен на поддержку и успешное воцарение Эрнста в Польше. И наконец, царь писал о намерении посадить на трон Дании своего ливонского сателлита Магнуса и заключить с ним и императором союз – идея, которая мало отвечала реальности.¹⁸⁵

¹⁸² ПДС, том 1, столбцы 582-584. Общим местом в русской историографии стало утверждение, что Грозному было всё равно, кто получит польский трон, коль скоро он не достанется ему самому. Царь, якобы, «почти равнодушно смотрел на предпочтение ему [Эрнсту – В.П.] Стефана, сына венгерского палатина Батория» (Дмитрий БАГАЛЕЙ, *Записки о Московии Иоанна Пернштейна и принца Данишла фон-Бухау*, Киев 1879, стр. 9.) И однако же, в этой грамоте Иван IV не просто берёт сторону Эрнста, но и призывает не избирать королём никакого третьего кандидата под угрозой *«розлитья кровей хрестьянских»*, прозрачно намекая на Стефана, который в Москве упорно именовался турецким ставленником. Скорее, за мнимым равнодушием царя звучала досада: уже осенью 1575 года было уже ясно, что Грозный не имел шансов на выборах, что подчёркивал ещё Б. Флоря, *Русско-польские отношения*, стр. 96. Но тревогу царя по поводу победы турецкой креатуры Батория это отнюдь не отменяло.

¹⁸³ ПДС, том 1, столбец 589: *«А Ливонская земля изначально наша от прародителей наших, а подлинно есмь о Ливонской земле к тебе приказали и с твоими брата нашего послы, и ты б, дражайший брат наш, в Ливонскую землю не вступался, а нам бы еси свою любовь показал»*.

¹⁸⁴ Ibidem, том 1, столбцы 602-604. Речь идёт о договорах о дружественных отношениях, *«по пригожю, как чему мочно»*.

¹⁸⁵ Ibidem, том 1, столбцы 611-612. Пожалуй, это была самая оторванная от реальности посольская миссия Москвы. Империя не пошла бы на такую легитимацию ливонских захватов Ивана IV. Именно поэтому в ответных грамотах императора этот прожект даже не упоминался. Требование передачи Киева тоже имело мало смысла: он принадлежал не польской, а литовской короне, на которую Иван IV и так претендовал. Возможно, Грозный теперь понял, что разбить Люблинскую унию не удастся.

Пока царское посольство было в пути, монархи обменивались предложениями, которые выглядели бесплодными. Так, в Москву 29 мая 1576 года пришла грамота Максимилиана II, который сообщал: элекционный сейм провозгласил королём Стефана Батория, хотя кайзер и не признавал этого избрания, прося ему противодействовать.¹⁸⁶ При этом он утверждал, будто Баторий уже обещал Турции пропустить через Польшу войска для удара по Московии, а потому Грозному следовало двинуть армию против крымских татар. Это спонтанное предложение открытой войны против сателлита Турции, причём без всякой коалиции, было так оторвано от реальности, что его можно интерпретировать лишь как кратковременную панику в Вене: там осознали, что Баторий воцарился надолго.

Ответ Ивана IV от 3 июля 1576 года извещал, что Стефан Баторий уже и коронован – на тот момент, правда, Максимилиан II явно это знал.¹⁸⁷ Грозный при этом настаивал, что на польский трон ещё может сесть Габсбург: он предлагал императору вместе добиваться, чтобы *«Батора на Коруне Полской... крепко не утвердился»*, что и должна была обсуждать миссия Сугорского. Вряд ли и это предложение было искренним. Воевать с Баторием Грозный не желал и явно уже не мог, а потому пропагандировал его избрание не как свою личную неудачу, но как поражение всего христианства от Турции, которая поддерживала Стефана.¹⁸⁸ Позже, в ноябре 1576 года Иван IV попытается надавить на Батория ультиматумом о признании своего царского титула и прав на Смоленск, Полоцк и Ливонию.¹⁸⁹ Это была попытка столь же отчаянная, сколь и неприемлемая для Варшавы. Вырисовывался провал габсбургско-русских усилий в Польше, и он в корне менял задачу посольства Сугорского и Арцыбашева. В тот момент, надо отметить, оно задерживалось в Ливонии, и не располагало данными о делах в Польше. Очевидно, что и царь, и кайзер серьёзно недооценили Батория, но расплачиваться за это пришлось одной Москве.

В Регенсбург московские дипломаты, судя по статейному списку Сугорского, прибыли 7 июля 1576 года. Первым делом они заявили о поддержке Иваном IV кандидатуры эрцгерцога Эрнста на польский трон, и предложили широкую коалицию против Турции.¹⁹⁰

¹⁸⁶ Грамота к царю Иоанну Васильевичу римского императора Максимилиана, лист 2а, РГАДА, фонд 32, опись 2, дело 2. Отмечу, Ливонию кайзер Ивану IV не уступает, упоминая её в числе *«нам подвластных стран»*. Как минимум символическую власть над Ливонией империя терять не желала.

¹⁸⁷ ПДС, том 1, столбец 643.

¹⁸⁸ Ibidem, столбцы 645-646. Дело не терпело отлагательств, и в Москве ждали ответ даже не с послом, а *«со скорым гончиком с лёгким»*. Там просили пораньше отпустить Сугорского и Арцыбашева, и с ними прислать и большое посольство – требования, противоречащие друг другу: на подготовку посольства требовалось время.

¹⁸⁹ К. ЕРУСАЛИМСКИЙ – И. ШВАРЦ, *Миссия Ждана Квашнина*, стр. 72.

¹⁹⁰ *«Undt Darzu gerne alle bruderliche mogliche befurderung thun und eine vertrauliche guette freundschaft midt ihrer Majestät, dem pawest, dem Kunig zu Hispannien, und Dennemarckt wider den Turcken undt alle Ihre viende machen»*. Neue Zeitung von der Audienz der Moskowitischer Gesandschaft bei dem Kayser, in: Franz Dominicus

Ответ в виде императорской грамоты последовал 1 августа 1576 года. Содержание документа строится вокруг совместного противодействия Баторию, чей приход к власти венский двор воспринимал как непредвиденный и опасный, но пока ещё обратимый.¹⁹¹ В качестве ответной меры, предполагал Максимилиан II, Вена и Москва должны продолжать поддержку Эрнста, чтобы тот избрался на польский трон установленным порядком, «*durch ordentliche wahl*».¹⁹² Из этого следует, что никаких чрезвычайных мер осторожный император по-прежнему принимать не хотел: очередное указание на то, как много хотели друг от друга царь и кайзер, и как мало готов был сделать каждый из них.

На обратном пути ничего не добившийся Сугорский получил известие о смерти Максимилиана II, которое и привёз в Москву 3 января 1577 года.¹⁹³ Оно наверняка застало русских врасплох: о болезни кайзера там знали, однако ничто в русских документах не указывало на то, что она была смертельной. Но ответ Вены на московское посольство был ещё написан от имени этого императора: 10 ноября 1576 года его грамоту доставил Данило Келлер из Любека. Это послание от 12 августа 1576 года анонсировало отправку к Ивану IV посольства для обсуждения «*совершенья и докончанья*». Пока же император вновь советовал прекратить военные действия в Ливонии, и в первую очередь, не трогать Таллин, занятый шведами.¹⁹⁴

Ответ Грозного, который Максимилиан II на смертном одре уже не прочёл, интересен двумя моментами. Во-первых, Москва де-факто признала Стефана Батория королём Речи Посполитой, и извещала империю о попытках поляков наладить дружественные отношения с Москвой. Но эту дружбу, заверял Иван IV, он не примет, по крайней мере, до присылки имперской делегации.¹⁹⁵ Тем самым, имперско-русский альянс для борьбы за польский трон можно было считать де-факто расторгнутым. Во-вторых, «Московит»

HÄBERLIN, *Neueste Teutsche Reichs-Geschichte: Vom Anfange des Schmalkaldischen Krieges bis auf unsere Zeiten*, 1776 том 10, Vorrede, стр. XLII-XLIII.

¹⁹¹ «*Die unvorsehene und ganz gefehrliche Enderung in Cron Polen eingefallen*». Responsio Caesaris data Moschovitis Ratisbonae, in: F. HÄBERLIN, *Neueste Teutsche Reichs-Geschichte*, том 10, Vorrede, стр. LIV.

¹⁹² Ibidem, стр. LV.

¹⁹³ В Сунде на Аландских островах, Сугорский узнал: империя готовила кампанию против Батория, который отвлек войска к Данцигу, но Максимилиан II умер. Его наследник и сын Рудольф должен был вести войска: ПДС, том 1, столбцы 707-709. Послы ранее не упоминали этот поход. Значит, Сугорский не добыл в Регенсбурге эти сведения, иначе он бы прояснил ход приготовлений. Энергичный посланник отправил через бургомистра Сунда грамоту к самому Рудольфу II: это был редкий шанс утвердить царскую титулатуру у нового императора, ещё не занявшего конкретную позицию. Только это объясняет риск, на который дипломат шёл вопреки жёстким правилам Москвы. Сугорский не знал, коронован ли уже Рудольф, потому и писал от своего, а не от царского имени, как к римскому королю. Предлогом стала просьба о кораблях для возвращения на родину. В Пернов, однако, московитов доставили немецкие купцы 15 декабря 1576 года.

¹⁹⁴ «*Чтоб никоторой войны убогой Ливонской земле не чинили*»: Ibidem, столбец 650. До Москвы Келлер не добрался: он остановился в Нарве, вручил грамоту императора Максимилиана II царским воеводам, и там же дождался ответа, грамоты Ивана IV от 27 ноября: С. БЕЛОКУРОВ, *О Посольском приказе*, стр. 14. Император, следственно, до последнего верил в возможность хотя бы перемирия, если не мира.

¹⁹⁵ ПДС, том 1, столбцы 658-660.

отправил в Регенсбург длинное описание своих прав на Ливонию, включая шведский Ревель (Галлин). Максимилиана II же царь вновь просил не вмешиваться в ливонские дела ради будущего союза, хотя его перспектива и выглядела туманной: можно заключить, что с проигрышем польского трона у монархов исчезло последнее практическое основание для сотрудничества.

Августовская грамота из Регенсбурга стала последней дипломатической коммуникацией между потентатами: в Москву она попала уже через месяц после смерти Максимилиана II 12 октября 1576 года. Неясно, пришло ли с этим посланием и известие о кончине императора. Это сулило почти полную приостановку политико-дипломатических процессов, и следственно, паузу в контактах с Московией: уже в последние часы жизни кайзера был остановлен имперский рейхстаг.¹⁹⁶ Вместе с тем, эта смерть не только исключала обещанное кайзером посольство, но и на время освобождала Москву даже от формальных поводов прекратить войну. Судя по одновременной вспышке московской активности в Ливонии, Грозный надеялся, что новый император не будет так защищать интересы Габсбургов на Балтике, как Максимилиан II, который всегда отстаивал их в Северной Европе, и при этом не отталкивал Москву, полезную и против турок, и как торговый партнёр имперского Любека.¹⁹⁷ Новый кризис в Ливонии грянул так быстро: уже в декабре 1576 года Иван IV осадил Ревель, тем более что одновременно он мог не опасаться вмешательства Батория, который увяз в походе на Данциг.¹⁹⁸

Передача императорских инсигний не привнесла в имперско-московскую политику ни подвижек, ни выгод, на которые могли надеяться в Москве: наоборот, последовал откат. Первое же послание Рудольфа II с вестью о смерти его отца пришло через считанные дни после возвращения Сугорского. Гонец Каспар Герце 20 января 1577 года доставил в Посольский приказ грамоту, где молодой кайзер подтверждал добрые отношения между дворами и обещал посольство по вопросу «соединенья и докончанья». Но Рудольф II, как и его отец, настаивал на прекращении русских операций в Ливонии. Что касается польских дел, из-за кончины Максимилиана II их предлагалось обсуждать заново, вместе с Ливонией.¹⁹⁹ Это допускает одно толкование: в Вене сворачивали повестку польского бескоролья в московской политике. В Кремле это вряд ли осознавали, но имперский

¹⁹⁶ Подробнее Václav BŮŽEK, *Smrt a pohřby Ferdinanda I. a jeho synů. Repräsentace katolické víry, politické moci a dynastické paměti Habsburků*, Praha 2020, стр. 133-139.

¹⁹⁷ Г. ФОРСТЕН, *Балтийский вопрос*, т.1, стр. 562, 657.

¹⁹⁸ Осада Ревеля шла с января по март 1577 года и потерпела сокрушительную неудачу. Битва стала кульминацией Ливонской войны, после которой царя ждали лишь стратегические провалы: Ibidem, стр. 665-666.

¹⁹⁹ Грамота Императора Рудольфа Второго царю Иоанну Васильевичу, лист 4, РГАДА, ф. 32, опись 2, дело 4.

рейхстаг в Регенсбурге так и не поддержал вооружённую борьбу Максимилиана II за Польшу, а Рудольф II пока и сам не желал Речи Посполитой.²⁰⁰ Борьба была проиграна.

II. 5. Серия посольств Ивана IV: бесплодная инициатива

Посольство от нового кайзера всё не прибывало, и Иван IV решил захватить инициативу, отчасти потому, что в Ливонии царь приближался к кризису. В марте 1577 года вторая московская осада Ревеля завершилась провалом: шведы удержали свой оплот. Ответ Батория на царский ультиматум пока не был получен. В силу этого Иван IV решил прямо напомнить империи об обещании посольства и союза: 25 сентября 1577 года в Вену выехал посланник Ждан Квашнин. Его поездка мыслилась в Москве как продолжение обмена послами, который открыла миссия Кобенцеля и Принца, хотя царскому двору пришлось ограничиться для него лишь статусом посланника и делегацией в десяток членов – видимо, из-за финансовых проблем.²⁰¹ Иван IV, по традиции, предложил Рудольфу II *«в любви и dokonчанье стоять против общих недрузей»*, и договориться о присылке имперского посольства, для которого Квашнин заранее вёз опасные грамоты.²⁰²

В первую очередь, Ждану предстояло выяснить, сможет ли империя открыть военные действия против Речи Посполитой в тесной координации с Москвой, где ради этого призвали необычного посредника. Просить в этом содействия Квашнин должен был не у кого иного, как у Альбрехта Лаского, воеводы польского Серадза, авантюриста и сторонника Габсбургов, которому предлагалось любое вознаграждение за услуги.²⁰³ Тайной же задачей Квашнина было выяснить размер имперской армии и финансов, состояние сношений императора с другими монархами, особенно с Баторием, и расстановку сил на континенте.

21 января 1578 года Ждан Квашнин удостоился аудиенции Рудольфа II в Вене. Он получил согласие (но не обещание) на присылку послов, причём высочайшего уровня.

²⁰⁰ E. VÖLKL — K. WESSELY, *Die russische Gesandtschaft*, стр. 25.

²⁰¹ В остальном энергичный Квашнин во всём годился быть полноценным послом: он был из знатного боярского рода и получил ряд серьёзных полномочий и заданий. Подробнее: К. ЕРУСАЛИМСКИЙ — И. ШВАРЦ, *Миссия*, стр. 76. Эта работа – самое подробное на сегодня описание его миссии.

²⁰² ПДС, том 1, столбцы 722-723. Эта цель миссии тоже объясняет, почему Квашнин имел статус лишь посланника. Стоит отметить, что среди задач, поставленных перед Жданом, значится не только сообщение об отказе прекратить войну в Ливонии, но и (снова!) обоснование прав Ивана IV на Казань и Астрахань. Тут видится и утверждение легитимного владения этими землями, и попытка вновь формально закрепить царский статус, в котором империя Москве только что отказала.

²⁰³ Это лоббирование не считалось секретным: Ibidem, столбцы 735-739. На Лаского Иван IV делал такую ставку, что Квашнину, при невозможности встречи, разрешалось даже отправить поляку грамоту с переводчиком, что было редкой практикой.

Упоминались, например, герцог Брауншвейг-Люнебурга Эрих II и герцог Гольштейн-Готторпский Адольф.²⁰⁴ Польский же вопрос так и не разрешился в пользу Ивана Грозного. Обсуждение его император, видимо, и собирался поручить будущему посольству: он не спешил занимать твёрдую позицию, особенно промосковскую. Осторожность Рудольфа II можно интерпретировать вполне точно: это явное влияние «специалиста по москвитам» Даниэля Принца. Это он был «референтом» кайзера при приёме Квашнина. А в сочинении Принца о Московии, с которым Рудольф II ознакомился, европейский курс Ивана IV выглядел захватническим и бескомпромиссным.²⁰⁵

В Москву Квашнин возвратился 17 июня 1578 года. Судя по имперским грамотам, которые он привёз, Рудольф II уклончиво подтвердил намерение прислать посольство, но не отказался от давней просьбы Вены прекратить боевые действия в Ливонии. Заминка же с новой миссией была вызвана не только похоронами Максимилиана II и передачей дел, но и войной в Прибалтике, которая затрудняла отправку миссии, гласит грамота императора. При этом, судя по тому, что писал Рудольф II, повестка будущего посольства могла стать для царя неприятной или даже неприемлемой. Кайзер делал возвращение ливонских земель условием союза с Москвой. Эти территории следовало вернуть, и прекратить войну – здесь видится новое и запоздалое подтверждение императорского примата над Ливонией.²⁰⁶ Что ещё важнее, Рудольф II не упоминал конкретных мер против Польши. Новый кайзер не делал резких ходов, и его стратеги взяли паузу; воевать он тем более не собирался. Империя, как видно, теперь и сохраняла недружественный Московии нейтралитет в Ливонской войне, и не содействовала антипольским усилиям Грозного. На обоих направлениях Иван IV, тем самым, остался в одиночестве.

Итоги миссии Квашнина были неоднозначны. Разведывательные задачи дались ему хорошо, политические – хуже, хотя их решение и зависело не столько от посланника, сколько от всего «австрийского курса» Грозного в 1570-х годах, который можно описать так: много обещать, но мало выполнять, на всё претендовать и ничего не уступать. Военный союз и даже большое посольство в Москву теперь не относились к приоритетам

²⁰⁴ Ibidem, столбец 758. Квашнин особо подчёркивает, что это настоящие статусные правители, герцоги «на своих государствах, а голдуют [подчиняются как вассалы – В.П.] Цесарю». На деле, следующий посол оказался куда менее знатным, да и приехал только через 11 лет.

²⁰⁵ Принц считал основным мотивом европейской политики Москвы неустанную территориальную экспансию, что отмечают К. ЕРУСАЛИМСКИЙ — И. ШВАРЦ, *Миссия*, стр. 86.

²⁰⁶ ПДС, том 1, столбцы 747-748. Это звучало тем более странно, что Ливония уже ускользала из рук Грозного, и стратегическую инициативу удерживал уже не он, а Баторий: скоро, в сентябре 1578, царь окончательно потеряет стратегический (и символически значимый) Венден, а шведы начнут совершать рейды к окрестностям Новгорода.

Габсбургов, тем более в чувствительный момент смены императора: в первые годы молодой и малоопытный Рудольф II явно сторонился резких внешнеполитических шагов. В Вене, к тому же, хорошо помнили, как имперские интересы в Ливонии были открыто попораны Грозным. Там не могли не видеть, что сама Москва не горит желанием срывать перемирие, заключённое с Польшей.

Поэтому долгое отсутствие императорского посольства и вообще поддержки не выглядит странным, хотя это явно тревожило Ивана IV. Судя по меморандумам императорской канцелярии, инерция контактов с царём пока не иссякла: в мае 1579 года имперские стратеги ещё не спеша разворачивали дискуссию, отправлять ли миссию в Москву, и если да, то в каком составе. Обсуждали таких кандидатов, как Вольфганг фон Айзенберг и даже Давид Унгнад фон Зоннег (1535-1600), один из опытейших австрийских дипломатов, который как раз в 1578 году завершил второй визит в Турцию. Судя по тому, что он был и вполне влиятелен при дворе, и хорошо знал восточных соседей империи, это была высшая точка интереса к Москве у кайзеровского окружения на данном этапе.²⁰⁷ Но статус возможной миссии понемногу понижался: у Рудольфа II больше не думали включать в делегацию герцогов, как два года назад («*keine fürstliche Person*»), хотя на повестке и была всё та же «*armen bedrangten Lifland*».²⁰⁸ Это сложно понять иначе, чем как отсутствие надежд на прогресс или даже желания императора заниматься московской проблемой. В итоге практических решений принято не было, а ответа императора так и не последовало.

Между тем, уже к возвращению Квашнина отношения Москвы и Речи Посполитой стали открыто враждебными, и царю требовалась поддержка империи. В первую очередь, Грозный не признавал легитимность Батория, и тем более не считал его равным себе правителем. Это проявилось сразу же, когда осенью 1576 года посольство Городенского, Буховицкого и Гоголя привезло в Кремль предложение нового короля о мире. Это предложение было для Москвы заведомо неприемлемым в части польских претензий на Ливонию, тем более что и Стефан Баторий не признавал царский титул Ивана IV.²⁰⁹ Война стала вопросом времени. Боевые действия, которые поляки начали в 1577 году, до

²⁰⁷ Об Унгнаде фон Зоннеге и его роде см. Václav BŮŽEK, *Die Ungnads von Sonnegg - der lutherische Adel in der Habsburgermonarchie um die Mitte des 16. Jahrhunderts*, Opera historica 18, 2017, стр. 221-237.

²⁰⁸ Меморандум из собрания Haus-, Hof und Staatsarchiv, собрание Rußland I-2 Konv. 2(b), 1579, лист 7.

²⁰⁹ Московские дипломаты в полной мере дали польско-литовской делегации прочувствовать унижение: её долго не пускали в Москву, а затем тянули с аудиенцией, так что вместо царя миссию принимали и расспрашивали бояре. Сам же Грозный был оскорблён обращением «брат», которое Баторий употреблял в документах, обозначая равенство с царём: Александр Филлюшкин, *Окончание Ливонской войны 1558-1583 гг.: «Московская война» (1579-1582)*, История военного дела: исследования и источники, [без места] 2015, Специальный выпуск II: Лекции по военной истории XVI-XIX вв., ч. 2, стр. 295.

формального объявления войны, быстро поставили Москву на грань катастрофы. В октябре 1578 года царское войско было разбито под Венденом. А в августе 1579 года Баторий свёл на нет главный успех Грозного в войне, отбив стратегический Полоцк, который пробыл в руках «Московита» 16 лет. Это был тяжелейший удар по царю, который не только гордился «Полоцким взятием», как ни одной другой победой, но и был овеян уважением и страхом по всей Европе в результате мощного публицистического резонанса.²¹⁰ Теперь такой же резонанс играл против Грозного: Баторий положил свой успех в основу пропагандистской кампании с небывалой волной памфлетов, газет и песен антимосковского толка.

Царь в них не просто выставлялся кровавым тираном, от которого Польша якобы защищала христианскую Европу, но и самозванцем. Баторий нанёс особый удар по одному из любимых пропагандистских мифов Грозного — о происхождении от императора Августа, на чём, в частности, зиждились царские амбиции Ивана IV; удар этот был настолько успешным, имел общеевропейский резонанс, так что антимосковские настроения и дискурс русского тиранства получили солидную подпитку.²¹¹

Пропагандистские усилия Батория начинали работать против Москвы в более широкой сфере пропаганды, не ограничившись обликом царя. Андреас Каппелер, исследуя европейскую печатную публицистику о Московском государстве, отмечал: как раз с 1578 года упоминания насилия, которое русские чинили в Ливонии, начали учащаться,²¹² хотя в чешских землях, как установила Катерина Пражакова, образ русских поблек, но пока не был резко негативным.²¹³

В таком публицистическом и пропагандистском контексте поиск поддержки в империи, который Иван IV вновь начал, выглядит попыткой форсировать дипломатические контакты в Европе, пока они ещё сулили позитивные результаты на фоне надвигавшейся изоляции.²¹⁴ Только что, в августе 1578 года, царь отверг союз с королём Дании, навязав его послу Якобу Ульфельдту 15-летний мир вместо «вечного» (обычно на 30 лет) — и лишился тем самым последнего возможного союзника на Балтике. В Прагу снарядили новое посольство во главе с незнатным новгородским дворянином Афанасием Резановым.

²¹⁰ Александр Филюшкин, *Причины «Полоцкого взятия» 1563 г. глазами современников и потомков*, Вестник Санкт-Петербургского университета, серия 2, выпуск 3, 2005, стр. 20-31.

²¹¹ Подробнее Александр Филюшкин, *Завоевание Стефаном Баторием Полоцка в 1579 г. в европейском нарративе*, Вестник Санкт-Петербургского Университета, серия 2, выпуск 1, 2014, стр. 5-9, здесь стр. 6.

²¹² А. KARPELER, *Ivan Groznyi*, стр. 48-50.

²¹³ К. PRAŽÁKOVÁ, *Obraz*, стр. 215.

²¹⁴ С ноября 1576 по февраль 1581 года из империи не пришло ни грамоты, ни гонца, что стало одной из самых долгих пауз в истории имперско-московских связей: С. БЕЛОКУРОВ, *О Посольском приказе*, стр. 14.

Он выехал в непрестижном и редком статусе *«лёгкого гончика»*.²¹⁵ Можно предположить, что царь не только экономил, но и не хотел терять престиж и отправлять большое посольство раньше императора.

В грамоте Резанова, по традиции, была вписана декларативная стратегическая цель: чтобы «соединенье и докончанье утвердилось на всякого недруга заодин», причём продвигалась эта цель как традиционная и давняя, своего рода долг со стороны империи. Особо подчёркивалось, что переговоры об этом вёл ещё Квашнин. В Москве уточняли и цель союза: *«чтобы мусульманская рука не высилась»*, что отсылало одновременно к борьбе против Турции и Батория, которого Москва клеймила как ставленника Порты.²¹⁶ Главным же практическим вопросом снова стало имперское посольство, которое царь призывал поскорее отправить, и для которого прислал опасные грамоты. Вопрос о борьбе с турками выглядел последней и зыбкой точкой соприкосновения, которую в Москве нащупали для актуализации контакта с императором. Грозный явно надеялся развернуть отношения с империей против Польши, а заодно отмыться от репутации врага христианства, которую ему успешно навязывала пропаганда Батория. Иначе трудно объяснить, зачем Резанов предлагал империи антитурецкий альянс, когда Иван IV не только не вёл никаких действий против Турции и татар, но уже утратил и свою «отчину» Ливонию, и Полоцк, и значительную часть армии.²¹⁷

Следом за Резановым в империю выехал ещё один *«лёгкий гончик»*, Леонтий (Истома) Шевригин, которому после Праги следовало посетить и Рим. Причины такой спешки были чрезвычайными: Москва отправила второго эмиссара, не дожидаясь возвращения первого, да ещё и просила о мирном посредничестве самого папу Григория XIII. 25 августа (5 сентября) 1580 года Стефан Баторий после жестокой осады захватил и сжёг стратегическую крепость Великие Луки, открыв дорогу на Псков и Новгород. В Праге,

²¹⁵ Резанову велели называть себя несведущим и начинающим дипломатом, чтобы избежать неприятных расспросов о войне с Речью Посполитой, уже по сути проигранной. *«Паробок еси у Государя своего молодой, большие дела меж Государей мне как ведать мочно?»*, — должен был сказать он на аудиенции. Ему, между тем, было около 40 лет, и назвать новгородца *«паробком»* (юношей, холостым парнем) трудно, хотя на дипломатической службе он и был новичком. Это, видимо, и имелось в виду, но прикрываться некомпетентностью, чтобы не давать оппоненту преимущество – странная тактика: ПДС, том 1, столбец 777. Тайная миссия Резанова почти точно повторяла ту, что была возложена на Квашнина. Афанасий должен был выведать, каковы военные ресурсы империи, чьи послы бывали в Праге и в каких отношениях были европейские монархи.

²¹⁶ Ibidem, столбцы 768-769. Характерно, что в Москве не знали о реальном состоянии отношений между империей и Портой. Ведь Резанову как раз и было велено выяснить: не обмениваются ли Прага и Стамбул посольствами, чьей на тот момент была Венгрия, и не планирует ли Рудольф II начать войну против турок: Ibidem, столбец 782.

²¹⁷ Уже летом 1580 года московская армия повсеместно и с большими потерями отступала от «долиновских» северо-западных границ царства, в упорных боях сдавая Баторию русское приграничье: Г. ФОРСТЕН, *Балтийский вопрос*, стр. 688-690.

впрочем, об этом событии уже знали из собственных источников, причём неизвестный корреспондент особо подчеркнул в сообщении для императорской канцелярии масштаб разгрома и незавидную участь защитников и населения: «*Quo loro per furorum militarem aliquot hostium millia sine sexus et aetatis diferentia, misere ad modum perierunt*».²¹⁸

Отправка Шевригина сразу в две столицы позволяет предположить, что царь больше не рассчитывал на содействие империи, контакты с которой зашли в тупик. Иван IV оказался в тяжёлой и унижительной ситуации. Монарх, претендовавший на особый политический и духовный статус повелителя христиан, своего рода «православного папы», теперь просил о помощи римского первосвященника, признавая его политический авторитет. В послании, которое Шевригин вёз императору и папе, звучала прямая просьба о помощи в виде посредничества в подписании мира с Речью Посполитой.²¹⁹ Как видим, миссия Шевригина была важнее посольства Резанова и во многом его обесценивала, а его низкий статус одновременно позволял Москве привлекать меньше внимания к столь щекотливому делу.

Сам же Афанасий Резанов возвратился 26 июня 1581 года с двумя грамотами от Рудольфа II. Главная из них, касавшаяся большого для Москвы вопроса о посольстве, выглядела как отписка, подтверждая отсутствие перспектив в отношениях. Кайзер объяснял многолетнюю неспособность отправить в Москву делегацию отсутствием дипломатов: «*У нас иные померли, а иные больны*», — явная отговорка, поскольку Рудольф II, как было показано выше, уже прекратил подготовку русской миссии. При этом темой для возможных сношений в Праге по-прежнему видели не сам русско-польский конфликт, а дела «убогой Лифляндии». У императора по-прежнему требовали формального и прямого отказа Москвы от ливонских претензий.²²⁰ О том, что в остальном империя утратила интерес к русским делам, говорит и то, что Резанов даже не удостоился отпусковой аудиенции: подарки и грамоты императора привезли ему на квартиру 16 октября, а через день гонец покинул Прагу. С собой он увозил лишь несбывшееся обещание Рудольфа II

²¹⁸ Haus-, Hof und Staatsarchiv Wien, собрание Rußland I-2 Konv. 3, 1580, документ (без заглавия) *Pervenimus tandem Vielkii Lukos*, лист 40. В имперской и чешской литературе это событие хорошо освещалось. Историю о жестокостях войск Батория в Великих Луках рассказывает и Марек Быдзовский, назвавший цифру в 8 тысяч русских, убитых во время осады: М. BYDŽOVSKÝ Z FLORENTINA, *Svět*, стр. 192.

²¹⁹ У Ивана IV напрямую просят: «*И к Стефану бы еси Королю о его таком безмерстве и о розлитие крови хрестьянские и о складке с Салтаном с Турским отписал, чтоб Стефан Король таких дел впредь не делал*»: ПДС, том 1, столбец 794. Миссия так важна, что и самого Шевригина и его переводчика-немца для секретности даже одевают в немецкое платье, которое Посольский приказ специально добыл в Нарве: *Ibidem*, столбец 815. Редчайший, если не беспрецедентный шаг.

²²⁰ Вторая грамота, от 7 октября 1580 года, просит Ивана IV освободить немца Иеронима Ремера, попавшего в русский плен под ливонским Венденом. *Ibidem*, столбцы 819-820.

направить к царю посла, и новость, что император велел Ганзе не ссужать Стефана Батория деньгами.²²¹

Менее чем через месяц после возвращения Резанова, 17 июля 1581 года, прибыл из Праги и Рима Истома Шевригин. Грамота Рудольфа II, которую он доставил, тоже не оставляла надежд ни на развитие контактов с империей, включая присылку долгожданного посольства, ни, как читается между строк, на участие императора в русско-польском урегулировании. В Праге напомнили царю: от него по-прежнему ждали отказа от претензий на Ливонию, а решение ливонских дел называли прерогативой не одного императора, но также имперских князей и курфюрстов – явная уловка австрийского двора, взявшего стратегическую паузу.²²²

В статейном списке Шевригин уделяет мало внимания визиту в Прагу, зато подробно описывает пребывание в Риме. Это показывает и приоритеты его миссии, и слабую надежду Ивана IV на то, что император будет благосклонен к московскому делу. Пражская миссия Шевригина и вправду выглядела незначительной по сравнению с его визитом в Рим, имевшим большое значение для урегулирования Ливонской войны, а потому косвенно и для русско-имперских связей. Папская курия, видимо, восприняла приглашение Грозного как долгожданный повод получить оплот в Московии: недавно, в 1576 году, в Риме появилась греческая Коллегия Св. Афанасия. Она готовилась воспитывать проповедников-русских для католической экспансии в русские земли, но успеха тогда не имела.²²³ На сей раз для такой задачи был выбран патер Антонио Поссевино, и это многое говорило о намерениях курии: Поссевино там имел репутацию человека, которому не нужны инструкции. Он получил *carte blanche* на переговоры по дипломатическим и по церковным вопросам в свободном ключе, тем более что задачу

²²¹ Ibidem, столбцы 829-831. Гонец узнал об этом от нескольких источников, в том числе лично от любекского торговца Томаса Фрейса. Неясно, впрочем, где эти двое пообщались лично.

²²² «А надежно нам, что Ваша Любовь в достальные места тое земли не вступитесь, чтоб Курфшисты и Князи и иные чиновные святого Римского Царства вашу любовь увидели и познали для вперед доброго соседства», — гласит императорская грамота: Ibidem, столбцы 836-837. Речь об «остальных местах» выглядит дипломатической условностью: к моменту написания документа, 11 января 1581 года, Иван IV уже был разбит в Ливонии, утратил стратегический Полоцк, и терял собственные земли: в конце августа пала крепость Великие Луки, открыв Баторию путь на Псков и укрепив его в мысли продолжать войну. В польских публицистических источниках подчёркивалось, что любые претензии Москвы не просто на возвращение ливонских городов, но и просто на обладание ливонской землёй, в лагере Батория воспринимали как политический блеф, «лживое хвастовство»: В. ВАСИЛЬЕВСКИЙ, *Польская и немецкая печать*, стр. 164.

²²³ Павел ПИРЛИНГ, *Россия и папский престол*. Москва 1912, стр. 419-420.

«окатоличивания» Московии Святой Престол не считал легкой и относил на дальнюю перспективу.²²⁴

При этом посредническая составляющая миссии Поссевино в наставлениях папской канцелярии отнюдь не подчёркивалась.²²⁵ Дело в том, что политическая цель, примирение Москвы и Речи Посполитой отчасти противоречила цели духовной – обращению московитов, уже потому, что Григорий XIII ранее сам же и благословил Стефана Батория на поход против восточных еретиков. По этой же причине, как представляется, Святой Престол слабо координировал свою новую московскую миссию с имперским двором, хотя по пути в Москву Поссевино и посетил Прагу. Там имперская канцелярия передала с ним короткое рекомендательное письмо на латыни для «*principi Moschorum*» (вновь без желанного царского титула!) В этом письме были лишь общие фразы, вроде заверения, что «верный Антонио» действует на благо всего христианства.²²⁶

Сдержанность двора в Праге можно объяснить двумя обстоятельствами. Во-первых, миссия Поссевино явно мыслилась в основном как церковная, а не политическая, хотя легат и содействовал заключению русско-польского мира, окончившего войну за Ливонию, но не восстановившего имперские позиции в регионе. Во-вторых, Рудольф II ещё не интересовался развитием контактов с Москвой, пока что бесплодных. Но императорский двор предпочёл всё же поучаствовать в миссии папского легата, пусть и формально. Вместе с посланиями от папы Поссевино вручил Грозному и то самое послание от Рудольфа II, которое в Москве восприняли как рекомендательное письмо с выражением заинтересованности в прекращении войны.²²⁷

²²⁴ На это указывает Игорь Дубровский, изучивший черновики «московских» инструкций Поссевино 1581 года. Из них следует, в частности: задача утверждения папского влияния в Московии набрасывалась кардиналами в Риме уже в процессе подготовки миссии иезуита, в качестве «задачи максимум». Она даже противоречила основному заданию Поссевино: понравиться царскому окружению и собрать точную информацию. Судя по всему, времени на подготовку визита у Григория XIII не было: ситуация требовала реагировать оперативно, и планирование миссии превратилось в поспешную «духовно-политическую» импровизацию. Игорь ДУБРОВСКИЙ, *Политика папства в отношении Московии: черновики инструкции Поссевино*, Русский сборник: Исследования по истории России, том XVI. Москва 2014, стр. 32.

²²⁵ Николай ЛИХАЧЁВ, *Дело о приезде Антония Поссевино в Москву*, Санкт-Петербург 1903, стр. 16-17. Папская канцелярия, не желая вызвать неудовольствие Речи Посполитой, в документах старалась не упоминать, что отправила в Москву эмиссара по делам мира и в связи с визитом Истомы Шевригина. Рим не желал повторять опыт 1571 года, когда польский король Сигизмунд II Август просто не выдал проезжую грамоту папскому посольству в Москву. Монарх считал, что оно сыграет на руку не Польше, а Грозному, а обращение московитов в католичество невозможно: П. ПИРЛИНГ, *Россия*, стр. 410.

²²⁶ Haus-, Hof und Staatsarchiv Wien, собрание Rußland I-2 Konv. 4(d), 1581, лист 14.

²²⁷ ПДС, том 1, столбцы 840-841. Император подчёркивал: Поссевино представляет интересы лишь понтифика, а не пражского двора, но его миссия послужит всему христианству – стереотипная формулировка, за которой не видны конкретные намерения имперского двора. При посредничестве Антонио Поссевино 15 января 1582 года Речь Посполитая и Московское государство заключили Ям-Запольский мир. Он положил конец боевым действиям в Ливонии и закрепил новый статус части ливонских земель, окончательно переставших быть имперским леном.

Судя по всему, миссия Поссевино убедила царя, что Святой Престол поможет ему в примирении с Польшей. Для закрепления результата вместе с Поссевино выехала миссия посланника Якова Молвянинова, которому предстояло посетить и императора, и папу, причём в Праге эмиссар должен был снова просить Рудольфа II о посольстве. Молвянинов был ещё одним безвестным дворянином-военным из плеяды «дипломатов по случаю» конца правления Грозного – причём настолько низкого ранга, что на фоне обычной московской тенденции слать в империю знатных дворян это выглядит едва ли не скрытым унижением кайзера.²²⁸ Так как путь миссии лежал через Речь Посполитую, Молвянинов должен был при случае посетить Стефана Батория, но лишь вместе с Поссевино. Документы Посольского приказа проливают свет на знаковый перелом в отношениях: в Москве уже не настаивали на большом имперском посольстве, и готовы были довольствоваться даже посланником.²²⁹ Тайной задачей Молвянинова, по традиции, стало выяснение военного и финансового состояния империи, и сношений кайзера с другими государями, в первую очередь с Баторием.²³⁰

Молвянинов и его подьячий Тишина Васильев покинули столицу 15 марта 1582 года вместе с Поссевино, 7 июля удостоились аудиенции у кайзера, 16 сентября и 6 октября — у римского папы, а 8 января 1583 года вернулись с набором разведывательных данных и двумя посланиями от императора. Сугубо формальная грамота Рудольфа II от 21 июля 1582 года ничего не говорила ни о Ливонии, ни о будущих посольствах. Но она подтверждала запрет на поставку русским военных товаров и меди через территорию империи, об отмене которого недавно просил Резанов – в этом видится своеобразная инерция мести за Ливонию.²³¹ По сути, это стало единственным результатом миссии, не считая несбывшегося обещания Григория XIII развивать дружеские отношения: ни царь, ни Рим не продолжили эту внезапную и вынужденную вспышку взаимного интереса.

Подводя итоги имперско-русских контактов 1560-1570-х годов, надо сказать, что прибалтийский конфликт стал первым серьёзным испытанием для традиционно дружественных, хотя и довольно поверхностных отношений Габсбургов и Рюриковичей. Война и показала, насколько непрочны эти контакты, и как мало у сторон потенциала для

²²⁸ Ещё год назад Молвянинов служил в Смоленске головой (командиром сотни солдат): Владимир БУГАНОВ (ред.), Разрядная книга 1475-1605 гг., том 3, часть 1, Москва 1984, стр. 312.

²²⁹ ПДС, том 1, столбцы 849-854. Единственная цель аудиенции – добиться пропуска миссии в Прагу и Рим. У царя явно не были уверены, что дипломаты будут иначе пропущены в Европу.

²³⁰ Ibidem, столбец 859. Как уже не раз бывало, в Москве обнаруживают слабое знание политической обстановки. Там не знают, сохраняет ли Рудольф II чешскую корону: Молвянинову велено выяснить контакты императора с чешским королём (sic). Русские послы вновь выполняют задачи, которые можно было возложить на агентскую сеть. Москва её в тот момент не имела.

²³¹ Ibidem, столбец 903. Вторая грамота Рудольфа, от 21 августа 1582 года, просит об освобождении из России пленного имперского подданного по имени Николай Биберц.

сближения и взаимодействия, особенно на фоне символического и статусного ущерба, который империя терпела из-за вторжения москвитов в Ливонию. Но фактически, именно этот конфликт и возродил имперско-русские контакты, угасшие почти на полвека, а не борьба за польскую корону, как в своё время считал Ян Славик.²³² Неясные намерения в духе «учинить любовь» не имели под собой ни практической почвы, ни возможностей для реализации общих интересов. Они носили абстрактный и декларативный характер и не подкреплялись взаимным доверием. Следовательно, это укрепление было обречено.

К концу правления Ивана Грозного имперские стратеги почти утратили как поводы для плодотворных контактов с Москвой, так и интерес к ним. Как было показано, это сразу отразилось на качестве дипломатических обменов и переписки. Характерно, что оба имперских посольства этого периода, Гофмана и Кобенцеля – Принца, были отправлены по велению не монарха, а рейхстага. Стоило этому органу остыть к московским делам, как императорская канцелярия тоже перестала что-либо предпринимать. Утрата Ливонии, которая не досталась ни Габсбургам, ни Рюриковичам, видится тому главной причиной.

Упомяну и почти полное отсутствие точек соприкосновения по этому вопросу между двумя монархиями. Трудно назвать хоть одну миссию, которая была бы успешной в чём-либо, кроме сбора информации. Политическая игра с возведением Эрнста Габсбурга на польско-литовский трон быстро угасла, а идеи антитурецкой лиги и восточной экспансии отдавали в лучшем случае работой на перспективу, а в худшем – прожектёрством. В таких условиях бессильны были даже яркие и способные дипломаты, какими были Гофман, Кобенцель и Принц с австрийской стороны, и Ждан Квашнин – с русской. Несмотря на это, четверть века ливонского этапа имперско-русских отношений не прошли зря ни для их развития, ни для исторической науки. Значение посольства Кобенцеля и Принца для имперско-русских связей и для создания долговременного европейского «образа москвиты», который будет изучен далее, трудно переоценить. Оба дипломата оставили сочинения о Московском государстве, ставшие вехой и для европейской москвитики, и для русской историографии, сопоставимой с трудом Герберштейна.²³³

После неудачной миссии Кобенцеля и Принца, ставшей кульминацией «ливонского» дипломатического этапа, империя взяла долгую паузу, предоставив Ивану IV отправлять

²³² Подробнее J. SLAVÍK, *Habsburkové*, стр. 467.

²³³ Иоганн Кобенцель составил «Письмо о России» (оно же «Донесение о Московии»). Перу Даниэля Принца принадлежит «Начало и возвышение Московии». Обе книги стали самыми обстоятельными за 50 лет, прошедшие после поездки Герберштейна, описаниями дипломатов, лично бывавших в Москве, и выдержали множество переизданий в Европе и России, начиная с 17 столетия.

бесплодные «информационные» миссии. Можно лишь отчасти согласиться с Гансом Юберсбергером, что причиной этой паузы стало осознание пражским двором окончательной потери Ливонии на фоне прихода к власти Стефана Батория, весьма невыгодного Габсбургам кандидата.²³⁴ Вместе с тем, координация с Московским государством дипломатических действий против Речи Посполитой, как представляется, выглядела для Рудольфа II неприемлемой из-за конфликта в Ливонии. Игнорировать его неудачный для империи исход, и объединять усилия с Москвой для Праги было бы ударом по престижу Габсбургов, которые никак не могли проглотить ливонское унижение. По той же причине императорский двор оставлял без внимания намёки Ивана IV на совместные действия против Турции, тем более что они были лишь уловкой.

Изучение дипломатических инициатив Грозного обнаруживает линию поведения, обратную имперской. На первом этапе войны инициативу проявлял только император, на последнем, с конца 1570-х годов – только царь. Сложно представить, на что рассчитывал Иван IV, отправляя в империю частые и малозначительные миссии из военных-дворян, по сути, даже не посланников, а гонцов или курьеров, которые успевали лишь собирать данные, но не обеспечивали развитие отношений. Эти миссии изначально не были способны ни привлечь Прагу к решению московских дел, и не смогли даже обеспечить присылку в Москву желанного для неё большого посольства Рудольфа II. Одна из причин такого курса царя видится в следующем. В годы Ливонской войны стороны, по сути, находились в состоянии «холодного конфликта», что почти исключало точки соприкосновения. Даже когда Иван IV запросил посредничества папы для заключения мира с Речью Посполитой, в империи уже проявляли к этому мало интереса. Вторая же причина видится в том, что для царского двора ключевой дипломатической задачей оставалось признание царского титула Ивана IV в Европе – тем более, после тяжёлых поражений от Батория и потери Ливонии, когда обсуждать с империей, в целом, было больше нечего, и оставалось «сохранять лицо». Не зря, например, всем послам, даже Якову Молвянинову было предписано вновь долго рассказывать в Праге о завоевании Казани и Астрахани, и о законности владения ими московским государем – о вопросе, который никакого энтузиазма у придворных Рудольфа II не вызывал.

Нельзя не отметить и такой субъективный фактор, как особенности личности и поведения молодого кайзера, только что занявшего трон. От внешнеполитических дел, и тем более от вечно второстепенного московского театра, его отвлекали то долгий и дорогостоящий переезд в Прагу, то затянувшиеся забавы и путешествия в чешских землях, то тяжёлая

²³⁴ Н. UEBERSBERGER, *Österreich*, стр. 480.

болезнь 1580-1581 годов, знаменитая Рудольфова «меланхолия», которая одно время считалась смертельной и ненадолго даже парализовала государственное управление.²³⁵ Нелишне отметить, вслед за Йозефом Яначеком, что и рычаги власти новый правитель забрал в свои руки не сразу, ещё не решаясь и не имея возможности проводить собственный курс.²³⁶

Слабость позиций Фердинанда I и Максимилиана II, неспособных повлиять на Ивана IV в его ливонской аванюре, предопределила поражение Габсбургов в борьбе за Речь Посполитую, но лишь отчасти.²³⁷ Как ни парадоксально, в итоге Иван Грозный, с его сильной контригрой против империи в Ливонии и Польше, потерял здесь гораздо больше, чем империя. Совместный неуспех двух монархов, и их неспособность действовать сообща, помогли восшествию на польский трон Стефана Батория, который разбил Московию в Ливонской войне и до самой смерти был её злейшим врагом.

Знаковым явлением для данного этапа имперско-московских отношений стал вопрос монаршего статуса и саморепрезентации. Этот период интересен тем, что государственно-правовая концепция царской Руси как наследницы Византии, «*фигура о Москве – Третьем Риме*», как точно назвал её Фёдор Успенский,²³⁸ потерпела первый серьёзный ущерб из-за прибалтийской авантюры Ивана IV. Это имело далеко идущие последствия и для борьбы царя за его царский титул, которая была напрямую увязана с притязаниями на византийское наследие. Вот почему к 1580-м годам эмиссары Грозного с новыми силами добиваются признания его статуса: «Московит» пытается соблюсти хотя бы формальный декорум своей власти, раз её не удалось распространить на «наследственную Ливонию». На символическом уровне здесь видится скрытое противоборство двух наследников Рима, всеми признанного западного потентата из дома Габсбургов, и восточного претендента из рода Рюрика, который на глазах у всей Европы проиграл борьбу за статусное равенство. Здесь показательно, что в последние годы перед Смутой продвижение в Европе царского

²³⁵ J. JANÁČEK, *Rudolf II.*, стр. 190-191.

²³⁶ *Ibidem*, стр. 157.

²³⁷ E. VÖLKL — K. WESSELY, *Die russische Gesandtschaft*, стр. 26.

²³⁸ «В Степенной книге появляется родословное дерево, берущее корни от Августа и доказывающее родственные связи между домом Рюриковичей и Юлиев. Затем стали искать и нашли другие основания сблизить русскую царскую власть с императорскою», — именно так последние Рюриковичи боролись за свой символический статус преемников Византии, восточных наследников Рима»: Фёдор УСПЕНСКИЙ, *Как возник и развивался в России Восточный вопрос*, Санкт-Петербург 1887, стр. 22. Это находило отражение как в политической философии, так и в своего рода «монументальной пропаганде» искусства и архитектуры, так что едва ли не вся культурная жизнь была пропитана этой идеей византийской преемственности: Nina V. KVILIDZE, *Reflexe koncepte Moskva – Třetí Řím a bohosloví Josifa Volockého v monumentálních výzdobných programech doby metropolity Makarije*, in: P. VOŠEK (ред.), *Moskva – Třetí Řím*, стр. 113-126.

статуса Борисом Годуновым, сперва для царя Фёдора I, а затем и для себя самого, велось уже далеко не с таким упорством, как при Грозном.

В свою очередь, и кайзеры в годы Ливонской войны слишком полагались на свой статус, престиж и авторитет первых владык Европы, стараясь надавить на Москву в первую очередь этим средством, указывают Эккехард Фёлькль и Курс Весселы. Поэтому на первый взгляд кажется, что формальная инициатива в отношениях была главным образом на стороне империи: Вена отправляла более солидные и политически осмысленные миссии, причём даже неотправленное большое посольство вызывало интерес в Москве самим фактом его обещания. Но и Иван IV, для которого его царский титул стал едва ли не сверхценной идеей, прочно соединил вопрос его признания с покорением Ливонии, вынуждая империю к началу новому этапу отношений. Когда же Прибалтика оказалась потеряна, никакие усилия московских дипломатов уже не могли помочь продвижению царского статуса в Европе.

Новый импульс на этом этапе отношений получает и антитурецкая проблематика, очередной расцвет которой в международных контактах двух монархий наступит уже через десятилетие. Несомненно, прибалтийская экспансия Москвы спутала все карты Габсбургам, которые терпели ущерб и как сюзерены Ливонии, и как ведущая антитурецкая сила, которая давно, но непоследовательно привлекала московских владык к борьбе против султанов. Правда, в 1569 году, впервые за много лет, агрессия со стороны Высокой Порты стала для Московского царства реальностью, но разыгрывать эту карту с империей Посольский приказ не мог. Слишком поверхностными были предложения Ивана IV в этом направлении, тем более что он уже сделал выбор в пользу западной, а не южной экспансии – а ведь как раз удар по Крыму, вассалу Турции, и мог бы привести к открытому столкновению с Портой. Слишком сильно отдавали политическим блефом декларации Грозного, который не мог, да и не собирался вести войну на два фронта, тем более без ясной и достижимой политической цели.²³⁹

Вместе с тем, нелогично допускать, как делала советская историография – и этот её дискурс до сих пор внятно не опровергнут, – что ливонское и турецкое направления имперско-русских отношений находились в обратной зависимости, так что активные действия Ивана Грозного в Ливонии исключали обсуждение антитурецкой коалиции и

²³⁹ Следует согласиться с точкой зрения, что на турецком направлении русские стратеги «не совсем оценили всю сложность задач, стоящих в связи с восточным вопросом, вообще не доросли до понимания политического западноевропейского смысла, соединяемого с восточным вопросом. Но к чести их нужно сказать, что они и не спешили заявлять о своих притязаниях, не пускались в авантюру»: Ф. УСПЕНСКИЙ, *Как возник и развивался в России*, стр. 34.

наоборот. Основной задачей империи здесь отнюдь не было «*натравить москвитина на турка*».²⁴⁰ Как можно было видеть, дипломатическая игра оказалась гораздо более сложной и многофакторной: достаточно сказать, что тот же «турецкий ставленник» Баторий во главе Польши, по сути, означал для Ивана IV одновременную борьбу и за Ливонию, и против Порты. Не видно здесь и открытой «вражды с империей», о которой писал авторитетный Яков Лурье.

Отношения сторон оказались удивительно прочными: к обострениям не привели ни быстрое снижение градуса контактов, ни такие действия Габсбургов, как фактическая блокада Нарвы и прекращение поставок в Московию стратегических товаров, ни заигрывания Грозного с Крымом, недружественные в отношении Максимилиана II. Слишком ничтожны были дипломатические последствия всего этого, и слишком разным был политический вес императоров и царя.²⁴¹ Ливония не могла быть просто разменной монетой в главной для империи антитурецкой «игре», уже потому, что стала символом ущерба для имперского престижа, который пытался нейтрализовать даже Рудольф II, пассивный в московских делах. С другой стороны, эфемерность московского участия в коалиции против султана уже тогда хорошо была видна, хотя прагматичные Габсбурги и не сбрасывали Москву со счетов: ставки в войне с османами были слишком высоки, чтобы отказываться от потенциальных союзников.

В свете всего вышесказанного ясно, что ещё одна устаревшая концепция имперско-русских контактов на турецком направлении заслуживает сегодня критического отношения и пересмотра. Она продвигалась в советской историографии (например, Борисом Флорей) и не вполне изжита сегодня, так как выгодно представляет Москву центром антитурецкого сопротивления в Восточной Европе.²⁴² Эта концепция заключается в том, что уже в середине 16 столетия Иван IV якобы был всерьёз готов к реальной борьбе против Турции вместе со Священной Римской Империей, не только для подтверждения своего статуса царя и наследника Византии, но и для чётко осознаваемой необходимости развития Московского государства на юг.

²⁴⁰ Типичный пример: Я. ЛУРЬЕ, *Донесения*, стр. 454-455.

²⁴¹ Как справедливо напоминает тот же Лурье, царь в посланиях крымскому хану желал, «*чтобы недрузи наши под ногами нашими были*», хотя знал, что эти «недрузи» — не кто иной как Священная Римская Империя: *Ibidem*, стр. 455. Отрезвление у Грозного наступило с очередными нападениями крымцев и военной авантюрой турок против Астрахани в 1569 года – впрочем, провальной.

²⁴² О реальной готовности Грозного к конфликту с Портой писал Б. Флоря, *Проект*, стр. 71-86. Подобная же концепция: Инесса МАГИЛИНА, *Россия и проект антиосманской лиги в конце XVI – начале XVII вв.*, Волгоград 2012, стр. 18.

Но так ли это было? Хотя эта южная экспансия действительно велась (другой вопрос, какими темпами, ресурсами и целями), на данном историческом этапе она не была ни приоритетной, ни решительной: все силы ушли на Ливонию. Как можно было убедиться, Иван IV не подкреплял реальными действиями свои предложения создать широкую антиосманскую лигу, используя её лишь как рычаг в переговорах. Это не говоря уже о том, что серьёзное обсуждение такой коалиции на данном этапе отношений начали как раз не москвиты, а австрийцы, Кобенцель и Принц.

Характер дипломатических сношений Рюриковичей и Габсбургов стал качественно меняться лишь после внезапной смерти в середине 1580-х годов двух воевавших монархов, Ивана Грозного и Стефана Батория. По окончании балтийских войн в имперско-русских отношениях начинали действовать новые фигуры и факторы, которые привели к резкой интенсификации внешнеполитического обмена и изменили его качественно.

II. Преодолевая наследие Грозного (1584-1593): пауза между Ливонской и Долгой войнами

Внезапная смерть Ивана Грозного в марте 1584 года подвела черту под провальным этапом русской внешней политики с катастрофой Ливонской войны, и под внешнеполитическим стилем и ориентирами, свойственными этому царю. Связи со Священной Римской Империей станут для Московии важнейшими на западном направлении на новом этапе дипломатии, который совпал с «интербеллумом» восточно-европейской политики между Ливонской войной и Долгой войной с Турцией.

Отношения с империей стали одной из первых областей, где новое правительство стало наводить порядок, даже толком не утвердившись. 31 мая (10 июня по григорианскому календарю) 1584 года на трон вступил второй сын Ивана IV, Фёдор Иоаннович.

Соперничество регентов Фёдора, которого не готовили к правлению из-за физической и умственной слабости, запустило внутривластный кризис. Это, однако, не помешало Посольскому приказу начать новую главу в отношениях с австрийским домом ещё до того, как верх в борьбе регентов взял Борис Годунов – реальный архитектор московской политики. Уже 25 ноября 1584 года в Прагу выехало посольство Лукьяна Новосильцева.²⁴³ «Оттепель» в отношениях с Габсбургами надо интерпретировать как задачу настолько важную для Годунова, что он бросил на её решение чиновника не просто опытного в дипломатии, но ещё и лично верного: Новосильцев активно поднимался по службе при самом Борисе.²⁴⁴

Инструкция посла поручает ему подтверждение хороших отношений, уверение в дружбе и предложение «соединенья и докончанья» — широкого стратегического союза, направленного не только в сторону дружеских отношений двух держав, но и против общих врагов.²⁴⁵ Трудно согласиться с мнением, что союз, который Годунов предлагал Рудольфу II, изначально выстраивался как антитурецкий. Напротив, одного конкретного

²⁴³ Сам выбор посла говорит о важности этого направления для Москвы. Новосильцев – опытный дипломат, бывавший в Польше. Что не менее важно, он был представителем старого и знатного дворянского рода: А. Зимин, *Формирование*, стр. 253-254.

²⁴⁴ Новый внешнеполитический курс требовал и новых кадров. Быстро поднявшийся Лука Новосильцев – представитель рода, до того почти не выдвигавшегося на московской службе, а служившего удельным князьям, отмечает Александр Павлов, *Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605)*. Санкт-Петербург 1992, стр. 134. Новосильцев уже бывал послом в Турции в 1570 году, где поздравлял Селима II с восшествием на престол, и в Польше в 1575 году, где добивался выборов Ивана IV королём.

²⁴⁵ Борис стремится «старое докончанье подтвердить» — по сути, вернуться к довоенным временам, то есть, исправить отношения: ПДС, том 1, столбец 912.

врага Москва не выдвигает, а идея союза как такового ей гораздо важнее конкретного общего соперника.²⁴⁶ Задача амбициозна: отношения с Прагой были далеки от тёплых. Настроения, которые господствовали в империи при последних миссиях Шевригина и Поссевино, можно охарактеризовать как в лучшем случае индифферентные, а в худшем – враждебно-настороженные. Вместе с тем, в предложении Москвы видится тень польской угрозы после проигранной Ливонской войны, и лишь потом – опасения атаки Турции «через посредника», крымских татар, в пору активной московской экспансии на Кавказ. При этом турецкий вопрос Москва пока не выдвигает на первый план: после военного разгрома на западе царство не может себе позволить энергичных действий на этом направлении.²⁴⁷

Чтобы способствовать будущей оттепели, в Москве отпустили и наградили трёх имперских агентов, подозревавшихся в шпионаже, включая Лукаса и Магнуса Паули, «для брата своего цесаревой любви»; эту новость должен был сообщить Новосильцев, равно как и важную для империи весть о вражде Персии и Турции. Всё это надо интерпретировать как жест доброй воли, рассчитанный на позитивный отклик в Праге – и видимо, как тест для перспективы отношений.²⁴⁸

Итоги миссии, как можно предположить, Годунова не порадовали. В грамоте Рудольфа II, которую привёз Новосильцев в мае 1585 года, звучит ответное желание укреплять дипломатические и особенно торговые отношения. Но это формально, а на деле кайзер отказал в поставках запрещённых военных товаров, о которых Москва просила ещё при Грозном – примечательно, что Годунов эту просьбу даже не повторял. Запрет на их вывоз имперские государства ввели сообща, и Рудольф II не счёл себя вправе его нарушать. Тем более, некоторые имперские купцы и агенты по-прежнему были в московском плену, и Прага требовала освободить их в качестве встречной услуги.²⁴⁹

Примечательно, что в русских документах нет следов тайной задачи, которую у Новосильцева предполагал ещё Юберсбергер. Ссылаясь на отчёты итальянских дипломатов при имперском дворе, он допускал, что посол зондировал почву на предмет приглашения Габсбургов на кремлёвский трон: в Европе и Москве царила уверенность, что больной, слабоумный и бездетный Фёдор не проживёт долго и не оставит

²⁴⁶ Так полагает, например, И. МАГИЛИНА, *Переговоры*, стр. 19.

²⁴⁷ J. NIEDERKORN, *Die europäischen Mächte*, стр. 449.

²⁴⁸ Заодно послу поручалось выяснить обстановку в Европе, особенно уточнить характер отношений кайзера с папой, Францией и Речью Посполитой: ПДС, том 1, столбцы 923-925.

²⁴⁹ *Ibidem*, столбцы 930-931.

наследника.²⁵⁰ Возможно, этот политически взрывоопасный вопрос Новосильцеву поручалось обсудить устно и секретно. Но предположу, что замена Фёдора другим царём не отвечала стратегическим стремлениям Бориса: он терял бы власть с приходом любого самостоятельного монарха. С точки зрения же борьбы между регентами с её неясным тогда исходом идея «царя Габсбурга», возможно, казалась Борису перспективной или просто удобной в силу своей нереальности: её можно было долго обсуждать, понемногу крепя свою собственную власть. В целом же, такое решение проблемы престолонаследия могло интересовать не Годунова, а скорее двор Рудольфа II. И там этот интерес был: следующая же миссия в Москву, возглавляемая Никласом Варкочем, получила наказ выяснить, кто и как будет наследовать Фёдору.

В отчёте Новосильцев информировал Посольский приказ о встречах с императорским советником Яном Вацлавом Попелом из Лобковиц и вершителями московской политики, включая экс-посла Даниэля Принца. Московита расспрашивали о московской экспансии на Кавказ, о перемирии с Польшей и Крымом и об отношениях с Персией.²⁵¹ Как из этого видно, имперский двор очень интересовался отношениями Московии и её соседей-мусульман с Турцией – и не было ли это зондированием почвы на предмет вовлечения Годунова в антитурецкую лигу? Ведь эта тема звучала и на полуофициальных мероприятиях, куда московского посла быстро вовлекла пражская знать. Новосильцева позвали к себе архиепископ Пражский Мартин Медек из Могельниц и архиепископ Калочи-Кечкемета Дьёрдь Драшкович, с 1584 года – гофканцлер Венгрии. Оба приняли его с почестями, и речь шла о важности общей борьбы против турок, хотя о договорённостях не сообщалось.²⁵² Да и сам Новосильцев 20 марта 1585 года получил аудиенцию у Рудольфа, которому изложил царскую просьбу о всеобъемлющем договоре с явным антитурецким подтекстом.²⁵³ Но тщетно; кроме того, против москвитов сыграла

²⁵⁰ Н. UEBERSBERGER, *Österreich*, стр. 496. Как станет видно дальше, тема русского престолонаследия очень интересовала двор Рудольфа и быстро оказалась в повестке двусторонних отношений в царствование Фёдора.

²⁵¹ ПДС, том 1, столбцы 940-942.

²⁵² *Ibidem*, столбцы 954-965. «Арцыбискуп Чешской Мартин Муглицын» и «Арцыбискуп Угорский Ян Драшкович», как называет их Новосильцев, несколько ошибаясь в титуле и имени. Оба дали в честь русского посла пиры, причём Мартин Медек лично встречал и провожал его. Посещение православным послом католического богослужения – явление исключительно редкое, как отмечает Михаил Бойцов, *Различные взгляды на посольство Ивана IV к императору Максимилиану II в 1576*, in: Михаил Бойцов (ред.), *Средневековая Европа: Восток и Запад*, Москва 2015, стр. 338. Но Новосильцев не просто побывал в соборе, но и доложил об этом, что ещё 15-20 лет назад в Москве, мягко говоря, не приветствовалось. Перед нами, видимо, картина не столько изменения нравов (хотя Новосильцев мог согласиться на посещение из личного интереса или чтобы добыть важную информацию), сколько готовности царского правительства найти общий язык с имперским двором: возможно, Новосильцев получил своего рода *carte blanche* на неофициальные контакты. Прагматизм взял верх над религиозными ограничениями.

²⁵³ ПДС, том 1, столбец 945 – «Чтобы кровь хрестьянская не лилась, а рука бы бесерменская не высилась», говорит Новосильцев. Посол вместе с тем получил сведения о 14-летнем перемирии империи с турками,

случайность: в Праге как раз получили весть о смерти папы Григория XIII, и двору кайзера уже явно было не до Новосильцева.²⁵⁴

III. 1. Польский вопрос как повод для сближения

В конце 1586 года последовала другая смерть, куда более важная для судеб Восточной Европы. 12 декабря умер польский король Стефан Баторий, главный враг Московии и победитель в Ливонской войне. Это разом ослабило польскую угрозу Москве, причём и на Граде, и даже в Кремле одновременно увидели шанс побороться за польскую корону. Поэтому имперские стратеги неожиданно быстро развернулись на восток. Уже в апреле 1587 года в Москву приехал посланник Генрих Гойгель с устным сообщением от Рудольфа II и грамотой от его брата, эрцгерцога Максимилиана.²⁵⁵ Так в имперско-московскую повестку ворвался польский вопрос.

То, в какой спешке проходила эта миссия, многое говорит о том, насколько серьёзной ситуация казалась Праге. Во-первых, Гойгель выехал ещё в феврале 1587 года и до Смоленска, по его словам, добрался менее чем за шесть недель. Во-вторых, Гойгель даже не успел написать о себе в Москву из Орши, вопреки обычаям имперско-московской дипломатии. Главным стал вопрос о претензиях Максимилиана на польский трон, который Гойгель требовал обсудить лично с царём Фёдором.²⁵⁶ Московию, как можно судить, польский вопрос занимал меньше турецкого: в ожидании аудиенции приставы информировали Гойгеля, что Персия готова во всём подчиниться московской линии, и о том, что Москва уже подчинила себе народы Северного Кавказа.²⁵⁷ Такая сознательная дезинформация послов была в Московии абсолютной нормой, но здесь она говорит и о том, что у царя считали данное внешнеполитическое направление приоритетным, не чувствуя, что приоритеты у Рудольфа II начали меняться.²⁵⁸ 20 апреля Гойгеля вызвали на аудиенцию к царю Фёдору, где он изложил цель своей миссии: Рудольф II и Максимилиан просили Москву о поддержке кандидатуры эрцгерцога на выборах короля Польши.

которое будет действовать ещё три года. При этом финансовое положение императора, как выяснил Новосильцев, плохое, что помешает нанимать людей для будущей войны: *«Цесарь казною небогат»* (Ibidem, столбец 951).

²⁵⁴ Ibidem, столбец 948.

²⁵⁵ С. БЕЛОКУРОВ, *Списки*, стр. 14.

²⁵⁶ Ibidem, столбцы 961-965. Баторий скончался 12 декабря 1586 года. Это означало выборы нового короля Польши, которые немедленно привлекли внимание соседних монархов.

²⁵⁷ О том, что приказы обманывать послов напрямую отдавались приставам, упоминает А. ХОРОШКЕВИЧ, *Россия*, стр. 538.

²⁵⁸ ПДС, том 1, столбец 968-970.

В Праге признавали, что статус Гойгеля для столь амбициозных просьб довольно низок: он был лишь посланником. Таким образом, в империи спешили. Но невозможность прислать полноценное посольство, которое должно было прибыть позже, у кайзера объясняли обилием важных дел перед выборным сеймом 30 июня.²⁵⁹ Как подчеркнул Гойгель, Максимилиан на польском троне будет выгоднее Москве и посрамит «собаку Турского [султана]», которого Гойгель постарался представить как главного союзника Польши. Вся комбинация, таким образом, должна была казаться Кремлю интересной и выгодной: Гойгель очень быстро получил аудиенцию у царя Фёдора с почётной встречей в Кремле.²⁶⁰

Империя предлагала Москве задействовать своё влияние среди участников польского сейма, чтобы победил Максимилиан либо сам Фёдор, если тот решит претендовать на польскую корону. За поддержку царю были обещаны союзнические договорённости не только с империей, но и с Испанией, «на всякого недруга заодин» — ещё одно доказательство, что «соединенье и dokonчанье», которого хотела Москва, никакого конкретного неприятеля пока не предполагало.²⁶¹ Гойгель всё же привёз на Град новость: царь Фёдор решился бороться за польский трон, но Москва готова добиваться его победы либо победы Максимилиана – смотря как пойдёт дело.²⁶² Здесь же звучит и проект широкой антитурецкой коалиции: получение польского трона Фёдором должно было помочь совместным действиям империи, Московии, Испании и Персии против Мурада III. Итоги визита Гойгеля можно интерпретировать так, что Годунову понравилась сама идея, но не темпы её реализации. Не дожидаясь имперской миссии, 15 января 1588 года у русского регента решают отправить в Прагу новое посольство Афанасия Резанова, который уже был в Чехии в 1580 году.²⁶³ Поводом стала напряжённость в Польше, где Максимилиан состязался за трон со шведским претендентом Сигизмундом Вазой.

²⁵⁹ Ibidem, столбцы 977-978.

²⁶⁰ Ibidem, столбцы 974-976. Отмечу две аудиенции за 10 дней, у главы Посольского приказа и у царя Фёдора, который принял Гойгеля в Золотой палате при большом карауле стрельцов.

²⁶¹ Ibidem, столбцы 978-980. Фёдор действительно был выдвинут претендентом в короли Польши, но согласие Праги с его кандидатурой выглядит формальным дипломатическим жестом. Неспособный к правлению царь заведомо не имел на элекционном сейме лидирующих позиций, тем более что у Рудольфа II не могли не понимать: больной и психически нездоровый «король Фёдор» станет скорее марионеткой магнатов, чем реальным союзником в совместной борьбе против Турции.

²⁶² Русским послам в Польшу приказали добиваться, чтобы «паны радные и все рыцарство обрали нас на те Государства, или брата твоего Максимилиана», и чтобы никакую другую кандидатуру ни одна из сторон поддерживала. Такой же наказ должен был дать своим послам и император. При этом гипотетическая победа Фёдора, заверяют в Москве, послужит делу имперско-русского наступления на Турцию «и на всякого недруга заодин»: Ibidem, столбцы 990-992.

²⁶³ Ibidem, столбец 1004. Но на этот раз Резанов ехал гонцом, и одновременно к Рудольфу II и Максимилиану – это понижение ранга миссии точно соответствовало визиту Гойгеля в аналогичном статусе.

20 января Резанов выехал в Прагу. Грамота Рудольфу II, которую он вёз, предлагала не поддерживать никакого кандидата на польский трон, кроме московского либо австрийского. Это выглядело как предложение о координации действий, но слишком бессодержательное: документ повторял уже одобренное Москвой предложение Рудольфа II. В грамоте звучал и упрёк: из Праги пока так и не было прислано обещанное посольство для заключения всеобъемлющего политического союза.²⁶⁴ Перед нами, тем самым, не более чем «декларация о намерениях» и дипломатический ход для поддержания диалога.

Диалог этот, однако, был обречён буксовать: никаких мер для продвижения русского либо австрийского кандидата не предлагалось, тем более что двойной трон к тому времени уже официально получил Сигизмунд III. Наконец, в Кремле пока и не знали об избрании Сигизмунда III: в наказе Резанову велено не встречаться с новым монархом Речи Посполитой, если того уже выбрали, и ссылаться на то, что Кремлю об этом официально не сообщили.²⁶⁵ В империи же Резанов, имея лишь статус гонца, не был уполномочен ничего обсуждать. Помимо прочего, ему поручалось сообщить Рудольфу II, что Годунов обменялся послами с Персией, и просил шаха Аббаса о посольстве для обсуждения договора с империей и сотрудничества трёх стран против турок – проект, который выглядел слишком амбициозным, учитывая возможности Московии и состояние её отношений с обеими монархиями.²⁶⁶

Примечательно, что грамота, которую Резанов вёз Рудольфу II, как и все грамоты с 1584 года, упоминала *«соединенье и докончанье»*, то есть союзный договор. Очевидно, что для его заключения Посольский приказ решил использовать и взаимодействие по польскому вопросу, причём такой же договор Годунов рассчитывал заключить и с Польшей, когда её возглавят Габсбурги.²⁶⁷

Из этого следует, что турецкий вопрос уже начал вытеснять на второй план вопрос о польском престоле, который, впрочем, ещё долго оставался в имперско-русской дипломатической повестке. Но борьба за польскую корону уже была проиграна: Резанов опоздал, едва покинув Москву. 25 января Максимилиан проиграл битву при Бычине, и сдался великому коронному гетману Яну Замойскому. Русская миссия срывалась: 29 января в Смоленске Резанов узнал о коронации Сигизмунда III в Кракове, но пока не о

Москва, следственно, жертвовала политической целесообразностью, чтобы подчеркнуть формальное равенство царя и императора. Но низкий статус гонца не соответствовал важности задач, которые стояли перед двумя дворами, и которые Резанову, возможно, пришлось бы срочно решать на месте.

²⁶⁴ Ibidem, столбец 1007.

²⁶⁵ Ibidem, столбец 1033: *«Государю нашему, Царю и Великому Князю, про того Короля ведома не было»*.

²⁶⁶ Ibidem, столбцы 1022-1025.

²⁶⁷ Ibidem, столбцы 1013-1018.

поражении Максимилиана.²⁶⁸ Отпускать гонца через Литву при недружественном новом короле Годунов не рискнул, и вместо Резанова в Прагу 8 февраля отправился имперский агент Лукас Паули, с тем же предложением: продвигать русского либо австрийского кандидата вопреки избранию Сигизмунда III.²⁶⁹ Только 15 февраля пришла весть о пленении Максимилиана, и Резанова отозвали назад.²⁷⁰

III. 2. Первая миссия Варкоча (1589): империя наводит мосты

Паули же вернулся 3 сентября 1588 года и сообщил о предстоящем визите имперского посольства, которое в Праге наконец-то начали готовить.²⁷¹ Теперь дипломатическая инициатива перешла к Рудольфу II, у которого ставили амбициозные задачи на московском направлении: освобождение Максимилиана и даже, по обстоятельствам, добывание польского трона. Миссия в Москву была отправлена в октябре 1588 года, а во главе её встал опытный дипломат, силезец Никлас Варкоч.²⁷² Ему предстояло узнать, поможет ли Москва Максимилиану Габсбургу занять польский трон, каковы перспективы антитурецкой лиги с участием Московии, и кто будет наследовать бездетному царю Фёдору.²⁷³ Последний вопрос так интересовал кайзера, что в инструкции он приказал Варкочу сделать почти невозможное – добыть завещание Ивана Грозного либо его копию, или, в крайнем случае, узнать из достоверного источника его содержание.²⁷⁴ Поэтому

²⁶⁸ Даже 4 февраля Резанов, оторванный от реальности, ещё докладывал о мнимых успехах Максимилиана, который «многие города поимал» и будто бы шёл короноваться в Краков.

²⁶⁹ Ibidem, столбцы 1048-1049, столбец 1057. Паули здесь называется немецким купцом из Гамбурга – «Анборские земли торговым человеком Немцином». Его сообщение императору на всякий случай было продублировано: в Прагу через Любек был послан русский агент, московский купец Тимоха Выходец, который о миссии Паули знал: Ibidem, столбцы 1075-1079.

²⁷⁰ Ibidem, столбец 1083.

²⁷¹ Новый год в Московии 16 столетия отсчитывался с сентября, а не с января, как в имперском грегорианском календаре, и в русских источниках эта дата обозначается как «3 сентября 7097 / 1589 года», наступавшего, таким образом, раньше, чем в Европе.

²⁷² Лукас Паули сообщал (Ibidem, столбец 1103), что Варкоч выехал 3 октября, но это явная ошибка. Императорская инструкция Варкочу датирована 6 октября: *Instructio pro Nicolao Warkotz, 6 octobris 1588*, в: Отчёт о 21 присуждении наград графа Уварова, Санкт-Петербург 1880, стр. 115-116. Варкоч — один из самых известных представителей дворянского рода, который пришёл в Силезию из Венгрии в 1503 году и воевал против турок: Petr MAŠEK, *Šlechtické rody v Čechách, na Moravě a ve Slezsku od Bílé hory do současnosti*. Díl II, Praha 2008, стр. 426. Варкоч уже ездил послом в Польшу до своих путешествий в Москву. Силезское происхождение, видимо, способствовало карьере дипломата: в миссиях в Московию и Польшу силезцы были почти «монополистами»: J. POLIŠENSKÝ, *Poselství*, стр. 12. В 1596 году Варкоч ещё находился на активной придворной службе, о чём свидетельствует документ о его вызове ко двору: Haus-, Hof und Staatsarchiv Wien, собрание AT-OeStA/HHStA RHR Judicialia miscellanea 91-16, документ Warkotsch, Niklas, wegen Verfügung an den kaiserlichen Hof, 1596.

²⁷³ С. ПЛАТОНОВ, *Под шапкой*, стр. 160-161. В Праге надеялись на унию с Москвой после поддержки ею претензий Максимилиана на Польшу.

²⁷⁴ «...dass der wo möglich solch Testament zu sehen bekommen und Copi darvon erhalten; oder da dasselb nit sein könnte, allain die Copi sehen, oder doch zum wenigsten berürten Testaments halben einen eigentlichen bericht

Нидеркорн даже считает вопрос о русском троне главной целью миссии, однако в этом надо усомниться: в отчёте Варкоча эта тема не доминирует.²⁷⁵ Более того, активизация столкновений на венгерско-османских границах вопреки перемирию 1584 года, служила в Праге поводом для постоянного беспокойства, толкавшего кайзера к действию.²⁷⁶

В середине февраля 1589 года Варкоч прибыл в царство и сразу оказался под прессингом русских дипломатов. Как ему быстро дали понять в Посольском приказе, у Годунова были недовольны нерешительностью Габсбургов: те слишком долго терпели от поляков унижительное пленение Максимилиана. Из этого видно, что в Посольском приказе, по понятным причинам, хотели бы направить усилия империи против Польши. Варкоч вынужден был доказывать, что дело решится миром, и что поляки якобы сами навязали переговоры. Но одновременно он предложил и объединить дипломатические усилия Москвы и Праги против Сигизмунда III.²⁷⁷

Но в Москве Варкоча постигло неприятное известие: 28 мая он узнал от здешних дипломатов, что Максимилиан был отпущен из польского плена на условиях отказа от претензий на трон; таким образом, Габсбурги окончательно проиграли в Польше. Миссия едва не была сорвана: Посольский приказ открыто обвинил посла в дезинформации и двойной игре. Русские считали, что теперь Максимилиан объединится с поляками против них, о чём Варкоч и его кайзер не могли не знать – сценарий, который не выглядел реалистичным. Это могла быть неосведомлённость Посольского приказа на почве давних антипольских страхов, или, что тоже возможно, попытка дипломатического давления на Варкоча, для которой выдался удачный повод. Косвенно эту версию поддерживает то, что посол был вынужден оправдываться и даже давать гарантии: о «*злополучных новостях*» он не знал, но это лишь польская пропаганда. Эрцгерцог Максимилиан замыслов против царя не вынашивал, а московский курс Праги останется прежним, заверил Варкоч.²⁷⁸

Как бы в доказательство этого Рудольф II ставил вопрос о сотрудничестве в одной из грамот, которые привёз посол – адресованной, что характерно, не царю, а сразу Борису Годунову, реальному правителю царства. С ним он ставил вопрос об антитурецком союзе – этот вопрос Прага попросила держать в секрете от турок, а также от Франции и Англии,

empfohlen möchte» — задача крайне амбициозная, учитывая закрытость русского двора от иностранцев и большое политическое значение вопроса: *Instructio pro Nicolao Warkotz*, стр. 115.

²⁷⁵ J. NIEDERKORN, *Die europäischen Mächte*, стр. 453. В императорской инструкции Варкочу тема завещания Грозного действительно доминирует. Но с такой точкой зрения трудно согласиться, учитывая, что в отчёте Варкоч сделал акцент на проблемах союза с Россией и антитурецкой коалиции – темы союза и русского престолонаследия выглядят равноправными.

²⁷⁶ Об этом L. RYBÁR, *Misia*, стр. 219.

²⁷⁷ J. POLIŠENSKÝ, *Poselství*, стр. 91.

²⁷⁸ *Ibidem*, стр. 100-101.

которых у Рудольфа II считали союзниками Высокой Порты. Император намеревался обсудить этот вопрос на имперском сейме в июле того же года, пока Москва, как были уверены в Праге, обсуждала с Персией время и способы турецкой кампании.²⁷⁹

По вопросу антитурецкой коалиции москвиты лишь заверили Варкоча: Персия не заключит мир с турками и даже возобновляет с ними войну.²⁸⁰ В свою очередь, в Кремле попросили Рудольфа II прислать ещё одно посольство, для обсуждения более широкой антитурецкой коалиции – теперь с участием папы, Испании и Персии. Тем самым, единственный реальный результат, которого достигла миссия, помимо обмена намерениями – выяснить позиции русских и узнать расстановку сил при царском дворе. Варкоч убедился в реальной власти Годунова и доносил, что Борис предан Габсбургам, и потому нужно заключать союз с Москвой и примирять её с Польшей и Швецией.

До отъезда Варкоч обеспечил себе важную встречу: он сам попросил об аудиенции у Бориса Годунова, с которым говорил наедине через переводчика. Никлас Варкоч передал регенту просьбу императора об отправке русского посольства в Персию, так как Прага опасалась примирения персов с турками.²⁸¹ К этой встрече, отмечу, располагала новая структура московской власти: теперь эмиссарам приходилось видеться не только с царём, но и с регентом, чем Варкоч, видимо, и воспользовался для ускорения миссии. 11 июня на отпусковой аудиенции у Годунова пообещали привлечь в антитурецкую коалицию персидского шаха и участвовать в ней. Персы же, как заверили в Москве, должны были привлечь к кампании правителей Бухары и Ургенча, Грузии, Тюмени и северокавказской Окоцкой земли – обещание внушительное, но неисполнимое, что в империи, возможно, не могли осознавать: едва ли там хорошо представляли себе южные окраины Московии.²⁸² Но как минимум готовность к сотрудничеству Москва продемонстрировала – ещё одно свидетельство нового, «постливонского» этапа отношений.

Главное послание, которое Варкоч увозил из Москвы, было адресовано Рудольфу II от царя Фёдора и посвящено исключительно перспективам договора, *«соединенья и*

²⁷⁹ О такой уверенности прямо сообщил в Кремле Варкоч: Ibidem, стр. 114.

²⁸⁰ Ibidem. В реальности альянс персов и России против Турции не сложился: примирившись с шахом, османы как раз и начали войну против Габсбургов: J. PROCHÁZKA, *Cesta*, p. 258.

²⁸¹ ПДС, том 1, столбцы 1168-1173. Одновременно Варкоч передал Годунову письмо, написанное польски, то есть замкнул переговоры лично на регента, надеясь именно на его решение: польским Годунов владел.

²⁸² Дословно *«Князь Окутцкой»*: Ibidem, столбцы 1177-1182. Русский писец подчёркивает, что ритуальное оформление этой аудиенции было таким же, как и у первой встречи Варкоча во дворце, то есть достаточно пышным (*«встреча ему была по-прежнему, как было у Государя на приезде»*). Судя по тому, что в отпусковых речах звучала исключительно турецкая тема, именно её можно считать главным содержанием данного посольства Варкоча.

докончанья» против всех внешних врагов, отдельно среди которых указаны турки.²⁸³

Вопрос борьбы Максимилиана за польскую корону для Москвы, однако, не был закрыт: в отдельной грамоте эрцгерцогу царь Фёдор обещал добиваться его прихода на польский трон, что, впрочем, уже выглядело лишь политической декларацией.²⁸⁴ У Годунова же очевидно увлеклись: если обновление дипломатической коммуникации начиналось с возобновления договора о дружбе, то по окончании миссии Варкоча Кремль уже предлагал работать по всем направлениям сразу, включая Турцию и Польшу.²⁸⁵

Это намекает на то, что в Москве искали направление для реального сотрудничества, на котором зиждился бы союз с империей, и не находили: Польша была уже проиграна, а серьёзное вмешательство в турецкую игру Москва явно не планировала. Здесь же следует упомянуть грамоту, которую Годунов отправил Рудольфу II с Варкочем. Там звучало предложение расширить будущий союз за счёт Испании, причём не с добавлением Мадрида к имперско-русскому «докончанью», а о союзе всех трёх монархов сразу, причём в Москве, которая тем самым претендовала на лидирующую роль в этом союзе, что выглядело смелой идеей.²⁸⁶ Годунов, таким образом, внезапно предложил не просто слишком широкую повестку, но и намекнул на готовность возглавить это сотрудничество.

В империи не собирались играть по таким правилам, и это подтвердило послание от Варкоча, которое Посольский приказ получил 8 июня 1590 года, уже после отъезда посла; грамота Годунову была написана из Праги, куда посол вернулся в ноябре. По сути, это отчёт о дороге, только адресованный не своему, а принимающему правительству.²⁸⁷

Варкоч анонсировал отправку в Москву нового посольства от императора для обсуждения всех вопросов, кроме стратегического союза, который дипломат по каким-то причинам уже не упоминал. Здесь очень показательно, что деловую переписку по практическим вопросам Варкоч ведёт с Годуновым напрямую, вероятно, в силу их договорённости: у этого послания нет стандартного формального дубликата на имя царя Фёдора, как это было принято. Следовательно, коммуникации между двумя монархиями начали получать новый импульс и более доверительный характер.

²⁸³ Ibidem, столбец 1194.

²⁸⁴ Ibidem, столбец 1199.

²⁸⁵ Ibidem. Турецкий вопрос относился на среднесрочную перспективу, до встречи с послами папы и короля Испании, но показательно, что турецкий и польский вопросы в Москве теперь упоминают в тесной связке.

²⁸⁶ Ibidem, столбец 1205: «А как у Государя нашего, Его Царского Величества, Вашего Цесарского Величества великие послы и Ишпанского Короля послы будут, и Государь наш... велит с ними боярам своим о всём договор учинить и докончанье утвердить».

²⁸⁷ Ibidem, столбец 1231.

В доказательство этого летом 1591 года от Варкоча в Москву пришли еще два необычных послания – ни один другой дипломат 16 века такую интенсивную полуофициальную переписку с Кремлём не вёл. Они показывают, что силезец пользовался в Кремле доверием, или, по крайней мере, сам так думал, поскольку улаживал не только официальные дела. В первом письме Варкоч просил царя взять на службу итальянского графа Иеронима Шкота, который хотел попасть в Москву ещё при Грозном. Это инициатива самого Варкоча, не согласованная ни с кем. На это указывает его слова *«мне... о том приказу не было»*, и неожиданно почтительный стиль, не свойственный его посланиям в Кремль.²⁸⁸ Учитывая, что Шкот мог быть имперским агентом, о чём будет сказано ниже (а Варкоч должен был это знать), такая рекомендация выглядит неоднозначно: то ли два двора получали шанс крепить связи, то ли в Праге рассчитывали ещё и заполучить «двойного агента», источник информации в Москве.

Второе письмо личное и потому ещё интереснее. Варкоч писал, что в августе 1591 года выдаёт замуж дочь Анну, и на свадьбе обещал присутствовать сам Рудольф II. Посол просил Фёдора о подарке, *«жаловании новобрачным»*, ссылаясь на имперские традиции одаривать верных придворных к свадьбе – хотя неясно, как это *«верным придворным»* царя оказался вдруг имперский посол, дворянин на службе кайзера. Значило ли это, что силезец тайно выполнял какие-либо секретные двусторонние поручения? Взамен Варкоч обещал верно служить царю, *«не щадя живота своего и крови»*, и всюду славить его имя.²⁸⁹ К свадьбе дочери Варкоч вообще готовился тщательно, явно стараясь упрочить так своё положение при дворе. Письмо об этом обнаружилось и в Австрийском государственном архиве: 21 мая 1591 года Варкоч действительно пригласил на это празднество кайзера.²⁹⁰

Оба письма Варкоча царю, по традиции, были продублированы и Годунову, которого Варкоч тоже просил о подарке. Шкота, кроме того, он представил Борису как учёного и полезного советника. Иерониму Шкоту ответил сам Годунов: он обещал доложить царю о его деле и предположил, что граф будет взят на русскую службу, а пока выслал ему в подарок 40 соболей.²⁹¹ Варкочу же Годунов выразил недовольство тем, что тот ничего не писал по *«большому делу»*: Прага молчала о подготовке союза с Москвой. Между тем, до

²⁸⁸ Ibidem, столбцы 1235-1237. *«Вашего Пресветлейшего Величества униженный слуга»*, — подписался Варкоч, в первый и последний раз. «Величеством», как будет показано ниже, австрийцы ни царей, ни Годунова не именовали.

²⁸⁹ Ibidem, столбцы 1239-1244.

²⁹⁰ Warkotsch von Nobschitz, Niclas, Einladung zur Hochzeit seiner Tochter und Präsent, 1591.05.21, W40, Österreichisches Staatsarchiv, собрание AT-OeStA/FHKA SUS Fam.A., документ W40,

²⁹¹ ПДС, том 1, столбец 1246.

Бориса дошли слухи о мирных переговорах кайзера с турецким султаном, а также о подготовке Габсбургами династического брака в Литве.²⁹² Упрёк Годунова Варкочу: «Ты, зачав такие великие дела, ко мне о том... ничего не писал, а пишешь о невеликих делах», указывает, что они договорились о переписке для подготовки союза – очевидно, указанный союз был отражен в отчёте Варкоча, что вполне могло привести посла к мысли, что он пользуется доверием.²⁹³ Подарок на свадьбу Годунов всё же послал: как и граф, Варкоч получил традиционные 40 соболиных шкур.

Об итогах первой миссии Варкоча красноречивее всего говорит его отчёт. Перспективы антитурецкой лиги он считал благоприятными, но его лавный вывод – необходимость союза с Москвой для борьбы против турок и за польский трон. Основанием для него Варкоч видел общность политических интересов и христианской веры, в которой русские очень тверды; они же, кроме того, охраняют Европу от мусульман.²⁹⁴ Московиты и сами заинтересованы в союзе и ищут дружбы империи. Что немаловажно, после смерти царя Фёдора Борис будет искать опору именно в союзе с императором, предполагал Варкоч.²⁹⁵ Союз с московитами тем нужнее, что иначе они повернут оружие против немцев, а их богатства послужат врагам империи, опасался посол.²⁹⁶ Впрочем, эти опасения выглядят скорее способом повлиять на Рудольфа II.²⁹⁷

На вопрос о «русском наследстве» посол не даёт решительного ответа, и предположительно, в 1589 году ответа на него вообще пока не было. Наследника либо преемника Фёдора ещё вряд ли можно было установить. Царь и его супруга Ирина Годунова не оставляли попыток родить царевича, и ответ крылся скорее в перспективах Бориса Годунова либо другого сановника основать свою династию, если наследник не появится. Из отчёта Варкоча следует, что Годунов имел шансы воцариться после Фёдора, хотя проницательный посол и не верил в способность «*герра Бориса*» создать прочную династию. Варкоч предвидел династический кризис, который в 1605 году и правда грянул.

²⁹² Ibidem, столбец 1248.

²⁹³ В отчёте о миссии Варкоч упоминал, что Годунов просил присылать ему зашифрованные известия на польском языке, так как Борис понимал по-польски – явное указание, что контакты с империей Годунов желал замкнуть на себя как стратегически важные: J. POLIŠENSKÝ, *Poselství*, стр. 110. Следов этой зашифрованной личной переписки Варкоча и Годунова, однако, в архивах найти пока не удалось.

²⁹⁴ Ibidem.

²⁹⁵ Ibidem, стр. 119.

²⁹⁶ Ibidem, стр. 120.

²⁹⁷ Варкоч отметил, что русским не хватает обученных войск и они слабы в открытом бою, но при этом наёмникам не доверяют: Ibidem, стр. 119.

Но затем Варкоч сообщил кайзеру куда менее правдоподобное известие, которое в историографии небезосновательно называли «*небылицей*».²⁹⁸ Выполняя наказ Рудольфа II, он писал о мнимом завещании Грозного, которое категорически запрещало Борису занимать должности при дворе и в правительстве. По Варкочу, так возникли партия Годунова и партия его противников, мечтавшая соединить Московию с Речью Посполитой. В результате острой борьбы оппоненты Бориса были перебиты либо сосланы, а само завещание Годунов уничтожил, писал Варкоч.²⁹⁹ В его рассказе есть приписка «так, по крайней мере, утверждает Борис», из чего следуют два вывода. Во-первых, сам Варкоч верил в эту историю не до конца, хотя противники Годунова, которых тот подозревал в сношениях с Польшей, не были выдуманы: как доказывает Борис Флоря, речь шла о боярах Шуйских.³⁰⁰ Во-вторых, посол либо имел с Борисом доверительную беседу, либо слышал этот рассказ от других русских.³⁰¹ Беседа с Годуновым кажется менее вероятной: рассказ о завещании прямо компрометирует Бориса как узурпатора, хотя мог быть выдуман им для оправдания своей борьбы с оппонентами. Но скорее, Варкоч услышал о завещании от русских собеседников в Кремле. Возможно, это были недоброжелатели Годунова, которые пытались использовать Варкоча во внутриполитической борьбе – и так силезец заключил о непрочном положении регента.

Варкоч также доносил, и снова ошибочно, что Московия готова помогать Максимилиану Габсбургу, а Борис якобы говорил о необходимости бороться за Польшу.³⁰² В этой связи отмечу другой рассказ Варкоча, который тоже не подтвердился. Посол от «*достойных доверия лиц*» узнал, что русские дадут Максимилиану 3 миллиона гульденов для борьбы за Польшу. Деньги предполагалось прислать оригинальным способом: переплавить в слитки, залить воском и отправить из Архангельска с посольством самого Варкоча.³⁰³ Лицо, которое, якобы, и посоветовало Годунову такое решение – это, скорее всего, Ян де Валле, фламандский купец из Антверпена с русским прозвищем «Иван Белобород», одновременно агент испанского двора.³⁰⁴ Но никто, кроме Варкоча, о грузе не сообщал, и

²⁹⁸ С. ПЛАТОНОВ, *Очерки*, стр. 146.

²⁹⁹ J. POLIŠENSKÝ, *Poselství*, стр. 117.

³⁰⁰ Б. ФЛОРИЯ, *Русско-польские отношения*, стр. 139.

³⁰¹ Примечательно, что в рассказе нет конкретных событий и имён «побежденных врагов». Кроме того, он не имеет ничего общего с постепенным и относительно мирным восхождением Бориса к вершине регентской власти, которое обошлось без серьёзных репрессий.

³⁰² J. POLIŠENSKÝ, *Poselství*, стр. 110.

³⁰³ *Ibidem*, стр. 98.

³⁰⁴ То, что Белобород был агентом испанских Габсбургов, доказывает Яков ЛУРЬЕ, *Английская политика на Руси в XVI веке*, Учебные записки ЛГПИ 61, 1947, стр. 131-133, и Яков ЛУРЬЕ, *Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI века*, in: Александр ЗИМИН, Владимир ПАШУТО (ред.), *Международные связи России до XVII века*, Москва, 1961, стр. 435-437. Налицо, таким образом, попытки габсбургской агентуры и дипломатов согласовывать действия в Москве. Как отмечалось выше, «Иван

серебро явно не было отправлено. В архивах есть записи об отпуске Белобороду какого-то количества воска из московской казны для вывоза из Архангельска, но отправку огромной суммы денег это не подтверждает, и в дальнейшем она никем не упоминается, что было бы подозрительно, если бы она реально была.³⁰⁵

Такое обилие недостоверных данных, которую привёз из Московии Варкоч, наводит на определённые размышления. Неужели разные московские группировки использовали его для передачи в империю выгодной им информации: враги Годунова постарались выставить его перед кайзером узурпатором, а сам Борис решил снабдить Рудольфа II своей готовностью участвовать в борьбе за Польшу? Или, возможно, сам Варкоч ещё тогда не осознал склонность своих русских визави к дезинформации? Нельзя согласиться с Сергеем Платоновым в том, что Варкоч был в Кремле одурачен и лишь снабжал императора «*баснями*»: как было показано, как силезец старался отсеять явный вымысел.³⁰⁶ Из информации, которую силезец собрал в Москве, он сделал в целом правильные выводы, которые впоследствии легли в основу его дальнейших миссий: положение Годунова шаткое, а русские достаточно богаты, чтобы можно было попробовать добиться от них реальной помощи, пусть и не мифических миллионов.

III. 3. Вторая миссия Варкоча (1593): турецкий вопрос на первом плане

Богатая повестка русско-имперских отношений вскоре получила новый импульс благодаря Долгой войне, из-за которой летом 1593 года в Москву снова был отправлен Никлас Варкоч. Обстоятельства подготовки миссии можно интерпретировать так, что ожидания от неё были заведомо скромны. Хотя Варкочу при императорском дворе явно доверяли, сначала его предполагали снабдить некой «*надёжной особой*», которая могла

Белобород» содействовал тайной отправке Варкоча морем в империю – то есть выполнял и поручения русского двора, будучи облечён его доверием. По данным на 1583 год он имел исключительное право использовать Пудожерскую пристань на Беломорье, куда не пускали даже дружественных англичан. Де Валле ценили при дворе, куда он доставлял предметы роскоши: С. СОЛОВЬЁВ, *История*, стр. 186. Белобород имел дом недалеко от Кремля, где московские дипломаты в августе 1594 года даже разместили имперского представителя Хлопицкого: ПДС, том 2, столбец 4.

³⁰⁵ Документы об этом проанализировал В. ОРЛОВ, *Новые данные*, стр. 75-76. Воск относили к стратегическим товарам, его отпуск контролировался строго. Белобороду выдали, но затем забрали назад 300 пудов воска (чуть менее 5 тонн). Далее встречается цифра в 600 пудов, но в итоге на корабль он грузит меньше, 547 пудов. Но этого вряд ли достаточно для маскировки огромной суммы в 3 миллиона гульденов, которая не встречается ни в русских, ни в имперских документах ни раньше, ни потом. Предположу, что Белобород намеренно или невольно ввёл Варкоча в заблуждение, а затем московское правительство передумало инвестировать в сомнительное предприятие. Косвенным опровержением отправки денег служит и путь посольства. Корабли с Варкочем шли в Амстердам через Оркнейские острова и вдоль Британии – рискованный маршрут, где враждебные Габсбургам англичане могли отобрать и воск, и серебро.

³⁰⁶ С. ПЛАТОНОВ, *Очерки*, стр. 169.

бы вести переговоры вместе с ним или даже помимо него.³⁰⁷ Возможно, имперские стратеги считали задачу слишком трудной для одного переговорщика, но можно предположить, что опасение вызывало здоровье Варкоча: как выяснится позже, в следующих двух миссиях в Московию силезец тяжело болел.

Во второй раз Варкоч приехал в Москву уже в сентябре 1593 года, причём важнейшую весть о войне с турками он сообщил москвитам, даже не достигнув Кремля.³⁰⁸ Так обычно делалось у русских с главной темой визита. Это ключевое событие следующих пятнадцати лет имперской политической повестки вынудило Рудольфа II активизировать усилия по поиску войск, денежных сборов, помощи и кредитов на военные кампании, при поддержке Испании, итальянских государств и особенно Святого престола.³⁰⁹ Другим направлением борьбы против османов становится заключение широкой антитурецкой коалиции, которое удалось лишь частично. В рамках проекта Александра Комулея (Комуловича) папская курия, а параллельно и двор Рудольфа II, возобновили попытки привлечь к альянсу славянские и православные земли, включая Московию. Среди тех, кто решал эту задачу, логичным образом оказался «специалист по русским» Варкоч: он уже прощупал почву для участия москвитов в альянсе четыре года назад, когда Москва, как уже говорилось, согласилась обсуждать антитурецкие действия.

На первую аудиенцию Варкоч попал 20 (30) сентября, а через два дня он вручил Посольскому приказу письмо с разъяснением позиции императора по антитурецкой лиге и войне с Османской Портой.³¹⁰ По заверению Варкоча, Рудольф II надеялся ещё на три года перемирия с турками, но их постоянные нападения спровоцировали империю на активные боевые действия. Войну с Турцией посол преподносил как дело всех христианских монархов, которые должны внести свой вклад в общую победу.³¹¹ А чтобы и царь Фёдор мог присоединиться к этой борьбе, император выразил готовность

³⁰⁷ J. MATOUŠEK, *Turecká válka*, стр. 157.

³⁰⁸ ПДС, том 1, столбцы 1252-1266. Варкоч отправился в Московию немедленно после начала боевых действий, возможно, ускоривших его отъезд, который готовился с апреля. Победа империи при Сисаке состоялась 22 июня 1593 года, а уже 22 июля Варкоч выехал (С. ГЕЙС, *Описание*, с. 2.) Эту битву посол описал весьма точно: «*На реке на Кулне [Купе] цесаревы деи люди... город у Турского [султана] взяли, а имя городу Новая Петрина. А в том деи городе убили папу Баснинского [боснийского]*» (ПДС, том 1, столбец 1257.)

³⁰⁹ Первые суммы папа Климент VIII прислал кайзеру ещё в 1592 году, до начала активных боевых действий: J. NIEDERKORN, *Die europäischen Mächte*, стр. 70-71.

³¹⁰ Relatio, лист 17: «*Denn 30 tag Septb. bin ich für denn herrn Grossfürstenn erfodert worden*». В отличие от книг Посольского приказа, в отчёте Варкоча о второй миссии это письмо не пересказывается, так как посол вряд ли видел в этом необходимость.

³¹¹ ПДС, том 1, столбцы 1271-1275.

посредничать в примирении Московии со Швецией.³¹² Речь в письме, таким образом, идёт только о коалиции против турецкого султана, а уже не об имперско-русском союзе. Это же сообщение Варкоч передал Годунову на личной встрече наедине 7 (17) октября, прибавив пожелания: помочь военным усилиям империи, в том числе материально и вынудить татар к прекращению набегов на венгерские земли императора. Кроме того, Москве следовало привлечь запорожских казаков для борьбы с турками и предотвратить примирение персидского шаха с Турцией.³¹³ Здесь надо отметить, что к тому моменту перспективы «тройственного союза во главе с Москвой» с Долгой войной автоматически сошли на нет: ведущую роль в конфликте и переговорах теперь играла империя.

Решая задачи миссии, Варкоч воспользовался присутствием в Москве Ази Хосрова, посла персидского шаха Аббаса. Прямых переговоров Посольский приказ, однако, не допустил, явно чтобы не лишаться важных посреднических преимуществ. 23 октября (по русским книгам 12 октября) перса посетил имперский дипломат Христофор Унруг, и в этот же день Варкоча навестил член персидской миссии.³¹⁴ Единственным итогом стали декларации о намерениях: имперцы и персы провозгласили необходимость действий против Турции, координируемых через Москву – мера сомнительной эффективности, учитывая географическую отдалённость трёх государей, и тот факт, что как раз Московия единственная из троих боевых действий против Порты не вела, и даже не граничила с ней.³¹⁵ Столь важная роль Москвы, далее, не отвечала её международному авторитету и дипломатическим возможностям: в этой роли логичнее предположить империю. Кроме того, внезапная смена власти и приход шаха Аббаса, который считал войну с турками в данный момент непродуктивной, не сулила участия персов в коалиции.³¹⁶

Ответ на предложения Рудольфа II Варкоч услышал на следующей царской аудиенции 14 октября (русская датировка). Прежде всего, московских стратегов заинтересовало предложение о посредничестве императора в мире со Швецией. Условием мира в Кремле назвали передачу ряда ливонских городов, включая Нарву, которую русские так и не

³¹² Relatio, лист 33 оборотная сторона. С 1590 Московия пыталась отвоевать у Швеции часть ливонских земель, тогда как Стокгольм хотел отбросить русских дальше на восток. Решительных успехов никто не добился; к приезду Варкоча действовало перемирие с января 1593 года.

³¹³ ПДС, том 1, столбцы 1278-1282. Ян Пауль Нидеркорн, со ссылкой на инструкцию Рудольфа II послу, считает именно денежное требование главной целью миссии – которая, в таком случае, не совсем удалась, так как помощь Годунова в этот раз не поступила: J. NIEDERKORN, *Die europäischen Mächte*, стр. 454. Получение денег как приоритет намекает: в реальность антитурецкой лиги с участием Московии в ближайшее время у Рудольфа II не очень верят.

³¹⁴ То, что переговоры контролировал Посольский приказ, подтверждается неизменным присутствием русского переводчика и полными русскими отчётами о беседах имперских и персидских дипломатов.

³¹⁵ «Чтоб им, Великим Государям нашим, послы и посланники ссылатись меж себя через Великого Государя Царя»: ПДС, том 1, столбец 1293.

³¹⁶ L. RYBÁR, *Misia*, стр. 228.

сумели завоевать.³¹⁷ На тот момент между Московией и Швецией действовало перемирие из-за смерти в 1592 году шведского короля Юхана III, так ненавистного Москве, отсутствия крупных успехов сторон, несмотря на ряд русских побед, и как считается, из-за чрезмерной осторожности Годунова.³¹⁸ Но сдача стратегической Нарвы выглядела для шведов неприемлемым условием, что позже подтвердил Тявзинский мир 1595 года. Тем самым, эффект от посредничества Рудольфа II заметно снижался. Тем не менее, оно оставалось доводом в переговорах с Москвой, которая на такой вариант согласилась.

Московия также пообещала выполнить просьбу Рудольфа II – прекратить набеги татар на Венгрию и удержать Персию в состоянии войны с Турцией; с этой целью предполагалась отправка послов в Крым и к шаху Аббасу.³¹⁹ Заодно Посольский приказ вновь поднял тему союза, который Варкоч и на этот раз обходит стороной. А участие в антитурецкой лиге Москва прямо увязала с её составом: в Кремле хотели знать, кто ещё из европейских монархов готов присоединиться. Кроме того, одним из условий ее создания теперь было названо фактическое воцарение в Польше эрцгерцога Максимилиана.³²⁰ Это требование, в сущности, намекало на то, что активных действий от Московии пока ждать не стоит: в тяжёлую Долгую войну Габсбурги уже не могли позволить себе расплывать силы на Польшу. Годунов как будто тянул время, понимая, что сам же увязал антитурецкую линию с желанным союзом с империей.

Правительство Годунова затем предложило включить в проект антитурецкой лиги и Максимилиана, который формально уже оставил польские амбиции, и откровенно враждебного короля Швеции. Туда же должны были войти немецкие и итальянские князья, что делало проект совсем уж нереалистичным. Можно предположить, что таким образом русское правительство пыталось вернуть повестку переговоров к первоначальному замыслу – полноценному имперско-русскому союзу, но без турецкой повестки. Никлас Варкоч же считал широкий альянс нереальным: Дания, по его словам, ни с кем воевать не будет, а Польша проигнорирует любой союз, в котором будет

³¹⁷ ПДС, том 1, столбцы 1301-1303. По Тявзинскому миру 1595 года Швеция не отдала стратегическую Нарву, хотя Россия получила Ивангород и ряд других городов. Варкочу при этом пришлось выслушать длинную речь об историческом праве Москвы на «отчинные» Новгородские и Ливонские земли и о безуспешных мирных переговорах.

³¹⁸ То, что Борис был «неискусен в военном деле» и вёл «нерешительную, двусмысленную внешнюю политику», не сумев воспользоваться раздорами Польши и Швеции, хотя и победил шведов в войне, остро подметил ещё Василий Ключевский, *Русская история. Полный курс лекций*, Москва, 2005, стр. 432.

³¹⁹ ПДС, том 1, столбцы 1303-1305.

³²⁰ «А как... Максимилиан будет на Королевстве Польском, и те поры брату нашему Руделфу Цесарю, сославшись с папою Римским, и с королем Ишпанским, и с Датским, и с Свейским... и учиняясь с ними в соединении, с Божьей помощью, можно против Турского стати»: Ibidem, столбцы 1316-1317.

империя. По мнению Варкоча, для действий против Турции Москве должно быть достаточно и того, что на стороне Рудольфа II выступают Испания и папа римский.³²¹

Переговоры зашли в тупик; неслучайно уже здесь прозвучала просьба Варкоча отпустить его домой. Заключение союза против турок в составе империи, Испании, папы римского и Московии, настаивал он, должно проходить в Праге, куда по возвращении Варкоча будут вызваны испанский и папский послы. Посольский приказ немедленно отказался: договор должен быть подписан в Москве, а затем подтверждён в остальных столицах, поскольку так «в обычае ведётся».³²² Ссылка на обычай – универсальный дипломатический довод раннего нового времени, но она не объясняет, почему периферийная во всех отношениях Москва должна играть лидирующую роль, так что идея была заведомо непроходной.

Обсуждение того, с кем и на чьей территории заключать договор против турок, продолжилось и на царской аудиенции 23 октября (русская датировка) и ни к чему не привело. Аудиенция всё же имела ряд практических итогов. Посольский приказ сообщил Варкочу, что послы в Крым и Персию для удовлетворения просьб Рудольфа II отправлены. А когда посол вновь попросил финансовой помощи, то получил уклончивое согласие: Москва поможет, но в будущем, когда турецкий султан начнёт наступление на Рудольфа II.³²³ Там же стороны согласовали порядок шведского урегулирования, которое предполагало скорейшую отправку имперских, а затем и царских дипломатов на переговоры в Нарву весной 1594 года.³²⁴ Таким образом, больше никаких задач у миссии не оставалось, и 30 октября (русская датировка) последовала отпускная аудиенция Варкоча у царя. В грамоте от царя Фёдора, которую посол отвёз императору, зафиксировано согласие сторон направить в Москву к весне 1595 года послов императора, папы и короля Испании для заключения союза против турок. Правительство Годунова, тем самым, согласилось в итоге с наиболее узким и реалистичным составом коалиции.³²⁵

В той же миссии Варкоч узнал сенсационную новость о гибели царского брата Дмитрия, потенциального наследника русского трона.³²⁶ Когда и как это случилось, и что это

³²¹ Ibidem, столбцы 1317-1320. Кроме того, указал Варкоч, он не имел полномочий на союз для войны с Турцией. Для этого следовало прислать другого посла.

³²² Ibidem, столбцы 1322-1324. Варкочу даже заранее были вручены «опасные грамоты» для проезда в Россию послов папы, испанского короля и императора.

³²³ Ibidem, столбцы 1337-1341. Внезапно Варкоч поставил вопрос о возможном имперском контроле над Лифляндией и о вооружённой интервенции, хотя темы этой не было в повестке. В Кремле были на это согласны при условии, что получают Юрьев (Тарту) и Нарву: Ibidem, столбец 1345.

³²⁴ Ibidem, столбец 1351.

³²⁵ Ibidem, столбцы 1361-1363.

³²⁶ «*Demetrius nit mehr bey leben wahr*», — лаконично сообщил Варкоч: Relatio, лист 1 оборотная сторона. Младший сын Ивана IV трагически погиб 15 (25) мая 1591 года при неясных обстоятельствах, следственно, между первой и второй поездками Варкоча.

известие дало Варкочу? Известие это у посла не имеет точной датировки. Но в его отчёте оно соседствует с первой аудиенцией у царя 30 сентября (9 октября), возможно, там Варкоч и узнал эту новость официально. Обстоятельства насильственной смерти царевича и причастность к ней Годунова, которая широко обсуждалась в Московии, посол не зафиксировал. Но это важная для него тема: вопрос русского престолонаследия ещё недавно значился среди прямых задач Варкоча. Дмитрий не считался прямым наследником трона, происходя от неканонического брака Ивана IV. Но в ситуации династического кризиса этот последний московский Рюрикович имел шанс на трон при поддержке одной из придворных партий. При этом приход к власти его родни, рода Нагих, значил бы для Годунова даже не потерю власти, а угрозу гибели.³²⁷

Из новости о гибели Дмитрия Варкоч, скорее всего, заключил: борьба за власть в Москве обострилась. А вскоре произошла важнейшая встреча, которая должна была укрепить его в этой мысли.³²⁸ Сам шеф московской дипломатии Андрей Щелкалов 16 ноября (в московской версии 23 ноября) явился к послу, чтобы устно передать некое секретное предложение Рудольфу II. Варкоч и Щелкалов уже виделись за день до этого, и при необычных обстоятельствах. Посол просил о встрече с самим Годуновым по некоему тайному делу, но царь якобы счёл участие Бориса, занятого другими делами, «невместным» (неудобным), и вместо него прислал к Варкочу Щелкалова.³²⁹

Но это лишь официальная версия: решения за царя принимал, по большей части, сам Годунов. Поэтому предположу, что Борис решил отстраниться и следить за процессом переговоров на расстоянии: тема была политически опасной и невыгодной для регента даже в случае провала переговоров. По большинству предположений, Варкоч и Щелкалов обсуждали брак малолетней царевны Феодосии с одним из Габсбургов, чтобы тот правил в Московии после кончины Фёдора.³³⁰

³²⁷ В. Ключевский, *Русская история*, стр. 433.

³²⁸ Relatio, лист 36, Встречу зафиксировал и секретарь Варкоча: С. Гейс, *Описание*, стр. 30. Но она была столь тайной, что и доверенного Гейса на неё не пустили: он тоже отметил, что она длилась около двух часов; затем Варкоч и его гости угостились спиртным, и Щелкалов уехал.

³²⁹ ПДС, том 1, столбцы 1355-1359. В книгах Посольского приказа эта встреча упомянута сжато: Андрей рассказал о ней в записке (но та не сохранилась). Варкоч же в своём отчёте пересказывает только ту часть беседы, которая касается татар – судя по всему, остальное он сообщил кайзеру лично. Но обращает на себя внимание яркая фраза Щелкалова, которая явно касалась не татар, а какого-то более важного, даже судьбоносного дела: «*Наши государи во имя всего христианства наилучшей пользы должны вспахать поле, и Борис Фёдорович, ты и я – пахару и сеятелю (Boriz Fedrowicz, du, und ich, sindt die Pflüger vnndt Seeleudt). Если мы хорошо потрудимся там, Господь уделит нам милость свою, и то, что мы посеём, принесёт плоды в этой и иной жизни*». См.: Relatio, лист 36 оборотная сторона – лист 37.

³³⁰ Сергей Шишков. *Дьяк Андрей Щелкалов. Опыт реконструкции политической биографии. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук*, Москва 2002, стр. 273. Проект выглядел заранее обречённым: «царю Габсбургу» пришлось бы принять православие и жить в Москве, да и сама Феодосия умерла уже зимой 1594 года. Предположу, что встреча с Варкочем и вынудила Годунова убраться

Предположу, что именно из-за подготовки этой встречи Варкоча так долго не отпускали из Москвы. Прошёл почти месяц после отпускной аудиенции, за который, судя по отчёту посла и русским документам, имперских дипломатов не тревожили делами и вызовами. Описание встречи в книгах Посольского приказа и отчёте самого посла разнятся. По русскому источнику, беседу открыл Варкоч, произнеся речь о брачной политике Габсбургов, призванной объединить под эгидой австрийского дома Испанию и Францию. Уже сам этот выбор темы говорит о многом. Когда же Варкоч перешёл к отношениям Габсбургов и Рюриковичей, запись оборвалась словами: «*А иные речи говорил тайно, а записка тому у дьяка, у Андрея Щелкалова*». ³³¹ Предположу, что незаписанный фрагмент как раз и затрагивал русское престолонаследие, обсуждение которого теперь имело смысл только в связи с браком царевны Феодосии (род. 1592).

Что же касается Варкоча, он вовсе не пересказывает содержание первой части беседы. Посол лишь сообщил, что Щелкалов явился вечером, и все были высланы из помещения. Оба дипломата «*добрые два часа, сидя друг напротив друга*», обсуждали дела «большой важности и конфиденциальности», которые Варкоч даже не мог доверить своему перу. ³³² В свою очередь, немецкая и итальянская версии отчёта посла восстанавливают вторую часть беседы, не попавшую в московские документы, хотя речь там не о престолонаследии и не о делах конфиденциальных. Варкоч, как и на первой аудиенции, просил Щелкалова поднять на борьбу с татарами и турками запорожских или «низовых» казаков. Посольского приказа возразил: казаки, привыкшие действовать набегами, будут неэффективны. ³³³ Видимо, повлиять на запорожское казачество Москва была не способна, но не могла открыто признать такой недостаток влияния.

Итак, имперский посол оказался вовлечён в кремлёвские интриги и получил ценные сведения о политической борьбе вокруг русского трона. Но если допустить, что обращение Варкоча к Годунову и встреча со Щелкаловым связаны, и беседу 16/23 ноября действительно инициировал посол, можно заключить: инициатива поженить Феодосию и

Щелкалова с поста: попытки отстранить Бориса от власти уже бывали, так что регент подозревал, что Андрей слишком уж активно стал искать преемника трона. Годунов же всегда рассчитывал править сам: С. ПЛАТОНОВ, *Очерки*, стр. 135-136.

³³¹ ПДС, том 1, столбец 1359.

³³² «*Weil der selbiger aber solcher wichtigkeit und grosser CONFIDATION, so hab ich hierbei bedencken gehabt, denselben in die feder kommen zuelassen*»: Relatio, лист 36.

³³³ А. ТУРГЕНЕВ (ред.), *Акты*, стр. 43-44. Вопрос о казаках Варкоч даже не включает в итоговую часть отчёта. Эту часть своей миссии он явно считал неудавшейся. Но в Праге, не дожидаясь реляции Варкоча, которая последовала в марте 1594 года, ещё в январе того же года отправили к запорожским казакам специального эмиссара, Эриха Лассоту. Однако он тоже достиг немногого: Ф. БРУН (ред.), *Путевые записки*, стр. 9.

Габсбурга исходила от Рудольфа II, который ставил на традиционную для австрийского дома брачную политику. По ряду причин эта идея нашла отклик и в Москве.

Обращает на себя внимание и ещё одна тайная встреча, уже гораздо более сомнительная. Карамзин, не приводя источников, сообщал о закрытых переговорах посла с Годуновым. Варкоч якобы сообщил там о намерениях Рудольфа II жениться на дочери короля Испании Филиппа II и занять французский трон, тогда как брат кайзера Максимилиан намерен занять престол Польши, и за помощь ему Москва получит ливонские земли.³³⁴ Как было показано выше, о тайной встрече Варкоч действительно просил, и вполне возможно, что она не оставила следов в посольских книгах, а отдельное её описание Карамзин мог где-то видеть, хотя до нас оно не сохранилось.

Но могли ли Варкоч и Годунов обсуждать то, о чём писал Карамзин? Польский вопрос сохранялся в австрийско-московской повестке очень долго, даже когда иссякли реальные шансы Габсбургов заполучить Польшу, так что и эта деталь выглядит правдоподобно, включая обещание Ливонии. Брак кайзера с неназванной дочерью Филиппа II (это могла быть только инфанта Изабелла, помолвку с которой Рудольф II тогда уже разорвал) тоже одно время считался делом решённым, хотя к 1594 году был снят с повестки. Значит, или посол обманывал Годунова, или тот ошибочно принял рассказ посла о минувшей помолвке за реальность. Варкочу вряд ли было нужно блистать при московском дворе своими происпанскими симпатиями, как считал Матоушек,³³⁵ и вести там закулисную политическую игру: надо учесть полную неактуальность франко-испанских политических реалий для тогдашних турецких и польских стратегий Кремля. Если же учесть упоминание польских претензий Максимилиана, напрашивается мысль: посол просто приукрасил могущество своего кайзера и дома Габсбургов, как он не раз делал. Как бы то ни было, эту тайную встречу ещё предстоит доказать, но невероятной она не выглядит.

Никлас Варкоч выехал из московских стен 8 (18) декабря 1593 года, увозя интересный пространственный документ, который не имел строгого соответствия в имперском дипломатическом обиходе – ответный список.³³⁶ Это был, по сути, расширенный вариант ответной грамоты Рудольфу II, но с подробной мотивировкой московской позиции по повестке посольства, констатацией обязательств сторон и ответами на ключевые тезисы, которые Варкоч продвигал в Москве. Другой необычный документ, который получил Никлас Варкоч – личное послание от шефа русской дипломатии Андрея Щелкалова,

³³⁴ Н. КАРАМЗИН, *История*, том 10, стр. 166-167.

³³⁵ Матоушек считал, что Варкоч в Москве своевольничал, выдавая свои происпанские мнения и симпатии за реальную политическую линию Рудольфа II: J. MATOUŠEK, *Turecká válka*, стр. 222.

³³⁶ ПДС, том 1, столбец 1384.

обозначенное как «*любительное поздравление*».³³⁷ В нём сообщалось, что вместе с Варкочем и Лукасом Паули Посольский приказ отпускает из Москвы немца Ганса (Анцу), что оформлено как ответ на личную просьбу посла – очевидный жест уважения. В ответ Варкоч с границы отправил Годунову письмо, где звал себя «*работником общих Государей великих дел*» и обещал делиться новостями из Польши, Литвы и Швеции.³³⁸ Если реальные плоды «дипломатической оттепели» пока не успели, то климат отношений явно и беспрецедентно менялся к лучшему.

Вместе с Варкочем в империю вновь отправился Лукас Паули. Ему поручили доставить царскую грамоту Густаву Шведскому, сыну покойного короля Эрика XIV, с приглашением жить при царском дворе, с правом свободно покинуть царство. Посольский приказ убеждал Густава несколько наивным аргументом: в Москве ему рады, так как его отец был свергнут Юханом III за дружественные отношения с Грозным. Был упомянут, однако, и важный политический довод: в Кремле обещали не мешать Густаву, если тот вдруг решит «добывать» наследственное шведское королевство.³³⁹ Московия, тем самым, получала рычаг для вмешательства в шведские дела, возможно, готовясь использовать его на переговорах, где империя должна была посредничать.

Через два месяца после отъезда Никласа Варкоча, 13 (23) февраля в Москву прибыл имперский гонец Михаэль Шель, с письмами от императора Рудольфа II к царю Фёдору и Варкочу.³⁴⁰ Грамоты Рудольфу от имени царя и Бориса Годунова, отправленные с Шелем обратно в марте 1594 года, закрепляют договорённости, ранее достигнутые с Варкочем. При этом в Москве вновь настаивали не просто на антитурецкой коалиции, а ещё и на полноценном союзе с империей, и уточняли: помощь в войне с Турцией будет оказана мехами, а не деньгами.³⁴¹

Сам Варкоч в отчёте оценивал вторую миссию оптимистично. Среди её успехов он назвал «*готовность московитов помочь как можно скорее, не только сейчас, но и в будущем*», хотя помощь пока не получена, а также ожидавшееся продолжение войны Персии против

³³⁷ Ibidem, столбец 1417.

³³⁸ Пересылать их в Москву должен был русский агент: Ibidem, столбцы 1421-1422.

³³⁹ Ibidem, столбец 1370. Редкий случай: Густаву выслан дар вдвое больший, чем Рудольфу II: два сорока соборей от царя и ещё 40 от Годунова: Ibidem, столбец 1384. Усилия по приглашению Густава в Москву в итоге были успешны и он поселился в царстве. Но его брак с Ксенией Годуновой, дочерью Бориса, не состоялся, как и выдвижение Густава в качестве ставленника Москвы в борьбе за шведский престол.

³⁴⁰ Ibidem, столбец 1423. Примечательно, что в случае, если гонец и посол разминутся, Шель должен был отдать адресованные Варкочу письма в Посольский приказ. Приём Шеля был отменён из-за траура по недавно умершей царевне Феодосии, брак которой с Габсбургом обсуждался ещё недавно.

³⁴¹ Ibidem, столбцы 1460-1461.

Порты, которое должны обеспечить русские дипломаты.³⁴² Варкоч допускал, что Москва надавит на Крым, дабы пресечь набеги на Венгрию, хотя в успехе этого начинания посол не был уверен. Он предлагал больше рассчитывать на военные возможности поляков, молдаван и валахов не пропустить татар в Венгрию.³⁴³ Чтобы закрепить расположение царского правительства, посол рекомендовал добиться мира между Московией и Швецией и к апрелю 1595 года прислать имперского, испанского и папского послов с правом на антитурецкую лигу с участием Москвы.

По итогам миссии сразу обращает на себя внимание возросший уровень доверия Посольского приказа к имперской дипломатии и самой Священной Римской Империи, беспрецедентный до тех пор. На выборах короля Польши Москва поддержала Максимилиана Габсбурга и открыла активный диалог с послом Варкочем. Русские даже начали с ним секретные переговоры, обменивались личными документами и шли на такие отступления от жёсткого посольского ритуала, как встречи с послами из третьих стран. Имперские дипломаты, в свою очередь, помогали Годуновским убедить Густава Шведского перебраться в Московию. Заметно смещение повестки от польского вопроса к турецкому, хотя последний далёк от решения: для Москвы турецкая угроза не так актуальна, как борьба за Балтику, несмотря на то, что опасность турецкого похода на Астрахань, ключевой пункт для русской экспансии на Северный Кавказ, в представлении Посольского приказа существовала постоянно.³⁴⁴

На протяжении этого этапа русско-имперских отношений Московия надолго застряла в польских противоречиях австрийских Габсбургов. Это спутывало ей карты, особенно при отсутствии внятной стратегии: спонтанные действия Годунова оставляют ощущения того, что свой имперский курс он выстраивал без плана, на ходу добавляя в повестку всё новые пункты и давая несбыточные обещания. Как отмечал ещё Георгий Форстен, между

³⁴² А. ТУРГЕНЕВ (ред), *Акты*, стр. 44.

³⁴³ Сомнения Варкоча подтвердились, способность Москвы сдерживать татарские набеги оказалась недостаточной: И. ПРОХАЗКА, *Посольства*, стр. 100-101. В итоге в следующей миссии Варкоч вновь ставит вопрос о пресечении русскими татарских набегов на Империю: ПДС, том 2, столбец 77. Это стало результатом того, что Московия постоянно преувеличивала в глазах империи свои внешнеполитические возможности. В реальности же угроза крымских набегов была и в конце 16 века. В 1571 году крымцы сожгли Москву и с тех пор регулярно получали немалые «поминки» от Кремля – дань под видом подарка: Л. ЮЗЕФОВИЧ, *Путь*, стр. 130.

³⁴⁴ Крымская угроза России в конце 16 века по-прежнему сильнее турецкой. Первый переход Порты к прямому столкновению с Россией с попыткой захвата Астрахани в 1568-1569 годах закончилась гибельным отступлением огромной турецкой армии – правда, вопреки неумелому командованию Грозного и нерешительным действиям московского войска. Турецкое влияние на Северном Кавказе в конце 16 века не затрагивает жизненных интересов царства напрямую, но крайне неприятно Москве. Там понимали серьёзность угрозы Астрахани, от которой зависела прочность московских позиций на Северном Кавказе и репутации царства в соседних исламских странах. Крымцы, между тем, не только предпринимали вылазки в русские земли, но и открыто претендовали на Казань и Астрахань: А. ХОРОШКЕВИЧ, *Россия*, стр. 508-510.

Рудольфом II и Максимилианом по польскому вопросу были серьёзные разногласия: эрцгерцог пытался добыть польский трон даже после формального отречения от всех претензий, тогда как его брат стремился к дружественным отношениям с Польшей для совместной борьбы против турок.³⁴⁵

В свою очередь, Москва была вынуждена вести переговоры с обоими братьями, причем польские амбиции Максимилиана были одним из факторов, которые влияли на контакты царского двора с Рудольфом II. Можно предположить, что в Москве либо не понимали природу этих разногласий между двумя Габсбургами, либо надеялись, что Максимилиану хватит сил захватить польский трон. При этом московское правительство не знало, что ему делать с польскими претензиями Максимилиана, и вело себя здесь крайне непоследовательно. Польский вопрос был нужен ему как козырь в контактах с кайзером, но реальной помощи эрцгерцог всё же не получил.

В документах эту неопределённость хорошо отражает именование, которому Москва всегда уделяла огромное внимание, и которое редко бывало случайным. Эрцгерцога именуют то избранным королём Польши, то его прежними титулами. В период между Ливонской и Долгой войнами дипломатическую инициативу перехватывает Рудольф II. Хотя новый этап отношений и открылся посольством Новосильцева, оно стало единственной русской миссией в Прагу, тогда как из империи в Москву прибыло два больших посольства Никласа Варкоча и несколько гонцов и агентов, и началась подготовка третьей миссии. В свою очередь, Москва посредством контактов с империей продвигает свою внешнеполитическую повестку. Активные и подчас плодотворные контакты с двором Рудольфа II на фоне активной и вполне миролюбивой европейской политики Бориса Годунова говорят о том, что Московия вновь стала задумываться о политической и культурной интеграции в Европе раннего нового времени, которая была прервана последними десятилетиями правления Ивана Грозного.

³⁴⁵ Г. ФОРСТЕН, *Балтийский вопрос*, стр. 10-12.

IV. Имперско-московская дипломатия начального этапа Долгой войны (1593-1598)

«Долгая» война против Турции 1593-1606 годов немедленно стала определяющим фактором дипломатической повестки австрийского двора, а с ним и его партнёров. Но в драматургии этого конфликта Москва и Прага играли разные роли. Как заметил Вальтер Ляйтш, Московское царство и государства Европы роднило не только резкое неприятие турецкой экспансии, но и стремление решать в первую очередь собственные внешне- и внутривнутриполитические задачи, а не турецкий вопрос как таковой.³⁴⁶ Но Рюриковичи имели преимущество: постоянные европейско-турецкие конфликты не касались их пока напрямую, тогда как австрийский дом веками был на острие военной борьбы с Портой.

Это не помешало русской историографии со времён Николая Карамзина развивать концепцию, согласно которой именно цари активнее всех продвигали широкую антитурецкую коалицию и ради этого стремились активизировать отношения с империей, тогда как кайзеры к альянсу с Москвой почему-то не спешили.³⁴⁷ Но трудно игнорировать и встречную точку зрения Яна-Пауля Нидеркорна: главной линией, которой цари твёрдо придерживались в турецком вопросе, было избегать вооружённых столкновений с Портой любой ценой. Поэтому, едва вставал вопрос об антиосманской лиге или о русской помощи, царский двор руководствовался не собственными отношениями с Турцией, а в первую очередь другими внешнеполитическими факторами либо соображениями внутренней политики, и начинали звучать пустые декларации.³⁴⁸

Долгой Войне была полностью посвящена третья миссия Никласа Варкоча в Москву, но незадолго до него сюда с аналогичной повесткой прибыл польский шляхтич на австрийской службе Станислав Хлопицкий. В августе 1594 года он въехал в южные

³⁴⁶ W. LEITSCH, *Moskau*, стр. 15.

³⁴⁷ Русские «давно бы утвердили союз Христианской Европы с Персией, если бы император не манил нас пустыми обещаниями» - эта позиция московского двора в изложении Карамзина почти сводит на нет роль Габсбургов в антитурецких переговорах: Н. КАРАМЗИН, *История*, том 10, стр. 174. Согласно схожей позиции, коалиция интересовала обе стороны, но Москва настаивала на заключении ещё и прямого союза с империей, тогда как нерешительность Праги и давление внешних факторов не позволяли создать альянс. Такой позиции придерживается И. МАГИЛИНА, *Переговоры*, стр. 18-23. На формирование этих концепций повлияли почти триста лет последующих русско-турецких войн, и типичное для русской и советской историографии стремление – подчёркивать приоритетную роль России в европейской политике. Но в конце 16 века турецкий вопрос был в русско-имперской повестке не единственным, и Москва, как уже было видно, получала собственные статусные и внешнеполитические преимущества из отношений с империей.

³⁴⁸ J. NIEDERKORN, *Die europäischen Mächte*, стр. 453.

пределы царства и в Путивле представился императорским гонцом.³⁴⁹ То, что Хлопицкий действовал во многом по собственному почину, стало ясно после вопиющего нарушения церемониала, обычно не свойственного придворной канцелярии в Праге – где, однако, допустили небрежность и спешку.

В верительной латинской грамоте гонца, с неподобающей открытой печатью, имя царя Фёдора было написано с нарушением титулования и через запятую с браславским воеводой и людьми «всякого чина».³⁵⁰ Устно же Хлопицкий просил о помощи в привлечении запорожцев против турок под знамёнами императора, в том числе материальной. Но из-за ошибки, оскорбительной для Москвы, гонец не был допущен к аудиенции, и лишь из уважения к Рудольфу II Хлопицкого выслали без опалы и наказания. Этот казус говорит о небрежности имперских стратегов на московском направлении, и прежде всего фон Траутзона, который снабдил самозваного казацкого эмиссара Хлопицкого знамёнами и другими инсигниями, но не документами, оформленными верно.³⁵¹ Отдельно удивляет, что Хлопицкий выехал на миссию, не дождавшись возвращения со свежими данными Варкоча, о котором он должен был знать. Тем не менее, у Годунова получили и полезную информацию – подробное описание венгерской кампании 1593 года фельдмаршала Христофа фон Тиффенбаха, так что перед следующим приездом Никласа Варкоча в Кремле точно представляли себе положение на турецком фронте. Заодно Москва получила контакт с запорожцами, дав им формальное разрешение на военные действия против Порты. Впрочем, оно не имело политического смысла и веса: украинские земли к Московскому царству не относились.

IV. 1. Третья миссия Варкоча (1594): помощь без альянса

Последовавший затем приезд Варкоча был вскоре анонсирован грамотой Рудольфа II, причём император просил Годунова поскорее решить его дела – первое косвенное

³⁴⁹ ПДС, том 2, столбцы 3-4. Хлопицкий авантюрными методами выполнял поручение пражского двора по привлечению казаков к борьбе против турок. Но такой образ действий заведомо не оставлял шансов его инициативам. Видимо, грамота Хлопицкого была сфабрикована. На это указывает и несвойственный отношениям Москвы и Праги стиль, и латинский язык вместо немецкого, и полное отсутствие вопроса о русской материальной помощи империи, который так или иначе ставился во всех трёх миссиях Никласа Варкоча. В свою очередь, Варкоч впоследствии никак не затрагивал проблему казаков, с которой прибыл Хлопицкий. Хотя Посольский приказ и указывал, что на письме Хлопицкого была подпись Рудольфа II и виза его канцелярии, там вскоре отметили, что на грамоте «печать приклеена» а не привешена как полагалось (Ibidem, столбец 31). Надо согласиться с Карамзиным, что был подделан как минимум лист с необычным обращением «ко всем чинам», который давал Хлопицкому свободу действий в его региональных авантюрах. Н. КАРАМЗИН, *История*, том 10, стр. 168.

³⁵⁰ ПДС, том 2, столбец 17.

³⁵¹ J. MATOUŠEK, *Turecká válka*, стр. 229.

указание на то, что в повестке теперь будет доминировать вопрос о материальной помощи, которая не терпит отлагательств из-за тягот войны.³⁵² Можно усмотреть и другие свидетельства того, что реальность антиосманского союза с Москвой изначально была под сомнением, причём как в Праге, так и в Риме, который всегда стоял за такими инициативами и отслеживал их. Папский нунций при дворе Рудольфа II Чезаре Speziано и кардинал Чинцио Альдобрандини в деловой переписке пристально следили за визитом в Москву – но не Варкоча, которого Speziано упоминал кратко и даже не звал по имени, а папского посла Александра Комулея, который посетил царство почти одновременно.³⁵³

Своё третье посольство Варкоч начал в августе, выехав из Регенсбурга через Варшаву, где был принят Сигизмундом III, и в конце ноября 1594 года он оказался в Смоленске. Делегация Варкоча начитывала, по русским данным, всего 33 человека, но её встреча была организована весьма пышно и заранее от самой границы.³⁵⁴

Можно предположить, что и в Москве не строили иллюзий насчёт успехов и задач австрийской миссии. Если у Годунова была своя повестка на этот визит Варкоча, то вряд ли в ней были неотложные задачи: часто это вскрывалось непосредственно при въезде посла. Но на этот раз приставам велено было спросить, как идёт война империи с Турцией и узнать последние международные новости – в частности, кто стал королём Швеции. Варкоч охотно сообщил о победах над турками под Белградом и Рабом, причём «в московском стиле», явно преувеличив потери врага. Самого же посла в первую очередь интересовало, не примирилась ли с турками Персия, но пристав этого не знал.³⁵⁵

В Москве, по русским источникам, Варкоч оказался 8 декабря, и перед аудиенцией приставам было велено активно прослушивать беседы посла и жёстко изолировать его делегацию от любых контактов.³⁵⁶ Правительство Годунова особенно интересовало состояние конфликта Порты с империей, причем Варкочу дали понять: от его новостей будет зависеть развитие отношений Москвы с Крымом. Они как раз потеплели, и в

³⁵² ПДС, том 2, столбец 38. Грамоты царю Фёдору и Борису Годунову доставил через Псков немецкий гонец, которого Посольский приказ именуется одновременно Иваном Андреевым и Гансом.

³⁵³ Варкоча Speziано именуется лишь «*persona honorata*»: 583. Speziano an Cinzio Aldobrandini, Prag 1594 Februar 28, опубликовано в: А. PAZDEROVÁ (ред.), *L'edizione*, стр. 1286.

³⁵⁴ «А были бы все конны, людны и нарядны». У смоленского архиепископа Посольский приказ просил для Варкоча разнообразных и качественных алкогольных напитков: ПДС, том 2, столбцы 44-45.

³⁵⁵ Варкоч, например, сообщает о ста тысячах турок, убитых в трёх боях и о тысячах крымских татар, убитых в Трансильвании: Ibidem, столбцы 54-55.

³⁵⁶ Ibidem, столбцы 58-60.

Посольском приказе открыто заявили, что не хотели бы их портить.³⁵⁷ Варкоч же торопил русских с аудиенцией у царя, так как дела не терпели отлагательств: первые результаты переговоров дипломат собирался отослать имперскому послу Графу, пока тот находился в Ливонии.

Годунов, однако, отказал Варкочу во встрече под предлогом Рождественского поста, и попросил изложить все требования в письме.³⁵⁸ Никлас Варкоч сформулировал три задачи: получить помощь, обсудить создание антитурецкой лиги в составе империи, Испании и Московии, а также обеспечить посредничество Рудольфа II в русско-шведском урегулировании и добрососедских отношениях России и Польши. В документе заметен акцент на совместную борьбу против турок, которую Варкоч выставлял общим христианским делом, стереотипно именуя султана «*недругом всего христианства*».³⁵⁹ В качестве другой просьбы Варкоч, как и во второй миссии, попросил сделать так, чтобы Персия не мирилась с турками, а татары прекратили бы набеги на имперские земли.³⁶⁰

Пока Варкоч ждал аудиенции, 17 декабря в Смоленск прибыл польский гонец Конрад Бремер с пакетом документов, включая четыре грамоты Варкочу от императора, графа фон Ардека и имперского посла в Вильно Эренфрида фон Минквица.³⁶¹ Император подробно информировал Варкоча о ходе войны, сообщив неприятные новости об осаде турками венгерского Раба, о тяжёлых потерях имперских войск и о трудностях с их пополнением в немецких и чешских землях.³⁶² Фон Минквиц же сообщал, что будет просить Швецию и Данию о совместных действиях против турок, и надеялся на успех. Варкочу он предлагал прибыть в Нарву к Рождеству вместе с русскими послами для

³⁵⁷ Ibidem, столбцы 58-62. По традиции, дипломаты до аудиенции живут в изоляции: к ним приказано пускать только специально одобренных гостей, разговоры с которыми должны быть прослушаны русскими чиновниками и переданы в Посольский приказ.

³⁵⁸ Ibidem, столбец 67. Судя по всему, речь идёт о дипломатической уловке. Приёмы послов в постные дни были в порядке вещей, менялось только в меню пира, откуда исключали скоромное: В. Ключевский, *Сказания*, стр. 61. Аудиенцию Варкочу могли отложить из-за совпадения поста с трауром, но траур в отказе не упомянут. Поэтому у Годунова, скорее всего, просто решили вести переговоры в собственном темпе, чтобы не давать Варкочу преимуществ.

³⁵⁹ «*Тое великосильнейшее казны готовые по-своему братолюбственному слову по мочи своей прислать*»: ПДС, том 2, столбцы 67-77. Империя находилась в трудном положении. Поэтому неудивительно, что Варкоч ставил материальную помощь на первое место и спешил с получением ответа, тем более что переговоры о лиге зашли в тупик.

³⁶⁰ Ibidem, столбец 77.

³⁶¹ Срочность дела подчёркивается тем, что гонец Бремер спешит, как и Варкоч. В нарушение протокола, он не доложил русским из Орши о прибытии и не имел должных сопроводительных документов из Польши, из-за чего в Москве начали расследование и урезали Бремеру паёк: Ibidem, столбцы 78-82, 90-91. Годунов разрешил передать послу письмо фон Минквица, но с тем, чтобы Варкоч вернул его в Посольский приказ. Отмечу, именно фон Минквиц будет посредничать при заключении Тязвинского мира между Московией и Швецией в 1595 году, так что его письмо имеет непосредственное отношение к миссии Варкоча. Из стиля и содержания письма также напрашивается вывод, что Варкоч и фон Минквиц – старые друзья и успешно координируют работу.

³⁶² Ibidem, столбец 77.

участия в мирных переговорах со Швецией – задача уже невыполнимая, так как на конец декабря Варкоч даже не получил первую аудиенцию. Тем не менее, из почты Бремера у Годунова могли убедиться и в тяжести обстановки на турецком фронте, и в искренности посреднических усилий Рудольфа II.

29 декабря Варкоч был приглашён на царскую аудиенцию, где вручил грамоту от Рудольфа II с просьбой о помощи для борьбы с турками, обещанной ещё в прошлом году.³⁶³ Через несколько дней, 3 января 1595 года, гонец Михаэль Шель доставил через Псков ещё один пакет грамот к переговорам Варкоча и русских дипломатов, теперь от Рудольфа II и эрцгерцога Максимилиана. На этот раз в Москве решили грамоты послу сразу не передавать, а его следующий прием у царя – отложить.³⁶⁴ В одной из этих новых грамот Рудольф II известил, что Раб всё-таки пал. Эту весть посол должен был донести до царя и вновь просить помощи, а заодно обеспечить давление Персии на турок, что должно было удержать Порту от венгерской кампании.³⁶⁵ О падении Раба в своей грамоте сообщил и агент Максимилиана Лукас Паули. Он также проинформировал Посольский приказ о противотурецких мероприятиях европейских монархов и их помощи воюющему Рудольфу II, и повторил просьбу о помощи Максимилиану.³⁶⁶

Сам же эрцгерцог в послании царю Фёдору тоже напомнил, что тот обещал поддержать его претензии на польский трон, но сейчас Габсбурги отложили борьбу за Польшу из-за турецкой войны. Годунова же Максимилиан, как и Рудольф, попросил оказать военную помощь.³⁶⁷ Как можно видеть из всего этого, Габсбурги методично использовали для достижения своих целей все три возможных дипломатических канала – царя, регента и Посольский приказ. Видимо, поэтому уже в письме от 10 января Варкоч попросил Василия Щелкалова отпустить его в империю до весенней распутицы. Он явно полагал, что при таком дипломатическом напоре вопрос о помощи можно считать решённым.³⁶⁸

20 января Варкоч попросился на аудиенцию к Борису Годунову с письмом, написанным по-польски (и значит, адресованным напрямую регенту), где звучала просьба ускорить дело о помощи и поскорее отпустить имперскую делегацию. Приём у Годунова, первый

³⁶³ Ibidem, столбцы 92-96.

³⁶⁴ Ibidem, столбцы 106-107. Две грамоты по ошибке адресованы ещё Андрею Щелкалову, хотя Посольский приказ уже возглавлял его брат Василий. На этот промах в Москве не обратили внимания.

³⁶⁵ Ibidem, столбец 118.

³⁶⁶ Ibidem, столбец 112.

³⁶⁷ Ibidem, столбцы 107-111. Максимилиан всё ещё подписывается избранным польским королём, а потому обращается к царю Федору на равных как к брату, тогда как к Годунову — уже как к низестоящему, «милому приятелю».

³⁶⁸ Ibidem, столбец 117.

для Варкоча в третьем посольстве, состоялся уже 26 января.³⁶⁹ В пространной речи австрийский посол вновь попросил о денежной помощи, но сразу услышал от Годунова претензию: империя не обеспечила приезд послов короля Испании и папы римского для заключения антитурецкого союза, и опоздала с организацией посредничества в шведской войне, так что Москва нашла пути к миру самостоятельно.³⁷⁰

Варкоч оправдывался объективными сложностями с координацией переговоров имперской стороной, неотложными военными делами и придворными бюрократическими проволочками. Он заверил, что в мае 1595 года либо позже послы обязательно приедут.³⁷¹ В свою очередь, эмиссар Рудольфа II просил уточнить, не примирился ли шах Персии с турецким султаном – такой сценарий в Праге считали крайне нежелательным. В ответ Годунов заверил: Персия не пошла на мир с Турцией, и в любом случае Москва сможет этого не допустить, так как шах якобы был «*во всей Государевой воле*», а в Персии сейчас как раз находился московский посол.³⁷²

Но в отношении влияния на шаха Годунов целенаправленно вводил австрийского посла в заблуждение: в мае 1594 года из Москвы в Персию отправилась делегация во главе с князем Андреем Звенигородским. К третьему приезду Варкоча она ещё не вернулась. Но Звенигородскому было приказано просить об отправке персидских послов не в Москву, для заключения антитурецкого соглашения, а в Прагу, чтобы шах обсудил это напрямую с императором – что, разумеется, шло вразрез с московскими обещаниями Варкочу. К тому же, в просьбе к шаху о военных действиях с Турцией в Посольском приказе прямо ссылались на требование Рудольфа II, и это не только подтверждает, что Борис не намеревался брать на себя что-то большее, чем роль посредника.³⁷³ Это доказывает, что планов начинать открытые военные действия против Турции даже вместе с союзниками у Москвы не было. Однако Варкоч вынужден был полагаться на слова Бориса, так как проверить эту информацию он не мог. Несмотря на то, что и в этот раз в Москве находилась делегация из Персии, встретиться с ней русские чиновники Варкочу не разрешили.

³⁶⁹ Ibidem, столбцы 122-123. Переписка на польском языке с Годуновым с первой миссии означала для Варкоча использование самого оперативного и доверенного канала связи с русским правительством.

³⁷⁰ Ibidem, столбцы 129-130.

³⁷¹ Ibidem, столбцы 130.

³⁷² Ibidem, столбец 132. Напоследок Варкоч попросил у Годунова разрешить беспощадную торговлю двум имперским купцам, Андреяну Трасту (далее он же Андрей Артранста) и Яну Прочинскому. Варкоч именовал их своими «старыми слугами» и просил за них от своего имени, а не от имени императора – как станет ясно позже, речь идёт о двух имперских агентах.

³⁷³ И. МАГИЛИНА, *Россия*, стр. 115-118. Магилина справедливо замечает, что начинать военные действия против Турции, имея на руках неоконченную войну с эмиром Бухары, было бы для Персии крайне опасно, и видимо, в Москве это тоже понимали, даже когда обещали вовлечение шаха Аббаса в коалицию.

Ответ императорский эмиссар получает на второй аудиенции у Годунова 5 февраля, обставленной с обычной торжественностью: «*по-прежнему, как... у Государя и на приезде*».³⁷⁴ Бояре во главе с Василием Щелкаловым подтвердили готовность выделить материальную помощь, но обусловленную ответной поддержкой империи в случае необходимости, а также скорейшей присылкой послов для заключения антитурецкого соглашения. Дьяк Елизарий Вылузгин особо настаивал: папские и испанские послы должны быть к 1 мая 1595 года, тогда же Москва обеспечит и прибытие персидских послов.³⁷⁵ В завершение аудиенции перед Варкочем выступили с напутствиями и напоминаниями видные бояре и дьяки – явно с целью закрепления обязательств с имперской стороны. Здесь же впервые выяснилось, что помощь империи будет предоставлена «*мягкой рухлядью*», то есть мехами; впоследствии была уточнена и сумма этой субсидии — 45 тысяч рублей.³⁷⁶ Отправить меха в Посольском приказе были готовы и вместе с Варкочем, и с отдельным посольством, но эмиссар Габсбургов предоставил решение этого вопроса Москве.

27 февраля Варкоч был вызван к царю Фёдору «на отпуск», где ему зачитали царское письмо и пожаловали чашей, а заодно пообещали добиться прекращения крымских набегов на Венгрию – обещание, которое так и осталось на бумаге.³⁷⁷ Об этом, по словам бояр, было поручено говорить русским послам, которые ещё летом 1594 года отправились к хану Газы II Гераю.³⁷⁸ Не допустить мира Персии и Турции Посольский приказ рассчитывал благодаря переговорам с персидским послом Андибеком, который находился

³⁷⁴ ПДС, том 2, столбец 140.

³⁷⁵ «*Тому великому годному христианскому делу будем помогати своею казною; а нам, Великому Государю, и нашим землям за такую христианскую тицивую милость... Руделф Цесарь против того нашему Царскому Величеству землю и людьми помогати будет*»: Ibidem, столбцы-145-146. Далее боярин Степан Годунов, троюродный брат Бориса, ещё откровеннее сообщил Варкочу, что в Москве от своей помощи ждут больших политических дивидендов: «*Брат наш Руделф Цесарь нам... за такую великую, любительную, братскую помощь и вдесятеро отдати будет*» (Ibidem, столбец 154.) Что касается посольского съезда четырёх держав, неясно, почему в Посольском приказе считали, что его можно организовать за три месяца. В этом случае Испания, папа и Персия должны были готовить свои посольства в Москву одновременно с этой аудиенцией. Поэтому Варкоч справедливо указал московским дипломатам: пока от него «*к Цесарскому Величеству весть не будет, и до тех мест папины и Цесарского Величества и Ишпанского Короля послы отпущены не будут*» (Ibidem, столбец 157). Никакой реакции на это не последовало.

³⁷⁶ Ibidem, столбцы 154, 233, 204. Сумма, по сравнению с миллионами, якобы обещанными в ходе первого посольства Варкоча, не самая большая (да и ту ещё нужно было выручить при продаже мехов). Меха, которые присылали из Москвы, были шкурами соболя, лисицы, куницы, бобра и белки. По оценке самого Варкоча, их цена составляла 15 тысяч гульденов/флоринов: перед нами редкие данные о курсах русской и имперской валют: F. von ADELUNG, *Kritisch-Literarische Übersicht*, стр. 425.

³⁷⁷ ПДС, том 2, столбцы 161-164.

³⁷⁸ Посольство Меркурия Щербатова и дьяка Афанасия Демьянова отправилось в Крым летом 1594 года для заключения вечного мира с ханом Газы II Гераем: Алексей НОВОСЕЛЬСКИЙ, *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века*, Москва - Ленинград 1948, стр. 37-41. Но походы крымцев на Венгрию Москва была не в силах предотвратить: в 1596 году Газы II Герай под давлением Турции отправился в очередной набег.

в Москве одновременно с Варкочем.³⁷⁹ Странно, что австрийская делегация на этот раз не делала попыток пообщаться с персами, судя по тому, что таких запросов Посольский приказ не зарегистрировал. Либо, что более вероятно, имперцы получили отказ: Варкоч ещё на московской границе был информирован, что персидский посол сейчас живёт в Москве, и видимо, готов на контакт с австрийцами.³⁸⁰

Отпускная аудиенция отметилась показательным эпизодом, который можно интерпретировать как отсутствие внятных идей о том, как дальше развивать контакты с империей. Вначале Варкочу объявили, что меха отправят вместе с ним и в сопровождении дворянина Василия Плещеева. Но за считанные минуты, пока дипломат пил с русскими визави отпускную чашу, у Годунова поменяли решение. Вместо Плещеева в спутники Варкочу назначили думного дворянина и наместника Кашинского, Михаила Вельяминова, с дьяком Посольского приказа Афанасием Власьевым. Замена явно была призвана повысить достоинство и эффективность посольства: Вельяминов стоял выше Плещеева в родовой иерархии, приходясь также дальним родственником Борису Годунову, а Власьев считался самым способным дьяком Посольского приказа.³⁸¹

В итоге вместо отъезда Варкочу пришлось с 5 марта участвовать в организации отправки русской миссии с грузом в Прагу. Сначала Посольский приказ расспросил посла о дороге через Речь Посполитую и о текущих дипломатических обычаях поляков.³⁸² Вопреки совету имперского посла, Посольский приказ решает добыть для Вельяминова польскую охранную грамоту, причём сделать это попросили Варкоча. Примечательно, что в русских документах эта задача выдаётся за инициативу самого посла, хотя тот всячески пытался избавиться от поручения.³⁸³ Силезец чувствовал, что оно затянет поездку, и 8 марта написал Эренфриду фон Минквицу, что добился от царя помощи для войны.

³⁷⁹ «У Великого Государя на Москве Аббас Шахов посол Андибек»: ПДС, том 2, столбец 150.

³⁸⁰ J. MATOUŠEK, *Turecká válka*, стр. 222.

³⁸¹ ПДС, том 2, столбцы 163-165. Знатный Вельяминов по традиции исполнял представительские функции, «исправить поклон и о здоровье спросить» (Ibidem, столбец 211). Но мозг и организатор делегации – Власьев, самый видный и высокооплачиваемый дьяк Посольского приказа (С. БЕЛОКУРОВ, *О Посольском приказе*, стр. 34.) При этом за сохранность ценного груза отвечают не дипломаты, а два чиновника, которым приданы 30 стрельцов: Ibidem, столбец 237. Именно после этой поездки Афанасий Власьев сделал стремительную карьеру, вторично побывал в империи послом в 1599 году, а в 1601 году возглавил Посольский приказ после отставки Василия Щелкалова.

³⁸² Ibidem, столбец 177. Московский двор особо интересовало, дают ли поляки послам бесплатный транспорт и пропитание, и требуют ли они охранные грамоты. На оба вопроса Варкоч дал отрицательный ответ. Это показало сильное расхождение польского посольского обычая с московским, а также то, что за годы Ливонской войны дипломатические навыки общения с западным соседом Москва успела утратить, и их требовалось освежить.

³⁸³ Ibidem, столбцы 178-179. «Государь бы пожаловал его Миколая велел отпустить вперед, и он Миколой, приехав в Литву наперёд, возьмет у Короля грамоту опасную», — пересказано заявление Варкоча. Примечательно, что в этот же момент в Москве ещё находился имперский гонец Михаэль Шель, который

На следующий день Варкоч покинул Москву, но его путь оказался недолгим. В Смоленске делегацию задержали по повелению царя до тех пор, пока Варкоч не снабдит Вельяминова польской опасной грамотой.³⁸⁴ У Годунова явно превысили пределы своих полномочий, сочтя московские дипломатические обычаи универсальными и поручив имперскому послу лично, да ещё и «наспех» ехать в Польшу за документом.³⁸⁵ 24 марта пришёл закономерный ответ: Варкоч отказался ехать в Польшу сам и посылать дворянина, сочтя это нарушением церемониала, но согласился отправить агента.³⁸⁶ Посол Рудольфа II предложил и альтернативу: он может поехать за грамотой сам, но затем желает отбыть в империю, а грамоту Вельяминову доставит агент. На это, однако, у Годунова не согласились, требуя, чтобы имперская и русская делегации ехали вместе до самой Праги в целях безопасности.³⁸⁷ Ждать грамот и окончания переписки Варкочу пришлось до 18 мая, после чего 10 июня он покинул Россию навсегда.³⁸⁸ По совпадению, одновременно с Варкочем в Смоленске оказался папский легат Александр Комулей: 2 мая (русская датировка) он был отпущен из Москвы в Смоленск. Разрешение на их встречу Годунов дал при условии, что на ней будут его приставы. По их отчёту, 17 мая Комулей навестил Варкоча и тот рассказал легату об итогах своей миссии и о московской помощи императору, причём предположил, что поддержку военным усилиям Рудольфа II окажет и Польша.³⁸⁹ Этот эпизод можно интерпретировать однозначно: при всех сложностях войны империя на тот момент слабо координировала с папой усилия на московском театре.

покинул столицу только 26 марта (Ibidem, столбец 194). Но доставку грамот у Годунова, видимо, посчитали слишком статусной и важной обязанностью, чтобы доверять её гонцу. Впоследствии Варкочу пришлось ещё исполнять обязанности пристава для московской делегации, так как поляки не дали Вельяминову провожатого: Ibidem, столбец 307.

³⁸⁴ Ibidem, столбцы 182-183, 190.

³⁸⁵ Ibidem, столбец 192.

³⁸⁶ Ibidem, столбцы 194-197. Варкоч резонно посчитал такое поручение «не за обычай»: оно роняло его статус. Поэтому за грамотой был отослан имперский агент Ян Корчинский в сопровождении русского чиновника. Официально он числился купцом, и как раз для него Варкоч ранее просил у Годунова торговых привилегий. Но далее посол именует Корчинского уже «писарем». В Смоленске Варкоч вновь оказывается почти под домашним арестом: он специально просил разрешение на прогулки, и вопрос решался на высшем уровне – у Бориса Годунова, который разрешил послу покидать дом, но только в сопровождении пристава и 20-30 детей боярских, то есть родовитых военных.

³⁸⁷ Вельяминов при этом ещё даже не достиг Смоленска. Ibidem, столбец 200.

³⁸⁸ Ibidem, столбец 271. Посол ехал через Оршу, Минск и Краков. Перед возвращением из России Варкоч заболел, что, возможно, ещё более отсрочило его отъезд: Михаил Вельяминов упоминает, что Варкоч был «без обеих рук», что явно означало тяжёлое состояние и постельный режим. Тем не менее, посол и в таком состоянии посетил Вельяминова из уважения к принимающей стороне, и в Кремле это было отмечено. Из пределов Московии Варкоч выехал, лёжа в повозке: Ibidem, столбцы 246-248.

³⁸⁹ Ibidem, столбец 254-257. Это было ещё не посольство для обсуждения антитурецкого союза, а скорее религиозно-политическая миссия общего характера, окончившаяся без видимых результатов.

IV. 2. Посольство Вельяминова – Власьева: поразить Прагу, прославить царя

Московские дипломаты, прибывшие с мехами в империю, получили важную пропагандистскую задачу, которая на практике стала главной: всемерно подчеркивать важность помощи и высокий статус царя, который оказал императору личную услугу. Поэтому им было прямо запрещено гостить у любых правителей, кроме императора, навещать любых сановников, включая родственников Рудольфа II. Им даже приказали покидать императорский пир, если там окажется другой посол. Отношения Московского царства с Турцией и Крымом послам приказано представить в сугубо дипломатическом ключе. Им велено доложить о недавно прибывших послах мусульманских правителей и о спокойной обстановке в Астрахани и Предкавказье, чьи правители переходили под руку Москвы.³⁹⁰

В таком же ключе у Годунова желали представить и отношения с Персией, чей шах якобы «хочет быть во всей Государевой воле». Также Вельяминову и Власьеву было поручено проверить донесения Варкоча о войне с турками и точно узнать, какие государи помогают императору, и не собирается ли Рудольф II просить мира.³⁹¹ Собственную грамоту императору направил Борис Годунов, напомнив об обещании Варкоча прислать дипломатов для заключения антитурецкого соглашения. Здесь нельзя не отметить, что это послание написано в мае 1595 года – в то самое время, когда в Москве уже планировали встречать делегации Испании, империи и папы – и таким образом, заключение альянса откладывалось на неопределённый срок. Отдельный визит московской делегации поручено было нанести эрцгерцогу Максимилиану – с царским посланием, где вновь всплыл вопрос о претензиях Габсбурга на польский трон: Москва обещает их поддерживать и дальше, уже по окончании войны.³⁹²

Наиболее полно миссия обрисована в статейном списке — отчёте Вельяминова на имя царя. Делегация, проследовав через Варшаву и Бреслау, удостоилась под Прагой

³⁹⁰ Ibidem, столбцы 211-218. В Москве допускают только один вид контактов: если имперские сановники придут к русским сами. У Годунова даже подстраховались на случай внезапной смерти Рудольфа II. В этом случае меха приказано передать его наследнику, но одновременно попросить его об отправке посла в Москву для подтверждения отношений (Ibidem, столбец 260.) Русское посольство многочисленно: в списке 125 человек, включая Вельяминова, Власьева, четырёх дворян, а также 50 извозчиков, нанятых для доставки мехов. Сюда не включены 30 стрельцов и двое сопровождающих, которые отвечали за груз (Ibidem, столбец 272.)

³⁹¹ Ibidem, столбцы 220-221. Дополнительной целью русской миссии было привлечение мастеров из Литвы и империи в московские земли, в особенности металлургов, геологов и знатоков драгоценных металлов. Поскольку делегации в Европу при Годунове отправлялись редко, в Москве использовали этот шанс и заранее выдали Вельяминову опасные грамоты на проезд мастеров в Россию: Ibidem, столбец 236.

³⁹² Ibidem, столбцы 227-228. Москва поддерживает отношения с обоими Габсбургами почти в одинаковом стиле, очевидно, ещё и потому, что Максимилиан поддержал просьбу Рудольфа II о финансовой помощи. Кроме того, его польские амбиции у Годунова до сих пор воспринимали всерьёз.

торжественной встречи – признак того, что помощь императора удовлетворила. Встречу провели первые лица Чешского королевства, судя по всему, впервые в истории отношений кайзера и царя: высочайший земский камерарий Ян из Вальдштейна, высочайший гофмейстер Криштоф Попел из Лобковиц Младший и гетман Старого Места Пражского Ян Вацлав Попел из Лобковиц при 300 светских верхом.³⁹³ В Праге москвитам наносили визиты на высшем уровне. 13 августа их посетили высочайший бургграф Адам II из Градца, Ян из Вальдштейна и местоблюститель высочайшего канцлера Чешского королевства Криштофа Желинского из Себузина.³⁹⁴

18 августа состоялась аудиенция у Рудольфа II с ещё более внушительным присутствием имперских дворян. Вельяминова и Власьева приветствовали гофмаршал Вацлав Берка из Дубе на Рыхенбурце, влиятельный придворный Олдржих Феликс Попел из Лобковиц, и двое из наиболее доверенных сановников императора, причастных к формированию европейской политики, обер-гофмейстер Пауль Сикст фон Траутзон и обер-камергер Вольфганг Зигмунд барон фон Румпф.³⁹⁵ Затем к ним присоединились Пётр Вок из Рожмберка, Ян из Вальдштейна, высочайший придворный судья Вацлав из Ржичан на Горжовицах, обер-шталмейстер граф Альбрехт фон Фюрстенберг и Криштоф Попел из Лобковиц Младший. Император, поблагодарив царя за помощь и говоря об отношениях с Московским царством, вёл речь уже только о «соединенье» (объединение с конкретными обязательствами), не упоминая «докончанье», то есть широкий союз как таковой. Нельзя не отметить: как указывает статейный список, через неделю имперские сановники, отпуская послов из Праги, снова упоминают и «докончанье», но только между императором и царём.³⁹⁶ Вельяминов и Власьев затем попросили об отдельной встрече с эрцгерцогом Максимилианом, так как у них было к нему письмо. Но поскольку

³⁹³ Московские дипломаты неточно называют их: императорские «думные ближние люди», явно по аналогии с царским двором, где структура феодальной власти и в административном, и в территориальном плане была иной: *Ibidem*, столбец 323. Делегацию встречали «от Праги за полмили». Среди встречающих упомянут и «Юри Каль, дохтур в суду», доктор права Георг (Иржи) Каль, который впоследствии приедет в Московию. Приставами при русской делегации назначены Ян Вацлав Попел из Лобковиц и Никлас Варкоч. Нельзя не отметить, что неформальная встречная речь москвитам читалась на чешском языке, и видимо, была понята: переводчика с чешского в посольстве не было. Далее последовало официальное послание от императора уже на немецком языке, которое зачитал Георг Каль. Румпф, Траутзон и Принц будут впоследствии провожать московских послов в обратную дорогу.

³⁹⁴ *Ibidem*, столбец 327. Пришедшие вновь поинтересовались здоровьем русского царя и засвидетельствовали почтение послам. Адам II – важнейший по значимости сановник Чешского королевства после короля.

³⁹⁵ *Ibidem*, столбец 330-335. Фон Румпф взял у московских послов некоторые из грамот, остальные принял сам император. Берка был обозначен как камергер либо «коморный боярин», а Петр Вок — просто как «большой в Чешском королевстве», то есть, знатная фигура с неясной для москвитов политической функцией. Вацлав из Ржичан назван «большим судьёй» Чешского королевства: земские и придворные должности московские дипломаты, видимо, различали слабо.

³⁹⁶ *Ibidem*, столбец 355.

эрцгерцога не было в Праге, московиты согласились передать ему грамоту через императора.³⁹⁷

С 21 по 23 августа послы были заняты передачей мехов, занявших 20 комнат, причём Власьев и Вельяминов раскладывали дары лично. Император был впечатлён,³⁹⁸ особенно когда затем выяснилось, что московская помощь стоила примерно в десять раз дороже, чем считалось. Михаил Вельяминов называл в отчёте сумму в 400 тысяч рублей, и это не считая 120 шкур чернобурых лисиц, которым в Праге даже не сумели определить цену – ссылаясь на Варкоча, который присутствовал тут же, и пражских купцов.³⁹⁹ В день приёма мехов Рудольф устроил для московских послов ещё один пир.⁴⁰⁰ Те, в свою очередь, сочли миссию завершённой и попросили об отпуске, с особым пожеланием к императору согласовать с Польшей присылку приставов: их отсутствие на пути в Прагу Вельяминов и Власьев посчитали бесчестием со стороны поляков. Пятого сентября дипломатам объявили о скором отпускном приёме у Рудольфа II. Заодно им предложили встретиться с послами Испании, папы римского и Венеции при австрийском дворе, и это говорит о том, что создание антитурецкой лиги в Праге считали отнюдь не формальным проектом. Вельяминов и Власьев согласились.

Переговоры состоялись в их доме в тот же день в присутствии имперских приставов, при этом Ян Вацлав Попел играл роль переводчика при визите для папского и венецианского послов, а Даниэль Принц – при визите посла Филиппа II, дона Гильена де Сан-Клементе, одного из лидеров «испанской партии».⁴⁰¹ Все три дипломата передали царю Фёдору благодарности за помощь, чем их речи в целом и исчерпывались. Интересно при этом, что послы, несмотря на свой высокий статус, не воспользовались этой возможностью для обсуждения антитурецкой лиги: сказала традиционная московская осторожность, и, видимо, прямой запрет не вести переговоров ни с кем, кроме «цесаря». С собственной

³⁹⁷ Ibidem, столбец 335

³⁹⁸ Ibidem, столбцы 291-292.

³⁹⁹ То есть свыше 130 тысяч флоринов, если воспользоваться обменным курсом, который ранее называет Варкоч: Ibidem, столбец 292. Очевидно, что сбыт такой огромной партии дорогих мехов был затруднён по причине отсутствия соответствующего спроса, и это подрывало эффективность помощи. Самые дорогие шкуры, чернобурки, Рудольф II поэтому оставил себе. Парадоксально, но эти лучшие меха, которые пражские купцы сочли бесценными, московское правительство оценило скромно, в 565 рублей: Ibidem, столбец 236. То есть, одна шкурка стоила менее чем 5 рублей, что по некоторым данным составляло, например, половину цены хорошего рабочего коня: Аркадий МАНЬКОВ, *Цены и их движение в Русском Государстве XVI века*, Москва – Ленинград 1951, стр. 43.

⁴⁰⁰ ПДС, том 2, столбец 337. 29 августа приставы сообщили русским послам о взятии у турок венгерского Грана. По замечанию Вельяминова и Власьева, тот факт, что город был взят одновременно с передачей ему русской помощи, император отметил как чудесное совпадение, тогда как московские дипломаты объявили это божьим промыслом: Ibidem, столбцы 341-342.

⁴⁰¹ Ibidem, столбец 346. Судя по всему, Ян Вацлав Попел переводил русским с латыни, тогда как с испанского переводил Принц, одновременно один из главных имперских специалистов по Московии.

актуальной повесткой пришёл апостольский нунций в Германии Чезаре Специано, который спрашивал об итогах визита в Москву своего коллеги Александра Комулея.⁴⁰²

12 сентября последовала отпускная аудиенция, а через день имперские сановники принесли отпускные послания. Вновь встал вопрос о заключении договора в форме «соединенья и докончанья», причём Вельяминов и Власьев требовали уточнить, когда имперский посол явится для этого в Москву.⁴⁰³ Но у Рудольфа лишь пообещали, что делегация будет высокопоставленная («великих и ближних людей»), хотя точных сроков и кандидатур назвать не смогли.

Царское посольство в Чехии было замечено на важном медийном уровне. Например, газеты Фуггеров, которые изучил Карл Воцелка, подробно освещали похождения московской миссии, включая банкет, который, как утверждалось, закончился сильной попойкой.⁴⁰⁴ Роскошь русских даров описывалась как исключительная (меха якобы уносили восемь человек), с преувеличениями и обязательным налётом экзотики. Эльзасский теолог Озеас Шаде, ссылаясь на историка Йоханнеса Шлейдена, писал ещё и об отдельном царском даре императору в виде 100 тысяч рублей деньгами, трёх живых леопардов и двух белых соколов – правда, ничего из этого, кроме птиц, в ведомости посольства не было.⁴⁰⁵ Вельяминов же в отчёте подчёркивал эффект, который московская субсидия произвела не на газеты, а на европейские монархии. Посол докладывал: пражский двор сообщил о мехах в Испанию и германские государства, что послужило к славе царя Фёдора – в том числе потому, что такой богатой помощи император не ожидал.

Основная задача русской миссии, таким образом, была выполнена, и 17 сентября посольство покинуло Прагу. С собой оно увозило грамоты московскому правительству, и

⁴⁰² Сведений об этом у московских дипломатов не было: *Ibidem*, столбцы 346-350. Специано упомянут с ошибкой в имени и титуле как «Климента папы Римского посол Шпециан Патрициус бискуп Кремонской и Медиоланской», хотя епископом Кремоны тот был, а епископом Милана – не был.

⁴⁰³ *Ibidem*, столбцы 357-358.

⁴⁰⁴ Karl VOCELKA, *Die Politische Propaganda Kaiser Rudolphs II (1576-1612)*, Wien 1981, стр. 235-236. В газетах Фуггеров упомянуты 60 повозок при 400 лошадях, что близко к реальной цифре в 50 повозок, занятых под меха. Интересно сравнить русские данные (ПДС, том 2, столбцы 236-237) с сообщениями имперской «прессы». Как писали газеты Фуггеров, в посылке были шкуры 1.000 соболей, 519 куниц, 1.000 чёрных лисиц, 3.000 оленей, 3.000 бобров и 1.500 волков. Точное совпадение оказалось только по бобрам, тогда как волчьих шкур было 1.000, чёрных лисиц – всего 120, а оленей не имелось вовсе – были лишь 75 лосиных кож. Третью часть миллиона (337.235) недорогих беличьих шкурок газеты вообще не заметили, а соболей и куниц насчитали ровно в 40 раз меньше, так как считали каждый «сорок» (связку в 40 шкур) за одну шкуру. Но и это было признано великолепным даром.

⁴⁰⁵ Приводится по: К. VOCELKA, *Die Politische Propaganda*, стр. 236. Императору действительно привезли двух так называемых «красных кречетов» (*Falco sacer* либо *Falco gyrfalco intermedius Gloger*), самых ценных охотничьих птиц из рода соколиных, хотя охоте они не были обучены, о чём следовало известить императора особо: ПДС, том 2, столбец 264. Впоследствии послу Аврааму фон Доне в Москве подарят менее ценных кречетов, серого и «подкрасного». Если у «красных» кречетов преобладала белая окраска, у «подкрасных» была выражена пёстрая: Георгий ДЕМЕНТЬЕВ, *Сокола-кречеты*, Москва 2017, стр. 70.

главное, обещание Рудольфа II направить посла для обсуждения «соединенья и докончанья».⁴⁰⁶ Было среди успехов посольства и обстоятельное донесение о ходе войны с Турцией, о помощи Рудольфу II от европейских монархов и о взаимоотношениях правителей Восточной Европы. Послы особо отмечали: «*Цесарь казною небогат*»: несмотря на обилие подготовленного воинства, военные усилия Рудольфа упираются в недостаток денег, которые он не может получать и тратить без санкции рейхстага – тем более значимой, видимо, Москве казалась её субсидия.⁴⁰⁷

Ответные шаги империи запаздывали, о чём можно судить по заявлениям Рудольфа II на отпускной аудиенции 15 ноября. Ждать скорой присылки европейских делегаций в Москву, как выяснилось, пока было нельзя из-за больших расстояний.⁴⁰⁸ Рудольф II, кроме того, замечал: папа Климент VIII недавно уже отправил в Москву легата Комулея, а испанский монарх Филипп II стар, немощен и занят конфликтами с Англией и Францией. При этом, подчёркивали в Праге оба правителя и так помогали в войне с турками, тогда как возможность включения в альянс Персии ещё только следовало обсудить. Что же касается нового австрийского посольства, то оно будет направлено в Москву уже вскоре, пообещал кайзер Годунову.⁴⁰⁹ Все эти соображения не могли не навести московское правительство на мысль, что широкий союз против Порты с участием царя воспринимается ведущими католическими монархами как второстепенная задача, тем более что формально император выполнил одно из обещаний, которые дал в обмен на русскую помощь. При его посредничестве между царским правительством и Швецией в мае 1595 года был наконец заключен Тявзинский мир, хотя этот договор оказался менее выгодным, чем ожидали у Годунова, а потому долго не ратифицировался.

Вместе с имперской делегацией в Москву прибыл и имперский агент Ян Прочинский, который по пути посетил великого литовского канцлера Льва Сапегу, и привёз от него послание Борису Годунову, а также собственное письмо.⁴¹⁰ Из этого следует, что Прочинский, который добывал для миссии Вельяминова охранные грамоты на пути в

⁴⁰⁶ ПДС, том 2, столбец 293. Сопроводять Вельяминова и Власьева до границ Московского царства поручили всё тому же Яну Прочинскому, который, однако, был далее вызван в Москву. Причиной стала грамота от литовского канцлера Льва Сапегу Борису Годунову, которую Прочинский доставил в Посольский приказ: Ibidem, столбец 373.

⁴⁰⁷ Ibidem, столбцы 369-370. Численность императорских войск на 1595 год московские послы оценивают в 70 тысяч человек. Было особо указано, что польский король никакой денежной и военной помощи императору не оказывает, однако польские войска сдерживают крымские набеги на Венгрию. Заодно послы узнали, что силы коронного канцлера Яна Замоиского были отвлечены на подавление казачьего восстания Северина Наливайко, что ограничивало потенциал Польши в борьбе с Портой: Ibidem, столбец 294.

⁴⁰⁸ «С Папою Римским и с Королём Ишпанским ещё у нас в том деле большого утвержденья нет, только от них утешенье есть, что они к тому делу подвижны»: Ibidem, столбцы 298-299.

⁴⁰⁹ Ibidem, столбец 303.

⁴¹⁰ Ibidem, столбец 373.

Прагу, теперь не только лично отчитывался в Кремле о своих достижениях, но и подробно информировал Москву о ходе турецкой войны.⁴¹¹ Из этого можно сделать вывод, что контакты двух монархий становились намного более плотными: до сих пор такой «общий» агент, которого охотно слушали в Москве и который так щедро добывал ей информацию и делился ею, был только один, Лукас Паули.

IV. 3. Миссия Авраама фон Доны: небывалый размах и тупик в переговорах

Что касается самого Паули, то в январе 1597 года он вновь появился в Москве, на этот раз в роли гонца, и оповестил о скором прибытии большого посла, бургграфа Авраама фон Доны.⁴¹² Ландфогт Верхней Лужицы, как и Варкоч, был выходец из Силезии, и 22 марта прибыл в Псков в составе делегации из 112 человек, включая 20 дворян. При подаче списка дипломатов фон Дона отрекомендовался советником и камергером эрцгерцога Максимилиана. Это соответствовало возвращению в дипломатическую повестку вопроса о польских претензиях Габсбургов.⁴¹³ Но в инструкции, которую получил фон Дона, значились следующие задачи: просьба о помощи, на этот раз денежной, а не мехами, привлечение Москвы к боевым действиям против крымцев, разорвавших Венгрию, а также воздействие правительства Годунова на Персию, чтобы та продолжала оказывать

⁴¹¹ Ibidem, столбцы 376-378. Бросается в глаза, что выражения и сюжетные ходы, которыми Прочинский описывает боевые действия, очень схожи со статейным списком Вельяминова и Власьева. Так, о походе Сапеги в Валахию они пишут: «*В те поры был в Волохах Семиградцкой воевода Резван Ага и сведал, что пришел на границу канцлер Полской, и поблюдясь его, пушки вывез и всю землю Волошскую выпустошил, а сам из города побежал. И после того присылал Семиградцкой к канцлеру Угренина Карныша с грозами, чтоб канцлер от Волошские земли от(о)шёл прочь и вперед не вступался в неё*». У Прочинского же этот эпизод описан так: «*А о том Цесарю вести нет, что канцлер Полской овладел Государством Волоским и Угорских людей высрал. А наместник Волошской земли Семиградцкого воеводы Резван-Ага из Волошской земли и с пушками побежал, и что можно было взять, и он то взял и побежал в Семиградцкую землю. А воевода Семиградцкой прислал к канцлеру думного своего человека Корныша с прошением и с грозою, чтоб он Волоской земли не замал*». (Ibidem, столбцы 368 и 378 соответственно.) Из этого следует: у послов и Прочинского был общий источник, и возможно, сам Прочинский им и был. За эту версию говорит то, что его сообщения о польских делах подробнее и часто важнее. Агент, например, сообщал: Максимилиан Габсбург находился в Хорватии, «*близко Кракова*», именую себя избранным польским королём, чему в Варшаве не хотели верить (Ibidem, столбец 380.) Указание «*о том Цесарю вести нет*» заставляет думать, что о действиях поляков имперский агент сообщал Москве раньше, чем собственному двору, либо одновременно.

⁴¹² Ibidem, столбцы 389-400. Приезд Паули – резкий контраст с недавним визитом гонца Хлопицкого. Он не только соблюдал все тонкости ритуала, но и был встречен с почестями, а также привёз богатые дары, что не было свойственно гонцам: позолоченный кубок, золотую цепь с самоцветами и золотой перстень с изумрудом, где была гравировка царского орла. С Годуновым Паули не смог увидаться опять-таки из-за постных дней, хотя к царю гонца провели безотлагательно: в Москве знали, что от кайзера идёт большое посольство, и задерживать его не хотели.

⁴¹³ Ibidem, столбец 444. В сохранившемся именном посольском списке значатся Лукас Паули и доктор права Георг Каль, участник встречи Вельяминова и Власьева в Праге. Следственно, австрийский двор придавал миссии большое значение. Он не только снабдил её людьми, опытными в русских делах, но и отправил в дорогу, не дожидаясь конца распутицы.

сопротивление Турции. При этом требовалось выяснить, не заключили ли царь и персидский шах военный союз.⁴¹⁴

Тем не менее, у делегации фон Дона, который въехал в Москву 28 апреля, внезапно возникли и параллельная повестка, и необычный порядок работы. Прежде чем посол получил аудиенцию у царя, Лукас Паули 18 мая был удостоен встречи с главой Посольского приказа Василием Щелкаловым на правах агента эрцгерцога Максимилиана, с грамотами для царя и Годунова и с тайными речами.⁴¹⁵ Часть его речей попала в книги Посольского приказа. Как объявил Паули, Максимилиан просит у Москвы помощи, так как он собрался вновь предъявить претензии на польский трон, и вместо императора командует всеми войсками в турецкой кампании, пользуясь поддержкой Молдавии и Трансильвании. На вопрос Щелкалова, кто именно поддерживает Максимилиана в Польше, и как тот собирается попасть в Варшаву, Паули отвечал уже секретно, уточнив, что этот вопрос ему поручено обсуждать с Борисом Годуновым лично.

Переговоры Паули и Щелкалова интересны в двух отношениях. Во-первых, австрийская делегация приехала с конкретным планом возвращения Максимилиана к вооружённой борьбе за Польшу, который никак не был заявлен. Во-вторых, посольство приступило к работе по второстепенной повестке раньше, чем по основной, причём многоопытный Паули оказался в роли неформального «второго посла», что эффективности работы миссии не способствовало.⁴¹⁶

Авраам фон Дона был вызван на аудиенцию к царю только 22 мая, и изложил цель визита в строгом соответствии с инструкцией. Поблагодарив за присланные меха, он сообщил: продать их пока не получилось, поэтому империя теперь просила золота и серебра, так как ни Испания, ни Польша денег не слали. Фон Дона также интересовался, воюет ли сейчас с турками Персия, и можно ли использовать против Порты крымского хана Газы II Герая, недавно свергнутого с помощью турецких интриг.⁴¹⁷ 27 мая фон Дона посетил в Кремле Бориса Годунова, и здесь ограничился прямой просьбой о присылке денег и о сдерживании крымских татар.

⁴¹⁴ Н. UEBERSBERGER, *Österreich*, том 2, стр. 563-565.

⁴¹⁵ ПДС, том 2, столбец 475. Как выясняется, в Москву опять прибыло «двойное посольство»: Паули специально побывал у Максимилиана, воевавшего в Мунтении, получил от него грамоты и инструкции, и только затем присоединился к фон Доне; в Москве он пользовался известной самостоятельностью и по знанию русских дел намного превосходил своего формального начальника-посла.

⁴¹⁶ *Ibidem*, столбцы 478-480. Отказ в оперативной встрече Паули с Годуновым по столь важному делу мог означать, что такое раздвоение повестки застало Москву врасплох. При этом фон Дона вёл себя заметно пассивнее Варкоча, возможно, вследствие болезни – позже он пожалуется Годунову, что сильно болел и по дороге, и в Московии. Проведя в Москве почти месяц, он не требовал ускорить аудиенцию и вообще никак себя не проявил, кроме жалоб на еду.

⁴¹⁷ *Ibidem*, столбцы 505-508.

В ответе регента на столь прямолинейное требование прозвучала то ли едкая ирония, то ли обычное московское преувеличение. Как только польский король пропустит большое войско и флот царя по Днепру, Крымское ханство перестанет существовать через час, заявил Борис. Просьбу воздействовать на Персию, чтобы её шах не мирился с турками, Годунов обещал передать царю, и это могло означать лишь одно: русско-персидские контакты будут идти по прежней повестке, где этот вопрос уже не раз поднимался.⁴¹⁸ Вместе с фон Доной на аудиенции у Годунова присутствовал и Паули, повторивший просьбу о содействии Максимилиану. Как заверил агент, у эрцгерцога есть поддержка среди Панов рады, но великий коронный канцлер Ян Замойский оказывал противодействие, с которым приходилось считаться.⁴¹⁹

Тот же Паули 16 июня посетил Василия Щелкалова, которого попросил прибыть к больному и ограниченному в передвижениях фон Доне. Встреча состоялась через три дня, причём главу Посольского приказа в первую очередь интересовало, уполномочен ли посол заключить «соединенье и докончанье». В пространной речи Щелкалов представил и совместную московско-австрийскую борьбу за польский трон, и недавнюю помощь империи против турок, и активизацию московско-персидских связей как вехи на пути к союзу Московского царства и империи, на который Годунов так рассчитывал. Бургграф ответил, что полномочий на союз не имеет, и обрисовал Щелкалову ситуацию, о которой уже слышали в Праге Вельяминов и Власьев: империя не договорилась о совместных действиях против турок и о посольствах в Россию с Испанией и папой. Филипп II был занят войнами с Англией, Францией и Нидерландами. Поэтому присылка послов возможна, но не раньше, чем Прага, Эскориал и Святой престол договорятся, а Москва, в свою очередь, придёт в такое же «докончанье» с Персией.⁴²⁰

Щелкалов, заметно задетый такой нерешительностью, сослался на слова Никласа Варкоча об уже достигнутом принципиальном согласии папы, империи и Испании на антитурецкий альянс с царём. Это согласие, однако, не вполне отражалось в содержании грамот, которые Вельяминов представил царю 15 ноября 1595 года. Рудольф II в них сообщал, что стороны лишь приступают к организации посольств, но при этом Филипп II пребывает в нерешительности, а участие Персии в лиге ещё под вопросом. При всём обилии тёмных мест, вывод о полном согласии между тремя католическими потентатами

⁴¹⁸ «Не стало б Крымского Царя ни на один час», — похвастался Годунов: Ibidem, столбцы 513-515. Борис Годунов, конечно, не мог не понимать: любая попытка серьёзного наступления на Крым, вассальный турецкому султану – уже сама по себе исключительное военное предприятие – будет равнозначна вооружённому столкновению с Портой.

⁴¹⁹ Ibidem, столбец 518.

⁴²⁰ Ibidem, столбцы 531-533.

из этого послания не следовал. Несмотря на это, Авраам фон Дона не нашёл ничего лучше, как обвинить Варкоча в систематической лжи и измене, и даже пригрозить ему наказанием от имени Рудольфа II – совершенно непонятная дискредитация собственной дипломатической службы, которая не могла быть понята русскими иначе как слабость австрийской позиции и невозможность полного доверия имперцам. Фон Дона утверждал, что Варкоч искажил перед кайзером результаты своих переговоров в Москве и ничего не сообщил о посольстве Персии, бывшем в московитской столице.⁴²¹

На встречное предложение Щелкалова заключить хотя бы тройственный антитурецкий союз Москвы, империи и папы, легат которого находился в русской столице, фон Дона вновь отказал, сославшись на отсутствие полномочий. Отправлять же за такими полномочиями дворянина, как предлагал Щелкалов, имперский эмиссар не захотел, сочтя это нарушение обычая и работу уже для следующего большого посольства.⁴²² Характерно, что на фоне такого тупика в переговорах имперский посол уже не стал повторно просить о финансовой помощи, а в письме к Щелкалову даже пожелал покинуть Москву. Этого нельзя было сказать о Лукасе Паули, который 17 июля уже в третий раз был принят главой Посольского приказа, вновь с посланием от Максимилиана Габсбурга. Агент представил план захвата польского престола, по крайней мере, его первую часть: главным фактором снова была финансовая помощь Москвы, которую следовало прислать в Любек. Там послам Годунова и Максимилиана следовало уточнить дальнейшие действия с опорой на польских дворян-сторонников эрцгерцога, которых Паули насчитывал до семи тысяч. При этом прозвучал и намёк на военную силу, которую союзники смогут использовать в подходящий момент.⁴²³ Щелкалов пообещал поставить этот вопрос перед Годуновым.

19 июля фон Дона был вызван в Кремль, где и получил ответ. Помощи императору в Москве на этот раз не оказали, увязав её с выполнением договорённостей о союзе. Бояре объявили, что готовы ждать, пока католические владыки достигнут согласия и пришлют в Москву делегации, хотя царский двор устроило бы и поэтапное антитурецкое соглашение,

⁴²¹ Ibidem, столбец 535. Русские источники приводят необычайно сильные выражения фон Доны: Варкоч якобы неоднократно «своровал [изменил, совершил государственное преступление]», согласовывая встречу трёх послов, и «за то ему от Государя нашего казнь [наказание] будет».

⁴²² Ibidem, столбец 537.

⁴²³ «Фёдору Ивановичу, Всея Руси Самодержцу, вспомогати людьми не мочно, потому что ещё Государю вашему до перемирных лет с Литвою пять лет», — заметил Лукас Паули. Если у Щелкалова на тот момент и были возражения, то чисто формальные. Он возразил против встречи в Любеке, так как отправлять царских послов в город, где власть принадлежит «торговым мужикам», было бы уроном для чести его государя. Вообще к идее борьбы за Польшу Щелкалов относился скептически. Он заметил Паули: силой польский трон не взять, а повторно пригласить Максимилиана мирным путём дворяне, скорее всего, «не похотят»: Ibidem, столбцы 553-555.

для начала в русско-австрийском варианте.⁴²⁴ В Кремле не преминули подчеркнуть свой козырь: в Казани к тому моменту находилось персидское посольство Имамкулы, что формально означало выполнение московской стороной своей части обязательств. В вопросе же помощи Максимилиану конкретных обязательств у Годунова пока решили на себя не брать: в грамотах, которые бургграф увёз эрцгерцогу, звучали лишь общие намерения содействовать Габсбургам.⁴²⁵ Через три дня Авраам фон Дона прибыл на отпускную аудиенцию с вручением грамот, а Москву покинул 10 августа вместе с миссией папского легата Александра Комулея.

Комулей за два года побывал в Кремле второй раз, причём в Рим после визита в мае 1595 года вернуться не успел. Задержавшись в Вильно в качестве временного главы епархии, он получил от папы Климента VIII приказ вернуться в Москву вместе с имперским послом и координировать с ним работу («чтобы я с цесаревы послы заодин все дела делали»).⁴²⁶ Комулей намеревался посредничать в примирении Московского царства с Литвой – видимо, чтобы облегчить привлечение русских к антитурецкой коалиции. Это вытекает из переписки приставов, сопровождавших Комулея в столицу, с Посольским приказом: русские очень интересовались ходом боевых действий и даже потерями сторон. Легат же, судя по подслушанным разговорам его делегации, беспокоился из-за отсутствия согласия между империей и Польшей в противостоянии Турции – и более того, из-за враждебности между Рудольфом II и Сигизмундом III из-за польских претензий Максимилиана.⁴²⁷

В русских архивах документы о московских переговорах Комулея не сохранились: книга Посольского приказа обрывается на въезде легата в столицу. Но сохранившийся оригинал папского послания царю Фёдору, которое привёз Комулей, призывал не просто к помощи Рудольфу II, с которым Климент VIII, по его признанию, координировал это посольство, но к прямому вооружённому выступлению против турок совместно с Персией.⁴²⁸ Это едва ли было тем условием, на котором Москва согласилась вступить в лигу против Порты.

⁴²⁴ Ibidem, столбцы 564-566. О заключении союза Рудольфу II московские дипломаты ещё раз напомнили в грамотах от имени и царя, и Бориса Годунова. В вопросе помощи в Кремле колебались либо не хотели давать решительный отказ. 19 июля Щелкалов ещё говорил о будущей субсидии императору безотносительно союза. Но уже на отпуске фон Доне было объявлено, что царь «вспоможенье против Турского брата своему дражайшему и любезнейшему Руделфу Цесарю учинит, как к Его Царскому Величеству Государь ваш... пришлет своих великих послов»: Ibidem, столбец 576.

⁴²⁵ Ibidem, столбцы 613-616.

⁴²⁶ Ibidem, том 10, столбцы 455-456.

⁴²⁷ Ibidem, том 2, столбцы 466-467. Примечательно, что никаких следов координации работы фон Доны и Комулея в русских документах тоже нет: они не встречались, не переписывались и тем более не пересекались в Кремле.

⁴²⁸ Clemens P. P. VIII. Theodoro Czar, Domini Russiae, Magno Duci Moscoviae, etc. Principi Magno et desideratissimo salutem et omnis gratiae fructum, датировано 12 апреля 1596 года, опубликовано в: *Акты исторические*, стр. 48-49. «Господь дал тебе могущество, множество войска, сильную и могучую страну, и силу [в союзе] с персами», — призывал папа.

Судя по тому, что Комулей уехал обратно одновременно с фон Доной, участие легата в коалиционных переговорах также не было успешным. Правда, риторика папского послания не содержала конкретных предложений: возможно, Комулей передал их устно, но неясно, имел ли он полномочия подписывать соглашения. Но после Брестской унии 1596 года, которую в Москве расценивали как наступление на православие, папского легата, разумеется, не могли встретить тут с энтузиазмом.

Посольство же фон Доны оказалось не просто безуспешным, а провальным, вопреки встречающемуся мнению, будто оно послужило развитию имперско-русских отношений.⁴²⁹ Главную задачу – раздобыть деньги – дипломат не выполнил. Его стандартная просьба к Москве – воздействовать на крымского хана для предотвращения походов на Венгрию – удостоилась такого же стандартного обещания помочь и отправить посла.⁴³⁰ Но уже летом 1598 года Газы II Герай предпринимает набег с взятием Варада. О том, что визит не был результативным, говорит множество совпадений в ключевых источниках: это книги Посольского приказа и отчёт фон Доны.

Пассивность бургграфа, который не выходил за рамки инструкции, как в капле воды отразилась в одном эпизоде. По окончании миссии ему прислали напитки, и дворянин Иван Басманов, который доставлял их, вновь получил точные инструкции на случай, если посол спросит о возрасте и здоровье царя Фёдора. Это означает, что фон Дона за весь визит так и не поинтересовался проблемой, которая не только занимала Рудольфа II с 1589 года, но и через считанные месяцы вылилась в династический кризис. Бургграф, правда, отмечал в отчёте, что усмотрел признаки захвата Годуновым рычагов власти ради создания собственной династии.

Но сложно согласиться с Юберсбергером, будто фон Дона первым заметил эту тенденцию, которую Варкоч якобы не увидел и за три визита.⁴³¹ Во-первых, Никлас Варкоч ещё в 1589 году описал, как Годунов жаждет трона, причём оказался прав, когда предсказал дому «герра Бориса» короткую жизнь. Во-вторых, верхнелужицкий ландфогт лишь подтвердил то, что в Праге уже знали. Иначе трудно объяснить, зачем миссия фон Доны заранее и впервые предусмотрела подарки для сына Годунова, восьмилетнего

⁴²⁹ И. МАГИЛИНА *Переговоры*, стр. 22.

⁴³⁰ ПДС, том 2, столбцы 573-574.

⁴³¹ Н. UEBERSBERGER, *Österreich*, том 2, стр. 564-565 Отчёт, который цитирует Юберсбергер, находится в Австрийском государственном архиве: Österreichisches Staatsarchiv, коллекция Russica Original Denkmäler 2, Finalrelation, Prag, October 28. Как докладывал фон Дона, Годунов захватывал в свои руки укрепленные города и ценности, на важные посты сажал своих родственников, а противников частью искоренил, а частью сослал.

Фёдора. Это значит, что там заранее оказывали знаки внимания потенциальному наследнику царского трона.⁴³²

Приезд фон Доны завершил важный этап становления дружественных отношений Габсбургов и Рюриковичей, на котором его коллега-силезец добился более серьёзных достижений. Третье посольство Варкоча не только имело конкретный материальный результат, но и было значимо для развития имперско-русских связей, которые и в 16 веке развивались в сторону союзных отношений, проектов династической унии и совместной антитурецкой борьбы.⁴³³

Открытым, однако, до сих пор оставался вопрос, почему Габсбурги и Рюриковичи не воспользовались благоприятной внешнеполитической обстановкой для объединения против общего врага и заключения союза. В литературе уже указывалось, что важной предпосылкой для антитурецкой лиги был хотя бы относительный мир в Европе и поиск новых форм объединения вместо старых концепций крестового похода и малоэффективных восстаний на оккупированных турками территориях, на чём давно настаивали папы.⁴³⁴ Работали, однако, и другие факторы. Сказалось отсутствие до 1593 года острой турецкой угрозы империи и приоритетность для Москвы балтийского, а не южного театра. К тому же кайзер и царь формально стремились не просто к антитурецкому пакту, а к работающему договору о дружбе и союзе, который требовал больших усилий в период тяжёлой войны, и слишком ко многому обязывал две монархии с различной социально-политической структурой и вероисповеданием. В русской историографии есть мнение, что период 1595-1600 годов был оптимальным для антитурецкого альянса царя и кайзера.⁴³⁵ Но в контексте их политики на начальном этапе Долгой войны можно усомниться, что Москва вообще стремилась к активным действиям против Порты. Она лишь использовала антитурецкие стремления империи для собственной дипломатической игры против Польши и Швеции. Ведь прямая опасность от Турции ей не угрожала с 1569 года, а долговременной стратегией русского двора было

⁴³² ПДС, том 2, столбец 518. От Рудольфа II Годунову-младшему достались часы с боем, украшенные медведем, а посол вручил ему от себя четыре ружья, булатную саблю и двое небольших часов. Правление сына Годунова, однако, оказалось самым коротким в истории русских царей. Проведя на троне меньше двух месяцев после смерти отца, 16-летний Фёдор II был свергнут и убит летом 1605 года.

⁴³³ Можно согласиться с Яном-Паулем Нидеркорном в том, что в своей последней миссии Варкоч сосредоточился на сугубо практической задаче материальной помощи, которая и стала самым полезным и перспективным результатом его посольства: J. NIEDERKORN, *Die europäischen Mächte*, стр. 454.

⁴³⁴ К. VOCELKA, *Die Politische Propaganda*, стр. 237-238.

⁴³⁵ И. МАГИЛИНА, *Русское государство*, стр. 123-124. Надо добавить, что в 1600 году Московское государство утратило для империи свою функцию посредника в отношениях с далёкой Персией, куда послы Рудольфа II долго не могли добраться: в Прагу прибыло первое шахское посольство в составе 30 человек. При этом монополистом здесь Москва не была, так как с шахами активно сносились и монахи-кармелиты в интересах Святого Престола: К. VOCELKA, *Die Politische Propaganda*, стр. 237.

избегать открытого конфликта с турками как можно дольше.⁴³⁶ Это заставляет критически переосмыслить точку зрения, встречающуюся в европейской историографии, будто царское посольство 1595 года хотело «купить» за меха поддержку Рудольфа II ради заключения альянса, который ударил бы по предкавказским и кавказским правителям, дружественным Турции и мешавшим русской экспансии в регион.⁴³⁷

Далее, скромные силы, брошенные кайзером на русское направление, не отвечали его сложным, и главное, противоречивым задачам – тем более что в конце 16 века империя чаще проявляла инициативу и диктовала повестку, на которую Москве оставалось реагировать.⁴³⁸ Вальтер Ляйтш точно описал «раздвоение» этой повестки.⁴³⁹ Дипломаты обоих Габсбургов не один год упорно обсуждали в Москве польские претензии Максимилиана, уже не приоритетные для Рудольфа, в ущерб актуальным вопросам. В 1597 этим занимается даже посольство фон Доны, рекордное по численности и знатнейшее по составу.⁴⁴⁰

Контакты же двух дворов на главном для Рудольфа II, турецком направлении, выглядят как русское обещание крупной помощи в обмен на австрийское обещание важного союза. Сторонам не хватало реализма, судя по долгим и тщетным надеждам то на польский трон, то на династическую унию. Антитурецкая повестка, тем более в преддверии Смуты и в широкой конфигурации «Испания – Святой престол – Священная Римская Империя – Московское царство – Персия», послужила в итоге не практически достижимой целью, а скорее фундаментом для дальнейшего сближения и союзных отношений между Габсбургами и Россией в 17-18 столетиях, когда союз против Порты тоже не возник. Как метко резюмировал Роберт Эванс, для австрийского дома хлопоты по созданию антитурецкой лиги во многом лежали в идеологической плоскости. Создавая такой альянс, император создавал и пропагандистскую картину, которая выставляла его естественным лидером Европы в деле защиты христианства.⁴⁴¹ Москва, которая требовала

⁴³⁶ J. NIEDERKORN, *Die europäischen Mächte*, стр. 449-452.

⁴³⁷ Такой подход замечен в статье: Natalia NEVEROVA, *The Emperor and Diplomatic Relations: Rudolph II through the Eyes of Foreign Ambassadors*, in: Sean MCGLYNN – Elena WOODACRE (ред.), *The Image and Perception of Monarchy in Medieval and Early Modern Europe*, Cambridge 2014, стр. 141. Между тем, Москва к тому моменту уже много лет вела относительно успешную экспансию на юг и без всякой поддержки Рудольфа II, который, напротив, пытался привлечь московское правительство к давлению на тех же крымцев. В большей степени с автором можно согласиться в том, что с помощью мехов Москва стимулировала переговоры о союзе. Но, во-первых, эти дары всё же возникли в рамках другой, имперской инициативы, а во-вторых, желаемого результата не дали.

⁴³⁸ Isaiah GRUBER, *The Muscovite Embassy of 1599 to Emperor Rudolf II of Habsburg*, Montreal 1999, стр. 10

⁴³⁹ W. LEITSCH, *Moskau*, стр. 134.

⁴⁴⁰ О дублировании дипломатических усилий империи в Москве: V. PANOVA, *On the Contents*, стр. 289-290.

⁴⁴¹ Robert EVANS, *Rudolph II. Ohnmacht und Einsamkeit*, Graz 1980, стр. 57.

создать коалицию на её территории, не уступила бы таким идеологическим претензиям: у неё имелись собственные.

Наконец, рудольфинский период обнаруживает два важных фактора, влиявших и на внешнюю политику Праги конца 16 века, которые отметил Андрей Прокопьев. Во-первых, это серьёзный структурный кризис империи, не располагавший к резким шагам в восточной политике. Начало краха Аугсбургской «мирной архитектуры» и внутриимперского консенсуса, приведшего к Тридцатилетней войне, пришлось как раз на правление Рудольфа.⁴⁴² Кроме того, ресурсы кайзера, и так не обладавшего непререкаемой властью Ивана IV, подрывались параличом имперских институтов власти.⁴⁴³

Можно предположить, что чем ярче на первый план выходили конфессионально-политические распри, тем меньше у австрийского двора было охоты к обязывающим восточным альянсам, особенно с экзотической и непредсказуемой Московией. Тем более, в Европе она обрела неоднозначную репутацию, которая и подогревалась объективными условиями, и усиливалась пропагандой, где нарастал дискурс предполагаемого русского варварства и тирании.⁴⁴⁴ К этому добавилось второе обстоятельство: нерешительность, «депрессивная устранимость» и нараставшее политическое одиночество самого Рудольфа II, которые отдаляли его от дел, а затем закономерно привели к поражению во внутригабсбургском династическом конфликте.⁴⁴⁵

Итак, на финальном этапе «соединенье и докончанье» между австрийскими Габсбургами и Рюриковичами срывается с проектом более широкой антитурецкой коалиции, что, по сути, парализовало оба начинания. Тем не менее, правительство Годунова в целом было довольно развито в отношении с империей. Неслучайно именно в 1595 году, на фоне визита Никласа Варкоча, глава посольского приказа Василий Щелкалов получил очень почётное звание печатника.⁴⁴⁶ Это было бы маловероятным поворотом событий, если бы отношения с одним из ключевых партнёров развивались негативно.

Кроме того, за 50 повозок мехов московский двор купил себе репрезентативный статус партнёра империи, который общался с ней на равных в церемониальном плане, и даже делал ей одолжения. Практичные Габсбурги, в свою очередь, довольствовались вещественной пользой и относительно надёжным северо-восточным флангом, при этом оказав Москве небольшое, но выгодное содействие в решении жизненно важного для неё

⁴⁴² Андрей ПРОКОПЬЕВ, *Германия в эпоху религиозного раскола*, Санкт-Петербург 2008, стр. 316.

⁴⁴³ Ibidem, стр. 319.

⁴⁴⁴ К. PRAŽÁKOVÁ, *Obraz*, стр. 198-205.

⁴⁴⁵ А. ПРОКОПЬЕВ, *Германия*, стр. 322-323.

⁴⁴⁶ С. БЕЛОКУРОВ, *О Посольском приказе*, стр. 48.

вопроса - прорыва к Балтике. За пределами же политической тематики, посольства Никласа Варкоча служат яркой иллюстрацией как для саморепрезентации русских и европейских дипломатов раннего нового времени, так и для понимания характера политико-символической коммуникации московского и имперского дворов. Особенно ярко это иллюстрируют русский дипломатический ритуал и обычай в свете имперско-русских контактов, о чём речь пойдёт далее.

V. Дипломатия Габсбургов и Рюриковичей в свете даров и ритуалов дарения

К раннему новому времени подарки давно устоялись как важный элемент политической культуры и материальное проявление дипломатических отношений. Принцип бескорыстного дара, вместе с тем предполагающего ответ (*do ut des*), к 16 веку был общим местом дипломатического ритуала Руси и Европы, средством начала и продления дружеских связей.⁴⁴⁷ В контактах немецко-европейской и московской культур, далёких политически, материально и духовно, дипломаты не всегда знали церемониал страны пребывания, а её языка не знали вовсе. К тому же, в московской «почётной неволе» имперские эмиссары имели мало возможностей показать значимость своего монарха. Поэтому дар был важным, понятным и символическим средством политической коммуникации и саморепрезентации, которое не обойти при изучении имперско-московских контактов.

Исследовать дары и дарение логично в рамках историко-антропологического исследования материальной культуры дипломатии раннего нового времени.⁴⁴⁸ Надо рассматривать и место этих явлений в нарративах, которые обслуживали имперскую и московскую политические системы, и культурные практики, применяемые акторами с обеих сторон, и материальные ресурсы, доступные сторонам.⁴⁴⁹ Среди потенциальных недостатков этой схемы Харриет Рудольф есть риск уделить чрезмерное внимание истории подарка как такового, увлечься его «социальной биографией» и местом в культурном и политическом нарративе. Это грозит исследователю тупиком: мы можем лишь догадываться, что чувствовали и думали дипломаты и монархи, даря тот или иной предмет. Но этого можно избежать, если помнить о двойной роли подарка как средства саморепрезентации донатора и дипломатического инструмента, призванного впечатлить адресата, и тем облегчить достижение внешнеполитических целей.

Этой главе, таким образом, предстоит ответить сразу на несколько вопросов. Во-первых, насколько различные или схожие подарки Габсбурги и последние Рюриковичи дарили друг другу и дипломатам, как их можно сравнить и что покажет такое сравнение?

Насколько эксклюзивны были эти подарки, как они выглядят на фоне даров, которыми

⁴⁴⁷ Герд АЛЬТХОФ, Барбара ШТОЛЬБЕРГ-РИЛИНГЕР, *Язык даров. Логика и семантика обмена дарами до начала нового времени*, in: Герд АЛЬТХОФ — Михаил БОЙЦОВ (ред.), *На языке даров. Правила символической коммуникации в Европе. 1000 – 1700 гг.*, Москва 2016, стр. 15.

⁴⁴⁸ О методологических основаниях такого изучения Ursula LEMMKUNL, *Diplomatiegeschichte als internationale Kulturgeschichte: Theoretische Ansätze und empirische Forschung zwischen Historischer Kulturwissenschaft und Soziologischem Institutionalismus*, *Geschichte und Gesellschaft* 27, 2001, стр. 394-423.

⁴⁴⁹ Мродель описания представлена подробнее здесь: Н. RUDOLPH, *The Material Culture*, стр. 212.

кайзеры и цари обменивались с другими монархами? Какого эффекта ожидали дарители, и выстраивается ли в зависимости от этого эффекта иерархия даров? Во-вторых, как выглядело дарение в протокольной практике: кем, когда и как вручался дар, кто и как его принимал и как понимал? И в-третьих, как выглядел материальный мир имперских и царских дипломатов через призму символики и ритуалов дарения, и что он говорил о взаимопроникновении и взаимовлиянии этих миров? Иными словами, как «работал» дар в роли предмета с «социальной биографией», какую роль играл в культурном трансфере, и что он говорит о взаимном образе имперских и московских элит?⁴⁵⁰

V. 1. Эволюция имперских даров: от посуды и драгоценностей к оружию, реликвиям и магическим артефактам

К самым распространённым дарам Габсбургов и их дипломатов москвитам относилась драгоценная посуда, которую в Кремле принимали охотно. Но хрустальные, золотые и серебряные рукомытники, чаши и кубки там воспринимались не как предметы искусства, а как сокровища, металлический эквивалент денег. Ещё и в 17 веке царские сановники оценивали западные подарки утилитарно, игнорируя их художественные достоинства: в расчёт брали только цену и вес металлов и самоцветов, но не работу мастеров.⁴⁵¹

Источники не фиксируют особой реакции на имперскую утварь. Но она и не могла впечатлить царский двор, где, как доносил Никлас Варкоч, *«пировали с полудня до трех часов ночи в передней палате дворца, уставленной золотыми сосудами для питья и серебряной и позолоченной посудой»*.⁴⁵² Многие имперские дипломаты вспоминали это богатство. И видимо, оно и демонстрировалось ради этого эффекта, а подарки послов пополняли кремлёвскую коллекцию.⁴⁵³

Утварь не уникальный дар кайзеров, её подносят другие Габсбурги и прочие монархи Европы.⁴⁵⁴ Тот же Варкоч передал Годунову лохань и рукомытник из позолоченного

⁴⁵⁰ Harriet RUDOLPH, *Entangled Objects and Hybrid Practices? Material Culture as a New Approach to the History of Diplomacy*. In: Harriet RUDOLPH, Gregor M. METZIG (ред.), *Material Culture in Modern Diplomacy from the 15th to the 20th Century*. Jahrbuch für Europäische Geschichte, Band 17, De Gruyter Oldenbourg 2016, стр. 1-28, здесь стр. 12.

⁴⁵¹ «Тою ценою, что стоит весом, а дела не считают», как выразился Григорий Котошихин, *О России в царствование Алексея Михайловича*, Санкт-Петербург 1884, стр. 74.

⁴⁵² Relatio, лист 35, обратная сторона.

⁴⁵³ Кобенцель, гадая о происхождении такого количества утвари, предполагал, что москвиты вывезли её из присоединённых русских земель и Ливонии. Это приуменьшило у него впечатление от могущества Москвы: Письмо Иоанна Кобенцеля, стр. 149.

⁴⁵⁴ В 1578 году датское посольство Якоба Ульфельдта привезло Грозному золотые стаканы, и тот остался доволен: Е. БАРСОВ (ред.), *Путешествие*, стр. 28.

серебра от эрцгерцога Максимилиана.⁴⁵⁵ Но иногда посуда несла серьёзную политико-символическую нагрузку и была барометром отношений. Летом 1593 года Никлас Варкоч вручил царю Фёдору хрустальный кубок-цаплю с гравировкой W. H. I. V., что значило *Wie heilig ist Bruederschafft*.⁴⁵⁶ Этот сосуд известен в историографии, но его тройной символизм до сих пор игнорировался. В первую очередь, кубок семантически связан с пиром и чествованием, и одно это уже указывало на приязнь донатора. Отсылка к братству подчёркивала равенство монархов, лестное и выгодное для царя, который стремился возвыситься до статусного уровня императора. Русский комментатор дневника Гейса добавлял: «Цапля – рыцарская птица, по её силе и отваге», и это третий символический оттенок Рудольфова подарка.⁴⁵⁷

Кубки, нередко с золотыми цепями и деньгами в придачу, в империи часто дарили московским послам. Так, Сугорскому и Арцыбашеву император подарил по кубку и золотой цепи, добавив 300 и 200 «золотых белых польских», соответственно. Особо были награждены дворяне-немцы, Третьяк и Мамлей: им дали по кубку, 30 аршин дорогой ткани (дамаста) и 150 золотых. Общую стоимость подарков и денег посольству императорская канцелярия оценила в крупную сумму, 3.528 флоринов.⁴⁵⁸

Кубки вручались, как можно видеть, в любых случаях и не означали, что в империи хотят получить взамен какой-то дар или услугу, но их количество зависело от значимости дипломата или посольства. Например, миссия Вельяминова и Власьева доставила военную помощь в виде мехов, и была награждена богаче всех русских в 16 веке. Посол получил рекордные 12 кубков и позолоченные серебряные рукомойник и лохань, а дьяк – шесть кубков и шесть рассольников, лохань и рукомойник.⁴⁵⁹ Подарками скромнее, включая кубки, наградили в 1582 году Молвянинова и его дьяка Тишину Васильева.⁴⁶⁰ Отмечу, в Кремле тоже дарили посуду, но лишь азиатским эмиссарам, словно имитируя имперские обычаи: Московия символически подтверждала, что она Восток для Запада и

⁴⁵⁵ ПДС, том 1, столбец 1278. Утилитарные названия утвари не должны обманывать: речь об изделиях из драгоценных металлов тонкой выделки, что доказывается и сохранившимися экземплярами, и высокой ценой.

⁴⁵⁶ С. ГЕЙС, *Описание*, стр. 16.

⁴⁵⁷ Ibidem.

⁴⁵⁸ Bolget waß der Moscowitischen Botschafte den 15. Septembris von Kays. Maj. undt Ihrer Sohnen Matthia unndt Maximiliano Verehret worden. Опубликовано в: F. HÄBERLIN, *Neueste Teutsche Reichs-Geschichte*, том 10, Vorrede, стр. LIX. Вознаграждение уменьшалось соответственно званию членов миссии, и нижестоящие кубки не получали: ПДС, том 1, столбец 703. Меньше всего, 30 и 20 золотых, получили священник и переводчик.

⁴⁵⁹ Ibidem, том 2, столбец 358.

⁴⁶⁰ Они получили, соответственно, два серебряных позолоченных кубка и 200 польских золотых, и один кубок и 100 золотых: Ibidem, том 1, столбец 873.

Запад для Востока.⁴⁶¹ В Европу же из Московии ценная утварь отправлялась редко: она была дорогой и не удивляла.

Ювелирные украшения, включая упомянутые цепи – другой популярный имперский дар. С них вообще начиналась история габсбургских подарков москвитам. Их вручали и царям, например Ивану IV через Кобенцеля,⁴⁶² и их дипломатам, обычно низкостатусным – посланникам и гонцам.⁴⁶³ Разница заключалась в стоимости и отделке, о чём говорит дар Рудольфа II Ждану Квашнину. Тот получил золотую цепь, и придворные кайзера, будто извиняясь, назвали её маленьким подарком.⁴⁶⁴ Цепи иногда украшались символикой или портретами императоров, что резко меняло смысл дара. В 1594 году Варкоч вручил Борису Годунову две золотые цепи, на одной из которых была «персона» Рудольфа II.

Что очень важно, что цепь с портретом досталась Годунову, а не царю Фёдору, да ещё и с комментарием Варкоча: кайзер дарит такие вещи своим братьям и курфюрстам.⁴⁶⁵ Князья и эрцгерцоги стояли ниже королей и царей, но само упоминание важного понятия братства применительно к Годунову намекало, что император признавал Бориса равным если не по статусу, то, по крайней мере, как символического заместителя царя и как партнёра на важных переговорах с турецкой тематикой. Всё это было лестно и почётно для властолюбивого Годунова, и должно было его впечатлить. Как можно видеть, украшения, в отличие от посуды, уже намекали на желательность ответных политических действий или позиции московского получателя.

Символика кайзеров бывала и на других драгоценностях. Даниэль Принц писал о подаренной Грозному золотой букве М («Максимилиан II») с бриллиантами и жемчугом.⁴⁶⁶ В московской практике это аналога не имеет: имя, символика и изображения царей не видны ни на одном предмете, который они дарили Габсбургам. Наоборот,

⁴⁶¹ Персидский дипломат Орудж-бек Баят, помимо прочего, получил золотую чашу и несколько серебряных: Октай ЭФЕНДИЕВ, Акиф Мамед-оглы ФАРЗАЛИЕВ (ред.), *Россия и Европа глазами Орудж-бека Баята – Дон Жуана Персидского*, Санкт-Петербург 2007, стр. 159. Это было в 1599 году, когда Годунов уже стал царём, и очевидно, перенял в отношении восточных стран западные обычаи, которыми интересовался, и в которых видел способ саморепрезентации как просвещённого владыки. Тенденция крепла, и со временем посуду в Москве стали дарить свободнее. В 1601 году тот же Годунов одарил золотым ковшом и кубками польского посла Льва Сапегу и его дворян: Ирина МИХАЙЛОВА, *«И здесь сошлись все царства...»: Очерки по истории государева двора в России XVI в.: повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности*, Санкт-Петербург 2010, стр. 221.

⁴⁶² ПДС, том 1, столбец 511.

⁴⁶³ Статейный список Константина Скобельцына, стр. 312. Золотая цепь ему пожаловал Максимилиан II за подарки – очевидно, не слишком внушительные. Такую же золотую цепь в Праге получил и гонец Афанасий Резанов: *Ibidem*, столбец 828.

⁴⁶⁴ *Ibidem*, столбец 760.

⁴⁶⁵ Редчайший случай: Посольский приказ фиксирует мнение имперского дипломата о вручаемом им подарке. *Ibidem*, столбец 126.

⁴⁶⁶ Д. Принц. *Начало*, стр. 54. Русские источники этот дар не фиксируют.

гравировку царского орла можно было видеть на кубке, который привёз в Москву имперский гонец Паули. В империи неспроста поместили подарок символом адресата: предмет изначально «говорил на языке» московских сановников, обнаруживал эстетическую и идейную общность донатора и реципиента. «Социальная биография» этого дара была заранее подготовлена, и такая демонстрация царского символа была лестной для московского двора: возможно, это было намёком на признание царского титула, в котором империя последовательно отказывала Московии. К подобному эффекту в Вене, видимо, стремились сознательно, но позже в 16 веке к такой практике не возвращались. Сделаю предположение, что она оказалась слишком смелой, неэффективной или не отвечала политическим задачам.

Упоминание необычного и самого статусного украшения – даже регалии – находим у ипльзеньского писаря, приматора Шимона Плахого-старшего: с посольством Михаила Вельяминова Рудольф II якобы отправил в подарок царю Фёдору золотую корону.⁴⁶⁷ Ничего подобного, однако, Вельяминов в Кремле не передавал: русские документы, тщательно регистрирующие подарки, никакую корону не упоминают – а такой дар они упомянули бы непременно, причём возможно, как недостойный и требующий возврата. Сложно себе представить, что московский царь принял бы эту символическую коронацию от католического императора, и тем признал бы его политический примат и сюзеренитет. Видимо, перед нами своего рода указание на то, что чешские современники, во-первых, иногда включали Московию в «христианскую республику», подвластную императору, и во-вторых, считали царей нижестоящими относительно кайзеров.

Деньги фигурируют среди подарков Габсбургов в трёх случаях: это безвозмездное вознаграждение «сверху вниз» от потентата дипломату, возмещение послу за его подарки, либо часть другого, обычно художественного подарка. При императорском дворе деньгами без других даров награждали переводчиков и прислугу московских миссий. Как и одежду, сами по себе деньги монархи друг другу не дарят, и по той же причине: это традиционный подарок нижестоящему.

Ещё одна важная категория подарков, которые отправлялись из Вены в Москву — драгоценные камни. Они дарились не отдельно, а лишь как украшения на других вещах: изумруд и жемчуг обильно украшали позолоченный кубок, который Рудольф II прислал царю Фёдору с фон Доной.⁴⁶⁸ Ещё один вид камней, которые присылают в Кремль из империи (но не наоборот), относится скорее к геологии. Это образцы уникальных и

⁴⁶⁷ Его записки цитирует В. ФРАНЦЕВ, *Русские посольства*, стр. 6-7.

⁴⁶⁸ ПДС, том 2, столбец 518.

ценных горных пород, которые в истории и искусствоведении именуется хандштайнами (чешск. handštajn, нем. Handstein), а в геологии, в ряде случаев – штуфами. В 1593 году Никлас Варкоч привёз в Москву такой редкий камень, содержащий одновременно золото и серебро. Отмечу, дары с геологическим уклоном Рудольф II, как коллекционер драгоценных и полудрагоценных камней, слал как «Московиту», так и европейским правителям, и любил получать их сам – например, уникальной формы хандштайн от Петра Вока из Рожмберка.⁴⁶⁹

Необычный дар, тем самым, выражал явное благоволение кайзера. Хандштайн не только символически приобщал московского царя к сфере интересов и ценностей европейских potentatov, ценивших необычное, но и символически награждал его частицей «божьего подарка», каким считались экзотические камни.⁴⁷⁰ Как это бывало, символизм такого дара в Москве не поняли: в русских землях не развивались ни гуманистическая философия *vita activa*, ни алхимия, имевшие среди практик как раз коллекционирование камней. Хандштайн там восприняли лишь как штуф – намёк на отношения практического свойства: с последним посольством Варкоча в Прагу ушла просьба пропустить из Европы мастеров, которые «*знают руду золотую и серебряную, и плавити умеют*».⁴⁷¹

Особую категорию, магических подарков, составляли безоары – окаменелости из пищевода животных, которым приписывали волшебные свойства, в основном защиту от ядов. На них, как и на хандштайнах, сходились естественнонаучные и магические пристрастия Рудольфа II, который получал такие камни десятками от испанских Габсбургов: безоары ценились на уровне самоцветов, и европейские potentaty их коллекционировали.⁴⁷² Но этот подарок царям уже был понятен и дорог.⁴⁷³ Такие

⁴⁶⁹ Václav BŮŽEK, *Alchymie v každodenním životě vrchních komorních služebníků Rudolfa II.*, in: Ivo PURŠ – Vladimír KARPENKO (ред.), *Alchymie a Rudolf II. Hledání tajemství přírody ve střední Evropě v. 16. a 17. století*, Прага 2011, стр. 648. В 1581 году император отправил саксонскому курфюрсту Августу II ещё одно чудо природы, скопление 16 изумрудов, доставленное из современной Колумбии и подаренное ему испанскими Габсбургами: Helen WATANABE-O'KELLY, *Court Culture in Early Modern Dresden*. London 2002, стр. 76.

⁴⁷⁰ Особо ценилось красное серебро, хотя точное описание хандштайна, присланного с Варкочем, не сохранилось. Подробнее Ivo PURŠ, *Habsburkové na českém trůně a jejich zájem o alchymii a okultní nauku*, in: Ivo PURŠ – Vladimír KARPENKO (ред.), *Alchymie a Rudolf II. Hledání tajemství přírody ve střední Evropě v. 16. a 17. století*, Praha 2011, стр. 115-116.

⁴⁷¹ Даже с уже выданной опасной грамотой: ПДС, том 2, столбец 234. Иногда, впрочем, царей интересовали сугубо физические, курьёзные свойства камней: если верить Горсею, у Грозного был магнит, который тот очень ценил: Джером ГОРСЕЙ. *Записки о России XVI-начало XVII в.*, Москва 1991, стр. 85.

⁴⁷² Ivana HORACEK, *Alchemy of the Gift: Things and Material Transformations at the Court of Rudolph II*. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Faculty of Graduate and Postdoctoral Studies (Art History and Theory), The University of British Columbia, Vancouver 2015, стр. 152. Дар этот не был чем-то эксклюзивным или свойственным лишь монархам: Максимилиан II тоже получал безоары, например, два камня от великого визиря Турции Рюстема-паши в 1567 году: V. KARL, *Objects of Prestige*, стр. 149.

конкременты считались на Руси не просто универсальным противоядием, но и панацеей от всех болезней и чар, так что должны были приниматься благосклонно, поскольку активно приобретались царями – и Рюриковичами, и Романовыми.⁴⁷⁴ Безоары тоже шли в одном направлении – из империи в Москву. В 1587 году имперский посланник Гойгель привёз царю Фёдору безоар от эрцгерцога Максимилиана III, якобы лучший в собрании Габсбургов.⁴⁷⁵ А в 1594 году Рудольф II передал царю сразу два безоара через Варкоча.⁴⁷⁶ Видимо, щедрый дар кайзер выбрал лично, ввиду его символического смысла. Неброский камень материально воплощал ритуальные пожелания здоровья и слова братства и любви, которыми монархи обменивались в грамотах. Косвенно, тем самым, он говорил о статусном равенстве донатора и адресата.

В конце 16 века, относительно поздно, появляется новая категория имперских даров москвитам — техника, особенно интерьерные часы. Можно утверждать, что часы как таковые и стали массово попадать в Кремль именно из Священной Римской Империи. Единственными похожими приборами, которые в 16 веке существовали в царском хозяйстве, были: шведский кубок, присланный в 1557 году, в крышке которого был небольшой хронометр, и «немецкие» напольные часы с боем 1588 года.⁴⁷⁷ Но уже в 1594 году Рудольф II послал царю Фёдору позолоченные медные часы «с планитами и с святцы». Похожее устройство, но менее роскошное, без «святцев», вручил и от себя посол Никлас Варкоч.⁴⁷⁸ Годунова император одарил чуть менее роскошными позолоченными часами, только «с планитами».⁴⁷⁹

Такие дары — знак важных изменений в менталитете московских элит за треть века. В 1558 году подобные часы привёз датский посол Клаус Угроэ, но их ему вернули именно из-за планет. Иван IV решил, что христианину не подобает иметь символы небесных тел, что отдавало астрологией.⁴⁸⁰

⁴⁷³ ПДС, том 2, столбец 95. «Безуй-камень» цари принимали от других монархов: в 1625 году безоар в золоте и самоцветах прислал в Москву шах Персии: Михаил Пыляев, *Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление*, Санкт-Петербург 1888, стр. 210.

⁴⁷⁴ Иван ЗАБЕЛИН, *Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст.* Москва 1901, том 2, стр. 226. Габсбурги, стали первыми, кто подарил Рюриковичам безоар: следующий, от шаха Персии, почти через 30 лет получила уже династия Романовых.

⁴⁷⁵ «Послал дей тот камень ко Государю и Великому Князю Государь его Максимилиан, взяв из казны отца своего, какого у Цесаря и у него Максимилиана в казне такого не осталось; а имеет силу и лечбу великую от порчи»: ПДС, том 1, столбец 972. Камень мыслился настолько ценным даром, что был привезён как единственный подарок миссии Гойгеля и вручён царю на аудиенции через дьяка Андрея Щелкалова.

⁴⁷⁶ Ibidem, том 2, столбец 95.

⁴⁷⁷ Иван ЗАБЕЛИН, *Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.*, часть 1, Москва 1895, стр. 224-225.

⁴⁷⁸ То есть показывавшие движение планет и праздники. ПДС, том 2, столбец 95.

⁴⁷⁹ Ibidem, столбец 126.

⁴⁸⁰ О казусе пишет Ф. АДЕЛУНГ, *Критико-литературное обозрение*, том 1, стр. 144. Без таких изменений в менталитете даже авторитет кайзера не позволил бы москвитам принять «греховный» подарок.

Следующий посол, Авраам фон Дона, в 1597 году презентовал царю от имени Рудольфа II часы ещё более роскошные. Они отбивали четверти часа с движениями фигурок и музыкой. Фёдору Годунову, сыну Бориса, фон Дона передал от кайзера часы с медведем, а ещё двое небольших часов с боем подарил ему от себя лично.⁴⁸¹ Эти приборы понимались не просто как экзотическая игрушка, но как показ передовых технологий, которыми в Кремле интересовались. В раннее новое время хронометры воспринимались в контактах Европы и её периферии как символ превосходства европейской культуры и самого понятия абстрактного западного времени, хотя когда императоры дарили часы султанам Турции, смысл был иной.⁴⁸²

Что ещё важнее, перед нами та же практика, к которой в следующем столетии прибегнут французы в Тунисе и англичане в Турции: дарить *«предметы, которые демонстрируют способность европейцев господствовать над природой посредством технологического прогресса»*.⁴⁸³ Здесь важно, что эта практика символически отделяет адресатов от европейцев, и что на Московском царстве этот подход был испытан достаточно рано и успешно, хотя святцы в часах и отсылают к единой вере дарителей и адресатов, смягчая культурный контраст. Похоже, что часы как дар больше были призваны впечатлять Москву, чем требовать ответного дара или услуги.

Интерьерные часы лежат ближе всего к предметам искусства и точной механики (картины, скульптуры, мебель, научные инструменты, вошедшие в моду со времён ренессанса), которыми Габсбурги обменивались с другими, особенно немецкими potentатами, но никогда не вручали царям.⁴⁸⁴ Отсутствие этих предметов в габсбургско-московском подарочном обиходе можно объяснить кросс-культурной средой. В Московском царстве 16 века европейская духовная культура воспринималась как чуждая, за вычетом декоративно-прикладного искусства. Значит, вручение картины или телескопа могло показаться не только неуместным, но и оскорбительным, что не помогало дипломатии. Неслучайно имперские эмиссары стали привозить часы лишь после смерти

⁴⁸¹ ПДС, том 2, столбец 492.

⁴⁸² Jonathan MARTINEAU, *Times, Capitalism and Alienation*, Haymarket Books, 2016, p. 154. Башенные и бытовые часы на Руси тогда не производились. Часы, которые имперские дипломаты вручали турецким султанам как часть регулярной дани, тоже демонстрировали культурное превосходство. Но при этом они были призваны и экономить деньги: австрийцы намеренно завышали перед турками цену сложных изделий, которые смотрелись дорого, пишет Н. RUDOLPH, *The Material Culture*, стр. 235.

⁴⁸³ Michael TALBOT, *Gifts of Time: Watches and Clocks in Ottoman-British Diplomacy, 1693–1803*. In: Harriet RUDOLPH, Gregor M. METZIG (ред.), *Material Culture in Modern Diplomacy from the 15th to the 20th Century*. *Jahrbuch für Europäische Geschichte*, Band 17, De Gruyter Oldenbourg 2016, стр. 55-79, здесь стр. 56. О французских подарках тунисским беям: Christian WINDLER, *Tributes and presents in Franco-Tunisian diplomacy*, *Journal of Early Modern History* 4, no. 2, 2000, стр. 168-199, здесь стр. 187.

⁴⁸⁴ I. HORACEK, *Alchemy*, стр. 52-56.

Ивана IV, хотя между собой немецкие potentаты обменивались ими давно. Можно предположить, что приобщение Московии к новым технологиям, даже символическое, не считалось возможным при царе, который начал Ливонскую войну, задевшую интересы и престиж Священной Римской Империи. Огнестрельное оружие при Грозном в Москву не привозилось по той же причине, вдобавок к эмбарго на ввоз стратегических товаров.

Но попытки дарить модные точные приборы Габсбурги в 16 веке всё же делали. В немецком перечне подарков посольства фон Дона из Haus-, Hof und Staatsarchiv нашлась сенсационная графа: посол вёз в Москву астролябию.⁴⁸⁵ Ничего подобного империя москвитам ещё не дарила, но астролябии не оказалось в итоговом русском перечне даров бургграфа. Это был дар «на всякий случай», который фон Дона мог отдать по своему усмотрению, в расчёте на новые веяния московского двора. Но вероятнее, что Посольский приказ, по обычаю, заранее запросил список даров, и от астролябии отказался. В культурно-духовном отношении она была куда «опаснее» часов с планетами: всё, что служило расчёту движений небесных тел, относилось к астрологии, а она в Московии не поощрялась и при Годунове.⁴⁸⁶

Оружие и доспехи тоже шли главным образом из Вены в Москву, и тоже возникли в практике дарения лишь в конце 16 века. Имперские дипломаты везли в Кремль только немецкое огнестрельное оружие – декорированные длинные ружья. В 1593 году их привёз и раздавал Никлас Варкоч. Характерно, что ружья предназначались всем «восточным» владыкам и их эмиссарам: такие дары получили не только царь и его сановники, но и персидский посол, которого Варкоч навещал в Москве. Царю Фёдору император передал *«длинное ружье с прикладом из чёрного рога, с серебряным набором и с позолоченной пороховницею»*⁴⁸⁷, — подарок, отвечавший и статусу, и увлечениям царя, который любил охоту (хотя вряд ли был стрелком). В 1597 году Авраам фон Дона привёз уже четыре ружья, и все Фёдору Годунову, сыну Бориса.⁴⁸⁸ Роль оружия как дорогого царского подарка лишний раз подчёркивается этим вручением: фон Дона добивался от Годунова очень многого, и растопить лёд предстояло, в том числе, «поминками».

Здесь налицо и попытка впечатлить адресатов передовыми технологиями и военной мощью империи в борьбе с турками. Был и другой важный смысл одаривания оружием: оно считалось оскорблением или угрозой, если вручалось недружественной стороне.

⁴⁸⁵ «Astrolabio». Список имущества миссии фон Дона, лист 31, Haus-, Hof und Staatsarchiv Wien, фонд Russica, AT-OeStA/HHStA StAbt Russland I 4 (1596 – 1599).

⁴⁸⁶ Об этом подробнее Л. Юзефович, *Путь*, стр. 123.

⁴⁸⁷ С. Гейс, *Описание*, стр. 16.

⁴⁸⁸ ПДС, том 2, столбец 518.

Значит, оба дома воспринимали взаимоотношения как доверительные, хотя Московия одновременно причислялась имперским двором к отстающим восточным державам. Стреляющие подарки Габсбургов надо рассматривать именно так, хотя порой в Москве получали огнестрельное оружие и от других держав, но с совершенно иным умыслом.⁴⁸⁹

Об этом лишний раз говорит то, что Габсбурги дарят царям и их сановникам лишь технологически передовое огнестрельное оружие – но никогда не традиционное холодное, как европейским монархам.⁴⁹⁰ Единственное исключение – булатная сабля, окованная серебром и позолоченная, но её кайзер прислал сыну Годунова Фёдору.⁴⁹¹ Декоративное оружие досталось потенциальному наследнику московского трона (как уже упоминалось, ещё в 1589 году Варкоч доносил в Прагу о царских амбициях Бориса, хоть и не верил в будущее его дома). В этом, следственно, можно усмотреть поддержку Годунова и намёк на готовность развивать отношения с новой московской династией.

Отсюда видно, что отношения между Габсбургами и Рюриковичами воспринимались ими как добрые, но не слишком близкие. Во-первых, обмен клинками предполагал традицию взаимного одаривания церемониальным вооружением, чего в австро-русских контактах не было. Во-вторых, именно холодное оружие имело символическое значение угрозы, и потому требовало щепетильного обращения в дипломатическом обиходе. В Московии личное оружие, кроме ножей, ещё не было элементом костюма знати. Зато меч или шпага, поднесённые остриём к адресату либо с обнажённым клинком, значили символическую или реальную угрозу вплоть до объявления войны, а на территории Кремля строго запрещались даже в ножнах.⁴⁹²

⁴⁸⁹ Целых 12 ручных пищалей и четыре пороховницы значатся среди единственной «коронной посылки», которую за весь 16 век фиксируют русско-польские документы. В 1584 году их прислал с миссией Льва Сапеги победитель Грозного, Стефан Баторий. Ему было необходимо закрепить мир с Москвой в непростых условиях давления крымцев, и 12 ружей должны были напомнить Ивану IV о силе поляков. Подробнее: Ирина ЗАГОРОДНЯЯ, *Дипломатические дары русским царям из Речи Посполитой (по материалам книг приездов польских великих послов второй половины XVII в.)* In: Александр АКСЁНОВ (ред.), Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.). Москва 2003, стр. 71-98, здесь стр. 75.

⁴⁹⁰ Здесь нет вещей вроде украшенной рапиры, которую в 1562 году будущий император Максимилиан II презентовал саксонскому курфюрсту Августу II, или инкрустированных клинков, которые в 1602 году отправил в Дрезден Рудольф II: I. HORACEK, *Alchemy*, стр. 56.

⁴⁹¹ ПДС, том 2, столбцы 518-519. Вообще, именно посольство фон Доны уделяло невиданное внимание Годунову-младшему: австрийские дипломаты оперативно работали на перспективу, лишний раз подтверждая, что династия Рюриковичей считалась быстро сходящей со сцены.

⁴⁹² Отклонения были исключениями, совершались под давлением и означали дипломатический скандал, как было в 1610 году. Посол Швеции Якоб Делагарди добился аудиенции при шпаге у царя Василия Шуйского под угрозой срыва важных переговоров. Такое было возможно лишь в Смуту, с её церемониальным хаосом, иностранным давлением и ослаблением позиций царского двора: Дмитрий ЛИСЕЙЦЕВ, *Российский посольский обычай в начале XVII века по материалам делопроизводства Посольского приказа*. In: Павел ЗЫРЯНОВ (ред.), Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.), Москва 2004, стр. 243.

Ближе всего к такому сближающему европейскому подарку был церемониальный доспех, который Габсбурги часто дарили немецким монархам, но царям – лишь однажды. В 1575 году Иоганн Кобенцель передал Ивану IV панцирь, видимо, пластинчатого типа. И в отчёте, и в записках посол об этом умолчал, хотя не забыл описать золотую цепь с 52 алмазами и императорской короной за восемь тысяч талеров. Дело явно в том, что доспех стал его церемониальной оплошностью.⁴⁹³ В Вене не догадались, что московские вельможи панцири в быту не носят и турниров не знают: значит, доспех не был материальным маркером социальной группы и не нёс символического смысла. Но и в Москве смысл дара поняли неточно. Грозный в ответ попросил Максимилиана II прислать оружейников, делающих «*дощатые доспехи ... таковы ж, как Ян [Кобенцель – В.П.] привёз в поминках*», откуда вообще и стало известно о подарке.⁴⁹⁴ Доспех, следственно, был оценен москвитями не как украшение благородного мужа, а как военная технология, которую надо перенять. Но ни доспехов, ни мастеров из империи в 16 веке уже не присылали.

Иерархию имперских дипломатических подарков в московских миссиях венчает самый дорогой и величественный дар — часть мощей святого Николая, которые доставил Авраам фон Дона. Выбор не был случаен и говорил о тщательной подготовке. В империи знали и о культуре Николы-угодника, «второго бога» русских, и о набожности царя Фёдора, отсюда попытка воздействовать через реликвии. Это главный дар миссии, который открывает и отчёт Посольского приказа, и список даров императорской канцелярии.⁴⁹⁵ Мощи, количество и характер которых не уточнялись, прибыли на двух повозках, в ёмкостях, украшенных золотом и серебром. От себя фон Дона добавил царю Фёдору золотой крест с жемчугом – тоже первый в истории двух монархий дар такого рода.⁴⁹⁶

Крайне важен религиозно-культурный контекст этого подарка: «варварская Московия» символически признавалась союзной христианской державой, оплотом веры, что отвечало антитурецкой повестке миссии фон Доны. Ведь в 1595 году с той же целью – побудить Москву к действиям против Порты – крест в золоте с изумрудами привёз в Кремль и легат папы Александр Комулей, так что речь идёт уже о складывании некой церемониально-

⁴⁹³ Письмо Иоанна Кобенцеля, стр. 144-145.

⁴⁹⁴ ПДС, том 1, столбец 542.

⁴⁹⁵ Список имущества миссии фон Доны, лист 31.

⁴⁹⁶ ПДС, том 2, столбцы 492-493. Среди даров были и другие реликвии: Лукас Паули поднёс окованные серебром «*ящички деревянные с костми*». Неясно, о каких «костях» речь: русские обычно не называли так ни слоновую кость, ни бивни моржей и нарвалов. Поэтому возможно, это были мощи, но менее ценные, на фоне останков Св. Николая не заслужившие упоминания.

дипломатической практики.⁴⁹⁷ А святой Николай, живший на территории, которая тогда принадлежала султанам, символически «спасался от неверных», перемещался из Турции на Русь. Не менее необычным стало и то, что в европейской практике подарки в виде реликвий уже тысячу лет двигались с востока (из Византии) на запад, а не наоборот.⁴⁹⁸ Когда же мощи отправились в обратном направлении, возник новый символический подтекст: донатор обеспечивал накопление божественной благодати на новом месте, что должно было приниматься получателем крайне благожелательно.⁴⁹⁹

С точки же зрения экономической антропологии в таких дарах можно увидеть смыкание культурно значимых «священных предметов» (sacred objects в терминологии Арджуна Аппадурай и Игоря Копытоффа⁵⁰⁰) и «королевских вещей» (kingly things в терминологии Макса Глукмана⁵⁰¹). Реликвия благодаря такому смыканию не только возвышается до эксклюзивного объекта, достойного царствующей особы, но и становится своего рода товаром (commodity) для обмена, пусть и в крайней узкой немонетарной сфере: сингулярные, культурно уникальные предметы обретают цену и так превращаются в род товара.⁵⁰² Ведь дар Рудольфа II лишь формально выглядел безвозмездным: взамен имперская сторона ожидала от Москвы равноценного ответа – политического и военного сотрудничества против Турции. Неудача миссии, однако, положила конец «товарности» реликвии, вернув ей чисто сакральный статус. С перевоза части мощей на русскую землю, кроме того, началась их новая и крайне мощная социальная биография, которая формируется и сегодня. Судьбу конкретных «мощей от фон Доны» проследить не удаётся, но они способствовали дальнейшему росту культа святителя Николая в России уже одним только собственным распространением.⁵⁰³

⁴⁹⁷ Clemens P. P. VIII. Theodoro Czar, Domini Russiae, Magno Duci Moscoviae, опубликовано в: А. ТУРГЕНЕВ (ред.), *Акты исторические*, стр. 48.

⁴⁹⁸ Подробнее: Holger A. KLEIN, *Eastern Objects and Western Desires: Relics and Reliquaries between Byzantium and the West*, *Dumbarton Oaks Papers*, Vol. 58. Harvard 2004, стр. 283-314.

⁴⁹⁹ Michael JUCKER, *Raub, Geschenke und diplomatische Irritationen. Die ökonomische Zirkulation und Distribution von Beutestücken und Luxusgegenständen (13.–16. Jahrhundert)*. In: Mark HÄBERLEIN, Christof JEGGLE (ред.), *Materielle Grundlagen der Diplomatie. Schenken, Sammeln und Verhandeln in Spätmittelalter und Früher Neuzeit*. Konstanz 2013, стр. 59-78, здесь стр. 76-77.

⁵⁰⁰ Подробнее: Igor КОПУТОВ, *The Cultural Biography of Things: Commoditization as a Process*. In: Arjun APPADURAI (ред.), *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*. Cambridge 1986, стр. 64-91, здесь стр. 75.

⁵⁰¹ Подробнее: Arjun APPADURAI, Introduction: Commodities and the Politics of Value. In: A. APPADURAI (ред.), *The Social Life*, стр. 22.

⁵⁰² Понятие сфер обмена конкретизирует I. КОПУТОВ, *The Cultural Biography*, стр. 70-73.

⁵⁰³ В современной России есть десятки храмов и монастырей с мощами Николая Угодника. Только в Москве и Подмосковье насчитывается 25 храмов, в которых есть частицы его останков, включая, очевидно, и привезённые фон Доной, однако отследить их движение и провенанс не представляется возможным.

V. 2. Московские дары: стабильность мехов и восточных раритетов

Русские дипломатические подарки обнаруживают некоторое однообразие и медленную, едва заметную эволюцию, но без видимой иерархии. К 16 веку в число западных стереотипов, связанных с Московией, прочно входил мех, в том числе и как подарок. В русских землях «мягкая рухлядь» веками служила валютой и одной из главных статей экспорта, что стимулировало освоение Сибири как раз с середины 16 века.⁵⁰⁴ Ещё важнее здесь символика соболя как характерного атрибута власти и статуса, царского меха, аналога горноста в Западной Европе: соболями отделывали шапку Мономаха.

В империи русский мех играл эту роль культурного маркера ещё и благодаря костюмам московских дипломатов и пушнине, которую те везли в Европу, где ценность этого товара долго росла.⁵⁰⁵ В 1576 году именно внешность одетых в меха послов Сугорского и Арцыбашева сделала их миссию в Регенсбург заметным событием в имперской жизни. «*Slavně vypravené poselství*»,⁵⁰⁶ каким увидел его Даниэль Адам из Велеславина, попало в памфлеты и на «визуальные носители», вроде раскрашенной гравюры пражской печатни Михаэля Петтерле со всеми стереотипными экзотическими атрибутами, включая шапки и шубы.⁵⁰⁷ Летучие листки подчёркивали: одежда у русских, неожиданно, очень дорогая.⁵⁰⁸ На гравюре Петтерле посольские дворяне изображены со связками соболиных шкур хвостами вниз – так, видимо, их и подносили адресатам.

Меха были в Московии универсальным посольским даром в силу обширных ресурсов пушнины, в отличие от золота и серебра – таким же стандартом, как посуда для австрийцев. Дополнением к ним служили восточные ткани, но меха были всегда русские: собольи, лисьи, куньи, рысьи, беличьи и бобровые; иногда добавлялись лосиные шкуры. Адресаты таких даров различались: кайзеры обычно удостаивались самых дорогих собольих мехов. Посольский приказ редко отправлял в империю дары в виде восточной ткани, но в этом случае она могла полагаться даже императору. Так, миссия Вельяминова

⁵⁰⁴ Точных данных для 16 века пока нет, но на 1640 год меха обеспечивали до 20% бюджета Московского государства: Олег Вилков, *Пушной промысел в Сибири*. Наука в Сибири: еженедельная газета Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск 1999, выпуск 45 (2231) от 19. 11. 1999, стр. 8. В конце 16 века годовые поступления в казну составляли до 500 тыс. белок, 200 тыс. соболей и 10 тыс. чернобурых лисиц: отметим это соотношение 20:1 для понимания ценности черной лисы, которую так ценил Рудольф II: П. Гринвальдт, *Меховая торговля в России и за границей: История ее и статистика, обделка мехов и товароведение*, Рига 1872, стр. 7.

⁵⁰⁵ На рубеже 15-16 веков, при Иване III (правил в 1462-1505) средняя стоимость шкурки соболя в Европе выросла до 20-30 флоринов: П. Гринвальдт, *Меховая торговля*, стр. 5.

⁵⁰⁶ D. A. z VELESLAVÍNA, *Dějiny*, стр. 210.

⁵⁰⁷ М. Бойцов, *Различные взгляды*, стр. 334-335.

⁵⁰⁸ Helmut NEUHAUS, *Russische Gesandtschaften auf den Reichstagen des 16. Jahrhunderts*, in: Alois SCHMID (ред.), *Bayern und Russland in vormoderner Zeit*, München 2012, стр. 208.

везла Рудольфу II персидское полотно и «две камки Кызылбашские золотные».⁵⁰⁹ При этом имперским послам в Москве могли одновременно вручить меха (обычно менее дорогие), и ткани, и одежду из того и другого, обычно шубы или кафтаны.

Низшая категория одежды, которую москвиты дарили дипломатам – меховые шапки и покрывала (цки). Такой дар никогда не получали послы, только агенты и гонцы, например, Лукас Паули: это относительно недорогая вещь.⁵¹⁰ Но кросс-культурная семантика такого дара, связанная со статусом, ясна и сейчас, и в 16 веке. В Московии строго требовали снимать шапки в знак уважения к знати, а от иностранцев – к царю и его титулу. Так что получатель меховой шапки причислялся к лицам, обязанным признавать власть и статус царя, становился «символическим москвитом». Именно шапка, как было показано выше, выделяет царского подданного за границей.

В московских подарках Габсбургам и их эмиссарам абсолютно преобладали собольи шкуры в связках по 40 штук («сороках»), иногда с добавлением шкур куниц, лис и рысей. В разное время царские дипломаты дарили разное количество мехов, и изредка — живых соболей и лисиц уникальной окраски. Зависимости количества подаренных мехов от знатности адресата не выявлено. Различия скорее в качестве, так как один сорок соболя или куницы порой вручался и императору, и его послу. Этот посол, как Кобенцель в 1576 году, мог получить сразу восемь сороков соболей, которые в Вене стоили по 200 флоринов.⁵¹¹

Причина такого разнобоя — сложный и противоречивый русский посольский обычай, где характер подарка зависел не только от адресата, но и от того, какой московский эмиссар вручал дар (большой посол, посланник или гонец). Сказывалась также высокая цена и востребованность в Европе русского меха, который дарили друг другу и европейские дипломаты.⁵¹² Всего этого подчас хватало, чтобы и 40 шкурок выглядели достойными

⁵⁰⁹ Шёлковая золоченая ткань с узорами, дамаст. ПДС, том 2, столбец 240.

⁵¹⁰ Ibidem, столбец 416. Шапка Паули стоила лишь три рубля – это много для обычного предмета одежды: в середине 16 века, по ряду предположений, в Московии столько же стоил боевой конь с комплектом одежды кавалериста: Alexandre ЕСК, *Le Moyen Age Russe*, Paris 1933, стр. 233. И всё же это было бы мало для подарка послу первого монарха Европы.

⁵¹¹ Письмо Иоанна Кобенцеля, стр. 148. В отчёте о своей миссии Кобенцель вообще не писал о подарках царю – в Вене о них знали и так. Если посол не ошибался, то цена шкурки менее чем за столетие упала с 20-30 флоринов до 5 флоринов. Вряд ли имело место такое укрепление валюты, скорее, это похоже на косвенное свидетельство того, что русские меха наводняют европейский рынок, и цена падает.

⁵¹² Русский мех в 16 веке служил посольским подарком даже дипломатам Речи Посполитой, но только для европейских монархов: Stanisław GRZYBOWSKI, *Organizacja polskiej służby dyplomatycznej w latach 1573–1605*. In: Zbigniew WÓJCIK (ред.), *Polska służba dyplomatyczna XVI–XVIII wieku*, Warszawa 1966, стр. 161.

императора. Сорок собелей, которые Иван IV в 1576 году послал Максимилиану II, оценивались в крупную, и видимо, завышенную сумму – 700 рублей.⁵¹³

В силу своей стереотипности и стандартности меха явно не были подарком, который позволял Москве чего-то просить или требовать у императорского двора: от получателя сороков меха никогда не ждали никакой взаимности. Хотя иногда «количество переходило в качество», и огромная партия меха, безвозмездно посланная в Прагу Годуновым в качестве военной помощи, играла уже совсем другую роль: московское правительство, как было показано, недвусмысленно заявляло, что оставляет за собой право тоже обратиться за помощью к императорам.

Бросается в глаза почти полное отсутствие одежды в дарах царей кайзерам в 16 веке. Стороны соблюдали обычай того времени: у потентатов не было принято одаривать друг друга одеждой. Такая награда была прерогативой высшего в отношении низшего, часто даром слуге.⁵¹⁴ Редкий для 16 века случай, когда цари в сношениях с империей дарили одежду фактическому монарху, произошёл во время визита Якова Молвянинова в Рим через Прагу: ответная грамота папы Григория XIII благодарит Ивана Грозного за мех и шубу.⁵¹⁵ Здесь трудно заподозрить сознательное нарушение этикета: Москва активно добивалась папского посредничества для примирения с Польшей. По московским понятиям папа был не потентатом в собственном государстве, а духовной особой, «*пастырем и учителем Римские церкви*», что уже позволяло дарение одежды. Другое исключение было в 1593 году: Борис Годунов отправил Рудольфу II персидский кафтан.⁵¹⁶ Явная экзотичность дара, который воспринимался не как вещь для ношения, а как восточная редкость, выводит его из-под действия запрета на взаимное дарение одежды потентатам, как и более низкий статус донатора. Годунов тогда был всего лишь регентом, что ставило запрет с ног на голову и тем его формально обесмысливало.

При этом в Московии процветал древний обычай одаривать одеждой послов, хотя о широте его распространения и восточном происхождении можно спорить: на кремлёвских

⁵¹³ ПДС, том 1, столбец 545. Примечательно, что по одному сороку собелей императору мог подарить каждый из дворян московской миссии, но здесь статус дипломата чётко коррелировал с размером его подарка. Чем знатнее был дипломат, тем более ценный мех он вручал Рудольфу II. В 1593 году соболя от посла Михаил Вельяминова стоили 100 рублей. Соболя от дьяка Власьева, второго человека в делегации – 72 рубля (с лисицей), соболя от сына посла Силы – 50 рублей, и соболя от трёх дворян миссии, соответственно, 53 рубля (с рысью), 33 рубля и 30 рублей: Ibidem, том 2, столбец 373.

⁵¹⁴ Иероним Граля — Олег Давтян, *Подарочный этикет*, Санкт-Петербург 2017, стр. 8. Шубу из горноста и куницы великий князь Иван III (1440-1505) послал Максимилиану I с двумя сороками собелей, но в 16 веке в Москве такого не повторяли: этот дар одежды, одна из первых русских посылок такого рода, явно оказался неуместным или не понравился. Подробнее П. Гринвальдт, *Меховая торговля*, стр. 4.

⁵¹⁵ ПДС, том 1, столбец 900.

⁵¹⁶ С. Гейс, *Описание*, стр. 32. Налицо попытка впечатлить имперский двор не только царским богатством даров, но и эксклюзивной восточной экзотикой.

аудиенциях дипломатов не переодевали в русскую одежду.⁵¹⁷ Преобладали не русские или восточные кафтаны, а шубы, что в глазах имперских дипломатов могло создать яркое отличие от прочих «восточных» дворов, вроде турецкого, где было принято и одаривание послов халатами, и ритуальное переодевание в них.⁵¹⁸ Иногда посол получал в Москве оба вида одежды. «Московскую шубу на сером меху» по итогам второй миссии получил Варкоч, единственный из всей миссии, а от Годунова – московский кафтан. Обе вещи, впрочем, были скромнее, чем шубы, которые иногда дарили послам других монархов.⁵¹⁹

Как и австрийцы, москвиты прибегали к денежным подаркам, но ограниченно и тоже только в адрес дипломатов. В 1594 году Никлас Варкоч, покидая Москву в третий раз, получил 50 рублей за свои дары и на дорогу.⁵²⁰ Но чем ближе было к Смуте, тем реже дарились деньги. В 1597 году в Москве придумали новый паттерн подарка: высчитывали стоимость даров имперских дипломатов и давали им меха на втрое большую сумму. Авраам фон Дона, Георг Каль и их свита были вознаграждены именно так, и стоимость мехов для них составила 966 рублей. Это говорило больше о финансовых трудностях, чем о внезапном желании Москвы прославиться в Европе щедростью. Неслучайно Посольский приказ именно в тот момент начал переключать снабжение послов на власти тех краёв, которые делегация проезжала по пути домой.⁵²¹

Московские дипломаты иногда дарили императорам и их эмиссарам животных, а именно охотничьих соколов-кречетов и пушных зверей. Варкоч в 1593 году получил от царя

⁵¹⁷ Харриет Рудольф, по сути, приравнивает московский двор к султанскому: Н. RUDOLPH, *The Material Culture*, стр. 222. Но во второй половине 16 века отмечено до 40 визитов имперских гонцов, агентов, посланников и послов в Московию, включая пять больших посольств, и лишь в нескольких случаях им дарили одежду. Видимо, современников и историков впечатлил визуальный образ Сигизмунда Герберштейна в подаренном русском наряде. Кроме того, в Московии, в отличие от Турции, не практиковался смежный обычай – переодевание европейских послов в русскую одежду. Такое переодевание, по принципу взаимности, в Москве допускали лишь в отношении азиатских послов, например, крымцев и ногайцев: Г. Котошихин, *О России*, стр. 77. В Кремле считали универсальным собственным обычай, а московским послам запрещалось переодеваться в чужую одежду и тем символически превращаться в чужих подданных. Это грозило опалой и даже наказанием: Л. ЮЗЕФОВИЧ, *Как в посольских обычаях*, стр. 38. В случае такого принуждения у царских чиновников не могло не появиться опасения, что по принципу взаимности и царских послов в Европе тоже начнут насильно переодевать.

⁵¹⁸ Н. RUDOLPH, *The Material Culture*, стр. 221-222.

⁵¹⁹ С. ГЕЙС, *Описание*, стр. 30-31. Датский посол Якоб Ульфельдт и его дворяне получили 44 шубы ценой в несколько тысяч талеров; собольи шубы Ульфельдт оценил по 400 талеров. Удивительная и непонятная щедрость: короли Дании в московской иерархии считались самыми низкостатусными, повестка посольства была конфронтационной, а посол и до, и после дара жаловался на дурное обращение и еду. В Ливонской войне Дания имела виды на север Прибалтики, и её отношения с Москвой были испорчены вторжением Ивана IV в Ливонию. Подробнее о подарках: Е. БАРСОВ (ред.), *Путешествие*, стр. 36.

⁵²⁰ ПДС, том 2, столбец 167. Это огромная сумма, равная годовому жалованию дьяка Власьева, который отправился с Варкочем в Прагу.

⁵²¹ Ibidem, столбцы 618-620. Отмечу, золотых и медных денег в Московии не чеканили, а серебряные нередко перебывали из европейских. Соответственно, сами деньги были ценным импортным товаром, и их берегли.

Фёдора и Бориса Годунова чёрную лисицу и двух соболей.⁵²² Фон Дона четыре года спустя получил от Годунова подкрасного кречета, а от его сына Фёдора – серого кречета и двух живых соболей.⁵²³ Видно, что пушные звери обычно дарились вместе с мехами аналогичных животных, так что имело место своего рода «одушевление», провенанс качества и происхождения подарка. Дар кречета был типичным и не подчёркивал особый статус императора и его представителей, хотя чаще птицы, обученные или необученные охоте, дарились монархам. Охотничьих соколов цари, например Фёдор, посылали и Стефану Баторию, и менее славным монархам, вроде кахетинского царя Александра I.⁵²⁴

Но имперские источники обращали немало внимания именно на зверей от «Московита». Если же зверей не было, европейские хроникёры могли их и вымыслить, как в ходе миссии Михаила Вельяминова в Прагу летом 1594 года с партией мехов. Выше уже упоминалось о рассказе Шаде и Шлейдена о трёх леопардах и двух белых соколов от царя императору.⁵²⁵ В реальности же ничего кроме птиц, в ведомости посольства не было, но эту же историю про леопардов пересказал и Марек Быдзовский, хотя как и Шаде со Шлейденом, он не видел ни зверей, ни Вельяминова.⁵²⁶ Но леопарды придавали посольству налёт экзотики, которого ждала немецкая публика, поэтому история и стала популярной, тем более что и сами московские идеологи экспонировали экзотических зверей для репрезентации величия царской власти.⁵²⁷ Здесь интересно, что дары животных в имперско-московских отношениях ввели в обиход как раз Габсбурги. В 1490 году императорский посол Георг фон Турн привёз великой княгине Софье Палеолог попугая, считавшегося «райской птицей» — подтекст, который в Москве мог быть и не понят.⁵²⁸

⁵²² С. Гейс, *Описание*, стр. 31

⁵²³ ПДС, том 2, столбец 621. Фон Дона получил птиц высокого качества, хотя и не лучших «красных» соколов, которые затем послали Рудольфу II. Если у «красных» кречетов преобладала белая окраска, у «подкрасных» — пёстрая: Г. ДЕМЕНТЬЕВ, *Сокола-кречеты*, стр. 70.

⁵²⁴ Л. ЮЗЕФОВИЧ, *Путь*, стр. 66.

⁵²⁵ Приводится по: К. VOCELKA, *Die Politische Propaganda*, стр. 236. Императору действительно привезли двух так называемых красных кречетов, самых ценных птиц из рода соколиных, хотя охоте они не были обучены, о чём Рудольфа II предупредили: ПДС, том 2, столбец 264. Доставка птиц требовала осторожности, и в состав миссии включили сокольников. Кречетов в Прагу везли и позже: их доставило императору посольство Власьева в 1594 году.

⁵²⁶ М. BYDŽOVSKÝ Z FLORENTINA, *Svět*, стр. 184.

⁵²⁷ Неслучайно лишь в европейских источниках упоминался так называемый «слон Ивана Грозного», якобы подаренный шахом Персии. На памяти у европейцев явно был слон, присланный папе португальским королём Мануэлом I. Русские документы не упоминают слона вообще. Но о нём рассказал немец-опричник Генрих Штаден, чьи популярные «Записки о Московии» даже попали к Максимилиану II. Вторым источником был антимосковский и антицарский памфлет Пауля Одерборна, хотя тот на Руси не бывал. «Московский слон» прекрасно создавал налёт восточной экзотики и варварства, которым европейцы наделяли московитов, тем более что он не был привезён в Европу, как слон папы, а перемещался в просторах Азии, к которой тогда обычно причислялась Московия. Подробнее: Михаил МОИСЕЕВ, *Слон Ивана Грозного*, *Studia historica Europae Orientalis* 3, Минск 2010, стр. 209-220.

⁵²⁸ Подробнее Татьяна МАТАСОВА, *Попугай в Москве в 1490 году*, Русь, Россия, средневековье и новое время 6, Москва 2019, стр.126-129.

А в записках Даниэля Принца упомянута другая русская экзотика – шкуры белых медведей, которые ему якобы подарил Грозный. Этот эпизод не вполне заслуживает доверия, но белые медведи тоже вписываются в нарратив экзотической Московии – Принц мог видеть их шкуры в Можайске.⁵²⁹ Нельзя не провести параллель с Турцией – тоже экзотической и условно «варварской», где редкие звери также воспринимались европейскими дипломатами как безошибочный культурный маркер, символический знак «другого». Вспомним, как в 1567 году габсбургский эмиссар в Константинополе просил великого визиря прислать жирафа в дар императору Максимилиану II.⁵³⁰

V. 3. Донаторы, адресаты, выбор и возврат подарков

Важен и вопрос о том, кто мог или не мог быть дарителем или одариваемым. Во второй половине 16 века подарки почти всегда вручались монархам и послам. Здесь показательно отсутствие подарков царицам, и соответственно, императрицам: русские обычаи вплоть до 17 века ограничивали даже формальную причастность женщин к политике, что в империи знали; при этом жену царя Фёдора и сестру Бориса Ирину Годунову имперцы старательно обходили вниманием – что косвенно доказывает всю незначительность наметившегося участия Ирины в политической жизни.⁵³¹ Редко вручались дары посланникам, и почти никогда – агентам.⁵³² Единственным послом, который не получил московских даров, был Варкоч, который в первую миссию 1589 года сам не доставил подарки. Но в остальном он встретил почтительное обращение, и в следующих двух

⁵²⁹ Д. Принц, *Начало*, стр. 51. Принц пишет, что Иван IV подарил ему две повозки, высланные шкурами белых медведей, вместе с лошадьми. Это ошибка Принца, переводчика либо переписчика. Русские никогда не одаривали послов до аудиенции, и никому из европейских дипломатов в 16 веке не дарили повозки. И в таком случае, ещё больший дар должен был получить глава миссии Кобенцель, но ему подарили лишь меха. Скорее, повозки предоставили послам лишь для парадного въезда в Москву, хотя сами шкуры сомнений не вызывают. Ниже (*Ibidem*, стр. 57) сам Принц пишет, что он и посольские дворяне получили по 40 соболей – вот это и был его настоящий подарок.

⁵³⁰ В. KARL, *Objects*, стр. 132.

⁵³¹ В литературе встречается утверждения о некоторой «феминизации» политической жизни последних Рюриковичей, которым помогали править их жёны или супруги, см. Isolde THYRET, *Between God and Tsar: Religious Symbolism and the Royal Women of Muscovite Russia*. DeKalb 2001, стр. 81. На деле эти проявления редко выходили за пределы формальностей, особенно в случае Ирины, бывшей лишь одной из фигур в политической игре её ловкого брата Бориса.

⁵³² Личное вручение подарка монарху в габсбургско-московских отношениях обычно происходило на первой аудиенции, и личным было условно: посольский дар принимал сановник из окружения монарха. Заочно подарок мог быть передан только с дозволения монарха (обычно в империи); без такого дозволения московские власти присланный дар демонстративно уничтожали, как однажды поступил Иван IV с польскими часами: Л. ЮЗЕФОВИЧ, *Путь*, стр. 121.

миссиях его уже одаривали. Посланники Иероним Гофман и Генрих Гойгель покинули Москву с пустыми руками, с одним «кормом», хотя Гойгель и привёз ценный безоар.⁵³³

Ситуация с агентами сложнее. Агента можно обозначить как дипломатического актора, которого внешнеполитическое ведомство нанимало для узких практических поручений (добывание и передача информации и артефактов, установление контактов). Агент не был уполномочен ни представлять и символизировать монарха за рубежом, ни обеспечивать политические договорённости. Соответственно, не было необходимости почитать в его лице монарха вручением подарков. Нередко агент совмещал службу с торговлей или учёными занятиями. Каждый случай, когда русский либо имперский агент удостаивался дара, говорит о важности его услуги, или о его общей ценности. Кроме того, агенты, в отличие от дипломатов, намного реже встречались с монархами. Соответственно, награждение агента, в отличие от посла или посланника, было частным случаем и не служило подтверждением высокого качества межгосударственных отношений. Так, крайне щедрые дары Лукасу Паули, гонцу и давнему агенту Москвы и империи сразу, были вручены явно за личные заслуги. Он получил «поминков» на 170 рублей, включая 4 сорока соболей и 5 сороков куниц – если считать поштучно, то намного больше, чем московиты посылали даже императорам.⁵³⁴ Хотя судя по цене мехов, вручённых Паули, они были не «императорского» качества.⁵³⁵ Отсюда видно, что размер подарка играл для Кремля меньшую роль, чем его стоимость или презентабельность. Но возможно, Иван IV специально уменьшал размеры подарков «Руделфу цесарю», чтобы не ронять своё достоинство, как он его понимал. В конце Ливонской войны Москве и так часто доставалась роль просителя, и подчёркивать её богатыми дарами было обидно.

⁵³³ С Гофманом всё ясно: он разозлил Грозного непризнанием царского титула. Гойгеля же, видимо, подвела неразбериха с его статусом: вначале его приняли за гонца, обеспокоившись, что визит не был объявлен, а его более высокий статус посланника подтвердился поздно. Но на момент отпускной аудиенции, где обычно и одаривали дипломатов, ясность уже была, и в этом случае перед нами церемониальная ошибка.

⁵³⁴ ПДС, том 2, столбец 416. Например, к воцарению Рудольфа II Иван Грозный отправил ему лишь «стандартные» 40 соболей: Ibidem, том 1, столбец 744. Столько же Захарий Сугорский привёз от имени царя Максимилиану II (Ibidem, столбец 676), а Истома Шевригин – Рудольфу II: Ibidem, том 10, столбец 17. Папе Григорию XIII Шевригин привёз куда меньше, всего пару соболей, это минимальный посольский дар (Ibidem, столбец 13). О паре соболей как недорогой (в 15-30 раз дешевле) альтернативе сороку через столетие упомянет Г. Котошихин, *О России*, стр. 61. Сорок соболей назывался «лёгкий поминок», точная функция его в русских документах не проясняется. Можно предположить, что Москву ограничивали не только финансовые проблемы, но и статус эмиссаров. Видна закономерность: чем ниже статус дипломата, тем чаще он везёт скромные «стандартные» подарки. Чаще всех так чествовали Рудольфа II: Афанасий Резанов, а затем Истома Шевригин и Яков Молвянинов, везли ему ровно по 40 соболей: ПДС, том 1, столбцы 775, 803 и 853 соответственно. Особняком стоит миссия Вельяминова и Власьева. Она привезла Рудольфу II шесть сороков соболей, но и здесь это были подарки *шести* разных московских дипломатов: Ibidem, том 2, столбец 373. Видимо, маленькие миссии через Польшу, всегда сопряжённую с угрозами, не располагали людьми для защиты крупных подарков, утрата которых была бы серьёзной.

⁵³⁵ Ibidem, столбец 416.

Сами послы обеих держав на отсутствие или скудость подарков никак не жаловались. Зато москвиты, если подарок имперских эмиссаров казался им недостаточно богатым, напоминали об этом. Стефан Гейс писал, как приставы, которые были «*бесстыжи и грубы по московской повадке*», требовали добавить к кубку для Бориса Годунова золотую цепь.⁵³⁶ Варкоч так и сделал, хотя его секретарь утверждал, что это вымогательство: опытный посол знал влияние Годунова, с которым давно установил контакт, и не стал бы обижать его. Или Гейс был прав, или приставы перестарались: позже Борис вернул даже кубок как чересчур роскошный.⁵³⁷ Регент решил соблюсти букву церемониала: царём он всё-таки не был и царских почестей не заслуживал.

Что касается вручения или передачи подарков, в 16 веке на это был уполномочен дипломат любого ранга, включая агента вроде Паули, как сейчас будет показано. Но эту практику можно интерпретировать так: дипломат со статусом ниже посла не имел права вручать дары от своего имени – он мог лишь передавать подарки от потентата.

Московский подарочный обычай содержал и другие ограничения, и даже в конце 16 века уступал имперскому в гибкости. Если послы кайзера могли вручать в Москве подарки чиновникам по своему усмотрению, для поддержания личных и деловых связей, то царские дипломаты имели строго оговоренные подарки для главы государства, либо сановников, на которых требовалось повлиять, вроде вышеуказанного Альберта Лаского. Истоме Шевригину, например, было приказано никому в Риме ничего не дарить, кроме самого папы.⁵³⁸ Такая тактика, видимо, подчёркивала высокий статус царя, который сносится только с равными себе монархами, хотя и заметно сужала деловой инструментарий дипломата.

В роли дипломатического курьера с правом вручать дары редко выступают не только агенты, но и гонцы, особенно имперские (московские, как мы помним, часто граничили по статусу с посланниками). Приезд агента и гонца Лукаса Паули в Москву зимой 1597 года был ярким исключением. Он был встречен с почестями и привёз богатые дары: позолоченный кубок, золотую цепь с самоцветами и золотой перстень с изумрудом и

⁵³⁶ С. ГЕЙС, *Описание*, стр. 20. Варкоч, подражая московскому обычаю, ещё и наградил кубком казначея московского двора, который передал ему подарки для Рудольфа II, а князю, который привёз ему на квартиру продовольствие, дал кольцо с гиацинтом. Такие подарки не были обязательными. Значит, Варкоч взял на вооружение русский обычай, чтобы символически «говорить на языке другого», влиять на москвитов и завязывать личные связи (*Ibidem*, стр. 30-31).

⁵³⁷ *Ibidem*, стр. 31.

⁵³⁸ «*Поминков мимо Папы не делать никоторым обычаем, никому*»: ПДС, том 10, столбец 14.

гравировкой царского орла.⁵³⁹ Паули участвовал в подготовке долгожданного посольства фон Доны и сам был щедро одарен, как написано выше.

В документах Посольского приказа прослеживается и интересный обычай заказа подарков в империи. Грозный и Годунов могли выбирать дары по своему усмотрению – например, как вышеупомянутых жеребцов для Бориса.⁵⁴⁰ Во время визита Кобенцеля и Принца тевтонский ландкомтур сделал такое предложение Ивану IV и его сыну Ивану, но заказ не поступил.⁵⁴¹ В свою очередь, имперский двор с просьбами о подарках не обращается, хотя такой обычай, как было показано, существовал и в Европе.

Подарки, врученные низкостатусными эмиссарами, могли быть возвращены, и этот обычай иногда ставил австрийцев в тупик, хотя после Ивана IV он уже не соблюдался строго, или, во всяком случае, менялся. Принц описал этот обычай, не вполне поняв его смысл: по его мнению, Грозный вернул часть подарков, так как они были низкого качества.⁵⁴² Во второй миссии Никласа Варкоча в 1593 году подарки, которые вручил в Москве силезец, попали в казну, а вот его дворянам дары вернули с просьбой не обижаться: по обычаю, заявили москвиты, царь оставлял себе лишь «поминки» посла.⁵⁴³ Оскорбления дарителя в возврате не было: подарки символизировали «любовь» и признание статуса, а не воспринимались лишь как материальная ценность. Будучи вручены, они уже исполнили свою функцию, ведь посольство императора символизировало его двор в миниатюре (посол – олицетворение кайзера, дворяне – императорская свита, прислуга посла – придворные служители). Поэтому неудивительно, что цари принимали только дары от равного себе – «посла-олицетворения императора». Вместе с тем, перед нами обычай, который возник только во второй половине 16 века и соблюдался непоследовательно. Предположу, что это было нововведение двора Ивана IV, призванное подчеркнуть его высокий статус (через посла царь приравнивается к императору), но оно не успело закрепиться в церемониале из-за угасания династии Рюриковичей и Смуты: в 17 веке у царей уже было принято оставлять подарки послов, но отдариваться за них мехами или деньгами.⁵⁴⁴

⁵³⁹ Ibidem, том 2, столбцы 389-400.

⁵⁴⁰ ПДС, том 2, столбец 184.

⁵⁴¹ Ibidem, том 1, столбец 539.

⁵⁴² Д. ПРИНЦ, *Начало*, стр. 54. По мнению Принца, царь забрал себе подарки, «*какие понравились*», но речь шла лишь о возврате подарков именно посольских дворян.

⁵⁴³ С. ГЕЙС, *Описание*, стр. 31. Редкий случай: имперским послам разъясняли московский церемониал.

⁵⁴⁴ Об этом Л. ЮЗЕФОВИЧ, *Путь*, стр. 124.

Из всего сказанного следуют такие выводы. Подарки царей и кайзеров были несхожи между собой, но типичны для культуры и экономики каждой из монархий: Габсбурги и последние Рюриковичи дарили друг другу то же, что и остальным, при этом имперские подарки выглядят куда более разнообразными, а подбирались они с большей тщательностью и конкретными задачами. Разница заключалась не только в подарочных ритуалах и обычаях, но и в однозначно более высоком статусе императора: цари шли кайзерам на уступки и в чём-то подражали. Это видно именно на примере подарков: ведь в том, что касается им гостеприимства, московиты обходились с послами кайзера так же, как и с другими «немцами». Австрийцев-дарителей в Москве никогда не оскорбляли, как литовцев, на глазах у которых опричники могли изрубить на куски подаренного коня.⁵⁴⁵ Им никогда не вручали царские дары от лица посольских дьяков – так в Кремле обычно унижали шведских послов.⁵⁴⁶ В свою очередь, имперские послы никогда не протестовали из-за несоответствия ответных московских даров имперским часам, пищалам и украшениям. Замечу, что даже польские послы роптали, требуя возврата подаренной посуды, за которую получили лишь меха.⁵⁴⁷

Имперские дипломаты, следственно, воспринимали дары московитам прагматично, как средство для достижения политических целей, а не только как подтверждение высокого статуса и донаторов, и адресатов. Такие подарки, как реликвии и драгоценные артефакты явно были предназначены для того, чтобы сподвигнуть Москву к выгодным для империи политическим шагам. Об этом говорит и хорошо видная иерархия подарков, которая разворачивалась в конце 16 века и была гибкой: дары росли по своей символической значимости от посуды до техники и реликвий, причём менее дорогие и сложные подарки не вытеснялись более дорогими, а дополняли их. Можно сделать два вывода, если рассматривать дары Габсбургов на фоне этой практики унижения послов как типичной для восточных культур, повлиявших на московский церемониал.⁵⁴⁸ Во-первых, в Кремле понемногу отходили от ряда восточных обычаев, применяя их выборочно и заменяя европейскими и реже древнерусскими. Во-вторых, именно отношения с империей Московское государство выстраивало как «самые европейские»: стремясь дотянуться по статусу до императоров, цари старались подражать и их достоинству.

⁵⁴⁵ Л. ЮЗЕФОВИЧ, *Как в посольских обычаях*, стр. 185.

⁵⁴⁶ Л. ЮЗЕФОВИЧ, *Путь*, стр. 84.

⁵⁴⁷ Лилия БЕРЕЖНАЯ, *Символика даров в дипломатических отношениях между Речью Посполитой и Московским Царством во второй половине XVII века*. In: Герд АЛЬТХОФ — Михаил БОЙЦОВ (ред.), *На языке даров. Правила символической коммуникации в Европе. 1000 – 1700 гг.* Москва 2016, стр. 236.

⁵⁴⁸ Николай ВЕСЕЛОВСКИЙ, *Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории*, Санкт-Петербург 1911, стр. 3.

Московиты бдительно следили за качеством и количеством подарков царю, но сами одаривали кайзеров и их эмиссаров стереотипно и бессистемно. Их подарки почти не обнаруживали иерархии и динамики, и нередко выглядели проявлением жёсткого, застывшего ритуала, его частью: от имперского реципиента московиты ожидали чего-то благодаря не меху и ткани, а взаимовыгодному внешнеполитическому торгу. Причина видится и в том, что обычай вручения щедрых «поминков» монарху был ещё домонгольским⁵⁴⁹, и в Москве строго следили, чтобы дары царю по количеству и качеству отвечали его величию.⁵⁵⁰ Так как в империи дипломатические подарки не были обязательны, дары московитов могли не коррелировать по размерам ни с подарками кайзерам, ни с дарами, которые вручались их послам (монарху больше, послу меньше), ни с тем, сколько подарков было вручено в прошлые визиты. Московские приношения, видимо, регулировались формальным критерием: дару достаточно было относиться к категории достойных монарха (соболя, экзотические животные, восточные диковинки).

Динамика московских даров незначительна: лишь к регентству Годунова меха разнообразит восточная экзотика. В отношении подарочного этикета Московия держалась где-то между Европой, где подарок принимающей стороне не был обязательным, и Азией (Китаем, Турцией), где дар был необходим, чтобы делегацию приняли. Именно для имперских эмиссаров, приехавших с пустыми руками, в этом вопросе делали исключение, как для Гофмана в 1559 году⁵⁵¹ и для Варкоча тридцать лет спустя.⁵⁵²

Динамика же имперских даров царскому двору на протяжении 16 столетия отмечена взрывным ростом и количества, и разнообразия – именно потому, что в Вене, а затем Праге подарок московитам воспринимается всё больше как инструмент дипломатии, чем как просто ритуал. Именно в этот период регулярный обмен подарками между двумя домами вообще вошёл в обиход: первые габсбургские эмиссары, в том числе Сигизмунд Герберштейн, вообще приезжали порой с пустыми руками, но бывали приняты. В 1576 году Кобенцль и Принц уже одарили Ивана IV драгоценностями и доспехом.⁵⁵³ А всего через 20 лет одно посольство фон Доны привезло много даров всех возможных видов, от животных до реликвий. Эта эволюция показывает, что в империи поняли важность подарка в московском церемониале и пытались сделать его эффективным инструментом

⁵⁴⁹ В. САВВА, *Московские государи*, стр. 177. В противовес популярному мнению, будто обычай одаривать властителя был на Руси татарским, правильнее заключить, что татарское влияние лишь не дало этому обычаю отмереть, как случилось в других славянских землях.

⁵⁵⁰ Л. ЮЗЕФОВИЧ, *Путь*, стр. 117. Недостойный царя подарок мог быть прилюдно уничтожен или возвращён послу со скандалом.

⁵⁵¹ Реляция И. Гофмана, стр. 134.

⁵⁵² J. POLIŠENSKÝ, *Poselství*, стр. 87-88. Отмечу, что наличие подарка – первое, о чём спросили у Варкоча.

⁵⁵³ ПДС, том 1, столбец 511.

дипломатии, средством символической коммуникации, а не только саморепрезентации. При этом функцию сглаживания противоречий австро-русские подарки не выполняли: период Ливонской войны, которая так омрачила отношения Габсбургов и Рюриковичей, был одним из самых скудных и однообразных в плане даров.

Что ритуалы и обычаи дарения говорят о взаимном восприятии сторон? Московские дары показывают, что для царей имперские партнёры качественно не отличались от прочих «немцев». Империя была той же инокультурной, иноверной средой, что и прочая Европа, теми же «другими». Но в силу статуса императора эти «другие» требовали больше лучших мехов в подарок, и больше снисхождения, если ими нарушался московский церемониал.⁵⁵⁴ Осторожный интерес к этим «другим» Москва позволила себе лишь при Годунове.

Габсбургские же ритуалы дарения 16 века показывают, что Московия существовала для империи в двух символических ипостасях: «варварской» (экзотическая, азиатская, восточная лесная пустыня) и «христианской» (амбициозная молодая держава с иной, но родственной верой). Это идёт вразрез с ритуалами дарения, которые бытовали у Габсбургов в отношениях с европейскими владыками: культурные и конфессиональные различия между дарителем и адресатом обычно не брались в расчёт, хотя подарки носили индивидуальные черты.⁵⁵⁵ Требование подарков для приёма у царя относилось к восточным культурам как мало что в её церемониале: в Европе давно знали, что именно к владыкам Азии не приходят с пустыми руками.⁵⁵⁶ К тому же видно, что имперские послы чем дальше, тем активнее применяли в Московии модель неденежного одаривания высших сановников с целью нарастить влияние при дворе – модель, которую они уже давно применяли в Турции.⁵⁵⁷ Что же касается того факта, что московские подарки на этом фоне весь 16 век остались неизменными по характеру (меха, звери и птицы, азиатская экзотика), тоже соответствовали первой, «варварской» ипостаси. Богатые дары мехов тоже успешно укрепляли имидж Руси как далёкой экзотической страны, особенно в 1593 году, когда Прагу поразила огромная партия пушнины.⁵⁵⁸

⁵⁵⁴ Примечательно, что даже западных славян, включая чехов, чей язык был понятен, московские элиты не считали родственными. «*Чахи, и Влохи, и иные многие Немцы*», — описал посол Сугорский пражский двор: *Ibidem*, столбец 677. Как хорошо показал известный спор Грозного с пастором Яном Рокитой, чехи были для москвитов, прежде всего, иноверцами, а не родственным народом с близким языком.

⁵⁵⁵ H. RUDOLPH, *Das Reich als Ereignis*, стр. 240.

⁵⁵⁶ Kim SIEBENHÜNER, *Approaching Diplomatic and Courtly Gift-giving in Europe and Mughal India: Shared Practices and Cultural Diversity*, *The Medieval History Journal* 16 (2), 2014, стр. 525-546, здесь стр. 528.

⁵⁵⁷ J. MATOUŠEK, *Turecká válka*, стр. 77.

⁵⁵⁸ Этот груз парализовал пражский рынок меха. Лучшие шкуры там даже не смогли оценить, и три сорока отборных чёрных мехов Рудольф II забрал себе, питая к ним слабость: «*Их Цесарь держати про себя и любил их добре, а болии... всего любит лисицы черные*», — сообщил московским послам Никлас Варкоч, опекавший их в Праге. Интересная информация о вкусах кайзера: ПДС, том 2, столбец 292.

Перемены в имперском подарочном обычае говорили как раз о важном сдвиге восприятия: в ментальности донаторов творился переход от первой, «варварской» ипостаси Московии, ко второй, «христианской». На сцену вышли дары, сближавшие Габсбургов и Рюриковичей в отношении ментальности и материальной культуры, тем более что заметно действие принципов *Amicitia principum* с их нормой ответного подарка. Видно, что подношения кайзеров приобщали Московию к европейскому техническому развитию и ценностям (часы, оружие, невручѣнная астролябия), либо подчѣркивали религиозную общность во имя борьбы против неверных (христианские реликвии). Тот факт, что поводом для этого перехода послужили узкие прагматические соображения, вроде привлечения москвитов к борьбе против Турции, не отрицает данного превращения. Но он позволяет понять, почему обе ипостаси уживались в сознании имперских элит ещё долгое время, и переход от одной ко второй был постепенным.

Обращает на себя внимание и то, как менялся статус вручѣнных сторонами даров как предметов материальной культуры, как менялась их «социальная биография». Меха, главный русский дар, по своей природе не индивидуальны. Они коммодитизировались, превращались в обезличенный товар, а значит, имели короткую «социальную жизнь» или «биографию», и почти не оставляли следа в европейской культуре. Имперские же дары подчас ждала обратная судьба: они символически или реально декоммодитизировались, превращались из товара в редкий штучный предмет с индивидуальной биографией. Об этом, конечно, можно говорить условно: ружья и часы, которые императоры слали в Москву, отнюдь не походили на те, что поступали в широкий обиход, если вообще можно говорить о рынке таких товаров в раннем новом времени. Тем самым, и русские, и имперские подарки меняли статус, но общее культурное воздействие императорских даров на русскую культуру, посредством влияния на московские элиты, следует признать более сильным, чем влияние московских подарков – на культуру европейскую.

Таким образом, подарки служили важным средством культурной гибридизации московских и имперских элит. Это касалось и технических новинок, которые вызывали в Москве всё больший интерес, и большей гибкости, которую русский посольский ритуал стал обретать после Грозного. Наступала материальная «вестернизация» русской дипломатии (лишь внешнего быта, в меньшей степени обычаев) – при Годунове настал первый период культурной открытости централизованного Московского государства. Если использовать термин «культурная дипломатия», который Х. Рудольф предложила в противовес дипломатии «публичной / политической», когда дипломат выступает в роли

представителя своей культурной среды,⁵⁵⁹ то именно практика дарения доказывает, что австрийские эмиссары были «культурными дипломатами» в большей степени, чем московские. Впрочем, ко многим новшествам и идеям Европы Московия была не готова – об этом красноречиво говорит астролябия, которую фон Дона привёз, но так и не вручил.

Наконец, обмен дарами позволяет увидеть в контактах Праги и Москвы не просто абстрактную связь политических систем, но зачатки межличностных контактов правителей как живых людей – так давно было во внутриевропейской дипломатии, но редко встречалось в имперско-московской. Когда Рудольф II присылал безоары и свои изображения и пытался вызвать в Москве интерес к метафизике с помощью хандштайнов; а Годунов лично выбирал себе в империи конец в подарок и подбирал Габсбургам восточные диковинки, всё это намекало на новое качество отношений, которое проявилось задолго до вестернизации России в 17-18 веках. Различия в менталитете, как видим, только казались непреодолимыми.

Как Габсбурги и Рюриковичи реагировали на дары друг друга? Сама атмосфера аудиенций с её лаконизмом речей и жестов, и ритуализированным поведением монархов, оставляла мало шансов на спонтанную реакцию потентатов на подарки, например, радость, изумление или гнев. Но иногда можно составить впечатление об этом по косвенным признакам или отклонениям от ритуала. Московия, замечу, не была тем местом, где стерпели бы недостойный или неправильно вручённый подарок (вспомним, например, вышеупомянутое убийство опричниками коня на глазах литовских послов-дарителей). При этом возвращение подарков от послов, которое широко практиковалось в Кремле, мало что говорит об отношении к самим дарам: это был ритуальный жест. Но вот всё новые и новые часы и ружья, которые австрийцы везли в Кремль, явно говорят, что эта техника нравилась и принималась благосклонно. О том же свидетельствует и заказ подарка (Годунов, просивший у Варкоча коней).

Реакция имперского двора на московские дары иногда более непосредственна: стоит вспомнить, как Рудольф II велел привезти ему на осмотр груз мехов, привезённых в Прагу, а потом забрал себе лучшие шкурки чернобурок – едва ли мог быть более ясный знак того, что император впечатлён. Можно предположить, что стандартный московский дар, сорока соболей, мог приниматься кайзерами лишь из дипломатических соображений, но считаться неподобающе скромным и формализованными. Кроме того, уже сама эта формализация даров могла исключать какую-либо острую реакцию с имперской стороны,

⁵⁵⁹ Н. RUDOLPH, *Entangled Objects*, стр. 3.

тем более что посольские дары от гостей, как уже было сказано, не были *sine qua non* императорских аудиенций. Впрочем, полное отсутствие возвращённых подарков кайзеров и царей уже само по себе говорит о многом: стороны соблюдали дипломатический декорум своих отношений, поддерживая атмосферу внешнего почтения к другому.

Изучая посольские дары, нельзя уйти от двух взаимосвязанных вопросов: об их иерархии и о потенциале «культурного трансфера» (Мишель Эспань), то есть, новой интерпретации предметов и идей в новом культурном контексте.⁵⁶⁰ Московские дары, меха и реже животные и драгоценности, подчёркнуто стандартны и неиерархичны: одинаковые сорока соболей могли различаться разве что оттенками и сортами. Что касается культурного трансфера, он здесь едва ли мог быть сильным в силу шаблонности, одинаковости дара, а московские послы, соответственно, практически теряли функцию агентов трансфера. При этом мех утрачивал семантику сугубо монаршего меха (в Европе эта функция принадлежала горностаю⁵⁶¹), зато обретал семантику роскоши, хотя мех всегда служил маркером Московии как далёкой и богатой «лесной пустыни» — вспомним то изумление, в которое Прагу повергла годуновская меховая посылка.

Иерархия имперских даров заметнее, и она имела два аспекта. Первый – нарастание потенциала культурного трансфера (от «простых» ювелирных украшений и посуды к точным приборам и оружию). Драгоценности и посуда имели аналоги и среди посольских даров из других стран, они ничем не выделялись и не впечатляли москвитов. Судьба их могла быть одна – служить символом богатства среди прочей дворцовой казны. Здесь можно говорить об ограниченном культурном трансфере: попадая в московский культурный контекст, утварь понималась аналогично, но заново интерпретировалась как материальная, а не как художественная ценность. Неслучайно практически ни один из этих даров, кроме кубка-цапли, не имел выраженной индивидуальности.

Оружие, доспехи и часы уже не только демонстрировались, но и использовались. Они могли репрезентировать статус царя в том отношении, что монарх был единственным в Московии обладателем уникальных даров от первого potentата Европы. Здесь культурный трансфер был сильнее – ещё и потому, что он ярко подчёркивал роль Московии как культурной периферии Европы. Владение часами сообщало престиж,

⁵⁶⁰ Знаковой работой, утвердившей это междисциплинарное понятие, вошедшее в число основных в современной антропологии и других гуманитарных дисциплинах, стала статья Michel ESPAGNE и Michael WERNER, *Deutsch-Französischer Kulturtransfer im 18. und 19. Jh.: Zu einem neuen interdisziplinären Forschungsprogramm des C.N.R.S.*, Francia 13, 1985, стр. 502-510.

⁵⁶¹ Мех которого даже стал элементом геральдики: Thomas WOODCOCK — John Martin ROBINSON, *The Oxford Guide to Heraldry*, Oxford 1988, стр. 88.

провоцировало подражание, и было маркером высших слоёв социума: карманные часы, например, завёл себе упомянутый выше боярин Фёдор Романов, став патриархом Филаретом.

Важным аспектом культурного трансфера в Московии было подражание, техническое копирование: дар оценивался и с утилитарной позиции, шанса его скопировать. Вспомним казус с доспехом от Кобенцеля, который дарился Грозному как статусное украшение, а понят был как образчик передовой военной технологии. Этот казус, кроме того, говорит о своеобразии московско-имперского культурного трансфера: две цивилизации были настолько несхожи, а московская «культурная ксенофобия» и социокультурные отличия — настолько велики, что имперские дары в Москве интерпретировались, в первую очередь, на уровне материальной, а не культурной идеи или социальной структуры.⁵⁶² То есть, русские могли перенять новый тип доспеха, но не идеи германского кавалерского этоса или костюма, с которыми этот доспех ассоциировался в Германии.

Второй аспект иерархии даров – от обычных предметов к сакральным, «сингулярным» (от массива обыкновенных подарков к мощам Николая Чудотворца). Мощи «русского бога» вообще символически обесценивают все остальные подарки, низводя их до категории «всё остальное» и выделяясь исключительным сакральным статусом и бесценностью. Это единственный дар, о котором можно точно сказать, что он, во-первых, имел мощное политико-символическое звучание, а во-вторых, вручался в расчёте на ответную услугу, изменение политической позиции Москвы в турецком вопросе. То, что он не достиг этой цели, не умаляет силу этого дара: столь политически сложный вопрос едва ли можно было решить в рамках парадигмы ответного дара.

Становились ли имперские подарки москвитам своего рода «вторичным средством репрезентации»? То есть, послужив однажды ритуальной трансляции статуса императора в Кремле, могли ли они использоваться в том же качестве при московском дворе? Цари могли использовать эти дары уже для собственной репрезентации, например, выставляя их на всеобщее обозрение. То, что дарёная посуда часто оказывалась потом на пирах, где демонстрировалась именно с репрезентационными целями, лишний раз доказывает: имперские дары утвари интерпретировались в первую очередь как богатство, которое было лишено индивидуальности, но которое надо было демонстрировать. Такого, однако, нельзя сказать о подаренных часах или ружьях: однажды вручив эти дары, иностранцы их

⁵⁶² Вспомним, как московские сановники рассчитывали цену подарков по стоимости лишь материалов, которые пошли на их изготовление: Г. Котошихин, *О России*, стр. 74.

обычно больше не видели: часы могли стоять во внутренних покоях Кремля и иных дворцов, куда послов не впускали. Мы не видим часов на царских аудиенциях, в отличие от аудиенций императорских, об интерьерах которых пойдёт речь ниже: кремлёвский «спектакль власти» мог идти только в русских декорациях, проникнутых русской символикой и транслировавших русские или освоенные на Руси идеи.

Неясно в данный момент, передаривались ли имперские посольские дары от царей дальше, другим адресатам, наращивая культурный трансфер. Подтверждений этому в русских источниках не встречено, но вероятно, такие случаи были исключительно редки, если были вообще. Во-первых, посольский дар выражал качество отношений между монархами, так что переход «цесарской» вещи от царя к иной особе значил бы повышение одариваемого до монаршего статуса, а в строго иерархизированной Московской Руси с её высочайшим статусом царя это было бы «ритуальным нонсенсом».

Ведь статусный предмет должен был не просто принадлежать кому-то, но демонстрироваться – то есть, новый носитель, заведомо низкостатусный по отношению к царю, должен был публично демонстрировать подобие монарху, что едва ли было возможно в допетровской Руси. (При Грозном и даже отчасти при Годунове это было и смертельно опасно). Во-вторых, как видно из практики передаривания восточных редкостей кайзерам, к которой прибегал, например, Борис Годунов, они могли адресоваться скорее вышестоящему по статусу адресату, или, возможно, равному, но не нижестоящему. Впрочем, весь этот вопрос не решается в рамках моего исследования и требует дальнейшего специального изучения.

VI. Посольские пиры и корм: еда как элемент дипломатического церемониала и обычаев

Важным средством саморепрезентации и политической коммуникации пиры успели стать ещё в раннем средневековье. Ни к какому их виду это не относится в такой степени, как к посольским приёмам у монархов. Они в полной мере были тем, что Барбара Штольберг-Риллингер назвала *Spektakel der Macht*, сложной церемонией, которая позволяла хозяину продемонстрировать и обосновать свою политическую власть и высокий социальный статус (подчас желаемый, а не действительный). Иноземцев же этот спектакль знакомил с социально-политической структурой, нормами и ритуалами хозяев – конечно, если язык ознакомительной коммуникации был понятен.⁵⁶³

Дворцовый пир мог быть и важным местом символического поведения: уже сам факт допуска на такое событие и совершения там определённых ритуалов мог подтверждать статус гостя как представителя определённой социальной элиты или культурной среды, а также политического актора, и требовать от него строго заданного поведения. У посольских приёмов были и особые черты. Репрезентативная же функция столования, которая считается едва ли не основной,⁵⁶⁴ на придворном дипломатическом пиру как бы удваивалась: «показать себя» надо было не только хозяину (монарху или его представителю), но и гостям, которые также должны были правильно репрезентировать своего potentата. Это вело к столкновению конфликтующих обрядностей, так что требуется особое внимание к их проявлениям и изучению.

Хотя принято считать, что пир стал одной из древнейших форм ритуального поведения, которое сближало участников в силу своей способности смягчать нравы в сообществе,⁵⁶⁵ в дипломатической практике нередко случалось обратное: пиры разделяли, плодя взаимное отчуждение и непонимание. Несхожесть застольных ритуалов двух культур делает пиры церемониально сложными и трудными для иностранцев с эстетической и психологической точки зрения: те погружаются в чуждые обычаи, смысл которых не могут или не способны понять. Поэтому вклад застолий в формирование «образа другого» особенно велик, что и будет показано ниже.

⁵⁶³ Терминология почёрпнута у Gerd ALTHOFF, Barbara STOLLBERG-RILLINGER, *Spektakel der Macht? Einleitung*, in: Barbara STOLLBERG-RILLINGER — Matthias PUHLE — Jutta GÖTZMANN — Gerd ALTHOFF (ред.), *Spektakel der Macht. Rituale um alten Europa 800 – 1800*, Darmstadt 2008, стр. 15.

⁵⁶⁴ J. HRDLIČKA, *Hodovní stůl*, стр. 131.

⁵⁶⁵ Подробнее об этом Norbert ELIAS, *O procesu civilizace: sociogenetické a psychogenetické studie. I. Proměny chování světských horních vrstev na Západě*, Praha 2006, стр. 155-156.

В этой главе речь пойдёт о посольских пирах Габсбургов и последних Рюриковичей. Предстоит установить, какие функции они выполняли, и какую роль играли в дипломатических контактах. Насколько эти их функции совпадали, прослеживается ли во второй половине 16 века какая-либо динамика? Каких целей стороны пытались добиться с помощью этих мероприятий? И, не в последнюю очередь, что дипломатические банкеты говорили сторонам друг о друге, как в них отобразился «образ другого»?

VI. 1. Пир в Праге, Вене и Регенсбурге: императорский банкет без императора

Пир в честь московских эмиссаров, с участием кайзера или без него, императорский двор давал редко. Системы здесь не прослеживается, тем более что банкеты для царских дипломатов в имперских столицах – тема почти не исследованная, в отличие от переходных ритуалов двора Габсбургов. Большой посол мог остаться без банкета, и наоборот, посланник или лёгкий посол удостоивался угощения. Это говорит в первую очередь о том, что имперско-московские связи не были достаточно нормированы в силу своей нерегулярности и церемониальной неравноправности сторон. Кроме того, московская власть меняла статус с великокняжеского на царский, что требовало от сторон и адаптации ритуалов. Поэтому предположу, что частота приёмов зависела от значимости конкретной московской миссии, а порой и от настроения и распорядка Рудольфа II.⁵⁶⁶

Главная особенность императорских пиров для москвитов второй половины 16 века парадоксальна: сам император там не появлялся. Во многом такой пир управлялся сложным испанским церемониалом, который уже был заведён у Габсбургов и сам по себе предполагал ограниченную «демонстрацию» потентата подданным и гостям – обычай, который вся Европа быстро перенимала у Эскориала.⁵⁶⁷ Это не мешало именовать подобный банкет императорским: он давался официально и от имени главы австрийского дома. Социальное тело монарха незримо присутствовало на любом пиршестве, где он отсутствовал физически, освещая событие его статусом и величием. Именно в силу этого дипломаты царя стремились быть на любых банкетах, которые давались от имени кайзеров, что не мешало им досадовать по поводу физического отсутствия потентата.⁵⁶⁸

⁵⁶⁶ Гонец Резанов, например, потом жаловался в Москве, что Рудольф II то предавался увеселениям, то был нездоров, и приём откладывался: ПДС, том 1, столбец 824.

⁵⁶⁷ К. VOCELKA, *Život*, стр. 249. Глубже этот аспект разбирает работа Christina HOFMANN, *Das spanische Hofzeremoniell von 1500-1700*, Frankfurt am Mein 1985.

⁵⁶⁸ Концепция «двойственного» социального и физического воплощений потентата задана в классической работе Ernst H. KANTOROWICZ, *Dvě těla krále: studie z dějin středověké politické teologie*, Praha 2014.

Церемониймейстеры кайзеров поэтому уверенно прибегали к разным «гибридным» формам пиров, из церемониальных и из практических соображений. Это возымело эффект: чем реже являлся сам император, тем более исключительным событием это становилось для восточных гостей. Когда в июле 1576 года послы Сугорский и Арцыбашев прибыли в Регенсбург, Максимилиан II не мог пировать с ними, будучи погружён в события сложного сейма; более того, его здоровье ухудшалось необратимо, так что и саму аудиенцию послов пришлось откладывать.⁵⁶⁹ Поэтому по указанию императора посольский пир прошёл необычно: на квартире самих послов, объединив русских дипломатов и австрийских придворных за круглым столом.⁵⁷⁰

В итоге сложилась ситуация, которую можно интерпретировать как парадоксальную и непонятную для москвитов. Очевидно, что сложный испанский церемониал в посольском доме был нереализуем и не имел смысла. Поэтому даже немногие понятные москвитам европейские церемонии вдруг переставали действовать. Но хуже всего был неясный статус пирующих: за круглым столом нет заданного главного участника, так как все места равны, тогда как старорусский пир никогда не предполагал никакого равноправия или равенства участников. Более того, это могло выглядеть и оскорблением: посол-князь стоял куда выше своего дьяка и не всегда мог занимать с ним место одного достоинства.⁵⁷¹

Ничуть не лучше было то, что послы оказались хозяевами на чужом пиру в свою честь: они не только принимали почести за самих себя и царя, но и сами оказывали их австрийцам. Сугорскому и Арцыбашеву пришлось встречать имперских дворян и угощать их вином, которое, впрочем, доставили гости.⁵⁷² Протест, тем не менее, послы не заявили, из чего следует, что царская честь, по их представлениям, ущерба не потерпела. Но перед

⁵⁶⁹ V. VUŽEK, *Smrt*, стр. 129-130.

⁵⁷⁰ ПДС, том 1, столбцы 672-674. Статейный список небогат эмоциями, но предположительно, круглый стол вверх русских в панику. Форма стола отмечена особо как непривычная: она намекала на статусное равенство гостей и ставила москвитов в тупик, не будучи иерархичной, что строго требовалось в Московии. В итоге дипломатам, чтобы объяснить значимость гостей, пришлось описывать, кто сел по правую руку (более почётную) и по левую от князя Сугорского. Указать в отчёте свои места относительно входа, что играло свою роль в империи, они не смогли, видимо, не сочтя это важным.

⁵⁷¹ Особенно царский пир, который имел вид награды хозяина верным слугам или милости чужестранному гостю, и в котором подчёркивалась эта ипостась «другого», чужака: Иван ЗАБЕЛИН, *Домашний быт русского народа*, часть 2, Москва 2014, стр. 888. Достаточно сказать, что на Руси пировали на скамьях, сидя рядом, а в Европе – на стульях. Они тоже «индивидуализировали» участника и выделяли его из сплочённого коллектива, и в некотором смысле, из иерархии.

⁵⁷² ПДС, том 1, столбцы 672-674. В Москве такая рассадка была непонятной: там считали, что строгая иерархия за границей так же организована в пространстве, как и на кремлёвских застольях, и на тех же принципах. Поэтому даже низшим дипломатическим чинам, гонцам, наказывали участвовать в пирах лишь в случае, если их посадят «выше» других послов: Ibidem, столбец 804. «Выше» следовало понимать не буквально, а «на более почётном месте» относительно других участников с тем же статусом.

нами редкий пример того, как московиты молча уступают «немецкому» обычаю – видимо, в силу того культурного шока или смятения, которое они испытали.

Чуть более формальный банкет для Сугорского и Арцыбашева дали через несколько дней после первой аудиенции, на сей раз в резиденции кайзера. Послы отметили особо, что на этот раз стол был «долгий» и они сидели во главе, на почётном месте; играла музыка, но Максимилиана II вновь не было.⁵⁷³ Перед нами гибкая форма пиршества, немислимая в Кремле, где фигура царя всегда венчала застолье, придавала ему смысл. В империи же кайзер мог символически делегировать свои полномочия хозяина придворным и бургомистру Регенсбурга. Пир, таким образом, частично терял свой облик «спектакля власти» и роль репрезентационного инструмента, становясь лишь формальной данью уважения гостям и даже просто совместным угощением.

Похожим образом зимой 1578 года в Вене был встречен посланник Ждан Квашнин: делегация во главе с рейхсгофратом Зайфридом фон Бройнером и обер-гофмейстером Паулем Сикстом фон Траутзоном просто явилась пировать к нему на квартиру. Квашнин был усажен на неуточнённом «*большом месте*», как самый почётный участник, а фон Бройнер и фон Траутзон сели справа и слева. Во дворце никакого пира в честь Квашнина потом уже не давали.⁵⁷⁴ Как видим, «банкет на дому» не зависел от статуса дипломата: его удостоиваются и посол, и посланник, и даже гонец, например, Афанасий Резанов. Третьего октября 1580 года его квартиру в Праге навестила делегация чешских и немецких дворян с напитками и едой.⁵⁷⁵

Трудно увидеть в этом что-либо, кроме относительно невысокого статуса московских дипломатов в империи: их принимают с почестями, но считают, что восточные гости не требуют особо пышных церемоний во дворце – таким образом, Московию в империи воспринимали скорее как второстепенную державу. Это не означало, однако, что к визиту московитов не проявляли делового интереса: как раз фон Траутзон был одним из двух главных вершителей европейской политики Рудольфа II,⁵⁷⁶ и сложно поверить, что он явился пировать с Квашниным лишь из церемониальной вежливости.

⁵⁷³ Ibidem, столбец 678.

⁵⁷⁴ Однако в качестве дополнительного угощения Квашнина снабжали винами, которые носил всё тот же Даниэль Принц: Ibidem, столбец 765.

⁵⁷⁵ Ibidem, столбец 827. Статус этого пира неясен. Резанов не упоминает ни гостей от Рудольфа II, ни обязательных здравниц в честь царя и кайзера. Австрийцы могли устроить этот пир для получения информации: разговор шёл исключительно о неудачах Московии в войне с Польшей и её перспективах. Позиция царя по этому вопросу в Праге была уже известна, так что немцы и особенно чехи симитировали неофициальную обстановку и принесли вино, чтобы «разговорить» инсайдера.

⁵⁷⁶ J. MATOUŠEK, *Turecká válka*, стр. 42.

Вот лишний тому пример: императорский приём 18 августа 1595 года в Праге в честь послов Михаила Власьева и Афанасия Вельяминова был им обещан, но в последний момент отменён. Сначала у Рудольфа II даже согласились на просьбу москвитов провести пир по их церемониалу, то есть после аудиенции, а не перед ней, как принято в империи, о чём сообщил Вельяминову его «пристав», Ян Вацлав Попел из Лобковиц.⁵⁷⁷ Но в итоге дипломатам просто выдали продовольствие – причём по хронике Марека Быдзовского, питались они в Праге привычным для себя образом: «*Pokrm pak jejich byl jak ráno, tak i večer cibule, česnek, rybu, pití medovina, víno pálené*».⁵⁷⁸ Хронист, видимо, особо отметил такое странное питание как московскую экзотику, но этот «образ другого» мог являть собой непонятый признак русской жизни: москвиты явно соблюдали Успенский пост, чего Быдзовский не знал либо не принял во внимание.

Впоследствии, москвиты пировали на пражском Граде «у Цесаря» часто, в том числе 22 и 23 августа, но самого императора за столом снова не было.⁵⁷⁹ Особняком стоит банкет на квартире Вельяминова и Власьева 24 августа 1595 года с участием Петра Вока из Рожмберка и наивысшего земского коморного Яна из Вальдштейна на Седчицах. Хотя кайзера здесь не могло быть, пир опять именовался императорским, что было отрефлексовано и москвитами («*стол Цесарев большой*»), а оба чеха были представлены гостям как посланцы самого Рудольфа II.⁵⁸⁰ Судя по знатным гостям и по тому, что именно там звучали благодарности за царскую помощь, этот банкет был задуман как кульминационный, важнейший.

Но москвиты явно восприняли его иначе: за столом не звучали тосты в честь царя и императора, которые царские дипломаты неизменно упоминали в своих отчётах как важные признаки статусного мероприятия, поэтому пир 24 августа Вельяминов и Власьев

⁵⁷⁷ ПДС, том 2, столбцы 329-334. Аудиенция намечалась «до стола по вашему обычаю». В Москве обильный приём алкоголя делал невозможным переговоры после пира, и Вельяминов с Власьевым переносили эти реалии на иноземную почву и боялись срыва аудиенции. Причину отмены пира в Праге назвали неправдоподобную: в империи не принято звать послов на императорские пиры (вопреки множеству свидетельств об обратном). Вероятно, неожиданная церемониальная уступка москвитам в последний момент была сочтена неуместной.

⁵⁷⁸ M. BYDŽOVSKÝ Z FLORENTINA, *Svět*, стр. 232. Вопрос лишь, до или после выдачи продовольствия дипломаты питались таким образом. Судя по всему, хронист получал сведения из первых рук. Он не только знал примерное содержание аудиенции Вельяминова и Власьева, но и располагал сведениями о том, что аудиенцию им назначили утром, так как «*Moskvané věci své přední a veliké ranním jitrem vyřizovati a vykonávati obyčej mají*».

⁵⁷⁹ ПДС, том 2, столбец 337.

⁵⁸⁰ «Петр Волф Розенберк» и «Ян Валистен». Оба гостя представлены как императорские «ближние большие люди Чешского Королевства»: Ibidem, столбец 338. Примечательно, что на самый важный из пиров отправился не специалист по Московии Даниэль Принц, а два чеха, один из которых, Петр Вок, никаких официальных постов не занимал и по сути был частным лицом. Но его надо было как-то «прблизить» к императору, так как пиры царских послов с частными лицами Посольский приказ мог счесть роняющими честь царя.

должны были воспринять как полуофициальное событие. Отмены и внезапные назначения банкетов можно интерпретировать и так, что у кайзера долго не могли решить, какого именно приёма достойны восточные гости.

В честь отъезда московской делегации хозяева дали сразу два банкета, в доме послов 15 сентября и на Граде – 17 сентября 1595 года, причём на последнем звучала необычная духовая музыка, которую дипломаты упомянули особо и именно под этим обозначением.⁵⁸¹ Таким образом, за месяц москвиты удостоились сразу пяти пиров разной степени важности. Это можно интерпретировать так, что статусная, репрезентационная роль имперских посольских пиров в случае с москвитами отходит на второй план: их и принимают в подчёркнуто скромной, по московским понятиям, обстановке, и не балуют вниманием императора. Значит, австрийцы не ставили задачу поразить воображение гостей, а пир сделали дополнением к посольским переговорам и источником информации; кроме того, он выполнял одну из своих основных функций – развлечения благородных, причём иногда подчёркнуто неформального, вплоть до того, что функции хозяев и гостей перемешивались.

Именно по этой причине императорские банкеты в честь царских послов «дублировались» вельможами, которые, к тому же, использовали императорские торжества в качестве модели и старались воспроизводить их церемониал.⁵⁸² Москвитов могли пригласить к себе и светские, и церковные вельможи, как было в Праге с посланником Лукьяном Новосильцевым: в его честь не дали императорский банкет, но провели несколько пиров у сановников. Там церемониал был несколько иным: дипломат везде сидел на главном, «большом месте», а хозяин, в отличие от императора, лично выходил встречать и провожать московского посла, как это делал пражский архиепископ Мартин Медек из Могельниц, позвав к себе Новосильцева.

Как ни парадоксально, московские послы порой видели в таких банкетах не почёт, а принижение достоинства царя. Они старались избегать таких приглашений либо принимали их с неохотой.⁵⁸³ В 1581 году посланник Яков Молвянинов, будучи позван на

⁵⁸¹ Редкий случай: само слово «музыка» проникает в русские посольские тексты, обозначая конкретный стиль игры: «*А в столе играли Цесаревы игрецы по мусикеи, а на дворе, перед окны Цесаревы трубники играли в сурны и в трубы и били по набатом*»: Ibidem, столбцы 358-360. Гости не названы по имени, из чего можно следует, что больших вельмож на сей раз не было.

⁵⁸² Подробнее об этом Pavel KRÁL, *Křtiny, svatby a pohřby. K vzájemné reflexi panovníckých a šlechtických přechodových rituálů ve druhé polovině 16. a první polovině 17. století, Šlechta v habsburské monarchii a císařský dvůr (1526-1740)*, Opera historica 10, 2003, стр. 439-456, здесь стр. 450.

⁵⁸³ ПДС, том 1, столбец 957. Новосильцев посетил двух архиепископов, папского нунция Германико Маласпину и посла короля Испании Гильена де Сан-Клементе лишь по настоянию Даниэля Принца: тот убедил москвиту, что эти приёмы даются по просьбе Рудольфа II. Неясно, так ли это. В документах Haus-

обед к дяде императора, эрцгерцогу Карлу II, остался недоволен неофициальным характером приёма, и не преминул пожаловаться, что сам Рудольф II всё же не позвал его за стол.⁵⁸⁴ Присутствие монарха как «центра тяжести» пира, безусловно, было важным для московских дипломатов.

В эпоху Грозного от неофициальных застолий московитов отталкивало и то, что они были опасны для карьеры, если не судьбы – и не только встречи с фигурами такой духовно-идеологической мощи, как католические архиепископы. Сугорский и Арцыбашев, пребывая в Регенсбурге, скрыли от Посольского приказа контакт с кардиналом Мороне.⁵⁸⁵ А гонец Афанасий Резанов, будучи в Праге, по данным итальянских *avviso*, встречался с известным авантюристом и якобы магом Иеронимо Скотто.⁵⁸⁶ В отчёте и наказе Резанова об этом нет ни слова, хотя это тот самый «итальянский граф» «Иероним Шкот», что просился на службу к Грозному.⁵⁸⁷ Дипломат ранга Резанова не был уполномочен на опасные для православного встречи с «колдуном», иначе это попало бы в документы: Скотто был известен Посольскому приказу. Поэтому пирушку явно инициировал сам Скотто с подачи австрийского двора, агентом которого он был, судя по этому казусу. Резанову, правда, этот *tête-à-tête* сошёл с рук.⁵⁸⁸

Замечу, что в конце 16 века подобные частные приглашения были нормой для «немцев», но не для русских.⁵⁸⁹ В московском обиходе ничего подобного ещё около столетия не

Hof und Staatsarchiv следы таких распоряжений не встречаются. Возможно, с помощью многочисленных пиров в Праге пытались влиять на позицию посла по Турции: на всех этих встречах прославлялись христианские добродетели Московии и совместная борьба против Высокой Порты.

⁵⁸⁴ Ibidem, столбцы 870-781. Молвянинов остался недоволен, что Карл II не спрашивал его о здоровье царя, как было принято на официальных встречах, хотя эрцгерцог лично встретил и проводил его.

⁵⁸⁵ П. Пирлинг, *Россия*, стр. 427. В статейном списке Сугорский доложил об этом крайне скупое, не просто не назвав Мороне, а вообще его «забыв». По версии дипломатов, 28 августа 1576 года (русская датировка) их навестили лишь некие «от посла папы Римского, от кардинала попы», а переводчиком был Принц: ПДС, том 1, столбец 695. Упомянуть перед Грозным высокопоставленного католического прелата Сугорский явно счёл слишком опасным.

⁵⁸⁶ Резанов «ужинал в обществе Скотто, которого называют здесь некромантом... и пили только мальвазию и испанские вина»: Документ из Biblioteca Apostolica Vaticana. Urbinates Latini, t. 1048, f. 337: «Sono cinque giorni, che gionse qua un Ambasciatore del Moscovito... et l'altra sera fu a cena col Scotto chiamato qui negromante, dove intervennero molti signori et fra li altri il Laschi Pollacco, sendo stati trattati alla grande, no vi si bevendo altro, che malvagia et vini di Spagna». Его цитирует Игорь ДУБРОВСКИЙ, *Новые документы по истории отношений России и Италии при Иване Грозном*, Русский сборник XIV, Москва 2013, стр. 24.

⁵⁸⁷ А Варкоч лично хлопотал о его приглашении в Кремль в 1591 году: ПДС, том 1, столбцы 1235-1237. Подробнее см. главу 4 настоящей работы.

⁵⁸⁸ Это косвенно доказывается тем, что со Скотто в Праге виделся и следующий гонец, Истома Шевригин, и тоже без санкции: Евгений ШМУРЛО (ред.), *Памятники культурных и дипломатических сношений России и Италии*, том 1, выпуск 1, Ленинград 1925, стр. 253. Если верить венецианскому послу Альберто Бадозеро, Шевригин восторгался Венецией и её мощью, но о своей миссии молчал: И. ДУБРОВСКИЙ, *Новые документы*, стр. 27. Надо согласиться с этим автором в том, что с помощью мага имперские стратеги пробовали «читать мысли» Резанова и Шевригина.

⁵⁸⁹ ПДС, том 1, столбцы 954-965. Ещё один признак того, что Московия после Ивана IV открывалась для веяний Запада: посетить сразу двух католических иерархов и побыть на службе в соборе Св. Вита – смелый шаг для Новосильцева. Сам по себе дипломат был осторожен: посещать папского нунция он сперва не

прослеживается. Такое ограничение не объяснить обычаем изоляции иностранцев: дьяки Посольского приказа иногда навещали имперских дипломатов, но никогда не звали их к себе.⁵⁹⁰ Из этого следует, что посол кайзера настолько однозначно воспринимался в Кремле как его репрезентант, что звать посла на пир мог лишь царь – единственная фигура в Московии, равновеликая императору.

Важным выражением «спектакля власти» была пространственная организация пира, в первую очередь расположение участников. В Праге и Вене видна совершенно иная рассадка, чем в Москве. В империи кайзер обычно сидел во главе стола либо за отдельным столом, но чаще на одном уровне с остальными гостями, редко на небольшом возвышении. Здесь есть почётные места, но не принято московское «многоэтажное» размещение, когда выше всех пирует монарх, затем высшая знать и послы, и ниже – прочие члены миссии и менее знатные дворяне. Важно и то, на чём именно сидят гости: в немецких землях используют стулья или кресла, а это «независимая» мебель, которая индивидуализирует участников; в Московии отдельное кресло или трон на пирах – прерогатива царя и царевича, реже митрополита. Остальные же пируют на лавках – все вместе, как неразделяемая взаимозависимая общность, символически, организационно и статусно противопоставленная обладателю кресла.

Сложная драматургия императорских пиров, которую принято подчёркивать в историографии, странным образом ускользает от описания москвитов: они её будто не замечали. Дипломаты почти не приводили в отчётах нестандартные или непонятные детали, хотя обычно это делали. Причин, видимо, две: во-первых, на пиршествах отсутствовал император, что явно упрощало обряды. Во-вторых, послы вряд ли знали габсбургский церемониал, а то, что они всё же замечали, могло быть куда скромнее кремлёвских обычаев. Не было, например, избытка роскошной посуды, так как в венском церемониале оно не подчёркивало величие императора, а отвлекало от его особы.⁵⁹¹

Другим разительным отличием имперских пиров, тоже не попадавшим в статейные списки, выглядит умеренное употребление алкоголя, но с традиционными тостами или «чашами» за potentатов обеих монархов. Особо отмечалось, что подают на застольях вина, а не мёд и не водку, привычные для русских. Конечно, обильное употребление

рискнул. Но видимо, оставшись без встречного пира, Новосильцев решил «взять числом» и посетить несколько менее значимых пиров, чтобы всё же обеспечить почести царю.

⁵⁹⁰ Вспомним, глава Посольского приказа Андрей Щелкалов навещил Варкоча, но звать его к себе не взялся. Сама структура московской власти, «царь и все остальные», не располагала к самостоятельности вельмож: при Грозном было опасно слыть политически самостоятельной фигурой.

⁵⁹¹ К. VOSELKA, *Život*, стр. 256. В отличие от царских застолий, на императорские допускались зрители, которые в них не участвовали, в полном соответствии с концепцией «спектакля власти».

спиртного не было свойственно одним только москвитам и служило к развлечению и имперской знати, но принимало у неё специальные и культурно разнообразные формы, будучи вынесено за скобки посольских банкетов.⁵⁹² Зато московские послы особо отмечали в отчётах, если чаша за царя пилась раньше, чем за императора или папу: они тщательно следили за этим, поскольку о такой почести должен был знать Посольский приказ.⁵⁹³

Из отчётов московских дипломатов также невозможно понять, что же подавали им на банкетах: никакие блюда и напитки, за исключением неуказанных вин, они не упоминают. Очевидно, Посольский приказ такие детали не интересовали. Примечательно, что принятые на австрийских пирах аллегорические блюда сложной символики, *Schaugerichte*, либо оставались незамеченными ввиду непонятности их символического языка, либо при москвитях не подавались: сложные кулинарные конструкции, не попадавшие на тарелки, а лишь украшавшие стол, неизменно должны были привлечь внимание, но никогда московскими гостями не упоминались.⁵⁹⁴

Последним важным отличием имперских пиров была музыка, которая на кремлёвских пирах не звучала. Московских дипломатов поэтому озадачивали ансамбли на банкетах кайзеров, и доходило до демаршей. На обеде 19 августа 1595 года посол Вельяминов потребовал прекратить музыку, так как русские были в трауре по царевне Феодосии. На это ему ответили: Рудольф II тоже в трауре по своему брату Эрнсту, так что музыка звучит духовная, а не развлекательная, «псалмы Давидовы и иные стихи Божественные». Москвиты довольствовались таким ответом, и больше протестов не было.⁵⁹⁵

VI. 2. Пир в Московии: спектакль власти среди золота и алкоголя

Церемониал московских пиров был не менее строгим и разработанным, чем при императорском дворе, и во многом похожим: это было сложное ритуализированное

⁵⁹² Подробнее о дворянских «клубах пьяниц» Václav BŮŽEK, *Pijácké zábavy na dvorech renesančních velmožů (Ambras – Bechyně)*, in: Václav BŮŽEK — Pavel KRÁL (ред.), *Slavnosti a zábavy na dvorech a v rezidenčních městech raného novověku*, Opera historica 8, 2000, стр. 137–161.

⁵⁹³ ПДС, том 1, столбец 956.

⁵⁹⁴ Тем более что в Москве такая традиция тоже была. В Кремле речь чаще всего шла о жареной птице, которой с помощью перьев и других средств придавался вид живой, но такие блюда несли минимальную символическую нагрузку и употреблялись в пищу, а не просто украшали стол.

⁵⁹⁵ Ibidem, том 2, столбец 336. Австрийцев, в свою очередь, удивляло обратное: «При этом торжественном пире музыка не играла, потому что у них это не в обычае», и звучал лишь колокол, что, видимо, укрепляло австрийцев во мнении о русской набожности: С. ГЕЙС, *Описание*, стр. 29. Музыка в Кремле наслаждались отдельно от еды: русские считали «гусли и всякое гудение» за едой грехом, так как «отыдут ангелы Божию от той трапезы»: И. ЗАБЕЛИН, *Домашний быт русских царей*, стр. 282. Музыка на имперских пирах звучит лишь во дворце, а на пирах в посольском доме музыкантов не бывает – ритуалы там заметно упрощались.

действие, каждый шаг которого пронизывался своей символикой. В обеих столицах пир предварялся богослужением или молитвой. В Московии тоже был аналог имперского обычая, когда высшая аристократия, и не только носители придворных должностей, прислуживала монарху на пиршестве. Хотя в первую очередь это делали десятки рядовых прислужников под командой знатных стольников или кравчих.⁵⁹⁶ Но представляется, что в Московии этот обычай был куда менее выражен: в целом же, князья и бояре были такими же участниками пиров, как и сам царь, пусть и менее статусными.

Это, однако, не говорило о равенстве участников: русские посольские пиры подчинялись законам иерархии и местничества, а ключевой их фигурой был царь, без которого всё собрание теряло смысл.⁵⁹⁷ Он сидел лишь за отдельным столом: ситуация венского пира, когда император занимал лишь почётное место за одним столом с архиепископом, папским нунцием и иностранными послами, была в Москве невысказана.⁵⁹⁸ Московский пир и надо понимать в первую очередь как заочную встречу двух монархов: царя, который всегда присутствовал лично, и императора, который «пировал» символически, в лице его эмиссаров. Отсюда ясно, почему на пиру в Кремле можно было видеть лишь «больших» имперских послов как полноценных репрезентантов кайзера, и их свиту, символически изображавшую императорский двор. Посланники и гонцы уже довольствовались кормом, то есть присланным продовольствием. Всё это вытекает из драматургии пиршеств, которые Иван IV и Фёдор давали в честь послов в конце 16 века.

Неслучайно каждый посольский пир открывался или завершался стереотипной сценой: в знак особого уважения царь подносил послу чашу с напитком, иногда и блюдо еды, причём о значении этого жеста дипломату объявляли тут же. Заметно, что жест этот был уже ритуалом без конкретного наполнения: чаша подносилась всем дипломатам и никак не характеризовала отношение царя к их монархам. Имперцы, видимо, это понимали: царское подношение всегда фиксировалось в отчётах, но никаких особых комментариев и эмоций не порождало. Любопытно и другое: далеко не все имперские послы упоминают тосты в честь Рудольфа II или Максимилиана II на русских застольях: тосты явно были, но это обыденное явление не всегда требовало упоминания.

⁵⁹⁶ Josef HRDLIČKA, *Jídelníček habsburských slavností*, in: Václav BŮŽEK — Rostislav SMÍŠEK (ред.), *Habsburkové 1526-1740: země Koruny české ve středoevropské monarchii*, Praha 2017, стр. 599.

⁵⁹⁷ Это касалось даже царя Фёдора, символической фигуры, от имени которой правил Годунов. С Грозным мог сидеть его сын Иван, но это было намеренное отклонение от ритуала, как и присутствие царевича Ивана в роли «второго царя» на посольских аудиенциях.

⁵⁹⁸ О таком расположении императора и его гостей упоминает J. HRDLIČKA, *Jídelníček*, стр. 598-599.

Московские пиры для австрийских послов проводятся заметно чаще, чем имперские – для русских. Из пяти больших миссий, которые прибыли из империи в Московию в 1576-1597 годах, минимум три были отмечены встречными и прощальными банкетами. Наиболее показателен встречный пир для Кобенцля и Принца 24

января 1576 года в Можайске: он был очень сложно и церемонно обставлен сразу по двум обстоятельствам. Во-первых, послов вынужденно принимали не в столице: в 1571 году Москву сожгли крымцы, и город ещё не восстановился. Пир, тем самым, поддерживал царский престиж после унижительного поражения, о котором гости хорошо знали.⁵⁹⁹

Во-вторых, в Можайске не было важнейшего репрезентационного инструмента царской власти – Золотой палаты Кремля, где Грозный часто принимал иноземцев. Это строение, с обилием золота и огромными фресками на библейские сюжеты, несло громадную символическую нагрузку, и было незаменимо. Оно провозглашало божественную природу власти Ивана IV, право Москвы на византийское имперское наследие,⁶⁰⁰ и отчасти новую культурную парадигму, намекавшую на встроенность возрождённой Руси в Европу.⁶⁰¹

Визуализировать все эти идеи сам по себе пир не мог. Но это сделали «декорации» пира, которые имитировали Золотую палату: как показывает анализ записок Кобенцеля и Принца, московские идеологи специально сымитировали соответствующий антураж в Можайске. По наблюдению Принца, деревянный дворец, где принимали миссию, был воздвигнут прямо к визиту «немцев»: зданий подобного масштаба явно не было в городке, куда иностранцев, к тому же, пускали редко. А обилия золота москвиты добились с помощью драгоценной посуды для застолья. Утварь свозили в Можайск возами, и как отмечали и Принц, и Кобенцель, немалое её количество просто выставили у столба в середине зала, поскольку посуде не было места на столах.⁶⁰²

Дипломаты столкнулись с важным обычаем посольского пира и не до конца поняли его смысл: это был так называемый царский поставец, который ставился у центрального

⁵⁹⁹ ПДС, том 1, столбец 515.

⁶⁰⁰ D. ROWLAND, *Architecture, image, and ritual*, стр. 61-62.

⁶⁰¹ Ольга ЧУМИЧЁВА, «Что есть аллегория?» *Смена культурной парадигмы в репрезентации верховной власти в Москве в первой половине XVI в.*, Русь, Россия, средневековье и новое время 6, Москва 2019, стр. 130-133, здесь стр. 133. В конце 16 века, впрочем, аналогичная функция переходит к более роскошной Грановитой палате, а Золотая утрачивает это значение.

⁶⁰² Д. Принц, *Начало*, стр. 55-57. Эту же посуду затем принесли в посольскую резиденцию к услугам дипломатов, у которых, тем самым, показная московская роскошь находилась перед глазами постоянно. Драгоценная утварь в Московии означала богатство в прямом смысле слова: она входила в казну и обычно хранилась вместе с деньгами и прочими богатствами, а не выставлялась напоказ. Вынос её на всеобщее обозрение был равносильен открытой демонстрации денег и драгоценностей.

столба и набивался золотой и серебряной посудой – не потому, что ей вдруг «не было места», а специально для демонстрации как можно больших богатств.

Такое интерьерное решение неслучайно: в семантико-аллегорическом ряду московской политической репрезентации символика богатства была для золота вторична. Основным смыслом золотого цвета, который доминировал в парадных одеждах, регалиях и обстановке potentатов, было уподоблять царя солнцу и через него Христу, что сакрализовало царскую власть.⁶⁰³ Дополнительно роскошь и богатство царского дворца демонстрировали участники пира, ставшие живыми декорациями – по подсчёту Принца, до ста служителей в дорогой одежде и порядка 200 бояр и дворян специально переоделись в меха.⁶⁰⁴ Грандиозность пира подчёркивалась его длительностью: если верить Кобенцелю, собрание длилось шесть часов, и это ещё не было рекордом.⁶⁰⁵

И Кобенцель, и Принц старались фиксировать московский церемониал, в отличие от московитов за рубежом. Оба подробно описали важный, с их точки зрения, обычай раздачи царских угощений. Это было верно понято ими как огромная честь, настолько, что оба посла дословно и точно транслитерировали русскую фразу, которой объявлялось, что этот кусок царь «подаёт» именно им: *«luuan oder Daniel, Czar y veliky knes podaye»*.⁶⁰⁶ Это очевидная попытка освоить язык чужого ритуала, в прямом и переносном смысле.

В описаниях обоих послов немало и картин, которые характеризуют их нелестное видение московитов как инокультурных «других». Даниэль Принц не без иронии сообщал: на столах было слишком много спиртного, но слишком мало приборов, так что оба посла пользовались одним ножом (причём чужим!) – факт, не улучшавший впечатление от московской застольной культуры.⁶⁰⁷ Коллеге вторил, уже без иронии, Кобенцель.⁶⁰⁸ Он же привёл куда более колоритную деталь, доложив о таком поведении Ивана Грозного: *«Der Grossfürst hat gewisslich in die Hundert oder mehrmall getrunken, uber jeden Trunkh... ein*

⁶⁰³ Золотой цвет доминировал в московской церемониальной практике именно в силу своей сакральности и религиозно-политического подтекста, как убедительно показал Евгений ПЧЕЛОВ, *Символика регалий российских государей: цвета и числа*, Вестник РГГУ 7, 2010, стр. 140-152, здесь стр. 141.

⁶⁰⁴ Д. ПРИНЦ, *Начало*, стр. 55. «Живые декорации» отчасти заменяли популярную в Кремле позолоту, нанести которую на выстроенный наспех деревянный (временный?) дворец было нельзя.

⁶⁰⁵ Варкочу, как уже отмечалось, однажды пришлось пировать как минимум десять часов.

⁶⁰⁶ Herrn Hanss Kobenzels von Prosseg, стр. 37.

⁶⁰⁷ Случай с ножом стал хрестоматийным в московитике. Единственный нож, который Принц с Кобенцелем нашли, они добыли у соседа-боярина. Зато алкоголя послам подносили столько, что выпивать всё они не успевали: Д. ПРИНЦ, *Начало*, стр. 55. Кобенцель же писал, что на другое утро, 25 января, приставы внезапно проявили заботу: зашли спросить о самочувствии послов после выпитого, и поинтересовались, способны ли те исполнять свои обязанности, или переговоры лучше отложить. Видимо, на пиру выпили много даже по русским меркам. Аудиенция, однако, прошла в тот же день: Herrn Hanss Kobenzels von Prosseg, стр. 39.

⁶⁰⁸ *«Der grösst Mangel, so bey der Tafel erschinen, ist dieser gewesen, das wir weder Teller, Servettein noch Messer zu Tisch gehabt»*: Herrn Hanss Kobenzels von Prosseg, стр. 38.

*gross Creuz gemacht; sein in Röckhen uber und uber mit Edelgestein und Perlein besetzt gesessen».*⁶⁰⁹ Вряд ли посол точно сосчитал, что царь выпил именно сто чаш, но образ получился правдоподобным и стереотипным одновременно: сплав «типично московской» роскоши, пьянства и набожности.

При этом образ вышел именно стереотипным, характерным для «другого»: нельзя сказать, что застольное пьянство не существовало в имперской культуре пиров. Более того, обычаи, которые подразумевали злоупотребление алкоголем, повторялись в империи и Московии почти точно, например, обычай пить до дна. Но если на русском пиру он означал в первую очередь уважение к особе, за которую пили, то у имперских дворян это могло быть разновидностью своего рода застольного спорта.⁶¹⁰ Пьянство при этом в равной мере осуждали обе культуры, но с оттенками, которые европейцу было трудно понять: в Московии, например, напиться допьяна на пиру не было позором: это означало, что лицо, давшее пир, исполнило свою обязанность гостеприимного хозяина, которому гость не смог или не хотел противостоять.

На пиру 30 октября (9 ноября) 1593 года в честь окончания второй миссии Никласа Варкоча московитам потребовались дополнительные средства для выражения тех же идей царского величия и статуса. Банкет теперь проходил в новом и самом престижном месте Московии – Грановитой палате Кремля, богато расписанной и вызолоченной. Золото, по традиции, доминировало в цветовой палитре пира: помимо золотой посуды, в одежде такого же цвета и с золотыми цепями были чашники и стольники. Выбор Грановитой палаты был неслучаен. Это самое обширное и богатое строение Кремля; недавно, при царе Фёдоре и по инициативе Годунова, оно было расписано ветхозаветными сценами и портретами всех московских правителей на золотом фоне.⁶¹¹ Мотивация Годунова ясна: австрийцы должны были увидеть аллюзию на сильных царей Ветхого Завета и убедиться в древности и знатности Рюриковичей, не уступающих Габсбургам.

Это впечатлило адресатов, но видимо, только эстетически: Варкоч ведь уже знал, что московский дом остался без наследников и фактически обречён – и по иронии, именно в этой миссии Кремль начал прощупывать почву насчёт династического альянса с Габсбургами. Чего Варкоч и его спутники не знали, так это то, что они и сами стали частью впечатления от пира, и незаметно для самих себя. Пир в Грановитой палате был «спектаклем власти» в буквальном смысле: зал для пиров был оборудован тайником –

⁶⁰⁹ Ibidem, стр. 37.

⁶¹⁰ J. HRDLIČKA, *Hodovní stůl*, стр. 235-236.

⁶¹¹ И. ЗАБЕЛИН, *Домашний быт русских царей*, часть 1, стр. 170.

украшенной комнатой с небольшим окном. Царица и её приближённые тайно наблюдали оттуда за диковинно одетыми иностранцами и за застольем, куда они не допускались.

Сцена спектакля была обставлена так: царь Фёдор сидел за золотым столом с золотой и серебряной посудой и посреди одетых в золото слуг с золотыми цепями поверх костюмов. Варкоч, как представляется, был усажен перед царем отдельно, а сын посла Ганс и имперские дворяне были посажены рядом и напротив него, на одном уровне с московскими сановниками. Это довольно точно имитировало вертикальную рассадку на аудиенциях (выше статус – выше кресло), и символически встраивало посла в жёсткую русскую иерархию.⁶¹² Таким образом, на пиру император, олицетворяемый послом, и царь оказывались рядом, символически равными друг другу. Одним ходом москвиты и возвышали посла, и принижали его императора до уровня московского великого князя.

Здесь сразу возникает вопрос, где именно сидел Варкоч на пиру: русские и австрийские источники здесь расходятся. Между тем, это важно установить точно, поскольку перед нами редкий московский посольский пир конца 16 века, описанный в трёх источниках сразу. Это даёт шанс понять, каким статусом был наделён посол, и как элиты двух держав воспринимали свои взаимоотношения. Сам Варкоч пишет лишь, что сидел за столом вместе с прислужниками («*Diener*») – имеются в виду, конечно, не слуги, а знатные москвиты, которые его потчевали. И вероятно, это был отдельно стоящий стол, выделенный специально Варкочу: посол употреблял фразу «*ahn meier taffl*».⁶¹³

По записям же Посольского приказа, гостям выделили «*кривой стол*», то есть не главный, а примыкающий к основному или основным, к «*большой лавке*», где сидели наиболее знатные гости.⁶¹⁴ В этом случае выходит, что Никлас Варкоч сидел на одном уровне с русскими гостями и значит, занимал менее почётное место, чем многие из них.

Секретарь Гейс, третий очевидец, дал самое подробное описание и утверждал несколько иное: делегация получила отдельный стол по левую руку от Фёдора, куда был усажен и князь Хилков, который обслуживал гостей. При этом Варкоч сидел чуть поодаль от своих дворян, что должно было подчеркнуть его главенство над ними, отдельность: сидеть возле царя было куда престижнее, чем за столом, примыкающим к столу бояр.

⁶¹² В. Ключевский, *Сказания*, стр. 60. По русским данным, царь Фёдор сидел на возвышении, ниже – Годунов, ещё ниже – бояре и рынды: ПДС, том 1, столбец 1354.

⁶¹³ Relatio, лист 35. Варкоч не пишет, кто были эти «*diener*», но его секретарь Гейс точно называет среди них князя Андрея Хилкова и приставов.

⁶¹⁴ ПДС, том 1, столбец 1354. Термин «*кривой стол*» неточен сам по себе, и истолковывать его приходится, исходя из общих представлений о русском быте, который кардинально не отличался с повышением социального статуса. В общих чертах царские палаты были устроены так же, как и крестьянские избы, с рассадкой вдоль стен и строгой иерархией мест от самых почётных к непрестижным.

Предположительно, Гейс тут точнее описал расположение делегации, чем Посольский приказ: семантика русского термина «кривой стол» в данном случае не соответствует расположению Варкоча и его товарищей, так как стол возле самого царя нельзя назвать низкостатусным или приставным. О высоком почёте Варкочу говорят и другие знаки: посол получил «подачу», то есть специальное угощение от Фёдора, сразу после двоюродного брата царя, Фёдора Романова. А на протяжении всего обеда монарх присылал австрийцам то куски белого хлеба, то разные напитки, в том числе в посуде, инкрустированной бриллиантами.⁶¹⁵ Как видим, положение любого дипломата на кремлёвском застолье едва ли могло быть выше, хотя такой вывод и следует из анализа скорее двух австрийских источников, чем русского.

Показательно здесь, что «многоэтажная» рассадка была для обеих сторон относительно новой. Цари сидели выше всех всегда, но промежуточный «этаж» мог понадобиться с конца 1580-х годов для Бориса Годунова и возможно, его близкого окружения. По московским канонам, расположение Бориса на пиру должно было отражать его исключительный статус: в роли регента со статусом слуги государева он стоял выше всех прочих бояр и дворян, но ниже царя.

В пользу этой версии говорит то, что подобную рассадку не отмечали ни имперские послы при Грозном, ни тем более московские послы на пирах Рудольфа II: в обоих случаях все, кроме монарха, пировали на одном уровне. Вертикальная рассадка в империи тоже была, но не на пирах, а при более важных событиях, например, на коронациях.⁶¹⁶ Кроме того, рассадка в форме пирамиды выглядела внушительнее, и потому была испытана. В Москве, следовательно, шли эксперименты с церемониалом: чем быстрее угасала династия Рюриковичей, тем более пышный декорум требовался для возвышения царского статуса. Вышеупомянутая свежая роспись Грановитой палаты Кремля, замечу, преследовала ту же репрезентационную цель.

Как воспринимали этот спектакль европейцы? Внимательный Варкоч эту «пирамиду» отметил и понял её смысл: он особо указал, что *«herr Grossfürst»* сидел за отдельным столом и повыше, а четыре длинных стола (некоторые – для князей и бояр) стояли на разных уровнях с тремя другими. За одним из этих трёх столов пировал и Годунов вместе с другими ближайшими советниками монарха – значит, эти три стола стояли выше, чем

⁶¹⁵ С. Гейс, *Описание*, стр. 27-29.

⁶¹⁶ Так было при коронации Карла V римским королём: Václav BUŽEK – Rostislav SMÍŠEK, *Volba Karla V. římským králem*, in: Lenka BOVKOVÁ – Mlada HOLÁ (ред.), *Lesk kralovského majestátu ve středověku*. Pocta Prof. PhDr. Františku Kavkovi, Csc. k nedožitým 85. narozeninám, Praha 2005, стр. 126.

первые четыре.⁶¹⁷ По одежде царя, которую описал Варкоч, можно было сделать вывод о благосклонности московитов к гостям: на Фёдоре неспроста красуется «*ein weissen silberstuckenen Rock*». Символика эта говорит о благосклонности царя: светлые тона серебра, и особенно белый цвет одежды на царском пиру говорили о дружелюбии к гостю и миролюбии.⁶¹⁸

Место пира Варкоч описал неточно: ему кажется, что это был «*ein machtig gross und holz Palatium*», но собрание проходило в каменной Грановитой палате: возможно, дипломат был дезориентирован при проходе или просто привык к деревянным зданиям, которые были для него типичной московской нормой. Всё здесь было иным, чем дома: комнаты, например, оказались без привычных Варкочу обоев, «*mit keiner Tapezerey*», зато расписаны всеми красками, а своды ещё и богато вызолочены, что посла впечатлило.⁶¹⁹ В реляции так создаётся образ экзотического места, совершенно не похожего ни на что виденное, своего рода «анти-Европы», и это лишний раз подчёркивает необычность пира. Обилие золота и серебра вообще бросается в глаза: на этот раз драгоценную посуду выставили не только в пиршественном зале, но и в комнате перед ним.⁶²⁰ Что касается самого пира, где звучали здравицы в адрес двух монархов, Варкоч не обошёл молчанием многочасовые возлияния, из-за которых пир завершился глубокой ночью.⁶²¹

Секретарь посла Стефан Гейс рассадку и остальной пир тоже подробно описал, и единственный из всех сообщил о диковинном льве из серебра в натуральную величину, которого принесли в помещение. Гейс поразился и центральному столбу комнаты, где был традиционный поставец с драгоценной посудой: «*В Германии, пожалуй что, и не поверили бы*»; цель демонстрации секретарю ясна: удивить немцев богатством. Вообще,

⁶¹⁷ Relatio, лист 35.

⁶¹⁸ И. ЗАБЕЛИН, *Домашний быт русских царей*, часть 2, стр. 906. Варкоч мог и не понять эту символику, но в Кремле всё же добились того, что внимание на царский наряд он обратил. Есть, однако, сведения, что в Европе белый цвет царских одежд интерпретировали именно так: В. КЛЮЧЕВСКИЙ, *Сказания*, стр. 59. Светлые с серебром одеяния, гармонирующие с жемчугом на шапочке и сорочке, увидел и С. ГЕЙС, *Описание*, стр. 27.

⁶¹⁹ Ibidem. Упоминание Варкочем позолоченных расписанных сводов («*das gewelbe starck vorguldt, darauf allerley farbenn Malwegk*») уже наводит на мысль о каменном, а не деревянном строении: Relatio, лист 35.

⁶²⁰ Варкоч, как обычно, точен: Посольский приказ тоже сообщал, что поставцы стояли «*в полате у столба*», а серебряные блюда и огромные чаши — «*в сенех перед полатой*». Такие сосуды просто нельзя было не заметить, на что и делался расчёт: ПДС, том 1, столбец 1354.

⁶²¹ Relatio, лист 35, обратная сторона. Дипломатичный Варкоч дал понять, что его тяготило обилие алкоголя. Пир начался, как пишет посол, в середине дня (видимо, около полудня по немецкому счёту), и завершился в три часа ночи, то есть, шёл около двенадцати часов, если посол не ошибается. Учитывая обилие спиртного на кремлёвских застольях, такое было тяжело выдержать. Варкоч, однако, выдержал: случаи, когда посол напивался допьяна, русские всегда фиксировали, как это было с чешским эмиссаром Сигизмундом Саркай в 1503 году и австрийской делегацией в 1656 году. О Варкоче же таких сообщений нет. Если посла удавалось напоить, это означало, что московиты, по их понятиям, не только его победили («перепили»), но и показали себя прекрасными хозяевами, так как хорошо попотчевали гостя. Московский пир, следственно, тоже отчасти был ритуальным противоборством гостей и хозяев.

описание роскоши интерьера крайне подробно и занимает у секретаря не одну страницу – видно, что обилие и золота, и «превосходного» алкоголя глубоко его впечатлило. Со спиртным связана ещё одна необычная сцена, в которой австрийцы прикоснулись к ритуалам «другого»: к концу пира им поднесли большие чаши, из которых они с готовностью пили по-русски вкруговую (по очереди).⁶²²

Но поразило немцев и другое. Если Кобенцель и Принц с трудом добыли на пиру нож, то секретарь Варкоча не удержался от иронического комментария о посуде: при таком-то богатстве немцам не дали вдоволь тарелок, чтобы поесть, так как ими мало пользуется даже великий князь.⁶²³ Эффект от обилия золота, таким образом, был подпорчен важным культурным различием, которое в глазах австрийцев превратило москвитя в богатого варвара, инокультурного «другого», который не знает приличий. Но то, что Гейс и Принц сочли отсталостью, было жестом гостеприимства, смысл которого оба не поняли. Есть из одного блюда на пиру русской знати было как знаком дружелюбия и общности (но не равенства), так и почестью для того из едоков, кто был ниже по званию.⁶²⁴ «Немцам», тем самым, выражали расположение, а они этого не осознавали.

Третий из пиров, тот, что был устроен послу Аврааму фон Доне в честь отъезда летом 1597 года, тоже был обставлен весьма торжественно. Вертикальная рассадка не упоминалась, но видимо, царь Фёдор снова сидел выше остальных. Его статус и богатство были отражены и иначе. Царь восседал за отдельным столом в одеждах, украшенных жемчугом, а действие вновь проходило в статусной Грановитой палате.

Что наиболее интересно, статус фон Доны тут выглядел неоднозначно. В отличие от Варкоча, он не получил престижного расположения возле царя, и должен был делить с товарищами лавку на далеко не почётном месте – за «кривым» столом. И на этот раз не находится упоминаний, что этот стол стоял отдельно либо поблизости от Фёдора.

Рассадка, как всегда, происходила в соответствии с иерархией, но уже горизонтально. Русские документы упоминают, что товарищ посла Георг Каль и посольские дворяне сидели «под» ним – но не буквально: в данном случае это означает «на менее почётных

⁶²² Гейс явно не испытывал особого дискомфорта ни от обилия медов и вин, которые хвалил, ни от чаш, которые «*были такими большими, что одному едва было под силу поднести их ко рту*». В отличие от Варкоча, Гейс упоминает и золотую роспись, и пол Грановитой палаты с богатой резьбой, который ему понравился, и четыре серебряных люстры: три по 4 свечи и одна, над царём, на 12 свечей. Особое удовольствие ему доставило прощание, с его потрясающей драматургией. В темноте кремлёвские служители с огромными свечами и факелами провожали делегацию домой в сопровождении стрельцов с пищальями: С. Гейс, *Описание*, стр. 28-29.

⁶²³ Ibidem, стр. 26-27. Неясен смысл замечания: царь Фёдор, по традиции, сидел и ел один, а значит, свою тарелку ни с кем не делил. И Гейс вряд ли имел другой шанс видеть, как монарх ест каким-то иным образом.

⁶²⁴ И. ЗАБЕЛИН, *Домашний быт русских царей*, часть 2, стр. 910.

местах», ближе к краю стола. Такая рассадка дипломатов, однако, не была жестом неуважения. Их угощали и поили специально назначенные сановники, а «подачу», то есть особое царское угощение, бургграф получил довольно рано – как и Варкоч, сразу после двоюродного брата царя Фёдора Романова.⁶²⁵

Рассадку, следственно, могла определить расстановка столов в этом конкретном случае. Не самое престижное место за столом фон Дона мог занять не только вследствие того, что почётные места строго распределялись между царским окружением, но и вследствие своего иноверия.⁶²⁶ Не исключено, впрочем, что так москвиты выразили своё неудовольствие ходом миссии, в итоге безрезультатной, и чрезмерным напором и постоянными претензиями фон Доны – показать это Посольскому приказу было, видимо, важнее, чем снова подчёркивать статусное равенство царя и кайзера.

К концу 16 века и в Москве мы видим угощение посла на его квартире по имперскому образцу – но возможно, то был пир, не задуманный так, а сымпровизированный на ходу. В честь второго приезда Варкоча ему и свите не устроили застолье в Кремле, но принесли 150 блюд на серебре. Правда, в отличие от имперского банкета, это называлось не царским пиром, но лишь угощением, которое Фёдор пожаловал лично. Тем не менее, вместе с дипломатами угощались кравчий царя князь Андрей Телятевский и «некоторые москвитяне». Причём текст источника оставляет ощущение, что они присоединились к трапезе не сразу, а позже и внезапно: сперва они просто доставили еду и напитки.⁶²⁷ (Редкий элемент спонтанности среди московского церемониала). Возможно, москвиты остались верны своей практике воспроизводить зарубежные обычаи, из принципа взаимности или из интереса к иностранным обычаям при Годунове, так как при Грозном такого в отношении имперцев не наблюдалось. Что ещё вероятнее, русских пригласил к столу Варкоч: московские ограничения его не сдерживали, тем более что на своей квартире он был хозяином положения.

⁶²⁵ То, что Варкоч и фон Дона получили подачу в одном и том же порядке, говорит о стабильно высоком месте, которое в Кремле установили для австрийского дома и отношений с ним. Знатность фон Доны и размах его миссии потребовали от хозяев и другой чести: после пира на дом послу доставили напитки, что бывало не всегда: ПДС, том 2, столбцы 575-580.

⁶²⁶ Ibidem, столбец 579. Рискну предположить, что посла-католика не сажали на «большую лавку», так как в русском быту она ставилась в «красном углу» или возле него — то есть, прямо под иконами. Это место особо почиталось православными и отводилось, в частности, священникам; вряд ли туда посадили бы иноверца в обход православных сановников.

⁶²⁷ С. Гейс, *Описание*, стр. 18. Кравчий заведовал застольями и столовой прислугой дворца. Нельзя пройти мимо Телятевского, знатного дворянина (с 1599 боярина) который был в фаворе у Годунова и потом ведал угощением следующего посла, фон Доны. Услуги такого придворного, да ещё и царского кравчего – почесть для любого имперского дипломата.

Обращает на себя внимание, что австрийские дипломаты, как и москвиты, почти не описывали в подробностях, что они ели и пили на банкетах. Подобные описания ценны, в первую очередь, мнениями европейцев о Московии и русских вообще: сами по себе меню посольских пиров хорошо известны из русских источников. Наиболее детально европейцы описывали напитки, и выше всего ценили мёд, поражаясь его разнообразию и качеству.⁶²⁸ Но вот кухня их не впечатляет – более того, она служит укреплению «образа другого»: австрийцев интересует не само меню, а любые несходства в пище и обычаях. Гейс упоминал лишь некую выпечку вроде жареных пирожков-пряженцев, причём не с гастрономической, а с ритуальной точки зрения. Пряженцы подали стольникам от царского имени, и австрийцы восприняли это и как кульминацию обеда, знак его завершения (еду после этого со столов убрали), и как подкрепление нарратива о всевластном царе-деспоте.⁶²⁹

Принц, в свою очередь, описал жареных лебедей с луком, которыми открывались царские пиры, но мельком – в связи со своим анекдотом о ноже. Зато он удивлялся, что русские используют солёные сливы на манер лимонов в Европе, с жареным мясом – и якобы лишь потому, что так привык делать «великий князь», который из милости жалует эту закуску своим подданным на пирах. Два нарратива, деспотизма и отсталости-инаковости, слились здесь у Принца воедино; но кажется, «специалист по москвитам» намеренно сгустил краски, увидев для этого шанс: солёные сливы появились в Кремле задолго до Ивана IV и употреблялись потом ещё очень долго.⁶³⁰

VI. 3. Корм: инструмент репрезентации, кнут и пряник

Слово «корм» в 16 столетии означало в русских землях одновременно готовую пищу, съестные припасы и угощение, и без знания этой этимологии сложно понять тот набор функций, которые выполняло в Московии централизованное снабжение иностранных дипломатов продовольствием. Средство это было сугубо московское: даже когда в Праге или Вене царским послам приносили на дом еду и вина, это угощение не было в такой степени институционализировано и не решало для империи важных политических задач.

⁶²⁸ Это особенно ценно, так как мёд или медовуха делались тогда и в Европе и были известны, следовательно, особой экзотикой они не должны были считаться.

⁶²⁹ Гейс с иронией заметил: стольники были так рады, «как будто Бог посылает им в награду с неба что-нибудь особенное» — явное указание на то, что в империи подобных обычаев не водилось, иначе для Гейса это было бы обычное дело, а не повод для иронии: С. Гейс, *Описание*, стр. 29.

⁶³⁰ Д. Принц, *Начало*, стр. 56. Солёные сливы, может, и были любимым лакомством Грозного, но в русской кухне были традиционны: и в 18 веке, с проникновением европейской кухни, при царском столе держали огромные их запасы: И. ЗАБЕЛИН, *Домашний быт русских царей*, часть 1, стр. 116.

Корм можно интерпретировать и как важное средство саморепрезентации царской власти, символ его богатства и щедрости – в чём-то более важного, чем пир, в силу его большей «аудитории». Поэтому жалоба посла на скудное питание могла вызвать скандал и дать повод для беспрецедентных уступок: когда бургграф фон Дона в 1597 году пожаловался в Кремль на плохой корм, ему не только улучшили рацион, но и заменили приставов, которые провинились, так как «делали не по Государеву указу».⁶³¹

Выдача продуктов дипломату была специфически московским обычаем, который не был «своим» в империи, хотя иногда там копировался. В Европе обычай кормить дипломатов в дороге был далеко не общепринят, но иногда пражские или венские чиновники шли навстречу царскому эмиссару и снабжали его едой и напитками. Никлас Варкоч, опекавший в Праге своих московских визави Вельяминова и Власьева, прямо сказал им, что обычая кормить дипломатов в империи нет.⁶³² Тем не менее, и в их случае императорские придворные проявили гибкость. Европейские же послы к Габсбургам продовольствия не получали и покупали его сами, жалуясь на дороговизну привычных блюд и напитков, включая вино, хотя на встрече послов с чиновниками императора вопрос о еде не поднимался вовсе.⁶³³ Исключение для москвитов явно делалось ввиду их настойчивости: они считали свои обычаи универсальными и всегда требовали в посещаемых землях корм и транспорт, из-за чего им иногда шли навстречу.⁶³⁴

Главной чертой московского корма было его нарочитое изобилие: таким образом, задача была не столько накормить, сколько продемонстрировать гостеприимство и богатство. Кобенцель писал, что корма, выданного его делегации, хватило бы не на 30, а на 300 человек.⁶³⁵ Варкоч, который в первый приезд в 1589 году остался без пира, к своему удивлению получил на дом «188 блюд на тяжёлых старинных тарелках из чистого золота, и столько же кубков и чаш из чистого золота».⁶³⁶ Даже в конце 16 века, когда Московия была на грани голода, делегации получали рацион, который заведомо не

⁶³¹ ПДС, том 2, столбец 471.

⁶³² Ibidem, столбец 335.

⁶³³ Pražské zkušenosti člena diplomatické mise. Pierre Bergeron, 1600, in: Eliška FUČÍKOVÁ (ред.), *Tři francouzští kavalíři v rudolfínské Praze*, Praha 1989, стр. 43.

⁶³⁴ Царских послов иногда снабжали продуктами и по пути в империю, например, в Польше и Пруссии: ПДС, том 1, столбец 668.

⁶³⁵ Письмо Иоанна Кобенцеля, стр. 142. Из чего, кстати, видно, что в миссии было 30 человек, немалое число.

⁶³⁶ J. POLIŠENSKÝ, *Poselství*, стр. 96. Всё это предназначалось, очевидно, одному Варкочу, а не делегации: за весь этот пассаж посол не упоминает своих коллег – как минимум сначала он мог угощаться без них.

успевали употребить, хотя русские точно указывали, кому что адресовано: царские блага изливались строго в соответствии с иерархией членов посольства.⁶³⁷

Корм успешно использовался Посольским приказом и для давления на имперских дипломатов, что испытал на себе ещё Герберштейн, во времена которого свободное передвижение послов и покупка ими припасов уже запрещались.⁶³⁸ Соответственно, резкое сокращение рациона ухудшало условия жизни и работы всей делегации. Ярче всего это проявилось, когда посланник Фердинанда I Иеремия Гофман был лишён корма за отказ императора признавать царский титул Ивана IV.⁶³⁹ Предположительно, несколько дней Гофман жил впроголодь, хотя судя по тому, насколько нехарактерна такая практика для хлебосольного московского двора, посланник мог и преувеличить. Возможно, истина посередине. Гофман преувеличил своё голодание, но паёк ему вправду урезали: жёсткое обращение с послами характерно для Грозного, который с трудом добивался европейского признания своего царского титула, но особенно стремился к этому на первом, удачном этапе Ливонской войны.

В правление царя Фёдора корм обретает дополнительную важность, так как начинает подменять собой пиры для имперских послов: в этом случае Посольский приказ фиксировал, что корм выдавался «*в стола место*».⁶⁴⁰ Московский корм в этом случае обязательно полагался послам и посланникам, тогда как гонцам вместо еды выдавали деньги, а агентов могли не снабжать вообще.⁶⁴¹ Именно в этот период встречаем неожиданные исключения из правила, и опять в отношении имперцев: эмиссарам Габсбургов разрешали частично отказываться от корма и обеспечивать себя едой самостоятельно. Фон Доне, когда он пребывал в Смоленске, выдали особое разрешение закупать еду на рынке: такое снисхождение было крайне редким.⁶⁴²

⁶³⁷ ПДС, том 2, столбец. 185. При третьем отъезде из Москвы Варкоч в день получает: 2 дорогих калача, блюдо икры, много рыбы (лещ, щука, осетрина), суп и закуски из неё, 30 яиц, масло, крупу, соль, сметану, лук и чеснок, четверть ведра уксуса, ведро медовухи («мёду») и 2 ведра пива. Трём дворянам посольства выдан менее дорогой хлеб, меньше рыбы и закусок и по ведру вина и пива (яиц, круп и сметаны им не дали). Незнатным членам посольства (их 27) выдано 14 порций недорогого хлеба и 26 блюд икры и рыбы на всех. Разделение по статусу на этом не кончается. Из этих 27 человек 9 «лучших» получают по полведра меда и пива, 18 «остальных» – лишь по полведра пива. Порции алкоголя велики: ведро – это мера в 12,3 литра, то есть одному только Варкочу полагалось целых 37 литров напитков.

⁶³⁸ С. ГЕРБЕРШТЕЙН, *Записки*, том 1, стр. 535. Самовольная покупка еды послом символически унижала царя: она означала, что он не может выполнить свою обязанность хлебосольного хозяина, хозяйство царя плохо устроено, либо за его грехи земля наказана неурожаем.

⁶³⁹ Реяция И. Гофмана, стр. 135.

⁶⁴⁰ ПДС, том 1, столбец 1269. Так поступили с Варкочем в его второй приезд в 1593 году. Очевидно, это была попытка повысить статус царя в глазах имперцев, которых в остальном встречали благосклонно.

⁶⁴¹ Так было и с гонцом Шелем в 1598 году: *Ibidem*, столбец 1465.

⁶⁴² *Ibidem*, том 2, столбец 651. С неуживчивым фон Доной у москвитов вообще было больше всего проблем, так что возможно, ему пошли навстречу, чтобы избежать вредных для царской репутации скандалов.

Подводя итог, отмечу, что дипломатические пиры были одной из самых несхожих церемониальных систем немецко-европейской и московской посольских культур, если не считать ритуала встреч. Это лишний раз подчёркивалось тем, что пиры служили не только для саморепрезентации двора, но и для того, чтобы впечатлить оппонентов и получить от них информацию, особенно в Москве. Ритуалы кремлёвских застолий несколько не уступали габсбургским по сложности, а подчас их превосходили; в силу длительности и инаковости пиры становились испытанием для иностранцев.

У застолий в империи и в Московии были общие черты: и там, и тут пир часто служил продолжением либо преддверием встречной аудиенции. Ни в Праге, ни в Москве от пиров не ждали практических результатов или дипломатических прорывов, но на этом сходство часто заканчивалось, и начинались различия.

Московская посольская трапеза не была ни знаком расположения к послу, ни специальной почестью или наградой. Никлас Варкоч был частым австрийским гостем в Москве, завязал там самые тесные контакты и выполнял важнейшие задания двух правительств. И всё же за три миссии он лишь однажды удостоился встречного или прощального банкета.

Пиршество в Кремле – всегда утрированный спектакль, где всего слишком много: убранства, посуды, спиртного, еды, условностей. Даже участники становятся его декорациями, экспонатами (и обряженные в меха одинаковые бояре, и сами австрийцы, которым царские родственники дивятся через тайное окно). Его главная функция – подчинять и поражать иностранца, который тут принадлежит себе ещё меньше, чем на аудиенции или встрече, а наслаждаться едой и напитками часто не может или не хочет. Надо признать, что во всех случаях Посольский приказ с этим справлялся: послы не только получали неизгладимое впечатление, но и символически встраивались в московскую иерархию и культуру, подчиняясь её нормам.

Московия долго нуждалась в этом: посольский пир был одним из немногих средств, с помощью которых её потентаты воздвигали ореол «сияющего центра» (*glowing centre*), как Клиффорд Гирц называл место, где ключевые институты и идеи общества соединяются в символическое и реальное средоточие его власти и влияния.⁶⁴³ Ведь

⁶⁴³ Clifford GEERTZ, *Centers, Kings and Charisma: Reflections on the Symbolics of Power*, in: Sean WILENTZ (ред.), *Symbolism, Ritual and Politics since the Middle Ages*, Philadelphia 1985, стр. 14. Задача создать такой центр была тем актуальнее, что царизм как политический строй и идеология как раз при Грозном и зародился, отчаянно ища новые средства репрезентации и политической коммуникации и испытывая все доступные средства, от дипломатических до карательных. Рискну предположить, что на репрезентационном уровне и опричный террор Ивана IV был отчасти средством новаторского и страшного «спектакля власти», ритуализированной демонстрацией символического всевластия царя, одержимого мессианством и уподоблявшего себя Богу. Этот спектакль периодически повторялся, и значит, ритуализировался. Средство

арсенал подобных средств в Московии и должен был быть предельно демонстративным, ориентированным на чувственное и пространственное восприятие ограниченного числа факторов («царь и антураж вокруг него») – за отсутствием выраженной и «транскультурной», понятной Европе политической философии, идеологии и пропаганды.

Но к концу 16 века московские «церемониймейстеры» или начинают отказываться от пиров для имперских дипломатов, или не хотят проводить их чаще. Предположительно, это средство перестало достигать заданной цели – поражать богатством. А в силу своей закрытости царские пиры были самодовлеющими церемониями и плохо работали и на внутримосковский «спектакль власти»: участники сами же и были зрителями. Что до эффективного отражения этих действий в сознании имперских элит, в Москве вряд ли имели об этом представление – тем более что на практике эти пиры, с их многочасовым спаиванием и «варварскими» обычаями, тяготили имперских послов.

Если кремлёвские банкеты и оказывали на что-то мощный эффект, то в первую очередь на укрепление стереотипов, «образа другого» у европейцев: именно он доминирует в австрийских источниках, и вот почему. В первую очередь, совокупность структурных элементов и антуража царских пиров подкрепляла имперские нарративы всевластия царя-деспота и сказочно богатой, но варварской и непонятной земли: как было показано, нарративы эти раз за разом всплывают в реляциях и эго-документах габсбургских эмиссаров в связи с пирами. В этом смысле московские застолья не достигали цели: в итоге «образ другого» работал против Московии, отчуждал, а не сближал; что касается богатства напоказ, то именно Габсбурги хорошо научились пользоваться плодами таких демонстраций, как показывает история меховой посылки.

Имперские пиры для москвитов, на этом фоне, оставляют впечатление едва ли не открытости и эгалитарности – конечно, ложное: простом они куда больше, чем кремлёвские, похожи на развлечение для знатных людей, в чём-то свободных и даже равноправных за столом. Главная загадка здесь – отсутствие ключевой фигуры, кайзера. Трудно прийти к однозначному выводу, почему кайзеры не пировали с московскими послами, хотя европейские дипломаты нередко удостоивались от них такой чести. Это самое яркое различие в пиршественных церемониалах двух монархий, и его не ни объяснить политическими причинами, ни извечной закрытостью габсбургских владык и

это было адресовано внутреннему, русскому зрителю и одновременно участнику: в империи такая саморепрезентация имела ровно обратный, шокирующий эффект, в отличие от русских пиров, поражавших дипломатов. Приведённая выше фраза Гейса о том, что в Германии не поверили бы такой роскоши, да и таким нравам – квинтэссенция мнений имперских эмиссаров о кремлёвских пирах.

их нараставшей недоступностью, в том числе для ближайшего окружения.⁶⁴⁴ Даже в конце 1590-х годов, на фоне тёплых отношений и гигантской меховой посылки от Годунова, имперские стратеги предпочли дать в честь московитов беспрецедентные пять пиров за один визит, лишь бы ни на одном из них не появился Рудольф II.

Причину стоит поискать среди культурных и идеологических факторов: чуждая ориентальная Московия, далеко уступающая империи по статусу и мощи своего монарха, воспринималась настолько «другой», что не все европейские дипломатические нормы и ритуалы были к ней применимы. Напрашивается парадоксальное допущение: с позиции императорского двора, самого блестящего в Европе, окружение царя вообще не считалось настоящим двором, настолько разительно они отличались.⁶⁴⁵

Конечно, и в Кремле это была та же ограниченная, но не закрытая группа людей, особо близких к монарху.⁶⁴⁶ Но абсолютная власть царя, ничем не уравновешенная, и его богоподобный статус автоматически и одинаково принижали и дворян, и бояр. Неслучайно лишь мало кто из западных гостей различает категории московских придворных, за исключением должностных лиц, с которыми они имеют дело; царская свита кажется им монолитной массой высокопоставленных подданных в парче и мехах.⁶⁴⁷

Кроме того, в Московии ещё только формировалась важная для двора структурная черта — обычай привлекать высшую аристократию для нейтрализации её политического потенциала ценой близости к фигуре потентата.⁶⁴⁸ Тем более что существование аристократии как слитного социального слоя Московского государства, с осознанным сословным самосознанием, единым происхождением, правами и интересами вообще подвергается справедливому сомнению.⁶⁴⁹ Аристократию, или её позднесредневековый прототип, Иван Грозный нейтрализовал иными методами, террором и опалой. А

⁶⁴⁴ На этот фактор указывает, в частности, K. VOSELKA, *Život*, стр. 250.

⁶⁴⁵ Понятие «московский двор» вообще видится условным для 16 века. Поэтому ведущий исследователь русского быта Иван Забелин изучал жизнь царей в рамках не двора, а более широкого термина «государев дворец». Этот термин охватывал хозяйство, семью и собственность князя или царя. «Государев дворец» неслучайно синонимичен зданию, где обитает монарх: это не двор-свита и двор-семья в европейском понимании, а феодальная вотчина, родовое имение и поместье. Это «квазидвор», который не отличался по быту и обычаям от крестьянского двора, и лишь потом был проекцией статуса, средством репрезентации и «спектаклем власти»: И. ЗАБЕЛИН, *Домашний быт русских царей*, часть 1, стр. 8-10.

⁶⁴⁶ Такое определение даётся в авторитетной работе Václav BŮŽEK — Josef HRDLIČKA — Pavel KRÁL — Zdeněk VYBÍRAL, *Věk urozených. Šlechta v českých zemích ne prahu novověku*, Praha 2002, стр. 196.

⁶⁴⁷ Примечательно, что русские, напротив, хорошо отличают чешских дворян от немецких, императорских чиновников — от просто «больших людей в королевстве», патрициат Праги или Регенсбурга — от «дохтуров», учёных референтов, которые обслуживают посольства, хотя могут исказить титул или должность, адаптировать их к русским реалиям («воевода Старого Места», «цесарев боярин» и т.д.).

⁶⁴⁸ Об этом Andreas GESTRICH, *Höfisches Zeremoniell und sinnliches Volk*, in Jörg Jochen BERNS — Thomas RANH (ред.), *Zeremoniell als höfische Ästhetik in Spätmittelalter und Früher Neuzeit*, Tübingen 1995, стр. 59–61.

⁶⁴⁹ Это доказывал один из ведущих грознаведов 19 века А. КИЗЕВЕТТЕР, *Иван Грозный*, стр. 14-15.

дворянство и боярство, особенно в роли бюрократии, вплоть до Смуты играло служебные, подчинённые роли – по той же причине административной немощи и растущего политического бесправия. Это подогрело нарратив, общепринятый в Европе со времён Герберштейна: все московиты были бесправными слугами, если не рабами своего potentата. В конце 16 века, следственно, московский посол тет-а-тет с кайзером на пиру был так же немислим, как посол турецкого султана или персидского шаха.

Эта же инокультурность, как представляется, отталкивала самих московитов от полуофициальных дворянских пиров Праги, Вены и Регенсбурга, которые не служили средствами политической коммуникации монархов и их собственного символического поведения. Концепция монаршего пира как достаточно свободного «общественного пространства» знати проявилась только в обновлённой России Петра I. Пока же московские дипломаты видели в пирах лишь средство утверждения статуса царя.

Неслучайно поэтому, что ни один из московских дипломатов не вынес из заграничных пиршеств сильных впечатлений, во всяком случае, таких, о которых он мог доложить по службе (статейный список всё же не эго-документ). Ни прямо, ни косвенно нельзя увидеть ни восхищения, ни возмущения: все сильные впечатления московитов связаны со службой и репрезентацией статуса (не позвали к кайзеру – плохо, много пили за царя – хорошо).

Московские посольские пиры, более частые и пышные, чем императорские, в большей степени служили орудиями саморепрезентации и декорациями для «спектакля власти», даже невзирая на то, что этот спектакль царский двор во многом устраивал сам для себя. Императорские эмиссары в первую очередь вспоминают внешний антураж пиров, например, изобилие золота и яств, но чуждая и монотонная драматургия царских банкетов, где много часов подряд только едят руками и пьют без меры, их не впечатляла.

Имперские церемонии допускали иногда коррективы, московские – почти никогда, при этом появление восточных гостей в империи могла менять обрядность пиров. Заметно, что ни на официальных имперских приёмах с участием московитов, ни на частных собраниях в посольских или дворянских домах не присутствовали женщины. На приёмы европейских дипломатов такое не распространялось. Когда тот же Пауль Сикст фон Траутзон, который пировал с Квашниным, в 1600 году принимал у себя французского дипломата Пьера Бержерона, в застолье участвовала и супруга фон Траутзона.⁶⁵⁰ Никто из московитов, однако, никогда ничего подобного не упоминал. Либо отсутствие дам

⁶⁵⁰ E. Fučíková (ред.), *Tři francouzští kavalíři*, стр. 57.

оговаривалось заранее, либо гости руководствовались указаниями Герберштейна и других знатоков Московии, о том, что русские не допускают женщин к общественной жизни.

Представление о самих себе и своих визави, «образ другого», у дипломатов двух держав тоже разнились. Московские эмиссары воспринимали себя в большей степени статусными репрезентантами царя, чем политическими акторами, способными на самостоятельные контакты с имперскими коллегами. Их не смущало, что во многих случаях обстановка пира этого не требовала. Царский посланец присутствовал на заграничном банкете не в личном, а только в служебном качестве: ситуация «свободного» пира с минимумом ритуалов его неизменно тяготит, так как заграничный пир для него – часть службы и его места в мире. Пиршества в Праге и Вене яснее всего показывают, что московиты несвободны в своём поведении и следуют жёстким ритуалам. Ломать шаблоны поведения их заставляло любопытство и гибкость ума, которые проявляли Истома Шевригин, заинтересованный Италией, или отчасти Лукьян Новосильцев, осмотревший императорский зверинец, конюшни и даже посетивший собор Святого Вита.

Имперские дипломаты, напротив, старались использовать пиры, чтобы совмещать репрезентацию своего потентата с активной социализацией, дипломатической работой, для чего и пытались понять московский церемониал. Часто, однако, они превращались в элемент московского спектакля власти, одновременно в его актёров и декорации: гости не только сами убеждались в могуществе царя, но и убеждали в этом его самого. Австрийцы чаще, чем их русские визави, выступали как исследователи, стремясь подметить и объяснить как можно больше незнакомых деталей, продолжить Герберштейново «открытие Московии». Но этому порой мешал предвзятый «образ другого», который виден в их писаниях чаще, чем у их русских коллег (возможно потому, что московские дипломаты не оставляли тогда эго-документов и писем). Хотя в 16 веке Герберштейн, Кобенцель и Принц составили описания Московии, и о ней накапливалась информация, это не всегда помогало имперской дипломатии. Если в области использования даров посланцы кайзера достигли совершенства, на пирах они оставались зависимыми от своих хозяев, и никак не продвигали интересы империи, свой статус и статус своего императора.

Церемониальные нормы двух дворов нуждались в общем символическом языке и аудитории, которая могла бы его понимать, чтобы ритуал был постигнут и мог «работать», повышая престиж монарха.⁶⁵¹ Однако ни в Праге, ни в Москве таких условий обычно не создавалось. Нормы были настолько разными, что из московских источников

⁶⁵¹ Это примечание сделал J. HENNINGS, *Russia*, стр. 22.

вообще трудно понять, в чём заключалась имперская «ритуализация столования» с её символическим, коммуникационным и социализирующим значением пиров, как это сформулировал Йозеф Грдличка.⁶⁵² Венско-пражские и московские пиры служили для репрезентации больше монархов, чем их посланцев. Даже с учётом незнания чужого языка царские и императорские посланцы обычно не могли читать чужие «культурные коды», не знали ритуалы, чтобы использовать пиры для демонстрации или повышения своего статуса. А отсутствие полноценных и частых контактов, особенно в пору стремительной смены характера московской власти, не способствовали пониманию, равно как и русские миссии в столицы империи, редкие и ограниченные по своей повестке.

Поэтому взаимное ознакомление с ритуалом шло медленно: европейцы объясняли Московию в привычной парадигме тирании и варварства; на пирах сюда добавлялся нарратив сказочного богатства. Московиты же *a priori* считали свои обычаи и ритуалы незыблемыми, универсальными – как производное от парадигмы последнего оплота истинной веры, и внешнеполитической повестки признания царского титула за рубежом. Точно так же смотрели они обычно и на своих «немецких» оппонентов – как на функции имперской системы власти и религии. Московиты не пытались их понять и объяснить, а значит, не могли и в полной мере использовать потенциал контактов на пирах.

Сказывалась и ограниченность источников информации о поведении и ритуалах друг друга: в Кремле не имели широкого доступа к европейским новостям и изданиям, а европейская московитика ещё только дожидалась бурного контакта культур 17 века.

В целом, московский посольский пир был намного теснее имперского связан с аудиенцией и её ритуалами, которые он дополнял и усиливал. Можно даже говорить о комплексном обряде «аудиенция плюс пир», который эффективнее обеспечивал репрезентацию царского статуса. Но здесь встаёт вопрос: почему московские политики не всегда прибегали к этому «сдвоенному» ритуалу. На него сложно дать однозначный ответ, если использовать лишь изученный источниковый материал. Предположительно, в Кремле руководствовались политическими соображениями (например, аудиенция с пиром полагалась политически важным миссиям), либо практическими соображениями, если проводить дорогостоящий пир считалось нецелесообразным, либо аудиенции или серии аудиенций хватало для решения задачи.

⁶⁵² J. HRDLIČKA, *Hodovní stůl*, стр. 130.

VII. Приезд дипломата: ритуалы первой встречи и аудиенции

Переходя границу чужого государства, дипломат раннего нового времени одновременно пересекал и символический рубеж чужой культуры и политической системы, где статус его монарха следовало утверждать заново. На чужбине действовали иные репрезентационные инструменты, без которых социально-политический статус посла и его потентата далеко не был очевидным. Следственно, гости могли на время утратить статус – а с ним и функцию политического актора, которая и держалась на статусе в раннее новое время.⁶⁵³ В свою очередь, встречающие стремились подчеркнуть статус собственного властелина, тоже не всегда ясный гостям. А в случае с Габсбургами и Рюриковичами обе стороны постоянно стремились уловить тональность встречи и понять, чего ждать от другого – это далеко не было ясно, учитывая культурную удалённость двух монархий и редкость их сношений.

Ритуалы встреч и аудиенций представляют особый интерес как сплав элементов материальной культуры дипломатии с собственно церемониалом. Факторы материальной культуры (одежды и украшения, оружие, интерьеры, архитектура, транспорт) часто играли здесь меньшую роль, чем обрядность, которая порой была самодовлеющей. Во-первых, материальные факторы часто были теми же, что и в других областях, включая пиры и подарки; во-вторых, их роль выглядит вторичной, так как посольская встреча раннего нового времени – в первую очередь элемент межкультурной коммуникации через межличностный контакт по строгим правилам.

Поэтому именно на обрядность встречных церемоний надо делать больший акцент, чем на их «материальную базу», которая служила инструментарием дипломатических контактов и конфликтов, средством репрезентации статуса потентатов, но отнюдь не самоцелью контакта. С методологической же точки зрения, элементы материальной культуры дипломатии, в силу меньшей сохранности, нередко служат лишь косвенным источником информации, сохранившись лишь в описаниях акторов-современников. Церемонии же, в силу их нематериальности, сохраняются в точных и разносторонних описаниях.

Об имперском и московском церемониалах встречи написано достаточно, чего нельзя сказать о сравнительном анализе этих церемониальных систем и конкретных контактов.

⁶⁵³ Подробнее André KRISCHER, *Souveränität als sozialer Status: Zur Funktion des diplomatischen Zeremoniells in der Frühen Neuzeit*, in: Jan-Paul NIEDERKORN – Ralf KAUF – Giorio ROTA (ред.), *Diplomatische Praxis und Zeremoniell in Europa und dem Mittleren Osten in der Frühen Neuzeit*, Вена 2007, стр. 1-32, здесь стр. 4.

Поэтому, не вдаваясь в описания, данная глава сопоставит системы встречных ритуалов, которые Московское государство и Священная Римская Империя применяли к дипломатам друг друга. Это позволит понять не только их сходства и различия, но и увидеть, как ритуалы встреч служили целям саморепрезентации сторон, какие воззрения на оппонентов они отражали, какова была роль этих ритуалов в общем результате миссии, и главное, как они влияли на взаимное восприятие элит двух монархий.

VII. 1. Московский ритуал встречи: эскалация помпезности

Ритуал приёма имперских дипломатов в Кремле интересен, в первую очередь, своей стремительной динамикой. Ещё на рубеже 16 века он был обставлен так просто, что великий князь Иван III мог лично и долго беседовать с Георгом фон Турном, вторым имперским послом в Москве, принимая его доверительно, во внутренних покоях.⁶⁵⁴ Посол предстал личным гостем князя и одновременно олицетворением своего монарха, статус которого пока не имел решающего значения в силу редкости европейских посольств, за вычетом Литвы и Польши: внутримосковская иерархия западных правителей ещё только выстраивалась. Содержание коммуникации значило больше, чем её обрядность.

Прошло полвека, и венчание на царство Иванова внука, Ивана IV, изменило всё, хотя эти изменения зрели ещё при Василии III, отце Грозного.⁶⁵⁵ Московский церемониал теперь стремился к максимальной помпезности, и за счёт внешнего антуража должен был оказывать впечатление немедленно, что не могло не вызывать у европейцев аналогии с двором султанов.⁶⁵⁶ Резонно предположить, что имперские послы, «подготовленные Герберштейном», к таким переменам оказались не готовы, тем более что контакты между монархиями как раз в это судьбоносное время сократились. Австрийцы вынуждены были адаптироваться: европейские дворы не сразу пришли к тому, чтобы воздавать столько почестей «Московиту», и не сразу разобрались в его системе ритуалов.

Имперские дипломаты при этом были на особом положении у москвитов. *«Однолично бы к послом к цесаревым береженье было великое у вас и честно и бережно»*, — стереотипно

⁶⁵⁴ D. PÍCKOVÁ, *Habsburkové a Rurikovci*, стр. 95-96. Об обстановке, в которой великий князь принимал фон Турна, подробнее И. ЗАБЕЛИН, *Домашний быт русских царей*, часть 1, стр. 278-279.

⁶⁵⁵ На то, что идеология преемственности общерусской власти Москвы от Киева и Византии тщательно готовилась при отце Грозного, причём с использованием такой инсигнии, как Шапка Мономаха, справедливо и подробно указывает Сергей БОГАТЫРЁВ, *Шапка Мономаха и шлем наследника: репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном*, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 9, 2011, стр. 171-200, здесь стр. 174.

⁶⁵⁶ H. RUDOLPH, *The Material Culture*, стр. 215.

поучал Посольский приказ встречающего чиновника.⁶⁵⁷ Приставы искали компромисс между почестями и запретами: «береженье» значило не «безопасность», а «строгий надзор», понятно, не всегда совместимый с почётом. Уже с 14 века свободный въезд в московские земли запрещается, а в середине 16 века пограничный режим ужесточился так, что главе государства доносили о въезде каждого чужеземца: и по послу, и по торговцу решения принимали в Кремле.⁶⁵⁸ Дипломат не мог свободно передвигаться, не только чтобы он не мог собирать информацию, но и вообще видел лишь то, что ему хотели показать. Порой неумышленная остановка «немца» на улице уже грозила ему подозрением в шпионаже.⁶⁵⁹ Даже маловажного гонца, вроде Гойгеля, днём и ночью стерегли пятеро.⁶⁶⁰ «Береженье» доходило до того, что у имперских эмиссаров пытались отбирать письма к монархам третьих стран, что неизбежно приводило к инцидентам: гонец Конрад Бремер в такой ситуации даже защитил вверенную ему дипломатическую переписку с клинком в руках.⁶⁶¹

Почёт, кроме того, оттенял главную цель московского посольского ритуала: на каждом шагу имперский дипломат и его монарх должны были терпеть мелкие церемониальные поражения. При этом с формальной точки зрения имперские делегации всегда принимались в Кремле с помпой и пышностью: эффект от роскоши интерьеров и сложности ритуалов всегда задумывался быстрым и ошеломляющим, в отличие от знакомой имперцам практики Порты, где покои украшались в зависимости от принадлежности и миссии посла.⁶⁶² Можно выделить три элемента, с помощью которого в Москве добивались такого эффекта: приветствие и проводы до места аудиенции, интерьер места аудиенции и одеяния царя и придворных. Эти элементы были организованы так, что эстетическое и эмоциональное воздействие на дипломатов нарастало от границы к палатам Кремля, и вот каким образом.

У границы или поблизости от неё дипломатов останавливали, чтобы не отпускать до отъезда; перед нами сочетание помпы и тотального контроля, чего не избегали даже имперцы. Первую встречу организовывал местный воевода или московский пристав –

⁶⁵⁷ ПДС, том 1, столбец 571.

⁶⁵⁸ Александр МУЛЮКИН, *Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI и XVII веков*, Санкт-Петербург 1909, стр. 35.

⁶⁵⁹ Ibidem.

⁶⁶⁰ ПДС, том 1, столбцы 966-967.

⁶⁶¹ Это были послания королям Дании и Швеции, отношения к Москве не имевшие. Когда москвиты попытались их отобрать, Бремер эти грамоты, «омочив в воду, изодрал», а одного из русских служилых людей едва не заколол – видимо, ранил: Ibidem, том 2, столбцы 120-121. Его арестовали, но потом отпустили. Не будь Бремер эмиссаром кайзера, инцидент кончился бы для него намного хуже, хотя и в Посольском приказе, видимо, осознали, что его чиновники перегнули палку.

⁶⁶² Н. RUDOLPH, *The Material Culture*, стр. 216.

знатный придворный, который выполнял важную функцию «транскультурного перевода» и одновременно «контрразведки», выясняя задачи и тактику посольства.⁶⁶³ Дипломат не мог въехать в царство, не доложившись властям; въехав же, он не мог передвигаться свободно, тем более без пристава, который служил единственным окном во внешний мир. Имперцы делали поэтому очень широкое обобщение, видя в таком запрете доказательство отсталости русских, чьи нравы и обычаи не дозрели до европейских – невыгодная для московитов интерпретация их концепции «честно и бережно».⁶⁶⁴

Для имперских послов встреча с московитами выглядит как контакт с иной культурой, если не с цивилизацией, ещё и потому, что путь в Москву для них – расставание с Европой и символический переход в лесную «пустыню». Семантические следы в документах ясны. Гейс описывал польско-русское пограничье, где делегация терпела лишения, как культурно-географическую пустошь, водораздел двух образов жизни. На русской стороне уже «дикая пустыня» и «дрянные деревни»; в Смоленске материальные блага возвращаются, европейские нравы – нет: лишь «лес на многие мили».⁶⁶⁵ То же слово, «пустыня», подобрал и Даниэль Принц, с поправкой, что русское пограничье страдало от поляков.⁶⁶⁶ Кобенцель о «пустыне» не писал, но после пограничья Смоленск казался ему Римом.⁶⁶⁷ В записках австрийцев, тем самым, виден «топос варварской пустыни».

Тем сильнее впечатляло имперцев появление блестящих встречных кавалькад и сотен солдат. Своего рода стандартом стала группа из 200-300 всадников, настолько роскошных, что их численность дипломаты переоценивали. Так было в первой миссии Варкоча, когда его встречал боярин Писемский, и послу показалось, что встречающих – тысяча, и они все одеты в бархат.⁶⁶⁸ Во второй миссии Варкоч решил, что его встречают 700 всадников, но эта цифра завышена более чем вдвое.⁶⁶⁹ А Кобенцель даже полагал, что у Смоленска его

⁶⁶³ О приставе как о культурном посреднике С. GARNIER, «*Wer meinen Herr...*», стр. 31.

⁶⁶⁴ «Такой обычай этого народа, ещё не знакомого с более просвещёнными нравами», — сокрушался Д. ПРИНЦ, *Начало*, стр. 51. Нравственные страдания у него дополняются телесными, тоже «неевропейскими»: послов держали «как пленников» и «заморенными в дымных комнатах».

⁶⁶⁵ С. ГЕЙС, *Описание*, стр. 8, 11.

⁶⁶⁶ Д. ПРИНЦ, *Начало*, стр. 49. Принц, в отличие от Гейса, преодолевал пограничье зимой, а не летом, но ощущение пустыни после плотно застроенной и освоенной Европы осталось у обоих.

⁶⁶⁷ Письмо Иоанна Кобенцеля, стр. 140. Ландкомтур не зря подчёркивает, что Смоленск ему таким лишь «показался». Что на самом деле видели послы в Смоленске, описал Принц: скопление зданий «из дерева и без всякого определённого порядка», с несколькими каменными церквями и пустой крепостью: Д. ПРИНЦ, *Начало* стр. 49. Едва ли римский пейзаж.

⁶⁶⁸ J. POLIŠENSKÝ, *Poselství*, стр. 83-84. Варкоч ещё и ссылаясь на своего пристава, который обмолвился, что прислан с тысячей всадников. Предшественников Варкоча, Кобенцеля и Принца, Иван Грозный, искавший поддержки у Максимилиана II, встретил пятью сотнями всадников, но это было явное исключение, тем более что посольство 1576 года стало первым за почти полвека. То, что своего рода «нормой» была свита из 200 человек, предполагает и Л. ЮЗЕФОВИЧ, *Луть*, стр. 88.

⁶⁶⁹ Relatio, лист 10. Возможно, Варкоч преувеличил по ошибке или желая польстить императору: в итальянской версии его реляции снова видим возле воеводы две сотни человек: «200 cavalli benissimo

сначала сопровождали «*tausend Personen, sonderlich aber in die 300 Hagenschutzen*»,⁶⁷⁰ а затем и он, и Принц, описывая церемонию встречи, сообщили о трёх тысячах всадников.⁶⁷¹ Это явное преувеличение: для встречи австрийцев Посольский приказ сначала отрядил 50, а потом 70 конных детей боярских.⁶⁷² Всего же встречников набралось меньше, около 500, включая вооружённых детей боярских.⁶⁷³ Но эта история показывает, как имперцы были впечатлены московским размахом. Число встречников явно коррелировало в их сознании с размером армии, и эта «живая пропаганда» работала даже лучше демонстрации богатств: силы царского войска послы никогда не осмеивают и всегда преувеличивают.

Но вот дипломаты и русские встречники сошлись. Обряд приветствия с вопрошанием о здоровье царя – первая коммуникация австрийского дипломата. Её стоит рассматривать не отдельно, как делает специалист по московскому церемониалу Леонид Юзефович,⁶⁷⁴ а в тесной связи с важными ритуалами спешивания и первого приветствия, так как вопрошание не практиковалось самостоятельно. Московиты всегда требовали от их визави первыми слезть с коня и снять шапку, чтобы выслушать приветствие от имени царя и ритуальный вопрос о здоровье императора; при этом следовало любой ценой сделать так, чтобы гость воздал эти почести первым.⁶⁷⁵ Тем самым, посол символически подчинялся воле царя, причислялся к его подданным, тем более что коммуникативного смысла в обряде вопрошания не было: послы всегда отвечали, что монарх был в добром здравии, даже если речь шла об умиравшем Максимилиане II.⁶⁷⁶

forniti): А. ТУРГЕНЕВ (ред.), *Акты*, т. 2, стр. 32. На встрече в Смоленске видим воеводу в бархатной одежде и на коне с вызолоченной упряжкой с 300 всадников: С. ГЕЙС, *Описание*, стр. 12.

⁶⁷⁰ Herrn Hanss Kobenzels von Prosegg, стр. 16.

⁶⁷¹ Письмо Иоанна Кобенцеля, стр. 142 и Д. ПРИНЦ, *Начало*, стр. 52. Это не могут быть две независимые оценки: либо такую цифру назвали московиты, либо австрийцы, обсуждая кавалькаду, сами сошлись на трёх тысячах.

⁶⁷² Военных-дворян среднего ранга: ПДС, том 1, столбцы 484-485.

⁶⁷³ Ibidem, столбец 503. На проводы требовалось куда меньше, около ста человек: Ibidem, столбец 568.

Стрельцы вооружались в знак особой чести и гостю, и хозяину: когда Варкоч посещал не царя, а Годунова, «мушкетёры» были уже без пищалей: Ibidem, том 2, столбец 124.

⁶⁷⁴ Л. ЮЗЕФОВИЧ, *Путь*, стр. 91.

⁶⁷⁵ Московиты совершенствовали свои уловки. Принимая в 1663 году английского посла Карлейля, пристав согласился одновременно с ним выйти из саней, но вдруг повис на руках слуг и не коснулся земли – символически «не вышел». Оскорбление было тяжким: Карлейль протестовал, требуя казни обидчика. Это говорит о том, что за столетие смысл и ритуальное значение этого обычая в его московском исполнении стали повсеместно понятны: Ян ХЕННИНГС, *Неудачный подарок: культурный шок или политическая культура? О функции и значении дипломатического дара в англо-русских отношениях XVII в.*, in: Герд АЛЬТХОФ – Михаил БОЙЦОВ (ред.), *На языке даров: правила символической коммуникации в Европе*, Москва 2016, стр. 216.

⁶⁷⁶ Д. ПРИНЦ, *Начало*, стр. 52. В записках о Московии Принц, впрочем, этот факт обошёл: правда о здоровье Максимилиана II была слишком очевидна, когда писался труд Принца. Силезец поэтому написал, что ответил на вопрос о здоровье «как следовало», а это равносильно стереотипному ответу «государь был здоров, когда я его покинул».

Отказ выходить из повозки, и при приветствии, и при прощании, был чреват возмездием. Авраам фон Дона, который был строптивым гостем, особенно не любил покидать повозку – из-за болезни ног. В итоге его пристав, князь Григорий Ромодановский, получил приказ выразить бургграфу (и его императору) редкое неуважение: если фон Дона, покидая Москву, не встанет в ответ на приветствие и не выйдет из повозки, то не прощаться с ним, не желать ему здоровья и доброго пути и даже не подавать руки.⁶⁷⁷ Беспрецедентная, и видимо, крайняя мера: до того ни один из имперцев такого обращения не удостоивался.

Этот тройной ритуал «вопрошание – спешивание – обнажение головы» был известен в империи со времён Сигизмунда Герберштейна, но именно с австрийцами он действовал не всегда, несмотря на то, что обряд «иерархического» спешивания в империи также существовал.⁶⁷⁸ Кобенцель и Принц, по словам последнего, отстаивали честь императора, но не ввязывались в церемониальные конфликты и уступали первенство хозяевам, стараясь побеждать «тонким обхождением и уступчивостью».⁶⁷⁹

Более уверенно повёл себя Никлас Варкоч: уже в первый приезд он знал о тройном обычае русской встречи либо догадался о его смысле. Когда москвиты попросили посла спешиться, тот предложил сделать это синхронно, но слезая с коня, задержался, чтобы его оппонент поставил ногу на землю первым – уловка, к которой прибегал и Герберштейн; со снятием шапок Варкоч, если ему верить, проделал тот же трюк.⁶⁸⁰ Единой тактики против москвитов, как видим, имперцы не выработали: одни дистанцируются от неприятных стычек, другие принимают правила игры, стараясь выиграть.

Само вопрошание последовало за приветствием от имени царя Фёдора, и в случае с Варкочем тоже прошло не так, как задумывали в Москве. Наказ Писемскому требовал провести приветствие от царского имени и вопрошание как одну неразрывную

⁶⁷⁷ ПДС, том 2, столбец 628. Неясно, знал ли фон Дона, какого поведения от него ждали: прощание с послами в Москве было обставлено гораздо скромнее, чем встреча.

⁶⁷⁸ Французский эмиссар Пьер Бержерон описывает аналогичный случай «иерархического» спешивания в Праге: представитель императора, встречавший его, остался сидеть в карете при встрече с секретарём посла Испании, который вышел его приветствовать; выйти для приветствия должны были также секретарь посла Венеции и агент герцога Мантуи: Е. FUČÍKOVÁ (ред.), *Tři francouzští kavalíři*, стр. 43.

⁶⁷⁹ Фраза, в которой звучит неодобрение московской напористости: Д. ПРИНЦ, *Начало*, стр. 49. Принц писал, что о любви москвитов к церемониальным спорам знал заранее.

⁶⁸⁰ J. POLIŠENSKÝ, *Poselství*, стр. 84. Во второй приезд Варкоч и пристав уже снимали шапки одновременно: С. ГЕЙС, *Описание*, стр. 12. Поэтому сложно сказать, говорит ли Варкоч правду насчёт шапок: если спешивание требует времени, то шапка снимается быстро, да и вряд ли бы опытный пристав Писемский стал спешить после того как Варкоч перехитрил его на спешивании – ведь Писемскому было строго приказано не слезать с коня первым: ПДС, том 1, столбец 1115. Герберштейн в своё время сделал вид, что не может вынуть ногу из стремена: С. ГЕРБЕРШТЕЙН, *Записки*, стр. 524-527. Подробнее об этом Vladimír PÁNOV, *Tři moskevské mise Mikuláše Varkoče 1589-1594 ve světle diplomatického rituálu Ruska*, *Opera historica* 21, 2019, стр. 7-20.

коммуникацию. Варкоч же поспешил пространно ответить на приветствие Писемского, пока оба ещё сидели на конях, и получилось, что посол разбил коммуникацию: сперва дипломаты спешили, и лишь потом пристав смог задать ритуальный вопрос о здоровье.⁶⁸¹ Этот эпизод показывает, что при должной ловкости можно было и разобраться в жёстком московском ритуале, и противостоять ему, причём для имперцев это не означало ни личных, ни политических неприятностей.

Путь австрийцев в резиденцию после встречи всегда отличала мелочная регламентация. Каждый их шаг контролировался из Москвы, что вело к нескончаемой переписке, результатов которой «немцы» ждали неделями. Впечатление от Московии это не улучшало: Кобенцель и Принц торопили приставов и «*гневыми словами*» возмущались из-за задержек. Об этом приставы тоже писали в Москву, но обошлось без последствий: эмиссарам других владык недовольство могло стоить дорого.⁶⁸²

Отмечу, что нарратив о всевластии московского царя и бесправии его подданных получал здесь неожиданное подкрепление: первое, что видел австрийский посол в Московии, это неспособность чиновников действовать без прямого царского приказа. Дело, однако, было и в сложности московского встречного ритуала, и в стремлении царя к репрезентации своего статуса на каждом шагу. На территории же Московии утверждением царского статуса приходилось заниматься не Посольскому приказу, а воеводам и головам – кадровым военным, далёким от тонкостей дипломатии.

Передвижение по Москве и её окраинам имперские послы неизменно совершали на коне, саях или повозке, причём всё это предоставлял царь, если речь шла о доставке на аудиенцию. Цель представляется двоякой: посол путешествовал за счёт царя как его подданный и подчиняется его воле (возможно, это символически сглаживало инокультурность, инаковость иностранца, который попадал в Кремль под полным контролем). Заодно посол обеспечивал достойное зрелище наблюдателям церемонии: чем богаче шествие гостя, тем больше чести хозяину. Избежать принудительного обеспечения транспортом смог только один имперский посол. В 1597 году Авраам фон Дона отказался

⁶⁸¹ J. POLIŠENSKÝ, *Poselství*, стр. 88.

⁶⁸² Австрийцев, видимо, задерживали специально: приставы получили приказ «*ехать потише*». Вероятно, Можайск, где принимали послов, не был готов для торжеств, либо от послов хотели получить как можно больше информации: ПДС, том 1, столбцы 484-489. Торопить Грозного не следовало. Когда в 1570 году шведские послы потребовали личной встречи с Иваном IV до начала переговоров с властями Новгорода, Иван IV, желавший вести переговоры в обратном порядке, воспринял это как попрание посольского ритуала и своей чести. Шведы, в свою очередь, справедливо считали отложенную встречу с царём бесчестием для их короля: переговоры с местными властями раньше, чем с царём, в Москве и придумали специально для унижения шведов. «Переведить» послов смогли лишь два месяца домашнего ареста, сокращение корма, публичное ограбление и унижение, и угроза ссылки: А. ХОРОШКЕВИЧ, *Россия*, стр. 534-535.

сесть на присланного коня и даже выходить из повозки, ссылаясь на подагру. Это нарушение церемониала ему простили, но коня всё равно повели впереди.⁶⁸³ Объяснение напрашивается одно: ритуал встречи адресовывался зрителям и самим устроителям, и лишь потом – иноземцам.

В месте для переговоров и аудиенций, которое было следующим этапом, помпезность нарастала дальше: здесь был важен как богатый антураж, так и ритуал приезда. Снова появляются кавалькады и стрельцы с ружьями, сотнями и тысячами выстроенные по пути посольского кортежа. Число стрельцов неуклонно росло. В 1576 году Кобенцель насчитывает их у Кремля *«тысячи две»*.⁶⁸⁴ Но в 1589 году Варкоч видел уже 3000 *«аркебузирова»* в карауле от его дома до Кремля.⁶⁸⁵ А в 1593 году, в его второй приезд, там стояло уже 4000 *«московитских стрелков»* с длинными ружьями.

Сколько их выстроили для Авраама фон Доны, неизвестно, но счёт тоже мог идти на тысячи: стрельцы стояли от дома бургграфа на Посольском дворе до Фроловских ворот Кремля, а это более 500 метров.⁶⁸⁶ Нельзя сделать однозначный вывод, что с ростом почётного караула для послов рос и авторитет кайзеров в Московии: кремлёвский гарнизон увеличивался, а стрельцы, по старой московской уловке, порой перебежали из конца шеренги вперёд, чтобы казаться многочисленнее.⁶⁸⁷

Но можно точно утверждать: московский ритуал встречи производил на имперцев всё более сильное субъективное впечатление. Тем более, перед австрийцами был ясный церемониальный аналог: на коронациях императоров и римских королей, о которых послам, конечно, было известно, присутствовали сопоставимые или даже меньшие количества церемониальных войск.⁶⁸⁸ Здесь перед нами куда менее торжественное событие, но благодаря московскому декоруму у послов явно складывалось ощущение огромной собственной важности и больших почестей.

Дальше – больше: гонец Михаэль Шель в 1598 году пишет уже о шести тысячах стрельцов на встречной аудиенции, что стало рекордом за весь 16 век.⁶⁸⁹ Нельзя быть уверенным, что дипломат не преувеличил, но возможно, что он не ошибался: Годунов, ради почёта

⁶⁸³ Бургграф стал единственным послом в 16 веке, кому такое удалось: ПДС, том 2, столбец 469. Из документов Посольского приказа следует, что у фон Доны была подагра, *«камчуг в ногах»*. Тем строже москвиты следили за соблюдением им прочих обычаев.

⁶⁸⁴ Письмо Иоанна Кобенцеля, стр. 143.

⁶⁸⁵ J. POLIŠENSKÝ, *Poselství*, стр. 86.

⁶⁸⁶ ПДС, том 2, столбец 557.

⁶⁸⁷ Л. ЮЗЕФОВИЧ, *Путь*, стр. 89.

⁶⁸⁸ В 1520 году в Аахене на коронации Карла V римским королём выстроились 3000 пехотинцев и 500 всадников, отмечают V. BUŽEK — R. SMÍŠEK, *Volba*, стр. 125.

⁶⁸⁹ А. ШЕЛЯКИН (ред.), *Донесение*, стр. 5.

Рудольфу II и на перспективу антитурецкого союза, принял Шеля беспрецедентно почётно – на уровне большого посла. Исключительное уважение, которое Борис оказал и дипломату низкого ранга, и его императору, могло требовать чрезвычайных церемониальных почестей.

В Кремле также было важно, насколько близко дипломата подвозили к крыльцу здания, где была аудиенция: чем статуснее был монарх, тем ближе подъезжал его посол. Этот обычай был довольно известен, хотя имперские послы не всегда понимали, что участвуют в церемониальной игре. Например, Кобенцель, и Принц спешили по указанию москвитов не у крыльца, что было престижнее всего, а на значительном удалении, а дальше шли пешком и не возражали.⁶⁹⁰

Судя по тому, что этот факт оба оставили без внимания, послы не поняли, что статус их государя символически принизили. Возможно, дело было в том, что послов принимали в Можайске, где не было кремлёвского блеска, и принижая статус своего визави, Грозный повышал свой собственный (но возможно, что на новом месте кремлёвская практика приезда просто не сработала). Варкоч же в первой миссии получил больше почёта: он был высажен «под лестницей», то есть у самого крыльца палаты, где проходила аудиенция.⁶⁹¹ Это косвенное указание на то, что статус императора у царя Фёдора на этот раз оценили выше, чем в годы Грозного.

Пока посол шёл на аудиенцию, его приветствовали. Самым почётным гостям москвиты устраивали три приветствия: в коридорах и комнатах стояли встречающие, и каждый следующий был знатнее прежнего. Неясно, знал ли об этом Принц (похоже, это он ведал в миссии церемониалом), но видимо, догадывался, так как считал получаемые приветствия – и их было как раз три.⁶⁹² Три приветствия получил в 1589 году и Варкоч, хотя второго он удостоился в той же комнате, что и первого – труднообъяснимое отклонение от ритуала, но видимо, столь же почётное.⁶⁹³

Во второй приезд Варкоча, как отметил Гейс, делегацию провели через два покая в третий, и видимо, это были те же три приветствия – признак стабильно высокого уважения к императору и его послам.⁶⁹⁴ То же случилось на аудиенции фон Доны 19 августа 1597 года. Отчасти, впрочем, всё это выглядит «жестом самоуважения» царя: тот

⁶⁹⁰ Herrn Hanss Kobenzels von Proseg, стр. 34-35.

⁶⁹¹ J. POLIŠENSKÝ, *Poselství*, стр. 86

⁶⁹² Д. ПРИНЦ, *Начало*, стр. 50. В исключительном случае полагалось четвёртое приветствие

⁶⁹³ J. POLIŠENSKÝ, *Poselství*, стр. 87.

⁶⁹⁴ С. ГЕЙС, *Описание*, стр. 17.

не мог бы репрезентировать собственный высокий статус, если бы и его австрийский визави, своего рода эталон, не был признан великим и достойным уважения.

Этот ритуал действовал у русских и за границей: когда московский дипломат принимал гостей на чужбине, он располагал свиту так, чтобы каждого гостя приветствовали в соответствии со значимостью его монарха. То был редкий случай, когда москвиты, не имея привычных архитектурных и церемониальных ориентиров, могли импровизировать. Так поступили Вельяминов и Власьев в Праге в 1595 году: в один день им пришлось принять несколько делегаций и «рассортировать» их по значимости.⁶⁹⁵ Гостей расположили по степени возрастания важности, поэтому число встреч, по канону, должно было нарастать. Посла Венеции дипломаты встретили одни и вместе – крайне скромно, не как посла, а как гонца или даже купца, что красноречиво говорит о месте венецианцев в московской системе статусных представлений.⁶⁹⁶ Папский легат Чезаре Специано получил уже престижную тройную встречу: у входа в дом стояли дворяне, у входа в комнату – Власьев, а внутри – уже сам Вельяминов.

Далее началась импровизация. Посол Испании дон Гильен де Сан-Клементе представлял сразу испанского и австрийского Габсбургов, и тройная встреча приравняла бы и его, и обоих монархов к кардиналу. Как быть? Де Сан-Клементе приветствовали пять раз: у нижнего крыльца – слуги, на лестнице – дворяне, на верхнем крыльце – сын посла Сила Вельяминов, перед входом в помещение – Власьев, а уже в дверях внутри – сам Михаил Вельяминов. Через неделю пятикратную встречу москвиты устроили и имперским дворянам, пришедшим проститься.⁶⁹⁷ Уже четыре приветствия считались редкой почестью, пять же говорили о том, что гость и его монарх обладают наивысшим статусом.

Фигура царя, которая знаменовала собой кульминацию встречной церемонии, должна была оказывать наибольшее воздействие. На посольских аудиенциях неизменно демонстрировались царские инсигнии: шапка, держава и скипетр, иногда с посохом. Если монарх совершал какие-то действия, регалии передавались сановникам либо клались на стоян, специальный постамент. При приёме фон Доны яблоко держал Борис Годунов: так фактический правитель государства становился «символическим царём».⁶⁹⁸ Принц заметил ещё и великокняжеский посох, и даже приводит русское название этого «жезла», который, впрочем, отходит в прошлое: уже в 1576 году Иван IV доверил посох сыну, а сам

⁶⁹⁵ ПДС, том 2, столбцы 347-348.

⁶⁹⁶ Подробнее об этой символике единственной встречи И. ЗАБЕЛИН, *Домашний быт русских царей*, стр. 300.

⁶⁹⁷ ПДС, том 2, столбец 355. Примечательно, что Вельяминов стоял уже в дверях, а не посередине комнаты – эта дополнительная почесть де Сан-Клементе говорит о многом.

⁶⁹⁸ Эту честь оказывали лишь одному Годунову: ПДС, том 2, столбец 556.

держал скипетр: наглядная европеизация московского ритуала.⁶⁹⁹ Посох, впрочем, иногда производит не торжественный, а нежелательный комический эффект: как не без иронии писал Принц, Грозный бил им своих придворных, один из которых был на аудиенции с повязкой на лице: едва ли достойное или европейское применение для инсигнии.⁷⁰⁰ Надо ли говорить, что такие выходки резко снижали эффект от московской торжественности, да ещё и подчёркивали «варварство» хозяев в глазах гостей.

Наибольший интерес вызывает инсигния-головной убор, который имперцы именовали неясным термином «диадема». Принц описал две диадемы: одна была на голове Грозного, другая, «*блиставшая драгоценными камнями и золотом*», лежала сбоку от его сына Ивана.⁷⁰¹ В диадеме логично предположить Шапку Мономаха, зная, как старался Грозный обосновать древность и легитимность своего царствования именно перед европейцами.⁷⁰² Кобенцель сначала тоже упоминал на Иване IV и его сыне некие «*диадимы*», но на пиру у обоих уже оказываются «*короны*», которые лежали поблизости на скамьях, и «*изумляли множеством алмазов и лалов*»; очевидно, это те же головные уборы, которые оба Рюриковича носили на аудиенции, хотя ландкомтур мог и ошибиться насчёт алмазов.⁷⁰³

Если сопоставить данные Кобенцеля и Принца с русским источником, версия о Шапке Мономаха может подтвердиться, вопреки некоторой терминологической путанице: Посольский приказ фиксирует, что в Можайске Грозный был «*в царской шапке и в диадиме*».⁷⁰⁴ Очевидны две вещи: в Кремле не могли дважды назвать один предмет по-разному, а Иван IV не мог носить два головных убора сразу. Поэтому диадимой тут явно названа барма – тоже инсигния Большого наряда, причём одна из древнейших и тоже отсылающая к Византии.⁷⁰⁵ А «царская шапка» – прямое указание на Мономахову или ей

⁶⁹⁹ Д. ПРИНЦ, *Начало*, стр. 54.

⁷⁰⁰ *Ibidem*, стр. 60.

⁷⁰¹ *Ibidem*, стр. 54.

⁷⁰² Об этом подробнее С. БОГАТЫРЁВ, *Шапка Мономаха*, стр. 191. Существовала ещё очень похожая Казанская Шапка, но она далеко не несла того международного репрезентационного смысла, который было бы логично выразить перед послами самого могущественного монарха Европы.

⁷⁰³ Письмо Иоанна Кобенцеля, стр. 145. Лал – общее название красных камней, рубина и граната, хотя дальше упоминается именно рубин. Лалы есть на Шапке Мономаха, а вот алмазов на ней, как известно, нет, по крайней мере, сейчас. Кобенцель мог допустить ошибку, определяя камни на «короне» — несложно было ошибиться с дистанции в несколько метров при освещении того времени, видя блестящее наверху.

⁷⁰⁴ ПДС, том 1, столбец 512. Интересно, что никто не описывает характерную соболью оторочку шапки, но видимо, австрийцы на фоне блестящей ювелирной отделки придавали ей не больше значения, чем тканевой отделке ряда корон Европы, как элементу второстепенному.

⁷⁰⁵ Это широкая наплечная лента, вытканная золотом и украшенная драгоценными камнями, которую послы тоже заметили, хотя и не знали её русское название. Диадиму, то есть «широкое круглое плечье, ожерелье» среди царских одеяний описывает И. ЗАБЕЛИН, *Домашний быт русских царей*, том 2, стр. 1002. О барме как о ленте с самоцветами сообщал С. ГЕЙС, *Описание*, стр. 17.

подобную шапку, а не на короны-венцы, которые в Кремле тоже имелись и больше походили на классические диадемы Европы.⁷⁰⁶

Варкоч в 1589 году видел на царе Фёдоре «золотую корону с многочисленными самоцветами», большими изумрудами, алмазами и рубинами – тоже весьма точное совпадение с Шапкой Мономаха.⁷⁰⁷ Итак, именно перед имперцами цари, скорее всего, демонстрировали один из главных репрезентационных инструментов – «венчальную корону» Московии. Она была символом московского дома, его легитимности, его земной и божественной власти, уравнивая царя с императором через наследие Византии. Шапка Мономаха была известна в империи со времён Герберштейна, хотя тот звал её шляпой.⁷⁰⁸

Не менее характерно, что при Грозном подобный убор имел и царевич Иван – ясное указание на династическую преемственность в московском доме. Учитывая восхищение австрийцев, предположу, что как минимум внешнее впечатление от шапки было глубоким: московские обряды «работали». Неслучайно Кобенцель даже утверждал, что Шапка Мономаха превосходит убранство всех европейских владык и диадему самого папы, которую ландкомтур видел сам – сильная оценка ввиду его личного опыта.⁷⁰⁹

Иногда, впрочем, имперские послы видели, что царские инсигнии свидетельствовали лишь о желаемом статусе, но не реальной мощи царя, и более того, они ограничивали репрезентационные возможности обеих сторон, которые давала аудиенция. В 1589 году московиты открыто сообщили Никласу Варкочу: аудиенция будет заметно сокращена, ибо Фёдору «трудно долго выдержать на одном месте в таком облачении и с такой тяжёлой короной».⁷¹⁰ Налицо разительный контраст между декларируемой мощью символической фигуры потентата, его всевластного социального тела, и реальным биологическим телом последнего представителя выродившихся Рюриковичей.

Характерная черта московского, но не имперского ритуала – присутствие на аудиенции рынд, вооружённой охраны в золотом и белом, из числа высшей знати. Известно, что послы кайзеров были среди немногих делегаций, которых Иван IV и Фёдор принимали с

⁷⁰⁶ «Венец-коруна или собственно корона»: И. ЗАБЕЛИН, *Домашний быт русских царей*, том 2, стр. 1002.

⁷⁰⁷ J. POLIŠENSKÝ, *Poselství*, стр. 87. Слова «шапка» Варкоч не знал и не употреблял, отсюда и «корона»: дипломат описал не вполне знакомый предмет по его смыслу и предназначению.

⁷⁰⁸ С. ГЕРБЕРШТЕЙН, *Записки*, стр. 123. Герберштейн написал русское *schapka* рядом с латинским *pileus* и немецким *Hüet*.

⁷⁰⁹ Письмо Иоанна Кобенцеля, стр. 144. Как подчеркнул ландкомтур, даже его собственный император не выглядит на приёмах столь богато украшенным.

⁷¹⁰ J. POLIŠENSKÝ, *Poselství*, стр. 87. Это удивительное объяснение выглядит у Варкоча словами бояр, а не его собственным измышлением. Неясно, зачем московиты, обычно скрытные с «немцами», так открыто указали на очевидную, унижительную слабость царя. Была ли это игра Годунова по подготовке альянса с Габсбургами? О нём, однако, Варкочу в тот приезд ещё не говорили, так что это лишь версия.

рындами.⁷¹¹ Что это говорило «немцам» и почему рынд «показывали» именно им? Перед нами очередная отсылка к византийскому наследию Руси, которое надо было демонстрировать, в первую очередь, самому могущественному монарху Европы – всё ради того же мнимого статусного равенства. Папскому послу Антонио Поссевино Иван IV так и разъяснял: охрану держал при себе и «Мануйло, Царь Греческий», и это не только «гроза», но и «чин», то есть, утверждённый элемент статусной обрядности.⁷¹²

Имперским послам разъяснений никто не давал. Рынд они замечали не всегда, и не до конца понимали их функцию. Принц назвал их «двумя оруженосцами», а Гейс — «благородными мальчиками» с секирами: европейцам, таким образом, видится не византийский след, а нечто вроде института рыцарства или пажества на русский манер.⁷¹³ Варкоч и Кобенцель охрану вообще не заметили. К тому же, рынды могли усилить у европейцев аналогии между Московией и Востоком, как и персидские ковры, на которых помещались царь и его охрана.⁷¹⁴ Присутствие стражи было заметной чертой аудиенций султана Турции, о чём в империи не могли не знать.

Одеяние Ивана IV и Фёдора на посольских аудиенциях неизменно пышное и в русском стиле, оно всегда поражает послов обилием золота и самоцветов. Никлас Варкоч в первой миссии заметил «прекрасное одеяние» наряду с золотой «коронай» Фёдора.⁷¹⁵ Кобенцеля и Принца Иван Грозный встречал в русском «саженном платье» — очевидно, в платье Большого наряда с самоцветами и золотом.⁷¹⁶ Это не только символ богатства, но прежде всего, инсигния: так называемое Большое царское платье, как знак статуса монарха, часто демонстрировалось именно на посольских аудиенциях и особо отмечалось Посольским приказом вместе с другими инсигниями; его видел, например, бургграф фон Дона.⁷¹⁷

Относительно скромная одежда, «смирное платье» на царе и его свите были лишь в исключительном случае, например, при трауре по царевне Феодосии в 1594 году. Но и тогда одежда была не тёмной, а разноцветной. Характерно, что послу Варкочу причину этого недостатка торжественности объяснили особо: хозяева боялись ослабить визуально-

⁷¹¹ Л. ЮЗЕФОВИЧ, *Как в посольских обычаях*, стр. 103.

⁷¹² ПДС, том 10, столбец 224. Примечательно, что Грозный говорил об этом, отвечая на нападки своего врага Батория, который считал присутствие рынд на приёмах послов свидетельством агрессивности Ивана IV, его тяги к «кровопролитству».

⁷¹³ Д. ПРИНЦ, *Начало*, Начало, стр. 54, и С. ГЕЙС, *Описание*, стр. 17. Рынд пока двое, но к концу 16 века их станет четверо: показательное усиление статусных элементов ритуала на фоне угасания Рюрикава дома, а может быть, именно для компенсации этого фактора.

⁷¹⁴ Персидские ковры в 1589 году заметил Варкоч: J. POLIŠENSKÝ, *Poselství*, стр. 87.

⁷¹⁵ Ibidem.

⁷¹⁶ ПДС, том 1, столбцы 512-514. Сажненное платье, то есть, инкрустированное драгоценными камнями и жемчугом – частый атрибут аудиенций, а поскольку это инсигния, его наличие Посольский приказ нередко подчёркивает особо.

⁷¹⁷ Ibidem, столбец 556.

эстетическое впечатление от встречных церемоний; то же касалось и траура, который московские дипломаты носили за рубежом.⁷¹⁸

Послы поражались всему этому невиданному богатству, выставленному напоказ. Но то была политическая и эстетическая оценка дипломатов, которые взвешивали потенциал оппонента. Личная же, эмоциональная реакция порой парадоксальна: смех. Чаши и кафтаны не доказывают австрийцам высокий международный статус царя, а смешат несоответствием уровню развития Московии, укрепляют во мнении о неевропейских нравах москвитян. Принц и Кобенцель заметили бояр, которые переодевались в одежды друг друга ради демонстрации богатства, *«что, однако, восприняли мы более со смехом, чем с каким-либо удивлением. Невозможно сказать, как этот народ любит внешнее щегольство»*.⁷¹⁹ Дипломаты видели, что знать сотнями стекается к аудиенциям, и меняет свою недорогую одежду на роскошное платье из царских запасов. Немыслимый по имперским меркам карнавал.

Некоторые черты роднили московскую аудиенцию с имперской: например, приветствия друг от друга, передаваемые послами, у монархов было принято выслушивать стоя; о нарушении этого правила москвиты с негодованием доносили в Посольский приказ.⁷²⁰ И в Москве, и в Праге послы могли сидеть в процессе приёма у потентата, тогда как при дворе султанов это не позволялось.⁷²¹ С другой стороны, Кобенцелю позволили сесть не раньше, чем он произнёс императорское послание, а это длилось больше часа: в Кремле садиться перед царём было привилегией, которую монарх даровал послу лично.⁷²²

Но сама по себе кремлёвская аудиенция неизбежно должна была вызвать у австрийцев аналогии с известными им ритуалами Турции, что не могло не сказаться и на восприятии москвитов как восточного народа, пусть обряды Москвы и Стамбула и не во всём совпадали. И в Московии, и в Порте подарок или грамоту не вручали монарху напрямую,⁷²³ хотя в Кремле это иногда случалось с грамотами и подарками лично от императора: Иван IV принял Максимилиановы дары от Кобенцеля сам, но уже подарки от

⁷¹⁸ Ibidem, том 2, столбец 57. В «смирном» чёрном платье отправились в империю посланник Молвьянинов и подьячий Васильев: в Москве был траур по царевичу Ивану, убитому Грозным. Эту необычную одежду Посольский приказ велел комментировать особо. Фраза *«В такой скорби будучи, как ходить в платье в цветном?»*, которую произнёс Молвьянинову, указывала, что разноцветная одежда была для царских послов нормой: ПДС, том 1, столбец 854.

⁷¹⁹ *«Сам Великий Князь также имеет обыкновение показывать иностранным Послам своё великолепие со сколько возможно большим тщанием»*, — добавил Д. ПРИНЦ, *Начало*, стр. 53.

⁷²⁰ Не встал, например, Рудольф II, принимая 7 июля 1582 Молвьянинова: ПДС, том 1, столбцы 868-873

⁷²¹ Н. RUDOLPH, *The Material Culture*, стр. 231.

⁷²² Письмо Иоанна Кобенцеля, стр. 144.

⁷²³ Н. RUDOLPH, *The Material Culture*, стр. 231.

послов и дворян ему передали через придворных.⁷²⁴ К другим совпадениям надо отнести речевой лаконизм и дисциплину встречных аудиенций. Всё это подчёркивало абсолютную власть повелителя, который на аудиенциях вёл себя и беседовал крайне сдержанно.⁷²⁵

В случае с Московией речь шла об уже описанных «живых декорациях» из молчащих бояр, дворян и дьяков, которые вызывали у «немцев» оцепенение: Варкоч отмечал своего безмолвность и неподвижность царской свиты, которая стояла в качестве декорации и даже не приветствовала его, так и что и посол не снял шляпы в ответ.⁷²⁶

Иногда «живые декорации» заменяли в Московии даже элементы архитектуры. Кобенцелю и Принцу в Можайске аудиенцию дали в обычной «избе», деревянном строении. Это исключало традиционный обряд встречи: у избы не было крылец, ворот и лестниц царского дворца, у которых делегации ритуально останавливались для их приветствия. У Грозного нашли выход: крыльцо и лестницу изображали неподвижные группы придворных. Они служили и вехами для остановки, и командами для встречи во главе с князьями Иваном Звенигородским и Петром Татовым соответственно.⁷²⁷ Как видим, отступление от ритуала, как видно, в Московии старались совершенно исключить, а делегации кайзера официально выражали уважение.

Ещё один пример «живых декораций» — толпы простого народа, солдат и даже служащих (детей боярских, дворян), которые бросали работу и выстраивались вдоль пути следования делегации. Для служилых людей это была часть службы, причём нередко им выдавалась нарядная одежда из казны; простонародье сгоняли на встречу принудительно. Результат — шеренги из тысяч человек, включая сотни вооружённых солдат, особая честь для гостя; в исключительных случаях такие встречи и проводы сопровождалась орудийным салютом и колокольным звоном.⁷²⁸ Всё это можно будет видеть и в имперских центрах власти при встречах москвитов, кроме принудительно согнанных толп, поэтому отмечу «живые декорации» как сугубо московское средство репрезентации, символизирующее (но не доказывающее) и людность, и богатство царских земель.

⁷²⁴ ПДС, том 1, столбец 513.

⁷²⁵ H. RUDOLPH, *The Material Culture*, стр. 216-220. Надо отметить, что никто из австрийских послов прямых параллелей между царём и султаном всё же не проводил. Что касается речей, здесь Москва иногда бывала полной противоположностью Стамбулу: если аудиенция предполагала переговоры по существу, иностранного дипломата буквально затапливал поток нарочито пространных и повторяющихся речей бояр и чиновников, в которых он должен был запутаться: В. КЛЮЧЕВСКИЙ, *Сказания*, стр. 57.

⁷²⁶ Нередко в Кремле собирали и горожан представительного вида, с длинными бородами, которые сидели возле знати, но в остальном никак не участвовали в церемонии.

⁷²⁷ ПДС, том 1, столбцы 512-514.

⁷²⁸ Салют устраивался особенно тогда, когда других почестей оказать не получалось: покидая Московию через Архангельск, где сотен стрельцов, видимо, не было, Варкоч слышал пальбу из пушек и даже ружей, а стрельцов заменяли обычные гребцы: J. POLIŠENSKÝ, *Poselství*, стр. 116.

В Московии, как и на Востоке, целование руки потентата на аудиенции было более распространено, чем на Западе, правда, посла при этом не ставили на колени, как в Стамбуле.⁷²⁹ Хотя обычай рукоцелования бытовал и в Европе, в Кремле его соблюдали с большей неукоснительностью. При Грозном, более того, Кобенцеля и Принца пригласили целовать не только царскую руку, но и руку царевича Ивана.⁷³⁰ Возражений по этому поводу от имперских дипломатов не поступало, так что обряд считался нормальным – Принц даже отметил, что они с Кобенцелем поступили «по нашему обычаю».⁷³¹

Неожиданный случай рукоцелования встречаем в первой миссии Никласа Варкоча в 1589: посол поцеловал руку приставу, боярину Фёдору Писемскому, когда тот представился и сообщил, что отряжает 20 дворян к услугам делегации.⁷³² Это выглядит как серьёзный церемониальный просчёт. Целование руки не было жестом, принятым в империи между равными по положению знатными людьми: если боярин Писемский и стоял в Московии выше, чем Варкоч у себя дома, то вряд ли намного. Формально же боярин вообще был приставом и поступил в распоряжение Варкоча, которому должен был угодать.

Примечательно и иное: сам Писемский знал, что они с послом стоят на одной ступени иерархии. Когда в Москве выясняли, кто такой Никлас Варкоч и каких почестей он достоин, то заключили, что он «у Цесаря думный дворянин»,⁷³³ а тот же титул думного дворянина носил в 1589 году Фёдор Писемский. Возможно, силезец потому сделал этот жест крайнего почтения, что был впечатлён радушным приёмом, или дипломатично подыграл своему визави, о котором он вообще отзывался теплее, чем о любом другом русском.⁷³⁴ Писемский, в свою очередь, мог понять поцелуй руки однозначно: посол уважает его иерархическое верховенство и общее старшинство, а в его лице признаёт и примат царя Фёдора, так как дипломаты общались сугубо официально.⁷³⁵

Отдельная часть московских ритуалов связана с головными уборами. Как представляется, шапка, особенно из меха – одновременно символ статуса его носителя и его «русскости»,

⁷²⁹ Н. RUDOLPH, *The Material Culture*, стр. 229. На колени вставать всё же приходилось: Кобенцель упоминал, что он приветствовал Ивана IV коленопреклонённым (видимо, и Принц тоже), чего у дальнейших послов уже не было: Письмо Иоанна Кобенцеля, стр. 143.

⁷³⁰ ПДС, том 1, столбцы 513-514.

⁷³¹ Д. ПРИНЦ, *Начало*, стр. 54.

⁷³² J. POLIŠENSKÝ, *Poselství*, стр. 84-85.

⁷³³ ПДС, том 1, столбец 1101.

⁷³⁴ «За столом он вёл себя очень изысканно, а в беседе показал себя весьма мудрым и приятным человеком. Таких, как он, мало меж московитами, которые тоже считают его за красноречивейшего и искущённейшего при дворе»: J. POLIŠENSKÝ, *Poselství*, стр. 85. Лестная характеристика Писемского особенно ценна на фоне нелестного мнения Варкоча о московитах в целом: они, выходит, не слишком воспитанны и мудры. Особенно если учесть, как раздражали имперцев именно застольные нравы русских.

⁷³⁵ Точный возраст Писемского на тот момент неизвестен, но он был немолодым, опытейшим дипломатом и чиновником, и следственно, намного старше силезца.

царского подданства. Эта обрядность – одна из наиболее понятных австрийцам: снятие шапки было универсальным жестом. Захарий Сугорский и Андрей Арцыбашев на встречной аудиенции 16 июля 1576 года в Регенсбурге не раз снимали и надевали огромные шапки на долгой процедуре входа и приветствий. Поведение это было отмечено имперцами особо и истолковано как жест большого уважения со стороны гостей.⁷³⁶

Однако иногда москвиты пускаются на шапочные манипуляции, чтобы обмануть имперских визави: снимая большие меховые шапки, они оставляли на голове маленькие, тканевые, которые уже якобы нельзя было снимать. Посол Варкоч, которого таким образом встретили, расценил это как попытку символически «переиграть» его императора, и тоже отказался снимать шапку, несмотря на давление своих визави. Это стало причиной конфликта, который стороны «завершили вничью».⁷³⁷

«Шапочную» церемониальную игру москвиты устраивают неизменно, и дома, и в гостях, и нередко с пользой для себя. В 1595 году Вельяминов и Власьев перехитрили своих пражских встречников, предложив им снять шапки первыми, на том условии, что москвиты обнажат голову вскоре после них, когда услышат имя Рудольфа II. Так и было сделано. Показательно, что о русских шапочных пререканиях хорошо знал бывший тут же Никлас Варкоч, который и предложил, чтобы Вельяминов и Власьев сняли головные уборы первыми при виде встречников.⁷³⁸ Варкоча, однако, не послушали, и чешские встречники приняли условие дипломатов. В глазах москвитов их церемониальная победа граничила с разгромом: ведь Варкоч знал «правила игры», так что оппоненты должны были понять, что «проиграли», тем более что встречники и из кареты вышли первыми, подойдя к повозке Вельяминова пешком.

Все эти бесконечные уловки и церемониальная борьба, самодовлеющая помпезность и негибкость московских ритуалов не могли не работать на восприятие австрийцами Московии как «варварской» восточной державы, особенно на фоне постоянных ограничений, вроде запрета на переписку и передвижение. Достаточно сказать, что точно такой же обычай в то же время, и в первую очередь применительно к германским

⁷³⁶ Neue Zeitung von der Audienz der Moskowitischer Gesandtschaft bei dem Kayser. Опубликовано в: F. HÄBERLIN, *Neueste Teutsche Reichs-Geschichte*, том 10, Vorrede, стр. XLI.

⁷³⁷ J. POLIŠENSKÝ, *Poselství*, стр. 86. Этот жест посол расценил как откровенно невежливый, таким образом, русские не столько добились превосходства, сколько испортили впечатление от церемонии и привели к «ничьей»: Варкоч заставил бояр снять и маленькие шапки, и только тогда снял и свою.

⁷³⁸ Варкоч настаивал на этом перед послами, так как «*речь до них Цесарская*»; это тот же аргумент, который ему в своё время предъявляли москвиты: ПДС, том 2, столбец 324.

дипломатам, существовал в Стамбуле, где имперское посольство вообще походило на крепость, охраняемую снаружи – иначе говоря, на тюрьму.⁷³⁹

VII. 2. Имперский ритуал встречи: непостоянство и сдержанность

Сравнивая имперский встречный церемониал московских послов с кремлёвским – для имперцев, нельзя не заметить две особенности. Во-первых, показательна скромность и относительная простота церемоний: австрийцы явно не ставили задачу впечатлить московитов помпой и размахом. Во-вторых, как и в случае с пирами, видна готовность имперцев адаптировать ритуалы для встречи восточных гостей, которые часто требовали делать всё на их лад. Церемонии, которые имперцы разворачивают для московитов, часто выглядят бессистемными и импровизированными. Сочетание двух этих факторов подчас оставляет обманчивое ощущение событий «вне ритуалов», неправдоподобно упрощённых обрядов, несвойственных строгому и сложному испанскому церемониалу.

Местом контакта московских послов и встречающих обычно служил рубеж или окраина города, где пребывал император, а не граница Чехии, Баварии или Австрии. Как и в Московии, дипломатам предоставляли экипаж, сначала для сопровождения к квартире, а позже и для доставки на аудиенцию. Но имперские встречники могли ехать в нём вместе с послами, тогда как в Московии дипломаты обычно ни с кем повозку не делили – эксклюзивность экипажа и роль седоков, тем самым, несколько понижалась. Экипажи эти в статейных списках описывались скупо, так что играли роль больше транспортного, чем репрезентационного средства: золочёной московской сбруи здесь не видно. Часто это была повозка, обитая чёрным бархатом.⁷⁴⁰ Если в запряжке были испанские лошади, московиты отмечали это особо: на Руси эта порода тоже была известна и считалась, видимо, престижной, раз именно испанских лошадей в Москву везли Варкоч и фон Дона.

Экипаж подавался непосредственно в городе, куда прибывают послы, хотя в империи понимали: чем дальше расстояние, на котором встречают послов, тем почётнее. Не зря Даниэль Принц, принимая посла Новосильцева, сожалел – несколько преувеличенно – что не встретил гостя «за 50 верст» от Праги.⁷⁴¹ Встречи на столь престижном удалении,

⁷³⁹ Н. RUDOLPH, *Entangled Objects*, стр. 17.

⁷⁴⁰ ПДС, том 2, столбец 327. Повозки полагались только послам, тогда как остальным членам посольства давали верховых лошадей. Вельяминов и другие послы неизменно упоминают, были ли повозки запряжены кобылами или конями – очевидно, это имело какое-то значение для московских дипломатов. В 1576 году в Праге, проездом в Регенсбург, Сугорский и Арцыбашев также ехали в повозке, обитой чёрным бархатом: *Ibidem*, том 1, столбец 668.

⁷⁴¹ *Ibidem*, столбец 937.

однако, москвиты не получали: максимум, о чём шла речь, это приветствие от местных властей с сообщением о гостях к столицу.

Гонец, как, например, Афанасий Резанов, мог получить вместо повозки лошадей.⁷⁴² В добавление к транспорту, посольству мог придаваться и сопровождающий, которого москвиты звали приставом, и на этом церемония завершалась. Посланцы с востока могли и вовсе не устаиваться встречи, как было с делегацией Молвянинова и Васильева в Праге и Аугсбурге: всё, что им там предложили, это 90 иоакимсталеров на оплату ночлега, которые они возмущённо отвергли.⁷⁴³

В империи не строго придерживались ритуала вопрошания о здоровье царя при встрече московских дипломатов, на что те всегда указывали, так как в империи об этом обряде знали.⁷⁴⁴ Самый яркий конфликт по этому поводу вспыхнул в Праге в 1595 году:

Вельяминов прервал приветствие главы чешских встречников, Криштофа Попела из Лобковиц, так как сперва полагалось спросить о здоровье царя. Возражение, что этот вопрос доктор Георг Каль собирался задать следом, москвиты отмели, после чего встречники извинились и уступили.⁷⁴⁵ Чех, впрочем, сохранил лицо: он не стал вопрошать о здоровье царя сам, а передал слово Калю, который как бы начал приветствие заново.

Примечательно, что если имперские послы нередко делились впечатлениями от Москвы или Смоленска, где получали встречу, в статейных списках царских послов сложно найти следы эмоций и подробные описания: и сама церемония встречи, и новая реальность, в которую погружались русские, рассматривалась строго со служебной позиции. Сложно поэтому сказать, что ощущали выходцы из Московии при виде пражских башен или венских дворцов, и резонно предположить, что и со своими имперскими визави они по дороге мало общались. Нигде не упоминалось, что русские послы, не знавшие немецкого, сами заводили беседы с «приставами». Это вполне понятное поведение могло лишь усиливать впечатление о них как о замкнутых, экзотических «других», инокультурных пришельцах.

Контрастом к московской изоляции в империи служили развлечения, которые предлагались дипломатам. Здесь важны были практические соображения: пиры, куда

⁷⁴² Ibidem, столбец 824.

⁷⁴³ Ibidem, столбец 866. Имперцы особо отметили, что статус гостей слишком низок для таких претензий, тем более что снабжать иностранцев в Праге вообще *«не в обычае»*.

⁷⁴⁴ Гонца Скобельцына никто о здоровье Ивана IV не спрашивал, в силу низкого статуса дипломата, из-за которого он и аудиенцию получил не сразу: Статейный список Константина Скобельцына, стр. 312.

⁷⁴⁵ ПДС, том 2, столбцы 324-325. На встрече с чешскими дворянами перед пиром всё повторилось: москвиты снова требовали вопрошания о здоровье царя.

звали Лукьяна Новосильцева, служили целям повлиять на позицию Кремля по Турции, а приглашение на мессу членов делегации Сугорского должно было приобщить их к имперской переговорной позиции. Но ещё развлечения служили знаком формального почёта и инструментом саморепрезентации Рудольфа II. Однако с москвитями этот инструмент не срабатывал, что показывает посещение императорского зверинца двумя дипломатами, Лукьяном Новосильцевым и Пьер Бержероном. То, что это был парк в летнем дворце «Звезда», видно лишь из дневника француза: он детально описал архитектуру и историю здания, и упомянул быков-туров в парке.⁷⁴⁶

Практичный Новосильцев смотрел иной оптикой: «Звезду» он скуп описал как некие «*саду полаты*», возле которых гуляли «*козы дикие*», зато подробно рассказал об оранжереях с фруктами – притом вся эта локация описана у него сдержаннее, чем истинное место статуса, усыпальница императоров в соборе Святого Вита, по-настоящему увлекавшая москвитя.⁷⁴⁷ Гонец Афанасий Резанов тоже был приглашён на некий «*потешный двор*», где развлекался император, но не поделился деталями: это было неофициальным походом, а кроме того, гонец явно остался равнодушным – неясно даже, что это был за двор, где именно он был, и чем там «тешились».⁷⁴⁸

Типичной во многих отношениях посольской встречей – а в империи речь пойдёт о комплексе «первое приветствие – аудиенция», стал приём в Регенсбурге послов князя Сугорского и дьяка Арцыбашева в 1576 году. Его поэтому стоит рассмотреть не по элементам, а комплексно, чтобы получить целостное и наглядное ощущение, тем более что этот визит отражён в источниках обеих сторон с особенной полнотой.

Встреча началась пышно. Посольство въехало в Старый город Регенсбурга с севера, так как пересекло Реген (русские приняли его за Рейн), а потом Дунай. За ним москвиты насчитали 500 всадников встречной кавалькады, а затем до двух тысяч латников с бердышами и ружьями, которые носили знамёна и стреляли под звон колоколов. Выход из карет дипломатов и встречающих был одновременным, после чего от имперцев последовал лестный ритуальный вопрос о здоровье Грозного.⁷⁴⁹

Москвитов всё это явно впечатлило: приём, напоминавший кремлёвские обряды, они описали крайне подробно – а ведь это были лишь проводы к резиденции, даже не визит к

⁷⁴⁶ E. Fučíková (ред.), *Tři francouzští kavalíři*, стр. 62. Бержерон был в парке в один период с Новосильцевым, в 1600 году, на 15 лет позже москвитя.

⁷⁴⁷ ПДС, том 1, столбцы 953-954. Новосильцев, например, перечисляет имена упокоившихся там королей и кайзеров и описывает почётное место, где сидел на мессе Рудольф II.

⁷⁴⁸ *Ibidem*, столбец 825.

⁷⁴⁹ *Ibidem*, столбцы 670-671.

кайзеру. «Пристав» Даниэль Принц сообщил, что такая встреча положена герцогам и курфюрстам,⁷⁵⁰ и похоже, его комментарии польстили послам. На квартиру их везла карета с четырьмя испанскими лошадьми; в знак уважения её прислал император.⁷⁵¹

Но аудиенция 16 июля разочаровала гостей скудостью. Платье Максимилиана II по московским меркам приличествовало скорее трауру. Послы описали его как «дылею» чёрной шёлковой ткани с бархатным подолом и чёрными шёлковыми пуговицами. Вряд ли кайзер носил именно дылею, длинную польскую одежду без рукавов, но видимо, это был ближайший европейский аналог, который москвиты знали.⁷⁵² Довершали наряд чёрная бархатная шляпа и маленькая золотая цепь; занавес из золотой парчи и обитый красным бархатом стул составляли весь интерьер: красно-чёрно-золотая «имперская» цветовая гамма была символична, но послы этому не придали значения.

Москвиты были больше озабочены важным для них ритуальным промахом: Максимилиан II не звал их к руке, пока Сугорский не пожаловался Принцу.⁷⁵³ Принц оправдался забывчивостью, что не должно обманывать: ритуалы приёма при дворе кайзера были отработаны в подробностях, но там умели и импровизировать для предотвращения дипломатических неприятностей с инокультурными послами. Судя по всему, рукоцелование не планировалось. Дополнительным, но непонятым жестом почёта стала присылка к москвитам на дом императорских музыкантов.⁷⁵⁴ Впечатления это не произвело: жест оказался формальностью, которая игнорировала культурные различия сторон, а потому была лишь сухо отмечен в статейном списке.⁷⁵⁵

Судя по немецкому известию о той же аудиенции, Сугорскому был оказан даже меньший почёт, чем он думал. Аудиенция там была названа не публичной, а частной. Отмечался непарадный наряд Максимилиана II, который предстал перед москвитами «*in ihrer reglichen Kleidungen*».⁷⁵⁶ Акцент на одежде намекает как на то, что Сугорский и Арцыбашев были сочтены особами заурядного статуса, так и на то, что за документом

⁷⁵⁰ Ibidem, столбец 673. Это тем более примечательно, что по московским понятиям посольство было «лёгким» и содержало три десятка членов.

⁷⁵¹ Принц играл, по сути, роль церемониймейстера и пояснял имперский ритуал: когда подали карету, это он рассказал послам, что её прислал кайзер: Ibidem, столбец 670-671.

⁷⁵² Ibidem, столбец 675.

⁷⁵³ Это не единственный «просчёт» имперцев, по мнению, москвитов: послов никто не встречал у крыльца и не приветствовал по пути, о чём они, конечно, написали в Посольский приказ: Ibidem, столбцы 675-676.

Перед нами дополнительное свидетельство того, что свой обычай москвиты считали универсальным.

⁷⁵⁴ Это опять-таки комментировал Принц: Ibidem, столбец 677.

⁷⁵⁵ Оркестром кайзера восторгался француз Бержерон: «За обедом для нас играла превосходная императорская музыка с великолепным исполнителем на виоле»: E. FUČÍKOVÁ (ред.), *Tři francouzští kavalíři*, стр. 66. Яркий контраст с сухой, «инокультурной» реляцией русских: им этого виртуоза пришлось *терпеть*.

⁷⁵⁶ Neue Zeitung von der Audienz von der Moskowitzischen Gesandtschaft den dem Kayser (ex Codice MS Gebhardino n. 72), опубликовано в: F. HÄBERLIN, *Neueste Deutsche Reichs-Geschichte*, том 10, Vorrede, стр. XL.

стоял некто весьма осведомлённый из императорской канцелярии – видимо, Принц.⁷⁵⁷ Кроме понятного стремления поддержать честь и статус кайзера, силезец мог выставить князя и дьяка в невыгодном свете по личным мотивам, из неприязни. Их совместная поездка из Москвы в Регенсбург сопровождалась стычками именно на статусной почве: кто вправе организовывать быт этой русско-немецкой группы дипломатов, а кто нет.⁷⁵⁸

Требование рукоцелования, с которым выступил Сугорский, автор известия превратил в символ превосходства кайзера над царём. Из протокольного жеста оно стало почестью, которой жаждали раболепные москвиты, стоявшие без шапок и «*abermals grosser reuerentz gethan, die Hände gekust*».⁷⁵⁹ А если послы опознали своего испанского коллегу Франсиско Уртадо де Мендосу, который стоял прямо подле императора, то неизбежно заключили: вечный царский наказ – добиваться у кайзера высших почестей, чем другие дипломаты – они на сей раз не выполнили.

Этим сообщением австрийцы вывели церемониальный поединок с восточными оппонентами в публичную плоскость. Они утвердили московский «образ другого» и заручились важным преимуществом. Если московские «спектакли власти» редко распространялись дальше внутрикремлёвской публики, то имперские, благодаря печатной политической пропаганде, становились достоянием куда более широкой аудитории – и порой с репутационными потерями для московских элит. Нарратив о москвитях, раболепствующих перед тираном-царём, а теперь и перед чужим потентатом, не звучит прямо, но хорошо читается. Надо отметить, что встречи и аудиенции московских дипломатов вообще описывались в печатной и рукописной продукции активнее всех других элементов их визита, при этом яркое первое впечатление вкупе с недостатком информации могло вести к вымыслам или неточностям.⁷⁶⁰

⁷⁵⁷ Составитель или консультант был на аудиенции и знал и о её ходе, и о целях миссии Сугорского, и о том, как её приняли. Едва ли кто знал это лучше Принца. Кроме того, и о самом «*Даниэле-силезце*» в известии есть яркое упоминание как о переводчике и спутнике Кобенцеля, с деталями поездки в Москву: «*Daniel prinner ein Schlesier, so midt dem Cobenzel in der Muscow gewesen, undt mit diesen Gesandten erst ibo wieder heraus yuruck gekommen*»: Neue Zeitung von der Audienz, стр. XLI.

⁷⁵⁸ Есть вторая, малоизвестная версия статейного списка Сугорского, которую открыл Яков Лурье, а Михаил Бойцов обосновал как именно список, а не путевой дневник. Она описывает перебранки Принца и послов из-за того, какой пищей питаться, русской или немецкой, и на чей счёт её покупать: документ Российской Национальной Библиотеки, фонд РНБ ЭС 98, листы 150-151 цитирует Я. ЛУРЬЕ, *Новые данные*, стр. 295.

⁷⁵⁹ Neue Zeitung von der Audienz, стр. XLIV.

⁷⁶⁰ Когда в Прагу в 1595 году въехал кортеж Вельяминова и Власьева, хронист описал одного из послов как «*Ивана Витжиуса*», не существовавшего в реальности, длиннобородого седого старика, с которым был некий «*канцлер великого князя*», высокий, сильный и молодой: M. BYDŽOVSKÝ Z FLORENTINA, *Svět*, стр. 232. Подробно описан въезд: до 500 встречников и карета с шестью отборными лошадьми. «*Иваном Витжиусом*» явно был Михаил *Иванович* Вельяминов. «Канцлер» более загадочен. Так в Европе звали главу Посольского приказа, но тот в силу должности в посольства не ездил, так что вероятно, это Власьев, мозг миссии.

В остальном же заочная церемониальная «битва» в Регенсбурге завершилась стандартно: каждая сторона приписала «победу» себе. Отмечу разительный контраст между пышным следованием послов к дворцу и объективно скромной аудиенцией. Всё это выглядит церемониальной импровизацией «специалиста по Московии» Даниэля Принца, которая добилась своей цели: гости, в целом, остались довольны, и видимо, не осознали, что и хозяева подчеркнули своё статусное превосходство за их счёт.

Посольство Сугорского необычно не только гибким церемониалом, но и тем, что австрийцы его разделили, предложив некоторым дипломатам особые условия. В делегации были двое ливонцев с русифицированными именами Третьяк Зубатый и Мамлей Ильин; 22 июля 1576 года оба, с дозволения Сугорского, были приглашены на мессу.⁷⁶¹ Вернувшись, они описали поход и знатных особ, которых видели. Мессу, пусть иноверную, у Сугорского восприняли как официальное мероприятие: немцы посетили её не частным образом, а как члены посольства, ну а почётное присутствие императора и знати говорило само за себя.⁷⁶²

Если в Кремле делали ставку на богатство интерьеров, то в императорских дворцах убранство было куда скромнее, но с характерными статусными деталями, которые требовали от послов обращать внимания на знаки европейской культуры. Третья аудиенция Сугорского и Арцыбашева, 7 августа 1576 года, прошла в той же комнате, что и первая, но теперь там стояли сразу двое часов на столике красного бархата. Он был центром обстановки; Максимилиан II сидел за ним один.⁷⁶³ Демонстрация часов, предмета роскоши и символа европейского технического превосходства, была одновременно и средством репрезентации, и видимо, намёком Сугорскому на то, что время императора ограничено. Московиты слишком активно добивались аудиенций у тяжелобольного Максимилиана II, которому оставалось жить два месяца. Судя по тому, что тактика посольства не сменилась, намёк был не понят или проигнорирован – причём в ущерб

⁷⁶¹ ПДС, том 1, столбцы 679-680. На немецком плакате это загадочные «Третьяк Дмитриевич Зубатый» и «Мамлей Иванович Ильин», но это вряд ли настоящие имена, с чем согласен и М. БОЙЦОВ, *Различные взгляды*, стр. 332. Но их происхождение и веру австрийцы заметили – возможно, благодаря переводчику миссии Петру, которого имперцы подкупили за 50 гульденов: F. HÄBERLIN, *Neueste Teutsche Reichs-Geschichte*, том 10, Vorrede, стр. LIX.

⁷⁶² На мессе были архиепископ Кёльна, папский легат и брат императора Фердинанд. Визит немцев в храм, кроме того, мог потребоваться Сугорскому, чтобы оправдать их присутствие в делегации. Послам запрещалось брать за рубеж сопровождающих-немцев, которые были лишь приставлены до границы к уезжавшему Принцу: М. БОЙЦОВ, *Различные взгляды*, стр. 335. Но Сугорский то ли счёл запрет ничтожным, то ли попытался оправдать своё самоуправство докладом о походе Третьяка и Мамлея в регенсбургский собор, иначе он не стал бы подробно описывать почести, которые им воздали. Он мог бы вообще не упомянуть об этом. Но подчёркнуто, что оба московских немца сидели на очень почётных местах, «мало не над Цесарем»: ПДС, том 1, столбец 680. Дополнительная честь царю.

⁷⁶³ Ibidem, столбец 683.

репутации самих москвитов, которых имперские дворяне подчас считали чуть ли не непосредственными виновниками смерти Максимилиана II, уже не выносившего бремени аудиенций.⁷⁶⁴

Угасание кайзера потребовало от хозяев внести редкие коррективы в церемониал. Отпускная аудиенция, которую Сугорский и Арцыбашев получили в Регенсбурге 15 сентября, была беспрецедентной по драматургии: за месяц до смерти Максимилиан II принял миссию лёжа, в спальне, куда москвиты вошли тихо и без приветствий. На императоре был коричневый «кафтан» («юпа, сукно бурнатно»), такой же пуховой колпак на подкладке чёрного бархата, и одеяло из золочёного дамаста: если чёрно-золотая гамма подразумевала традиционные цвета Габсбургов, то москвиты опять этого не заметили.⁷⁶⁵

Свиты не было: присутствовали лишь два камергера, польский прогабсбургский деятель Альберт Ласский и Принц в качестве переводчика. Здесь же статейный список Сугорского уточняет: первую аудиенцию, 16 июля, делегация, получила поблизости от спальни кайзера, в некой «малой палате». Обе встречи, тем самым, проходили в камерной обстановке, не похожей на позолоченные залы Московии. Но скромность с лихвой компенсировалась ореолом места: все аудиенции Сугорского проходили в личных либо камерных покоях Максимилиана II («малая палата»), или даже в спальне. Доступ сюда был привилегией: у Габсбургов это было пространство, попадание в которое уже само по себе считалось символом избранности – пусть москвиты и попали туда вынужденно.⁷⁶⁶

Можно представить себе, что сам кайзер стремился подчеркнуть уровень доверия и почтения к «Москвиту»: имперцам ничего не стоило лишиться Сугорского аудиенции, которая уже ничего не решала, как они делали и до, и после этого. Можно предположить, что москвиты уловили этот посыл формального доверия, хотя бы отчасти: царские покои тоже были святыней Кремля, хотя при Грозном жёсткая ритуализация и помпезность церемониала уже делала личное пространство непригодным для дипломатической коммуникации.⁷⁶⁷

⁷⁶⁴ Так, в среде чешского дворянства обвинение в том, что москвиты лишили императора последних сил, встречаем в дневнике Павла Корки из Коркине: Zdeněk VYBÍRAL (ред.), *Paměti Pavla Korky z Korkyně: Zápisky křesťanského rytíře z počátku novověku*. Pelhřimov 2014, стр. 225. Корка сделал этот вывод на основе личных наблюдений, так как был в Регенсбурге с императором.

⁷⁶⁵ ПДС, том 1, столбец 701.

⁷⁶⁶ Подробнее Mark HENGERER, *Access at the Court of the Austrian Habsburg Dynasty (Mid-Sixteenth to Mid-Eighteenth Century): A Highway from Presence to Politics?*, in: Dries RAEYMAEKERS — Sebastiaan DERKS (ред.), *The Key to Power?: The Culture of Access in Princely Courts, 1400-1750*, Leiden-Boston 2016, стр. 125.

⁷⁶⁷ В 1584 году королева Англии Елизавета I в знак доверия приняла русского посла в саду, и удостоилась отповеди из Кремля. Там сочли позором, что посла приняли «в огороде»: доверительная межличностная коммуникация показалась приземлённой, низкой: Л. ЮЗЕФОВИЧ, *Как в посольских обычаях*, стр. 96.

Скромными выглядят как церемонии для московитов, так и непривычное убранство комнат, где их выслушивал император. В 1595 году делегацию Вельяминова и Власьева принимали не в зале, а в спальне Рудольфа II, с обоями из тиснёной кожи и небольшим стулом, и этот скучный интерьер, конечно, был отмечен: больше глаз московитов ни на чём не остановился. Под стать была и одежда Рудольфа II из чёрного бархата с минимумом украшений, включая кинжал-корд.⁷⁶⁸ Любопытно, что это платье послы описали как «немецкое», не отличая его от испанской моды, которую император любил всю жизнь.⁷⁶⁹ «Платье немецкое обычное» ранее видел на Рудольфе и Молвянинов.⁷⁷⁰

Здесь упоминается не просто некая «одежда немца», а ещё и семантическое поле «немецкий» — «чуждый, иноязычный, инокультурный». Дипломаты едва ли разбирались в европейском костюме. Они просто описали одежду Рудольфа II как признак «другого», как наряд, типичный для «немцев» и германского зарубежья, и шире – как наряд обыденный, непримечательный, особенно с точки зрения московитов, ждавших кайзера в ярком убранстве наподобие царского. Вельяминову и Власьеву скрасило впечатление лишь обилие знатных сановников, которых они переписали поимённо, дабы хоть так придать миссии почёта. И хотя они не назвали приём неподобающим, в статейном списке звучит неприкрытая досада: послов оставили и без пира, и без корма.

Если послам и посланникам оказывали хоть какие-то почести, встреча московского гонца вообще порой не выглядела официальным императорским мероприятием. Того же Резанова в 1581 году принимал обер-гофмейстер Адам Дитрихштейн; скромную встречу он объяснил поведением самих гостей, которые не известили о приезде – традиционный аргумент австрийцев. На аудиенции Рудольф II был, но бездействовал: переговоры вёл некий доктор (видимо, права), чьё имя Резанов, против обыкновения, даже не выяснил.⁷⁷¹

Малолюдность имперских аудиенций представляла собой громкий контраст с толпами в Кремле. Нередко императора сопровождали лишь несколько придворных; 30 габсбургских сановников, которые пришли на аудиенцию Молвянинова, выглядят едва ли не

⁷⁶⁸ «А платье на Цесаре было Немецкое короткое: бархат чорн да цепочка невелика, да корд Немецкой»: ПДС, том 2, столбец 334. Кинжал-корд особой реакции не вызвал, хотя был необычен на аудиенции: в Московии цари редко демонстрировали на приёмах вооружение или доспех. Само описание одеяний императора было сделано в силу того, что они показались необычно скромными. Чёрный бархат Рудольф II носил часто.

⁷⁶⁹ Milena HAJNÁ, *The International Wardrobe of Emperor Rudolf II: Visual and Textual Representations of an Early Modern Emperor's Clothes (1552–1612)*, in: Isabelle PARESIS – Natacha COQUERY (ред.), *Se vêtir à la cour en Europe 1400-1815*, Villeneuve d'Ascq 2011, стр. 128.

⁷⁷⁰ ПДС, том 1, столбец 869.

⁷⁷¹ Рудольф II непредсказуем: с Резановым он не стал общаться, а на аудиенции с Новосильцевым в 1585 году вдруг произнёс долгую речь, «великое голомя», как образно выразился посол, употребив слово, означающее открытое море: Ibidem, столбец 944.

максимумом – сравним с сотнями разодетых дворян и бояр в Кремле.⁷⁷² Около 30 человек были и на аудиенции Вельяминова (москвиты не посчитали точно).⁷⁷³

Но даже когда встреча московского дипломата не была почётной, он усматривал в ней почести и церемониальные победы, сообразно своим представлениям о репрезентации царского статуса. Ждана Квашнина в январе 1578 года в Вене встретили и разместили без помпы, даже без депутации дворян: якобы, посланника не хотели беспокоить с дороги. Предлог выглядит надуманным, хотя с учащением посольского обмена имперцы поймут, что никакие почести не кажутся русским чрезмерными.

Зато на аудиенции у кайзера 21 января Квашнин отыгрался: он подъехал, по его гордому описанию, «на аргамке до лестницы».⁷⁷⁴ По московским меркам, он спешился так близко от места приёма, как имперский дипломат его ранга в Кремле не мог и мечтать.

Посольский приказ получил отчёт о ритуальной победе Ивана IV, и Квашнина не смутило, что в Вене этот обычай не работал. В отличие от Москвы, в империи не было ритуальной взаимосвязи между знатностью сановника, и тем, как близко к дверям потентата его подвезли на аудиенцию.⁷⁷⁵ Если москвиты считали подвоз к крыльцу или лестнице честью, в Вене об этом не знали либо забыли со времён Герберштейна.

В империи отсутствовал и понятный москвитам ритуал приветствий: когда они ехали на первую аудиенцию, их ждал неизменный разнобой в количестве «встреч». Они явно ожидали высшего, троекратного приветствия, не сознавая, что московский обряд здесь не работал. В 1576 году Сугорский и Арцыбашев на двух аудиенциях вообще не получили приветствий, а на одной – только одно.⁷⁷⁶ Три приветствия получил в 1582 году Яков Молвянинов, хотя он был таким же посланником, как и Квашнин, не получивший ни одного, разве что его миссия была многочисленнее. Новосильцев, тоже посланник, в марте 1585 года получил лишь одно приветствие.⁷⁷⁷

⁷⁷² Ibidem, столбец 869. Иногда подле императора вообще был только Даниэль Принц, референт и переводчик.

⁷⁷³ Статейный список Вельяминова называет по именам 11 сановников, и добавляет к ним «человек с двадцать» безымянных: Ibidem, том 2, столбец 335.

⁷⁷⁴ Ibidem, том 1, столбцы 755-759.

⁷⁷⁵ Подробнее об этом М. Бойцов, *Различные взгляды*, стр. 352.

⁷⁷⁶ На это москвиты недовольно указывали Посольскому приказу: ПДС, том 1, столбец 675. Точно так же, в 1578 году Ждан Квашнин отмечал, что ни на встречной, ни на отпускной аудиенции «встречи ему до Цесаря не было»; единственной почестью были «стрельцы... с самопалы и с бердыши» вдоль лестницы: Ibidem, столбцы 757-759.

⁷⁷⁷ У входа Новосильцева приветствовал за руку Пауль Сикст фон Траутзон, причём один, что по русским понятиям тоже несколько умаляло почёт: Ibidem, столбец 944. Позже архиепископ Медек из Могельниц скажет Новосильцеву, что тот понравился императору как «учёной человек», а его миссия была сочтена значимой, но вот обряды никак этого не отразили: Ibidem, столбцы 954-955.

Итак, в обычае австрийских приветствий московитов нет системы; это тем страннее, что приём всех этих дипломатов курировал один и тот же человек, и не кто иной как Даниэль Принц, лучший эксперт по Московии.⁷⁷⁸ Видимо, имперская канцелярия не считала важным соблюдать какой-либо точный и конкретный ритуал применительно к царским посланцам, так как ритуал приветствия не был обязателен в империи: всё зависело от условий конкретного приёма.

Венцом подобных нарушений привычного для московитов протокола стал отказ Рудольфа II вставать, кланяться и снимать шапку при упоминании имени русского царя – обряд, который обе стороны уже давно соблюдали как обязательный. Это произошло на аудиенции 7 июля 1582 года с Яковом Молвяниновым.⁷⁷⁹ Ситуацию усугубило то, что император опять был очень просто одет, а потом не дал послу и отпускную аудиенцию. Всё это московиты поняли как равнодушие и неуважение (особенно на фоне непризнания царского титула Грозного). Но судя по всему, речь не шла о намеренном нарушении этикета. Так как сознательных проявлений неуважения к Молвянинову не отмечалось, перед нами всё то же отсутствие системы и эксцентричность императора.

Обряд рукоцелования, напротив, в империи существовал, но применялся и понимался иначе, и опять-таки изменения начались при Рудольфе II. Московские послы протестовали, если их не подводили к руке императора, считая это неуважением и нарушением этикета. Так было с миссией Молвянинова и Васильева в Праге. Рудольф II шокировал их тем, что не подал руку для поцелуя, но первым пожал руки не только двум царским эмиссарам, но и их переводчику – символически уравнив в статусе всех троих. Молвянинов потребовал объяснений у Принца, и услышал странный ответ: для кайзера целование руки было бы жестом унижения. По крайней мере, так это понял и представил Молвянинов: «*Государь тем уничижаются*»⁷⁸⁰. Но поскольку ни Рудольф II, ни его отец раньше ничего унижительного в рукоцеловании не видели, надо понимать, что перед нами лишь эксцентричная выходка императора, которую Принц замаскировал, как мог.

⁷⁷⁸ Именно Принц, например, получает из имперской канцелярии деньги, чтобы оплачивать пребывание московитов: например, на содержание Ждана Квашнина ему отпустили солидную сумму в 580 гульденов: В. ФРАНЦЕВ, *Русские посольства*, стр. 10.

⁷⁷⁹ ПДС, том 1, столбцы 868-873. Своеобразной компенсацией стал приём у эрцгерцога Карла II (1540-1590), дяди императора, который 10 июля 1582 года позвал Молвянинова в гости, учтиво встретил его в дверях, и кланялся при упоминании царского имени, сняв шляпу. Характерный пример высокого посольского статуса, который ставит коммуникацию с ног на голову: один из первых дворян империи и Европы склоняется перед неграмотным ротным командиром.

⁷⁸⁰ Ibidem, столбцы 868-873. Эпизод этот так задел Молвянинова, что тот посвятил ему несколько абзацев статейного списка. Возможно, сказался его собственный церемониальный промах: в Польше неопытный посол-офицер был представлен Стефану Баторию и начал речь, не поцеловав королю руку, за что сразу же был прерван.

Именно по поводу рукоцелования Вельяминов и Власьев затеяли с приставами церемониальный спор перед аудиенцией 18 августа. Австрийцы предлагали сначала поцеловать руку Рудольфу II и лишь потом передать приветствие от царя. Московиты настаивали на обратном порядке и победили: приветствие было ещё и провозглашением титула и имени царя Фёдора.⁷⁸¹ Логика ясна: в этом случае почеть своему государю воздавалась раньше, чем чужому, что подчёркивало царский престиж. Вызывает удивление та лёгкость, с которой Варкоч, понимавший суть этой игры (как ранее и Принц), согласился на уступку.

В сценах приёма московских послов Максимилианом II и Рудольфом II бросается в глаза почти полное отсутствие инсигний, включая предметы одежды – как минимум тех инсигний, которые московиты знали. Хотя эти регалии обычно показывались при коронациях и других крупных торжествах, Габсбурги, как и Рюриковичи, имели и символы для повседневных церемоний, включая «домашние» короны.⁷⁸² Но московиты никогда не отмечали и их. Если Максимилиан II в памятную аудиенцию 1576 года лежал и держать символы власти не мог, то его сын, как следует из описаний, иногда выходил к дипломатам, тоже ничего не держа. Богатые украшения, конечно, кайзеры тоже носили, но обычно на коронациях, а не на посольских приёмах.⁷⁸³ Но об этом церемониальном различии в Москве, как можно заключить, не знали, что и вело к недопониманию.

«Цепочка невелика», которую в 1595 году заметили на Рудольфе II Вельяминов и Власьев, вряд ли могла быть массивным Орденом золотого руна, хотя орденскую инсигнию послы едва ли знали. На аудиенции Рудольф II всегда был в шляпе, а не в короне: московиты отмечали, какой головной убор он снимал или приподнимал, слыша царское имя.⁷⁸⁴ Всё это наводит на мысль, что имперские церемониймейстеры обставляли встречи с царскими эмиссарами как частные, либо упрощали их ввиду второстепенного статуса гостей, тем более что корону на такой аудиенции кайзеры явно не носили.

Это упрощение косвенно доказывается тем, что в статейных списках московских послов описания имперских встречных церемоний крайне скупы и поверхностны – с редкими исключениями. Отчасти это связано с незнанием языка, обычаев и топографии: например, русские никогда не описывают ни частей города, ни дворцов, ни прочих зданий, где они бывали на аудиенции. Они их либо не знают, либо путают, как Рейн с Регеном, либо не

⁷⁸¹ Ibidem, столбец 330.

⁷⁸² Jiří HRBEK, *Insignie – symboly vlády a moci*, in: Václav BŮŽEK — Rostislav SMÍŠEK (ред.), *Habsburkové 1526-1740: země Koruny české ve středoevropské monarchii*, Praha 2017, стр. 539.

⁷⁸³ Подробнее V. BŮŽEK — R. SMÍŠEK, *Volba*, стр. 128.

⁷⁸⁴ Например, Квашнин: ПДС, том 1, столбец 757, далее то же у Вельяминова: Ibidem, том 2, столбец 330.

интересуются. Сдержанные московские послы лишь однажды были по-настоящему заинтересованы драматургией имперских обрядов: Молвянинов живописал *adventus*, въезд Рудольфа II в Аугсбург 27 июня 1582 года (русская датировка). Это, конечно, не было церемонией встречи дипломатов, но так как Молвянинову разрешили присутствовать, заочная встреча Габсбурга и москвитов, а символически – императора и царя, была именно здесь, возможно, вместо очной, которая долго откладывалась.

Саксонский курфюрст Август вёз перед императором инсигнию, меч наголо на правом плече, а сам Рудольф II ехал под необычным балдахином: *«Над Цесарем несут дробанты шесть человек солночник, камка жёлта уголчата, в длину больше дву сажень, а поперёк с две сажени, а называют его небом»*.⁷⁸⁵ Раз Молвянинов выяснил название этого предмета, значит, он интересовался именно его ритуальным смыслом. Ведь практическое его значение было понятно: «солночник» защищает от солнца.

Перед нами церемониальный балдахин, «квази-инсигния», эксклюзивный символ власти германских императоров, а перед тем и римских пап – у них это был зонтик-умбреллино, от которого балдахин и произошёл.⁷⁸⁶ В русском дворцовом обиходе это был предмет знакомый, но редкий; в середине 17 века можно видеть зонтик и над головами царей династии Романовых – но без политико-символической нагрузки.⁷⁸⁷ Судя по тому, что Молвянинов (или, скорее, Васильев, мозг миссии) увидел в балдахине нечто похожее на зонтик-солночник, он соотнёс два этих объекта, но не счёл их аналогичными в церемониальном смысле. Тем не менее, важную роль балдахина в церемонии автор статейного списка понял, а потому описал его для последующей «дешифровки» ритуала в Посольском приказе: москвиты заинтересовались европейским обрядом, который не вполне понимали, и пытались понять, что это означало применительно к кайзеру и царю.

В заключение надо сказать, что анализ и сравнение московского и имперского ритуалов встреч и аудиенций наводит на мысль о несхожести не только их обрядности и антуража, но отчасти и задач, которые эти ритуалы выполняли. Кремлёвский церемониал видится

⁷⁸⁵ Ibidem, том 1, столбец 867. Балдахин, по описанию, был прямоугольный, размером примерно 4,5-5 на 4,5 метра; судя по тому, что шёлковая ткань (дамаст или камка) *«уголчата»*, она имела по краям украшения – уголки, бахрому.

⁷⁸⁶ Подробнее об эстетике и символике этого артефакта Михаил Бойцов, *Папский зонтик, бог Гелиос и судьбы России*, Казус: Индивидуальное и уникальное в истории, 6, 2004, Москва 2005, стр. 99-154, здесь стр. 114. Из изысканий автора следует, что небом (Himmel) этот предмет в империи не называли, а в Московии подобного рода зонтик употребляли с конца 15 века, но с относительно невнятной символической нагрузкой. Поэтому или Молвянинов своеобразно понял объяснение, или добавил «небо» от себя, но в обоих случаях, он пытался передать метафору всевластия германского императора под небесами.

⁷⁸⁷ В 17 веке он называется тем же словом «солношник», и служит для защиты монарха от дождя и солнца: судя по всему, никакого символического смысла в него не вкладывали, но переняли как престижный атрибут монаршего быта: И. ЗАБЕЛИН, *Домашний быт русских царей*, часть 1, стр. 378.

частью дипломатического курса последних Рюриковичей на признание их царского статуса. Перед нами новый акт бесконечного «спектакля власти», который Кремль адресует, в конечном итоге, сам себе: москвиты выстраивали здесь церемониальное противостояние и постоянно «одерживали победы» над своими габсбургскими визави. Как было показано, на символическом уровне из массы уловок, ограничений и притеснений на фоне формального почёта складывалась ситуация статусного равенства царя и императора, а подчас и преимущества «Московита».

Австрийцы, в свою очередь, не всегда осознавали, что на каждом шагу участвуют в этой «борьбе ритуалов»; эта церемониальная игра была понятна только русским, что в известной мере нейтрализует бесконечные победы, которые Кремль себе приписывал. Имперские делегаты, сами того не зная, постоянно балансировали между явными почестями и скрытыми статусными поражениями, что должно было указать на символическое главенство Ивана IV при внешнем почёте императору.

Система «малых ритуальных поражений», которыми в Кремле незаметно (или открыто) обставляли отношения с империей, парадоксальным образом подчёркивала внутренние психологические комплексы и предрассудки московской элиты. Она стремилась к формальному статусу первой державы мира, но была вынуждена признавать первенство и превосходство Священной Римской Империи. Нельзя сказать, что у кайзеров не заботились о наглядной демонстрации *их* статусного превосходства: известие об аудиенции Сугорского – наглядный признак того, что церемониально-пропагандистскую борьбу имперские политики умели вести как минимум не хуже. Вместе с тем, в империи такое поведение обычно не выглядело как всеобъемлющая система или самоцель.

«Церемониальную агрессивность» Кремля, замечу, усиливали два фактора: напористая внешнеполитическая линия Грозного в период Ливонской войны, и непредсказуемость поведения и психики самого царя. Если с имперскими дипломатами Москва лишь играла в церемониальные игры, то их коллеги из Речи Посполитой и Швеции сталкивались не просто с унижениями и издевательствами, но подчас рисковали жизнью, приезжая в Кремль. В этом свете постоянные церемониальные вызовы, бросаемые империи на аудиенциях и в приграничных препирательствах – признак скорее статусной слабости, чем силы Московии, а также очередное доказательство того, насколько уважительно последние Рюриковичи вели себя с императорами – как с сильнейшими.

При этом московский ритуал «застывал» в своей помпезности и внешней броскости быстрее, чем его элементы становились эффективными средствами репрезентации:

сказывался культурно-идеологический тренд Московии с его абсолютным главенством чина, догмы, канона, склонностью следовать раз навсегда установленным правилам, отклонение от которых осуждалось и даже порой каралось.⁷⁸⁸ Тренд этот, к тому же, шёл вразрез с ураганными политическими изменениями и социально-политическим кризисом.

Возможно, именно это несоответствие помпезной репрезентации с идеями и статусом, который она выражала, и приводило к «раздвоению» эстетической и эмоционально-бытовой реакции имперцев на московскую роскошь. Сначала послы искренне поражаются русскому богатству, которого не увидеть даже у кайзера и папы. Но потом на смену этому изумлению приходит такой же искренний смех при виде бояр, спешно меняющих одежду, чтобы впечатлить «немцев». «Внешнее щегольство», как это образно сформулировал Принц, разоблачено, а с ним и некоторые статусные претензии царя. Через несколько лет, в 1582 году, такой же смех и недоумение вызовет в империи и посольство Молвянинова и Васильева. На шествии дипломатов хозяева обратили внимание, что посол и дьяк были одеты подобающе и в соответствии с их статусом, а сопровождающие и прислуга смотрелись «*als wann mann die Teüfelf, Inn die Spill, oder Tragedias Staffiert*» — кстати, тут и сама образность сравнения удачно подчёркивает подчас излишнюю театральность московских церемоний.⁷⁸⁹

В обращении московитов с имперцами видны элементы церемоний и поведения, которые в глазах «немцев» не могли не роднить русских с восточными народами, в первую очередь турками, хотя одни и те же средства репрезентации преследовали в Москве и Стамбуле разные цели. Если турки путём таких средств, как пир или переодевание, символически превращали габсбургского посла в подданного султана, то в Москве схожие меры должны было подчёркивать как уважение царя к императору, так и его церемониальное главенство над последним.⁷⁹⁰ Царь, таким образом, не мог демонстрировать собственный высокий статус, если бы его австрийский визави, служивший своего рода эталоном, не был бы признан великим и достойным уважения.

Имперский встречный церемониал выглядел для московитов чуждым, бледным непонятным, и значит, неинтересным. Главная причина – универсализация собственных обычаев, свойственная Московии раннего нового времени на фоне культурной закрытости царства и незнания обычаев европейских «других». Подобно тому, как русские правители перенимали в Европе лишь технологии в отрыве от культуры, которая их породила,

⁷⁸⁸ Замечание, высказанное Людмила ЧЁРНАЯ, *Антропологический код древнерусской культуры*, Москва 2008, стр. 302.

⁷⁸⁹ Н. RUDOLPH, *Das Reich als Ereignis*, стр. 483.

⁷⁹⁰ Н. RUDOLPH, *The Material Culture*, стр.237.

царские дипломаты замечали и использовали лишь те элементы имперского церемониала, которые повышали статус царей, но не видели общей церемониальной картины.

Отсюда почти полное отсутствие интереса послов к жизни за пределами дворцов и стремление на каждом шагу репрезентировать высокий статус своего потентата – эта деталь поведения, вообще свойственная дипломатам, именно у московитов была доведена до предела. В итоге в русских источниках имперский церемониал выглядит искажённой, «неправильной» копией московского, и можно допустить, что именно так он и воспринимался современниками Грозного. Как следствие, и политический статус императора московские элиты могли истолковывать как своеобразный аналог царского, но «зеркально отражённый» иноверными и инокультурными оппонентами.

Встречные репрезентационные средства имперского двора чуть более разнообразны и менее навязчивы, чем московские: к ним относятся не только демонстрация некоторых инсигний и интерьеров, но и развлечения для благородных и демонстрация статусных предметов (часы). Эти средства не оставляют впечатления постановок и «спектакля власти», хотя они тоже им были: приезд московитов не нарушает привычного церемониала двора, хотя в посольские обряды ради восточных гостей могут вноситься изменения, которые у кайзера отнюдь не считают статусным поражением.

Такой подход можно объяснить не только полным осознанием собственного статусного превосходства, но и более развитыми средствами политической коммуникации и пропаганды, которыми обладала империя. В Москве, в силу отсутствия «публичных площадок» и какой-либо внятной общественной фиксации событий, имперская миссия становилась в первую очередь одноразовым массовым зрелищем, и в этом качестве раз и навсегда фиксировалась общественным сознанием без дальнейших изменений. В империи же, напротив, приезд московитов мог обсуждаться публично, будучи своего «общественным событием», своего рода медийной сенсацией. На отражение этого события в сознании читающей публики двор кайзера мог влиять и по окончании самого события встречи – вспомним известие о приёме Сугорского Максимилианом II, поданное в выгодном для императора ключе.

Обращает на себя внимание церемониальное непостоянство встреч, устроенных для московитов. Заметные отличия в церемониале говорят о том, что в империи, во-первых, не относили Московию к первостепенным державам и важным партнёрам, иначе царю и его послам воздавались бы более статусные и регулярные почести. Во-вторых, здесь просто не могли определиться с выбором ритуалов для редких и разных по рангу дипломатов, к

тому же представлявших совсем иную политическую культуру. Иногда сказывалась и эксцентричность Ивана IV и Рудольфа II: один монарх посылает к имперскому двору неграмотного младшего командира Молвянинова, другой же внезапно начинает жать руки этому странному эмиссару, его дьяку и переводчику, сбивая их с толку.

Несмотря на различия в церемониале двух монархий, их потентаты обнаруживают редкий навык «церемониальной импровизации», приспособливают ритуал под настроение и политический смысл принимаемой делегации; нигде это так не заметно, как на аудиенциях, где монарх своей волей может влиять на ход переговоров, и следственно, на церемониал. Но если Грозный обычно не рискует менять слишком многое, учитывая заинтересованность в могущественном габсбургском партнёре, которого не хотелось обижать, то эксцентричный Рудольф II порой меняет «правила игры», не смущаясь реакцией москвитов или вообще не думая о ней.

Главная проблема «трансляции статусов» в имперско-московских контактах всё же заключалась не в личностях потентатов, а в перманентном отсутствии «транскультурного перевода», от которого понятность церемониала встреч страдает гораздо больше, чем, например, взаимное именование Габсбургов и Рюриковичей, о котором пойдёт речь далее.

VIII. Взаимное именование Габсбургов и последних Рюриковичей

Взаимное именование Габсбургов и Рюриковичей и обозначение территорий, которыми они управляли – важные аспекты взаимоотношений и взаимного образа имперских и московских элит. Они были и элементами их коммуникации на важном символическом уровне. Именование, и в первую очередь, титулование государя – это непосредственное, прямое выражение статуса, репрезентацию которого обслуживают уже другие ритуалы. Неслучайно борьба Ивана IV за признание царского титула за рубежом была в числе основных направлений московской дипломатии, и одновременно главной проблемой обоюдного именования Габсбургов и Рюриковичей второй половины 16 века.

Задача этого раздела работы – установить, как взаимное именование австрийских Габсбургов и Рюриковичей отражало политические реалии того времени, и главное, какие функции оно выполняло в дипломатических отношениях дворов и как отражало взаимный образ имперских и московских элит. Есть и другие вопросы. Как Иван IV проводил свою линию в дипломатических посланиях австрийскому дому, и на какую реакцию он наталкивался? Если взаимное обращение двух монархов в документах их канцелярий и послов менялось, то какие цели эти перемены преследовали и почему появлялись?

VIII. 1. Московское именование: кайзер как эталон статуса и борьба за признание царского титула

Если титул главы Священной Римской империи к раннему новому времени уже давно был политико-идеологической данностью, то московский царь, напротив, только возник. Принятие Иваном IV царского титула в 1547 году и борьба за его признание – один из движущих мотивов русской политической истории 16 века. Он пронизывает всю политику и идеологию Московии, включая статусные аспекты, от обзаведения Шапкой Мономаха до авантюры с утверждением на царство от патриарха Константинополя Иосафа II, чья грамота Грозному была сочтена итогом подкупом и стоила патриарху его чина.⁷⁹¹

⁷⁹¹ Грозный провозглашался потомком и наследником василевсов, к ободному интересу Москвы и Иосафа II: тот получил и политического покровителя, и крупную сумму денег, так как дал согласие от имени церковного собора, не собирая его. За это Иосаф II лишился патриаршества: Борис Фонкич, *Грамота Константинопольского Патриарха Иосафа II и собора Восточной Церкви, утверждающая царский титул Ивана IV*, in: Сергей КАШТАНОВ — Людмила СТОЛЯРОВА (ред.), *Россия и греческий мир в XVI в.*, том 1, Москва 2004, стр. 381–388.

Последние Рюриковичи утверждали то, что можно обозначить как «поствизантийский политический миф» об их царской власти, ещё не будучи царями и даже до появления теолого-политической теории «Москвы – Третьего Рима».⁷⁹² В 1472 году великий князь Иван III заключил весьма символический брак с Софьей Палеолог, племянницей последнего императора Византии. Московия выводила из этого свою преемственность Константинополю, покорённому Мехмедом II, вопреки тому, что сами греческие элиты и книжники считали наследницей василевсов скорее Турцию.⁷⁹³ Грозный, впрочем, пошёл и дальше поствизантийского мифа, именуя себя «*государем всех христиан, от востока до запада и до океана*»⁷⁹⁴ — претензия на «единую пост-Римскую империю» и господство в христианском мире, которая пересекалась с прерогативой германских императоров.

Помимо самого венчания на царство, внешнеполитические статусные претензии Грозного зиждились на двух шатких основаниях. Это аннулированная позже грамота имперского посла Георга Шнитценпаумера, который в 1514 году самовольно назвал Василия III кайзером, и «Сказание о князьях Владимирских» — тексте 16 века, где ложно утверждалось, будто василевс Константин Мономах в 11 веке венчал на царство Владимира Мономаха из дома Рюрика. Наиболее зыбким основанием было «Сказание», о котором Батюшков едко писал Грозному: «*Не тверди басен*».⁷⁹⁵ Поэтому до конца 16 века именно в кайзерах Москва видела своеобразный источник подтверждения царской легитимности. Сфера контактов с Габсбургами стала важной ареной церемониальной борьбы царей за их титул, а дипломатия — основным её средством.

Габсбурги и Рюриковичи конкурировали: их титулы восходили к императорам Рима, наследовать которому могла лишь одна подлинная империя. Религиозный аспект тоже нельзя игнорировать: обе монархии зиждились на принципах божественной власти и защиты истинной христианской веры. Более того, в какой-то момент Грозный даже утверждал, что достоин царского титула именно за христианский подвиг — победу над мусульманами в Казани и Астрахани.⁷⁹⁶ Всё это и заложило основы «холодного» церемониального конфликта, который протекал весь 16 век на фоне Ливонской войны, осложнившей отношения империи и Московии.

⁷⁹² А. КИЗЕВЕТТЕР, *Иван Грозный*, стр. 42. Переход статуса защитницы веры от Византии казался современникам тем важнее, что накладывался на апокалипсические мотивы: в 1492 году и на Руси, и в Европе, ждали конца света: Александр ЮРГАНОВ, *Категории русской средневековой культуры*. Москва 1998, стр. 306. Это был официальный фундамент саморепрезентации московской власти, политической и церковной.

⁷⁹³ Подробнее Donald M. NICOL, *The Byzantine View of Western Europe*, Greek, Roman and Byzantine Studies 8, vol. 4, Cambridge 1967, стр. 315-339, здесь стр. 334.

⁷⁹⁴ А. КИЗЕВЕТТЕР, *Иван Грозный*, стр. 39-40.

⁷⁹⁵ Книга посольская Метрики Великого княжества Литовского, том 2. Москва 1845, стр. 189.

⁷⁹⁶ Сборник Императорского Русского Исторического Общества, том 59. Санкт-Петербург 1887, стр. 519.

Титул «царь» не был у московитов эксклюзивным, в отличие от термина «император», который в Московии не употреблялся. Царь не считался первым монархом мира, и так могли зваться многие правители: претензии Ивана Грозного на символическое мировое главенство нуждались в царском чине, но выходили за его пределы. Султана Высокой Порты русские дипломаты тоже именуют «Турской царь». Посольский приказ звал царями владык Крыма, Бухары и даже Грузии – уже одно это позволяет заключить, что царский чин воспринимался как непереносимое условие репрезентации московского potentata, минимально возможный статус.⁷⁹⁷

Кайзеры, в понимании московских элит, тоже отчасти «цари»: по документам Посольского приказа, на рубеже 16 века их так звали официально.⁷⁹⁸ Священная Римская Империя долго именовалась в Кремле «*Римское Царство*», даже «*Святое*»⁷⁹⁹ — интересно, что московиты признавали эпитет «святой», вроде бы не присущий католико-протестантскому объединению с позиций московского православного мессианства. Именованье империи царством выглядит простым переводом с немецкого, но характерен знак равенства между этими понятиями, и значит, между императором и царём. Латинского *imperium* в Московии не употребляли, а потому «царство» было самым близким и понятным соответствием для «империи».

Вместе с тем, в Москве никогда не отождествляли царский чин с чином главы Священной Римской Империи – по крайней мере, «наедине с собой», в собственном сознании: истинным, «идеальным» императором был василевс Византии, которой Московия стремилась наследовать, признавая его верховенство и в то же время именуя его царём.⁸⁰⁰ Именно в силу этих претензий московские potentаты упорно не хотели получать титул короля от папы: с точки зрения поствизантийского мифа это было не просто политически невыгодно, но и символически неприемлемо, а с религиозной точки зрения недопустимо как измена православию. При этом претензии великих князей быстро вышли за пределы византийских. Уже в начале-середине 16 века официальная московская литература

⁷⁹⁷ ПДС, том 1, столбцы 761 и 1256 соответственно.

⁷⁹⁸ Ibidem, столбец 1. В речах посла Поппеля, переведенных на русский, император звался «*Царём Римским*» — признак размытости терминологии, её исторической динамики, и опять-таки, претензией на равенство. Быстрое исчезновение этой формулы намекает, что титул «цесарь» всё же воспринимался как более точный: «*Римскими царями*» в то же самое время именовались и византийские василевсы, усиливая путаницу: Ibidem, столбец 17.

⁷⁹⁹ Ibidem, столбцы 846 и 746 соответственно.

⁸⁰⁰ Дмитрий СТРЕМОУХОВ, *Москва – Третий Рим: источники доктрины*, in: Анна ЛИТВИНА — Фёдор УСПЕНСКИЙ (ред.), *Из истории русской культуры*, т. 2, кн. 1, Москва, 2002, стр. 425-441. «*Царь греческий*», как и татарский хан, «*царь Ордынский*», ещё и представлялся в Кремле образцом неограниченной власти, что особенно импонировало последним Рюриковичам в их централизаторских стремлениях: И. ЗАБЕЛИН, *Домашний быт русских царей*, часть 1, стр. 2.

активно возводила род Рюрика напрямую к Октавиану Августу⁸⁰¹ и использовала это как рычаг в дипломатии: Москва статусно состязалась с кайзерами, видя себя наследницей и Рима тоже.⁸⁰² Несмотря на явно мифическую опору этих притязаний, самоотождествление с цезарями и василевсами нарастало весь 16 век и привело к введению патриаршества в 1589 году.

Учитывая всё сказанное, за именованьем царя и других монархов Кремль следил строго: оно всегда соответствовало чину и статусу адресата, отражая московскую международную иерархию потентатов, возглавляемую отныне царём. Московские послы всегда отчитывались, что на аудиенциях у кайзера они «титло говорили», то есть именовали Ивана IV полным титулом. Если этого же не делали их имперские визави, политическая коммуникация вообще могла не состояться: вспомним, как посланник Иеремия Гофман был лишён переговоров и посажен на голодный паёк, когда его верительная грамота не назвала Ивана IV царём.⁸⁰³ Тот в ответ прервал контакты с Фердинандом I, требуя обращаться к себе «более дружеслюбно» и звать его «императором» — так передавал Гофман царский чин, ещё одно совпадение в титуловании.⁸⁰⁴ Иван IV даже пошёл на редкий демарш: в грамоте, данной Гофману, Фердинанд I был назван не «Цесарем», а лишь «королём венгерским» и прочих земель, и тоже лишь «светлейшеством» и «высочеством».⁸⁰⁵ Предположу, что это умаление статуса кайзера способствовало прекращению контактов Фердинанда I с Москвой.

На фоне этого конфликта видно: проблема титулования московского царя ещё только выходила на первый план в имперско-русских отношениях. Пока она мало интересовала Вену: Иван IV венчался на царство недавно, в 1547 году. Более того, в середине 16 столетия царская титулатура часто служила инструментом для саморепрезентации и

⁸⁰¹ В «Сказании о князьях Владимирских» Рюрик «из рода римского Августа-царя» был объявлен потомком Пруса, брата Августа: Лев ДМИТРИЕВ — Дмитрий ЛИХАЧЁВ (ред.), *Памятники литературы Древней Руси*, книга 6. Москва 1984, стр. 427. Этого оказалось мало: уже при Иване IV, на рубеже 1560-х годов, возникла Степенная книга, тоже возведшая род Рюрика к брату «единоначальствующаго на земли Римского кесаря Августа» Прусу: Платон ВАСЕНКО (ред.), *Книга степенная царского родословия, часть первая*, in: Полное собрание русских летописей, том 21. Санкт-Петербург 1908, стр. 7.

⁸⁰² Евгений ДАНИЛОВ, *Римская империя Октавиана Августа в посланиях Ивана Грозного*, in: Валерий ТОМАШЁВ (ред.), *Человек в пространстве культуры: межкультурные отношения и динамика национального развития*, Ярославль 2010, стр. 85-90.

⁸⁰³ Реляция И. Гофмана, стр. 135.

⁸⁰⁴ *Ibidem*, стр. 139. Речь о послании, которое Иван IV велел передать Гофману 17 февраля: из описания ясно, что это не была личная аудиенция. Редкий случай, когда царь открыто ставит на одну доску утверждение своего статуса и военными, и церемониальными средствами.

⁸⁰⁵ Ответная грамота великого князя Московскому к Цесарскому величеству, in: В. Любич-РОМАНОВИЧ (ред.), *Сказания*, стр. 7 в конце книги (сборник не имеет сплошной нумерации страниц). Оригинал послания не сохранился, обращения к Фердинанду I приводятся в переводе с латыни.

утверждения статуса русского правителя в отношениях с ордынскими, а не европейскими властителями; последние, что резонно, не спешили поэтому её соблюдать.⁸⁰⁶

Между тем невнимание к титулатуре однажды дорого стоило кайзерам. Характерно, что царские претензии Кремля были подкреплены крупной ошибкой именно габсбургского посла, Георга Шнитценпаумера; устранить прецедент названия московского князя «императором» Вене удалось с трудом и в одностороннем порядке.⁸⁰⁷ Но в итоге Василий III звал себя царём без венчания на царство и в грамотах Максимилиану I, формально будучи лишь старшим из князей: «*Божиею милостию Царь и Государь Всея Руси и Великий Князь*»; своего адресата он звал «*избранный Цесарь Римский и навьшший Король*».⁸⁰⁸

В отличие от «избранного Цесаря», что соответствовало самоименованию кайзеров, титул «наивысшего короля» в империи не употреблялся. Между тем, он открывает интересное московское видение оппонентов: с одной стороны, император тут – символический глава королей, первый потентат Европы – это в Кремле чётко осознают. С другой стороны, такое обращение формально не имеет смысла: в самой Европе этот титул не существовал. Поэтому здесь перед нами в первую очередь знак того, что московский дом претендовал на равенство с Габсбургами: средневековые немецкие потентаты именовали великих князей именно «*великими королями*» (*magnus rex*).⁸⁰⁹ Логично поэтому, что у Василия III могли вспомнить об удобном и почётном титуле, чтобы с его помощью дополнительно обратиться к кайзеру как к равному.

Эту же цель преследовало использование семантических полей «братство», «любовь» и «дружба», неотъемлемой части переписки Габсбургов и Рюриковичей с первых же контактов. Если братство означало равенство кайзера и царя и существовало как данность, то любовь символизировала высшее качество отношений двух государств, а дружба – состояние мира или союзничества.⁸¹⁰ Царский титул Ивану IV ещё только предстояло

⁸⁰⁶ Подробнее об этом аспекте титулования Pavel BOŤEK, *Představy o carovi a carství na středověké Rusi (do poloviny 16. století)*, in: Vladimír GONĚC — Radomír VLČEK (ред.), *Z dějin visehradského prostoru. Richardu Pražákovi k pětasedmdesátinám*, Brno 2006, стр. 19-30. В последний раз титул русского монарха всерьёз беспокоил Габсбургов в 1514 году, когда Шнитценпаумер допустил свою судьбоносную ошибку.

⁸⁰⁷ Об этом D. PÍSKOVÁ, *Habsburkové*, стр. 156. Царями московские князья звались и раньше, но теперь они увидели возможность писать этот титул в международных документах первому монарху Европы,

⁸⁰⁸ ПДС, том 1, столбец 442.

⁸⁰⁹ Олег КУДРЯВЦЕВ, «*Kauser vnnnd Herscher aller Rewssen*»: обращение к русскому государю как к императору в габсбургских документах первой трети XVI в., *Древняя Русь. Вопросы медиевистики*, 1 (63), 2016, стр. 41-55, здесь стр. 44.

⁸¹⁰ Фёдор и Рудольф II иногда так и обращаются друг к другу: «Ваша Любовь». «Братство» в Московии 16 века, по традиции, выступает скорее социальной, чем родственной категорией, признаком равенства в дипломатическом общении. Поэтому Рудольф II и Годунов (до воцарения) никогда не звали друг друга братьями. Эрцгерцога Максимилиана Грозный тоже никогда не зовёт братом, то есть равным –

утвердить, но другого, пусть и менее важного статусного равенства с императором он уже добился: стандартное для монархов обращение «брат» предполагало это равенство, особенно в глазах Ивана IV, который удостоивал им не всех монархов Европы. Датского короля Фредерика II Грозный именовал лишь «приятель» или даже «сосед», как менее статусного;⁸¹¹ обращение «брат» от Стефана Батория, которого Ивана IV тоже ставил ниже, вызывало у него гнев. Ничего подобного в отношении императоров никогда не наблюдалось, их Грозный видел себе равными.

Особое уважение к кайзерам в Москве старались подчеркнуть даже мелкими формальными деталями, вроде презентации документов в особом футляре.⁸¹² Кроме того, в раннее новое время грамоты императорам писались в самом почётном оформлении: на самой большой «александринской» бумаге и с максимально богатым золотым орнаментом, которого не удостоивался ни один монарх. Котошихин и в середине 17 века указывал, что кайзеры по этому признаку относились к первому разряду из 16, бывших в Посольском приказе.⁸¹³

Повелитель Священной Римской Империи всегда звался москвитями «Цесарь», с семантически близкими вариантами «*Цесарское величество Римское*», «*Цесарь Римский*» и даже «*чин Римского святого Цесарства*».⁸¹⁴ Кайзеры звались цесарями с первой же имперской миссии Николая Поппеля 1488 года.⁸¹⁵ Но это обращение не сразу стало обозначением эксклюзивного политического ранга: цесарями, например, московские документы именовали царевичей из Орды, как «младших царей», которые никак не могли стоять выше самих кремлёвских potentатов.⁸¹⁶

Существовало и двойственное обозначение «*король цысарский*», которое как бы семантически раздваивало титул кайзера: в нём виделся лишь король, то есть фигура того же уровня, что и московский царь, но король «цысарский», то есть особого, высшего

Максимилиан только «*цесарев брат, арццкнязь австрийский*»; здесь братство выступает еще и в собственном смысле слова, как степень родства. Подробнее Александр Филлюшкин, *Титулы русских государей*. Москва – Санкт-Петербург 2006, стр. 224-229.

⁸¹¹ ПДС, том 1, столбец 615. Марионетка Грозного, ливонский король Магнус, звался лишь «*Голдовник наш*», то есть, вассал: *Ibidem*, столбец 624. Для курфюрста Саксонии Августа, как для «удельного князя», вообще не было особого обращения.

⁸¹² Печать, которая вешалась к посольским грамотам, помещалась в футляр-кустодию, но лишь для грамот кайзерам эта кустодия была украшенная, «с фигурами»: С. БЕЛОКУРОВ, *О Посольском приказе*, стр. 49.

⁸¹³ Г. Котошихин, *О России*, стр. 39. Орнаменты золотом, или «травы», кайзерам писались всегда «большие», у следующих по рангу, королей Польши и Швеции, они уже только «средние».

⁸¹⁴ ПДС, том 1, столбец 748.

⁸¹⁵ *Ibidem*, столбец 1.

⁸¹⁶ Михаил Чернявский, *Хан или василевс*, in: Анна Литвина — Фёдор Успенский (ред.), *Из истории русской культуры*, т. 2, книга 1. Москва 2002, стр. 447.

⁸¹⁶ А. Филлюшкин, *Титулы*, стр. 218.

статусного качества. При этом титул императора в любом случае выписывался полностью и строго, включая такие важные элементы, как *der Mehrer des Reiches*, или в русском варианте – «всегда прибавитель царствия».

Уникальным и высокостатусным обозначение «цесарь» становилось с важным религиозным эпитетом: «цесарь / цысарь христианский» — существовавшее в империи и остальной Европе, оно было усвоено и Московией в меньшей степени.⁸¹⁷ Зато здесь видится не только определение, которое отделяет кайзера от всех остальных «цесарей», но и сообщает ему важную коннотацию «главы христианского мира» — конечно, символически единого, не разделённого на мир православный и неправославный, в противовес идеологическим претензиям того же Грозного.

Подводя итог московским представлениям о кайзерах, упомяну русскую «Повесть о двух посольствах», где официальный московский книжник, близкий к Посольскому приказу, создал позитивный и одновременно фантастический образ Максимилиана II.⁸¹⁸ Повесть вольно трактует посольство Сугорского: князь едет к кайзеру узнать точное титулование турецкого султана. Здесь характерны и примат империи в контактах с Турцией, и нарратив о Максимилиане II как носителе церемониальной и политической мудрости, и наконец, роль титулования как ключа к дипломатической коммуникации.

Максимилиан II изображён императором-философом в возрасте 109 лет; он пророчит Московии всемирную славу и могущество, уподобляя Грозного «*Александру царю Макидонскому*» и «*царю Константину*».⁸¹⁹ Здесь важно, что император как бы делится с Москвой своим римским наследием, передаёт «*римский скипетр*» и другие инсигнии Рима – следственно, принимает царя как равного и даже уступает его претензиям на древность и гегемонию (реальный Максимилиан II вёл себя ровно наоборот, как вскоре будет показано). Учитывая идеологическую направленность «Повести», можно сказать, что в уста Максимилиана II московские идеологи вкладывали собственные желания и устремления, стремились задним числом «исправить» его несогласие с царским титулом,

⁸¹⁷ Русская летопись по Никонову списку, часть 8. Санкт-Петербург 1792, стр. 30.

⁸¹⁸ Подробнее Михаил КАГАН, «*Повесть о двух посольствах*» – легендарно-политическое произведение начала XVII века, Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы, Москва-Ленинград 1955, том 11, стр. 218-254, и Михаил БОЙЦОВ, *Различные взгляды на посольство Ивана IV к императору Максимилиану II в 1576 г.*, in: Михаил БОЙЦОВ (ред.), *Средневековая Европа: Восток и Запад*, Москва 2015, стр. 344–360. Повесть писалась в период 1576-1614 гг., опиралась на реальные посольские документы и хорошо отразила весь опыт политической коммуникации Кремля с Максимилианом II.

⁸¹⁹ Отмечу сплошное употребление титула «царь», в данном случае в значении не просто «высший правитель страны», но «высший правитель своего времени и мира». Михаил Бойцов считает, что вымышленный преклонный возраст «заменил» писателю тяжёлую болезнь кайзера: М. БОЙЦОВ, *Различные взгляды*, стр. 363. Но не исключено, что это в первую очередь помогало создать образ правителя-мудреца и пророка.

и тем признавали императора своего рода эталоном и дарителем царского статуса. Если от реальных кайзеров и пап московские potentаты не желали принимать корону, то кайзер литературный, как выяснилось, вполне принимался как инструмент легитимации; тем самым, в Москве отделяли политическую функцию кайзера от престижного символического смысла его титула.

Если титул «цесарь» в итоге утвердился за кайзерами прочно, то название империи в Москве постоянно варьировалось, причём нередко с коннотациями негативного или чуждого. Характерны названия «*Немецкая Речь*» или «*Реша Немецкая*»,⁸²⁰ которые снова эксплуатируют семантическое поле «немецкий» — «чужой, иной»; имя нарицательное Reich, как видим, не переводилось, а передавалось макаронизмом или межъязыковым омонимом, и потому повышалось до уникального имени собственного. Здесь же надо вспомнить и более редкий термин «Римская область», который обозначал не окрестности Рима, но всю империю – снова подчёркнуто чуждую, семантически связанную с Римом, католицизмом.⁸²¹ Перед нами, таким образом, не просто «империя немцев» или «земля Рима, католиков», но территория чужая, иная, другая — следственно, чуждая, иноверно-инокультурная, не совсем «правильная» и подлинная империя.

Особое внимание обращает на себя редкое и любопытное название «*Постолистая Речь Римская*». Оно встретилось в речи дьяка Ивана Дорофеева, причём дважды в одном предложении, так что это не оговорка.⁸²² Получился гибрид владений Габсбургов с феодальной республикой, немецкого Reich с польской Rzeczpospolita. Возможно, то была реально осознаваемая феодальная «Римская Республика». В немецкой квази-конфедерации Дорофееву могла видеться феодально-республиканская структура, управляемая рейхстагами, нечто вроде Польши в более крупном масштабе. Другой важный аспект этого именованья – ассоциация с Римом и папством, что подчёркивало религиозную чуждость и даже полярность империи, воспринимавшейся как один из оплотов католичества.

Ещё одно именованье империи, уже прямо привязанное к императору – «*Цысарская / Цесарская земля*». Примечательно, что это название встречается в летописях, включая Никоновскую, применительно к посольству «*Аврама Буграфа с товарищи*», в котором,

⁸²⁰ ПДС, том 1, столбцы 796 и 442 соответственно.

⁸²¹ Ibidem, столбец 1245. Никлас Варкоч объявлялся послом «*Цесарского Величества*», который и правил «*Римской областью*».

⁸²² Ibidem, столбец 556.

вопреки неточностям, ясно узнаётся фон Дона.⁸²³ Очевидно, император тем самым уподоблялся царю, как «владелец земли» и полновластный потентат всей Германии и соседних земель. Эта структура, с одной стороны, не соответствовала действительности, а с другой, резко противоречила описанной выше «республиканской» трактовке Дорофеева. Перед нами, таким образом, два разных взгляда на империю, условные «республиканский» и «самодержавный», и они показывают относительную нетвёрдость московских представлений о структуре империи.

Из всего сказанного видно: в московском именовании империи и императора не было не только внешнего единообразия, но и твёрдого понимания сути и функций имперских институтов, зато было ясное ощущение чуждости и инаковости, которое в московских элитах всё же старались не выдвигать на первый план. Московии достаточно было и той реальности, что она имеет дело с самым могущественным монархом Запада, что на практическом уровне сглаживало идеологические противоречия.

Примечательно, что московский взгляд на императоров никак не отражал тот факт, что титул главы Священной Римской Империи формально был выборным, а не наследственным, а имперскую политику утверждали сеймы, о чём в Москве хорошо знали. Выборностью, которая исключала божественную природу власти, Грозный уязвлял Стефана Батория, и здесь важен не полемический аргумент против заклятого врага, а то, что самого себя Иван IV провозглашал царём «*по Божьему соизволению*», чем и кайзеры, по его представлениям, тоже похвастать не могли.⁸²⁴ В том, что в Москве не подчёркивали эту выборность кайзеров, видится желание держать церемониальное противостояние в определённых рамках, чтобы оно не вредило перспективным политическим отношениям.

Обращает на себя внимание эпизодическое присутствие в царском самоименовании имперской терминологии власти, которая заимствовалась выборочно и своеобразно. Из двух таких заимствований самым известным было *Majestät* – «величие», «величество». В имперских документах оно выступало в прямом смысле, как обращение посла к монарху, но в Кремле превратилось в предмет, репрезентирующий властный статус. «Маистатом» называлось в первую очередь возвышение для трона Ивана IV, и шире – сама царская власть, достоинство и титул. В наказе Грозного послу Сугорскому видим требование, чтобы кайзер титуловал царя «*по его маистату*», как издавна титулуются и сами

⁸²³ Русская летопись по Никонову списку, часть 8, стр. 30. В посольстве, например, не было правителей государств из состава империи, или «удельных князей», как называет их летопись на русский манер.

⁸²⁴ Дмитрий Лихачёв — Яков Лурье (ред.), *Послания Ивана Грозного*. Москва – Ленинград 1951, стр. 229.

кайзеры.⁸²⁵ Это чёткое указание на то, что саму идею «маистата» Московия переняла в империи.

В Европе такой буквальный перенос абстрактного понятия власти на второстепенную инсигнию, трон, было нехарактерно: недаром Стефан Баторий высмеивал Грозного за то, что тот якобы не понимал смысл понятия *Majestät*, превращал его в предмет обстановки – насмешка, которую Грозный воспринимал так болезненно, что специально отстаивал своё видение «маистата» перед Поссевино. Царь внушал иезуиту, что это не только «*сиденье государственное*», но и символ власти и могущества.⁸²⁶ Примечательно, что уже при Фёдоре Иоанновиче акцент на этой терминологии не делался (очевидно, это был очередной репрезентативный эксперимент Грозного). Причиной, как видится, было то, что в Москве нашли для трона более выигрышное родное понятие «престол», отсылавшее не к земной, а к небесной власти через сакральную коннотацию религиозной терминологии: именоваться в соответствии с западной традицией значило ещё и брать её за эталон, ставя себя в невыгодное положение.⁸²⁷ Сказалась чуждость и церемониальная неэффективность «маистата» (вспомним насмешки Батория), тем более что именование царя «Его Величеством» в имперских посланиях ещё долго не появлялось.

Второе, более редкое заимствование Грозный, произвёл напрямую из титула кайзеров, что было явной попыткой им уподобиться, а значит, и косвенно признать их статусное превосходство. В 1567 году в послании польскому королю Сигизмунду II царь неожиданно назвал себя «*многих земель обладателем [sic] и всегда прибавителем*» — прямая калька с части имперского титула, «*der Mehrer des Reiches*», что восходило к латинскому «*semper augustus*». Можно отчасти согласиться с версией, что тем самым Иван IV надменно указывал Польше на недавнее «прибавление» части Литвы к Московии.⁸²⁸ Но куда важнее сам тон, который взял Иван IV: во-первых, он презентовал себя с позиции статусного превосходства – в манере императора, который обращался к «обычному» королю. Во-вторых, он явно намекал на своё вхождение в когорту европейских монархов. Неудивительно, что эта форма, которая относится к числу *hapaх legomena* Грозного, не прижилась, исчезнув вместе с территориальными приобретениями Московии.

⁸²⁵ ПДС, том 1, столбец 604.

⁸²⁶ *Ibidem*, том 10, столбец 224.

⁸²⁷ О престоле подробнее Л. ЮЗЕФОВИЧ, Путь, стр. 166.

⁸²⁸ Борис УСПЕНСКИЙ, *Загадочная форма в титуле русских царей*, *Slověne* 9, 2020, стр. 163-184, здесь стр. 169.

VIII. 2. Имперское именование: сознание своего превосходства

В отличие от Московии, проблема собственного титулования императора и его признания в империи не стояла: в 16 веке этот титул не только закрепился за австрийскими Габсбургами, но даже и перестал нуждаться в утверждении папой через коронацию в Риме. Этому не мешала ни относительно слабая институционализация императорской власти, ни её высокая зависимость от нестабильных межличностных отношений в имперских политических элитах.⁸²⁹ Однако подобное не вредило международному статусу суверена империи: кайзеры повсеместно признавались первыми монархами Европы, в том числе и в русских землях.

В именовании же московских правителей над имперской канцелярией тяготели два обстоятельства, которые неоправданно, с позиции кайзеров, повышали статус великих князей. Первым была вышеупомянутая ошибка Шнитценпаумера. Второе, менее значимое обстоятельство – странная титулатура неотправленной грамоты Карла V (правил 1519-1556) Василию III, инскрипция которой именовала великого князя «старшим братом» (*fratri maiori*) – то есть, могла быть истолкована так, что всего-навсего князь символически стоял выше самого императора.⁸³⁰ Этот документ, как считается, остался в Московии незамеченным; во всяком случае, не удалось найти его отражение в дальнейшей документации. Но история имперского титулования русских владык во второй половине 16 века оставляет впечатление ровно обратной, условно «принижающей» тенденции. Императоры словно старались именовать московских владык сдержаннее, чтобы нейтрализовать эти внезапные почести; этому соответствовало и ухудшение дипломатического климата периода Ливонской войны.

Лексема «царь», на которой так настаивали в Москве, для имперских дипломатов вообще была семантически неоднозначна, как и для самих москвитов. Первые имперские дипломаты не сразу могли понять её статусное соответствие: характерно, что Кобенцель в реляции переводил этот титул как «Kaiser», но отмечал, что это лишь самотитулование.⁸³¹ Однако если для Кремля этот титул подчас выше императорского, то для австрийцев,

⁸²⁹ Об этом Ernst SCHUBERT, *König und Reich. Studien zur spätmittelalterlichen deutschen Verfassungsgeschichte*. Göttingen 1979, стр. 297.

⁸³⁰ Грамоту обнаружил в своём трактате советник эрцгерцога Фердинанда, брата Карла V: Иоганн ФАБРИ, *Религия москвитов*, in: Борис ТУПОЛЕВ (ред.), Россия и Германия. Выпуск 1, Москва 1998, стр. 15.

⁸³¹ Herrn Hanss Kobenzels von Prosegg, стр. 22.

очевидно, наоборот: они применяли его и к другим восточным правителям, приравнивая к ним, следовательно, монархов Московии.⁸³²

Примечательно, что дипломатические документы имперского двора на немецком языке относительно редко называют Грозного Kaiser / Kayser, хотя вообще такая трактовка царского титула была распространена, особенно во властных структурах и организациях более низкого уровня. Например, перевод из бременского архива грамоты Ивана IV о даровании привилегий ливонскому Дерпту именуется царя «*Vonn Gottz Gnadenn, eyynn Keiser vnnnd Grottfürst Iwann Wassilywotz, aller Russenn*».⁸³³ При этом латинские тексты имперских дипломатов куда чаще именуют его «Imperator», притом что эти термины соответствуют и друг другу, и титулу «Caesar», который используется имперцами в латинских текстах для обозначения кайзеров.⁸³⁴ Это тоже отражает официальное восприятие Москвы имперскими властями: так как языком дипломатических сношений с царями был немецкий, латинские тексты московским властям обычно не адресовались, и их политический словарь потому могут быть шире.

Именованье царей императорами при этом подчас приводило к путанице в титулах, давая любопытные производные и отражая отсутствие точной позиции. Кобенцель, в частности, передавал титул Ивана IV то как «*Grossherr, Kaiser und Fürst*», то как «*Gross-Kayser, Fürst und Herr*».⁸³⁵ У ландкомтура получился «великий император» вместо «великого князя» — видимо, он просто переставил слова во фразе «царь и великий князь». Из этого видно, что Кобенцеля совершенно не волнует очерёдность и характер титулов Грозного (Gross- он прибавляет ко всем трём титулам), и что «Herr», соответствовавшее «государю», ландкомтур всё же заметил.

Парадокс: «великий кайзер» возник у Кобенцеля в реляции для императора, в которой не было нужды воздавать Грозному почести, так как москвиты не могли увидеть этот документ. При этом в посольской речи, которую ландкомтур произнёс перед Иваном IV, он ни разу не назвал его ни царём, ни каким-либо кайзером, а только государем.⁸³⁶ Более того, Кобенцель действовал осознанно, так как не имел полномочий, хотя русские особо

⁸³² Крымского хана Варкоч назвал царём Перекопии, «*Tartarisch Czar von Precopia*», на что обратил внимание F. von ADELUNG, *Kritisch-Literarische Übersicht*, стр. 410. Варкоч здесь ещё и намекает на татарское происхождение титула «царь» — дискурс, как будет видно, весьма популярный в империи.

⁸³³ Это весьма типичное обращение, которое встречается в десятках немецких переводов, в частности, в *Prywiliy vnnnd Begnadyynge dess Grottforstenn ahnn de Statt Derpht ad 1558*, опубликовано в: Иван БОРИЧЕВСКИЙ (ред.), *Supplementum ad Historica Russiae monumenta, ex archivis et bibliothecis extraneis deprompta, et a Collegio archaeographico edita*. Санкт-Петербург 1848, стр. 230.

⁸³⁴ Например, Д. Принц, *Начало*, стр. 52.

⁸³⁵ *Herrn Hanss Kobenzels von Prosegg*, стр. 22 и 41 соответственно. Царь-«кайзер», тем самым, получается выше европейского короля, который у Кобенцеля всегда «*Kunig*» или «*Khünig*».

⁸³⁶ ПДС, том 1, столбец 518.

предупредили его, что он должен именовать Ивана IV царём, поскольку этот титул теперь будет наследственным.⁸³⁷ Обычно имперцы поступали наоборот, «снижая» градус почестей в реляциях, но «повышая» его на аудиенциях. Почему посол сделал иначе?

Предположу, что новый пышный титул Ивана IV Кобенцель уяснил себе именно в Москве, как церемониальное новшество, и потому постарался передать его в реляции. А заранее подготовленную речь он переделывать уже не стал: он не был уполномочен корректировать послание кайзера в части такого щекотливого вопроса, как статус принимающего монарха, и не решился на эксперимент. Косвенно такую версию подтверждает ошибка в передаче титула Грозного, как его воспринял Кобенцель: впоследствии «гросскайзер» нигде у имперцев не встречался, зато стали чаще звучать «государь» и «царь». Да и Московию посол именуется не царством и не империей, а «*Grossfursthumb*» — точно так же, как и Великое Княжество Литовское.⁸³⁸

Именно после этого контакта имперцы предпринимают новые попытки систематизировать московскую титулатуру – впервые после миссий Герберштейна, и не в последнюю очередь, для понижения статуса «Московита». Даниэль Принц в своём труде о Московии посвятил целую главу происхождению титула «царь». Он не признавал Ивана IV равным императору: по Принцу, царь – лишь аналог короля, «тех», или даже племенного вождя татар и скифов, да и слово это, по его мнению, скифское либо татарское – яркая восточная, неевропейская коннотация для русских.⁸³⁹ Мысль о тождестве царя и короля не новая: ещё Герберштейн писал, что «*Czar Rhutenica lingua regem significat*».⁸⁴⁰ Но в одном Принц пошёл дальше: он обратил против Грозного его же аргументацию о библейских царях как аналоге московских: именно это, по мнению автора, возводит Рюриковичей не к римским цезарям, а к региональным правителям, вопреки мнению «*невежественных толмачей и льстецов*».⁸⁴¹ Это полностью соответствует европейской традиции именования великих князей королями, и явно отвечает официальной имперской позиции.⁸⁴² Австрийские дипломаты ровно по этой причине звали царями вообще всех князей рода Рюрика: так, Эрих Лассота,

⁸³⁷ «...und sonderlich ime der Titl Czar zu geben»: Herrn Hanss Kobenzels von Prosseg, стр. 32-33. Итак, титул «царь» Кобенцель знает, но никогда не употребляет, предпочитая переводить его «*кайзером*» на свой манер.

⁸³⁸ Ibidem, стр. 44 и 52 соответственно.

⁸³⁹ «У татар очень много Царей», — подметил Принц, относя Московию к символическому Востоку: Д. ПРИНЦ, *Начало*, стр. 60. Характерно, что в других местах Принц называет и хана, и царя одним и тем же словом *princeps*: Ibidem, стр. 22, и Herrn Hanss Kobenzels von Prosseg, стр. 54. Реляцию Кобенцеля Принц писал вместе с ним, и принадлежащий каждому из них текст атрибутируется по периодическим встречающимся фразам «*ich von Prosegg*» или «*ich Prinz*».

⁸⁴⁰ С. ГЕРБЕРШТЕЙН, *Записки*, стр. 94.

⁸⁴¹ Д. ПРИНЦ, *Начало*, стр. 60.

⁸⁴² О. КУДРЯВЦЕВ, «*Kayser vnnnd Herscher...*», стр. 44.

действовавший не в Москве, а на территории современной Украины, упоминал Владимира Мономаха (1053-1125) как «киевского царя», притом что правящего царя Фёдора Лассота именовал менее почётно, всего лишь великим князем.⁸⁴³

И сам факт, что Принц затронул эту проблему, и стилистика текста, и его эмоциональный полемический накал говорят о двух вещах. Во-первых, «царский вопрос» стал актуален для имперских стратегов, и довольно внезапно. Во-вторых, равенство «Московита» Максимилиана II не намеревался признавать: Принц писал по приказу своего кайзера, и очевидно, выдал не только плоды своих трудов, но и то, что повелитель желал видеть. То, что автор умалил статус царя, словно выполняло «политический заказ», отражало официальную позицию империи либо даже формировало её: именно Принц далее ведал приёмом московских дипломатов. Это косвенно подтверждается тем фактом, что имперские документы старались именовать Ивана IV максимум «ограниченным царём» – Казанским и Астраханским.

В подобной имперской позиции, однако, кроется внутреннее противоречие. Если титул царя ниже кайзера и означает «король», то его можно было применять к «Московиту» без всякого ущерба для статуса и чести австрийского дома, который сносился с множеством королей. Но в конце 16 века императорская канцелярия не применяла к царям Ивану I и Фёдору и обращения «король», которое в средневековье и даже ещё в раннее новое время часто писалось к русским правителям. Вероятно, в Вене не желали давать «Московиту» «лишнего» статусного преимущества.

Но отказ делать это в первую очередь и вынуждал Ивана IV всеми средствами добиваться статусного равенства. К тому же, формулы любви и братства, которые императоры не прекращали применять, в этом случае выглядят малопочётными скорее для Габсбургов: получается, что те с их помощью сносились на равных всего лишь с великокняжеской, даже не королевской династией. Возможно, именно по этой причине смерть Максимилиана II стала переломным моментом, и имперские стратеги решились изменить титулование хозяев Кремля в сторону большего почёта, увидев к тому же политическую потребность в Московии.

Именование «великий князь» или даже просто «князь» долго было наиболее распространённым в империи обращением к Грозному, хотя часто украшалось лестными, но неофициальными эпитетами. Можно заключить, что великий князь был для имперцев

⁸⁴³ Фёдор Брун (ред.), *Путевые записки Эриха Лассоты, отправленного императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 году*. Санкт-Петербург 1873, стр. 18. Фёдора Лассота именуется великим князем Московским: Ibidem, стр. 44.

то ниже, то примерно равен королю или царю, но выше европейского герцога: московских князей, служащих царю при дворе, Кобенцель звал как раз «*Herzogen*».⁸⁴⁴ Если в империи всё же именовали Грозного царём, то с оговоркой «царь Казанский и Астраханский», но не «Всея Руси». Формально это не было нарушением: Казань и Астрахань считались отдельными царствами в составе Московии, в отличие от многих русских земель. Но такое именование отклонялось от официального царского титула, да и не было в Европе общепринятым: папская курия в лице Антония Поссевино не считала и это достойным поводом для царского титула, не признавая Казань и Астрахань «важными» царствами.⁸⁴⁵

Начало этой традиции во второй половине 16 века положила грамота Фердинанда I Ивану IV от 19 октября 1558 года, в беспрецедентно жёстком тоне упрекающая его за агрессию в Ливонии. Кайзер именует Грозного великим князем Московским и «*Вашиим Светлейшеством*», но не царём: полное соответствие формы резкому содержанию.⁸⁴⁶ Но чаще всего княжеское именование как основное использовал Максимилиан II. Например, он называл Ивана IV «*наипресветлейший и наисильнейший княже*» — но не «царь».⁸⁴⁷

Одна из грамот этого императора, привезённая Грозному посольством Кобенцеля и Принца 1576 года содержит иную формулировку, «*светлейшему и могущественнейшему государю и господину*» — уже не князю, но снова не царю.⁸⁴⁸ Во-первых, как уже говорилось, на тот момент в империи ещё не до конца уяснили себе перемены в титуловании, которые Грозный произвёл в качестве царя. Во-вторых, некоторое «потепление» стиля совпадает с целями миссии, которая эту грамоту доставила – наладить противостояние с общим недругом двух монархов, Баторием. И всё же вместо личных обращений «Ваше Величество» или «Ваша Державность» употреблено более низкостатусное «*Ваша Светлость*» — нелестный для «Московита» стиль, учитывая, что здесь же рядом был упомянут «*светлейший эрцгерцог Эрнест*».⁸⁴⁹

Примечательно, что Посольский приказ постарался сгладить столь скромное обращение Максимилиана II, передав его как «*Ваше Пресветлейшество*».⁸⁵⁰ Тем не менее, любые вариации на тему «светлейшества» всё равно раздражали Москву как малопочётные, и

⁸⁴⁴ Herrn Hanss Kobenzels von Proseg, стр. 21.

⁸⁴⁵ В. САВВА, *Московские цари*, стр. 314.

⁸⁴⁶ Грамота императора Фердинанда к великому князю Московскому, in: В. Любич-РОМАНОВИЧ (ред.), *Сказания*, стр. 4 в конце книги (сборник не имеет сплошной нумерации страниц).

⁸⁴⁷ ПДС, том 1, столбец 516.

⁸⁴⁸ Грамота к Царю Иоанну Васильевичу Римского Императора Максимилиана II, лист 1а. РГАДА, фонд 32, опись 2, дело 2, Грамота дана в русском переводе 19 века, с использованием пролитически более нейтральной лексики по сравнению с версией Посольского приказа 16 века, когда подбирались наиболее лестные для царствующего монарха формулировки.

⁸⁴⁹ Ibidem, листы 1а – 1а.

⁸⁵⁰ ПДС, том 1, столбец 519.

изменить этот порядок у Посольского приказа не получалось ещё столетие, так что здесь вновь видим обращение вышестоящего монарха к нижестоящему.⁸⁵¹ Вдобавок замечу, что стиль именованья без царского титула при Максимилиане II выглядит осознанным выбором и знаком достаточной сдержанного отношения. Даже сближение, которое наметилось в конце 1570-х годов на почве борьбы против Батория, никак не повлияло на эту имперскую манеру.

Инструментом особенно острой статусной борьбы Москвы за царский титул, как показывают источники с обеих сторон, стала миссия Захария Сугорского. Будучи послом, а не гонцом, как его предшественник Скобельцын, чьи требования именовать Грозного царём австрийцы в 1573 даже не стали рассматривать,⁸⁵² князь требовал полного царского титула в документах. Это было едва ли главной задачей миссии, прямо отражённой в наказе,⁸⁵³ и это стало главным положительным итогом миссии.

Послы несколько раз получали и возвращали грамоту Ивану IV, где тот не назывался царём; имперские дипломаты, во главе с Даниэлем Принцем, вручали её снова, оправдываясь любыми вымыслами. Однажды Принц даже уверял Сугорского, что писари канцелярии не называли Грозного царём, так как были пьяны.⁸⁵⁴ Что было ещё оскорбительнее для москвитов, царского титула не содержала и вторая грамота для миссии, от эрцгерцога Карла II: правитель Внутренней Австрии писал московскому potentату как равный, как герцог князю. Протест Сугорского на этот счёт австрийцы отметили, ответив, что писали по своему обычаю, а по не русскому; посол грамоту не взял.⁸⁵⁵

Стороны разошлись с компромиссными уловками. Австрийцы «пересидели» послов, которым пора было ехать домой, и вписали царский титул в качестве исправления в уже готовую московитскую версию грамоты, и то лишь на Казань и Астрахань, а не на всю русскую землю. Посольский приказ, в свою очередь, это исправление переписал в свои книги набело, как если бы оно было написано сразу.⁸⁵⁶ Для Москвы, однако, это было не просто подтасовкой, а важным прецедентом и церемониальной победой, хотя два списка

⁸⁵¹ Лишь в конце 17 века глава Посольского приказа Артамон Матвеев официально добился от империи именованья царя только «Его Величеством»: С. БЕЛОКУРОВ, *О Посольском приказе*, стр. 46.

⁸⁵² Статейный список Константина Скобельцына, стр. 312.

⁸⁵³ ПДС, том 1, столбец 604.

⁸⁵⁴ «*Не ведают, что пишут пьяни*», – сказал Принц о писцах императорской канцелярии: Ibidem, столбец 702.

⁸⁵⁵ Ibidem, столбец 688

⁸⁵⁶ Ibidem, столбец 682. Подробнее об этом казусе К. ЕРУСАЛИМСКИЙ — И. ШВАРЦ, *Миссия* стр. 76.

грамоты и получились неравноценными: в немецком варианте «царя» в итоге не было.⁸⁵⁷ После этого казуса ограниченный царский титул зазвучал в документах несколько чаще.

Отход от привычной «княжеской» модели именованья начинается после смерти Грозного. Всего несколько месяцев прошло между цитированной выше грамотой Максимилиана II, едва ли не последней его коммуникацией с Кремлём, и первым посланием Рудольфа II в Москву о смерти его отца, но стиль коммуникации успел резко измениться. Новый император сразу же назвал Грозного «*Czar Iuan Basilowitz, herrschern aller Reussen, Grossfürsten zu Wlodimir, Moscau unnd Neugardt... Czar zu Kasan unnd Astrahan*».⁸⁵⁸

Грозный, как видим, не просто назван царём, но сразу дважды, при личном имени и как царь Казани и Астрахани. «Государь всея Руси» было куда менее статусно, чем «царь всея Руси», но после Максимилиана II это был прорыв. Позитивных изменений в отношениях двух монархий, которыми можно объяснить это потепление, в 1576 году не отмечалось. Поэтому либо в Вене намекали на возможность таких изменений, возможно, ввиду польского кризиса, либо проявили непоследовательность при титуловании.

В грамотах Рудольфа II царю Фёдору градус именованья порой понижается: в 1596 году кайзер использует титул и обращение «*светлейший и могущественнейший государь и господин*». Это явный компромисс, нейтральная формула, позволяющая избежать и «царя», и особенно «князя», что было уже очевидно неловко для Праги. Вместо «царя» использовалась и другая компромиссная формула, переведённая Посольским приказом как «обладатель Всея Руси» — видимо, в оригинале опять *Herrscher*.⁸⁵⁹ Интересно, что даже царём Казани и Астрахани Фёдор тут не именуется: оба царства просто перечислены среди его территорий. Всё это делает грамоту не слишком ценным для москвитов документом со статусной точки зрения.

Всё же именованье московского монарха царём при Рудольфе II заметно учащается. В документах второй и третьей миссии Никласа Варкоча часто встречается титул «*Czar Theodoro Iuanowitz Herrscher aller Reussen*», прежде всего в грамоте о предстоящем визите посла от декабря 1593 году и в верительной грамоте Варкоча 1594 года.⁸⁶⁰ Снова весьма почётная, но компромиссная формулировка: царь, но не «Всея Руси» (в этом плане Фёдор

⁸⁵⁷ В немецкой версии ответа царь именуется лишь «*Johan Basilowitz Herschers der Reussen unnd Großfürsten zue Blodimir Muschaw unnd Newgarten*», хоть и назван «*freundt unnd Bruder*»: F. HÄBERLIN, *Neueste Teutsche Reichs-Geschichte*, стр. LII.

⁸⁵⁸ Грамота Цесаря Рудольфа Второго, лист 2, РГАДА, фонд 32, опись 2, дело 4,

⁸⁵⁹ Грамота Цесаря Рудольфа Второго, лист 1, РГАДА, фонд 32, опись 2, дело 17.

⁸⁶⁰ Грамота Рудольфа II к царю Фёдору Иоанновичу, лист 1, РГАДА, фонд 32, опись 2, дело 12, и Верительная грамота Никласа Варкоча, лист 1, РГАДА, фонд 32, опись 2, дело 16.

только «государь», что престижно, но ниже царского титула), а только царь Казани и Астрахани (тем самым, титул был употреблён вторично).

Предположительно, в Праге повысили «градус почтительности» не только для упрощения коммуникации, но и с учётом сложного, щекотливого характера миссий Варкоча: тот должен был добиваться финансовой поддержки Кремля, но не давать обещаний, слишком обязывающих к союзу – задача, с которой он, в целом, справился.⁸⁶¹ Здесь же замечу, что столь почтительный стиль стал куда чаще появляться в имперских документах после смерти Грозного. Но ещё это и признак нового градуса отношений между двумя монархиями после ухода со сцены виновника Ливонской войны – во всяком случае, после того, как тот в конце 1570-х годов утратил Ливонию, ставшую камнем преткновения: такое же обращение «*Czar Theodoro Iuanowitz Herrscher aller Reussen*» есть в грамоте Рудольфа II Фёдору от 1588 года.⁸⁶² Значит, можно говорить о том, что при этом кайзере стал утверждаться новый стиль именовании московских владык.

Но и при Рудольфе II царский титул приберегается чаще для прямых обращений, чем для внутренних текстов. Имперские дипломаты в отличие от кайзеров и московских визави, вообще не придерживались какой-либо стройной системы именования царей. В посланиях монархов мы часто видим полную форму «государева титула», с упоминанием всех земель, которыми владеет русский правитель. Но в инструкциях и императоров и реляциях их послов язык менее строг: там преобладает короткое наименование «царь и великий князь» или даже просто «великий князь».

Принц в своём труде именуется Грозного особенно скромно, «*московский князь*»;⁸⁶³ Кобенцель – только «государь» или «великий князь». Последнее почти исключительно преобладает в реляции ландкомтура, тогда как «государь» возникает у него в позднейшем письме и с лестными коннотациями неограниченной власти. И Варкоч, и Гейс часто пишут о Фёдоре не как о царе, а лишь как о великом князе или «*Его Всемогушестве / Высочестве*» – «князь», пусть и в качестве «брата», статусно ниже императора.⁸⁶⁴ Княжеское именование не исчезает и у фон Доны, который в реляции звал Фёдора

⁸⁶¹ На эту мысль наводит то, что и другие грамоты, привезённые Варкочем, содержат аналогичное титулование: для Праги имело смысл писать все документы миссии в этом особенно уважительном ключе: Грамота Рудольфа II царю Фёдору Иоанновичу об отправке посла в Швецию от 28 июня 1594 года, РГАДА, фонд 32, опись 2, дело 14,

⁸⁶² Грамота Рудольфа II царю Фёдору Иоанновичу, лист 3, РГАДА, фонд 32, опись 2, дело 10,

⁸⁶³ Д. Принц, *Начало*, стр. 24.

⁸⁶⁴ В оригинале *Großmächtigkeit*. Варкоч, цитируя слова московского чиновника о «могущественном государе и царе», специально и дважды «пояснил»: это означает не что иное, как «великий князь». Нужда в таком двойном комментарии могла быть в одном случае: титул был сочтён Варкочем слишком пышным для документа, который он адресовал лично Рудольфу II. Значит, Варкоч сомневался, что этот титул уместен, и позиция имперского двора на этот счёт ещё не устоялась. См.: J. POLIŠENSKÝ, *Poselství*, стр. 87-88.

великим князем и, неожиданно, «*Kaise* [sic! – В. П.] *Kassan und Astarachan*»,⁸⁶⁵ но чаще всего царь у него только «[великий господин] *царь и великий князь*» — «*Grosser herr Tzar und Grossfürst*».⁸⁶⁶

Очевидно, внутри себя империя не признаёт царя равным кайзеру. И наоборот, в секретной беседе с Годуновым и личном письме ему, судя по книгам Посольского приказа, Варкоч не упоминал «князя» вовсе, а снова использовал формулу «обладатель»: «*Пресветлейший Государь Царь, Обладатель всея Руси*».⁸⁶⁷ Причина ясна: личная доверительная коммуникация австрийца с реальным правителем Московии могла протекать лишь в самых почтительных выражениях.

Отсутствие системы лучше всего иллюстрирует случай с Михаэлем Шелем. Гонец, отправленный поздравить Бориса Годунова с воцарением, допустил странный разнобой в именовании. О Фёдоре он писал как о «*verstorbenen Grossfursten und Tzarn in der Moskaw Herchern aller Reussen*», то есть с почти точным московским именовани⁸⁶⁸ем, хотя употребление «князя» перед «царём» в Москве сочли бы оскорбительным. Но Бориса Шель вдруг назвал лишь «*великим князем*», который венчался на царство. Гонец то ли упрощал повествование, то ли не видел статусной разницы между титулами: до воцарения Годунов князем не был. Ясно, что здесь нет личного мотива принизить Бориса ввиду низкого статуса гонца и его небывало роскошного приёма.⁸⁶⁹

Зато сына Годунова, Фёдора, Шель уже зовёт царевичем, «*Tzarowiz*». Скорее всего, гонец знал лишь московское именование «царевич», так как точного немецкого аналога уходящему в прошлое понятию «сын великого князя», «княжич»: в Москве Шель уже не мог такое услышать, так как это слово уже очевидно устарело и не употреблялось. Интересно, что немецкие переводы русских документов в этом случае выходили из положения, просто именуя царевича Фёдора «*jungenn Kayser vnnnd Fürstenn aller Reussenn*»; это делало его младшим соправителем Бориса, каковым его сын не являлся.⁸⁷⁰ Шель такой оборот либо счёл слишком почётным или неточным, либо, что вероятнее, не знал.

⁸⁶⁵ Имелся в виду Kaiser? Тогда перед нами редкое отождествление царя с императором, которого массив австрийских документов почти не обнаруживает: Донесение Авраама фон Доны (незаглавленное), лист 85, Haus-, Hof und Staatsarchiv, фонд Russica, AT-OeStA/HHStA StAbt Russland I 4 K3 (1596-1597).

⁸⁶⁶ Ibidem, листы 95-96.

⁸⁶⁷ ПДС, том 1, столбец 1279.

⁸⁶⁸ Донесение опубликовано: А. ШЕМЯКИН (ред.), *Донесение*, стр. 3.

⁸⁶⁹ Ibidem, стр. 3. Шель был принят как посол – на две ступени выше, чем заслуживал, и даже звался он послом, а не гонцом. О Годунове он вообще пишет крайне лестно. С полным царским титулом Шель был знаком, так как приводил его (Ibidem, стр. 7), и всё же не употреблял его, когда писал от своего лица.

⁸⁷⁰ Geleidsbriff naher Muskouw, de anno mundi 7108, mens Martis, опубликовано в: И. БОРИЧЕВСКИЙ (ред.), Supplementum ad Historica Russiae monumenta, стр. 250.

Слово «царь» в донесении Шеля обнаруживает лишь в двух случаях: когда гонец цитировал Посольский приказ, и, как ни парадоксально, когда писал о сибирском «царе Кучуме», татарском хане, которого разбили русские.⁸⁷¹ Значит, высокое значение царского титула Шель не считал нужным подчёркивать, как сугубо внутримосковское явление, которое можно опустить, не уязвляя чести ни Годунова, ни Рудольфа II, от имени которого гонец действовал в Кремле. Перед нами довольно свободное внутреннее именование, не стеснённое условностями церемониала и потому «настоящее», принятое внутри империи и отражавшее её представление о московских визави.

Особняком стоят политически нейтральные для имперцев титулы. Отмечу участвовавшее именование «обладатель», которое Варкоч вставил в царский титул. Оно тоже появилось при Грозном, и как видим, не вызвало претензий у австрийцев. Они не видели той сакрализации царского титула, которую Кремль закладывал в это понятие, но чувствовали его связь с верховной властью, а не просто с обладанием территорией. Сакральная коннотация в русских документах выражалась начертанием с двойной «а», «облаадаатель», что в немецкой орфографии, конечно, утрачивалось, превращаясь в неспецифическое международное понятие, синонимичное «государю».⁸⁷²

В германских дипломатических посланиях были и другие компромиссные обращения из московской традиции, которые не вызвали у имперских властей неприятия. Так, Рудольф II применял менее почётный и известный эпитет «самодержец», который использовал ещё Грозный, именуя себя «*всяя Руси самодержец*».⁸⁷³ Этот титул тоже приживался в империи лучше царского, выступая нестрогим аналогом немецкого «Potentat». В одной из грамот Рудольфа II, посланных с Варкочем, присутствует «*Zamoderzez*», без перевода и явно в протокольных целях, как часть титула Фёдора.⁸⁷⁴

Этот титул в империи отрефлексируют и сочли политически «нейтральным», не принижающим кайзера относительно царя. Принц изучил термин «самодержец» и переводил его как «*monarcha*», употребляя с тем же значением, что «государь всей Руси». При этом он считал, что прав на такой титул Грозный не имеет, так как часть «старых»

⁸⁷¹ Ibidem, стр. 4. Из контекста неясно, цитирует ли и здесь Шель московитов, которые звали хана Кучума царём, или пишет от себя, что менее вероятно: едва ли имперец был знаком с титулом Кучума и вообще о нём знал. Поэтому «царь» применительно к Кучуму мог появиться скорее от русских – ханом Шель его не зовёт, в отличие от хорошо известного ему крымского хана (Ibidem, стр. 16). Но тогда в донесении Шеля получается обидный для московитов статусный перекосяк: их правитель, великий князь, стоит ниже поверженного им татарского хана, менее знатного и могущественного.

⁸⁷² К этому выводу пришёл Б. УСПЕНСКИЙ, *Загадочная форма*, стр. 165. Вообще, неясно, как выразился Варкоч по-немецки: это словоупотребление на переговорах зафиксировал только Посольский приказ, где могли воспользоваться более точным или привычным русским термином, но возможно, это был «Herrscher».

⁸⁷³ С. БОГАТЫРЁВ, *Шапка Мономаха*, стр. 191.

⁸⁷⁴ Грамота Рудольфа II царю Феодору Иоанновичу, лист 3 inscriptio, РГАДА, фонд 32, опись 2, дело 14.

земель Руси тогда была за Польшей.⁸⁷⁵ Строго говоря, Принц неточен: титул «самодержец» говорил не о территориально-монархическом размахе общерусской власти, но о неограниченной власти царя – и вновь с претензией на византийское преемство. «Самодержец» — калька с греческого «автократор», αυτοκράτορ, титула василевса Византии, который московские князья в 15 веке переняли ради престижа даже не напрямую, а через южнославянских правителей и языки, причём без оснований.⁸⁷⁶ Как видим, в империи в целом не заметили ни византийскую, ни даже абсолютистскую коннотацию этого термина.

Что касается другого московского титула, «государь всея Руси / Herr либо Herrscher aller R(e)ussen», в источниках не видно отказов имперцев его употреблять. Он встречается часто, видимо, в силу общности с европейскими аналогами и подчёркнутой семантической нейтральности; кроме того, это был вообще едва ли не первый официальный титул московского правителя, который узнали Габсбурги: Иван III именовал себя «государем Всея Руси» в грамоте, привезённой в 1489 году первым посольством в империю Юрия Траханиота.⁸⁷⁷ Но и эта лексема имела специфический политический подтекст, который ускользал от «немцев». Слово «государь» в царском титуле значило не просто «повелитель / потентат», но шло от «господарь», то есть «хозяин подворья / поместья / «глава рода», семантически немислимый без слуг и холопов – причём этот собственный смысл слово сохраняло и в 16 веке.⁸⁷⁸

Перед нами доказательство того, что Московия, и шире, Русь, теперь осознавалась как личный царский удел, вотчина, в чём совмещалось старое феодальное и новое абсолютистское мышление. Это новое качество в империи явно не считывалось, так как «государь» переводился семантически нейтральными лексемами «господин» или «повелитель», Herr или Herrscher.⁸⁷⁹ Это, кроме того, один из немногих титулов, который был у Москвы и Праги взаимным, даже вопреки вариациям перевода: «наипресветлейшим Государем» в грамотах периода правления Годунова не раз именовался Рудольф II.⁸⁸⁰

⁸⁷⁵ Д. Принц, *Начало*, стр. 59.

⁸⁷⁶ Об этом перенимании подробнее Нина Кршлянин, *Титул самодержца (автократора) в Сербии и России: два пути развития византийского наследия*, Вестник Волгоградского государственного университета 4 (том 22). Волгоград 2017, стр. 162–183. «Самодержец» возник в великокняжеском титуловании как сугубо статусная претензия Василия II Тёмного (1415-1462), который едва ли обладал вообще какой-либо единоличной властью, справедливо отмечал В. САВВА, *Московские цари*, стр. 112.

⁸⁷⁷ Ibidem, стр. 274.

⁸⁷⁸ Об этом подробно И. ЗАБЕЛИН, *Домашний быт русских царей*, часть 1, стр. 6-7.

⁸⁷⁹ Herr появляется в обращениях к московскому монарху именно как к царю раньше, это обращение предпочитает Кобенцель: Herrn Hanss Kobenzels von Prosseg, стр. 22. И лишь в 1580-х годах в императорских посланиях появляется более сильное «Herrscher».

⁸⁸⁰ Например, ПДС, том 1, столбец 1247.

Подытожу эту картину взаимного именования. Говоря о коммуникации австрийского дома с Рюриковичами надо отметить, что сама проблема восприятия «раннего царизма» в империи и признания титула Грозного была проблемой личности, а не институции, которая ещё не успела институционализироваться. Во второй половине 16 века иностранцы спорили и рассуждали о московском царе, имея в виду конкретно первого и последнего полновластного Рюриковича. Не существовало ещё *царей*, но был единственный царь, и именно титулование хорошо показывает, как его уход со сцены изменил стиль дипломатической коммуникации. Свойства личности, поведения и реализации власти Ивана IV переносились империей на весь царский институт. Отсюда могло проистекать и отсутствие единого стиля коммуникации и именования: империи приходилось вести диалог не просто с «самопровозглашённым» царём, но с политическим оппонентом, виновником Ливонской войны. Неслучайно со смертью Грозного и окончания конфликта в Прибалтике тон коммуникации обоих домов становится более почтительным и в то же время стабильным, предсказуемым.

Для самого Грозного, между тем, символический акт именования «закольцовывается», превращается из средства саморепрезентации в самоцель, вынуждая имперцев расшифровывать такое поведение: неслучайно Даниэль Принц даже проводит первое со времён Герберштейна изыскание о царском титуле, причём куда более основательное. И здесь титул рассматривается в связи с конкретным потентатом: Принц опровергает не столько права московских владык на царство, сколько аргументы Ивана IV и библейские аллюзии на его статус. То же можно сказать об отсылках к византийскому наследию в московской титулатуре: ни Принц и никто иной этого не замечали, а значит, и не признавали весомую часть московских претензий на символическую христианскую гегемонию и сакральность власти.

Оттепель, хоть и без понимания московской титулатуры, пришла со смертью Грозного. Уже взаимное обращения Рудольфа II и царя Фёдора обнаруживает соблюдение внешнего равенства и формального уважения, хотя и со стремлением каждой стороны подчеркнуть своё превосходство. Судя по языку документов, отношения империи и России устойчиво дружественны, а грамоты конца 16 века изобилуют теплыми формулами любви, дружбы и братства, которые кайзер и царь предлагают друг другу в посланиях.⁸⁸¹ Но конкретное, «грозновское» в царском статусе ещё долго преобладало над типическим «царским», и в представлении европейцев окрашивали восприятие самого института царства дискурсами русского варварства и тиранства.

⁸⁸¹ «*Lieben freundt vnnd Bruedern erbieten*», как выразился Варкоч. Relatio, лист 20, обратная сторона.

У имперских потентатов виден общий тренд движения от «княжеского» титулования к «царскому», но именование московских царей не обнаруживает систематичности: у Габсбургов наделяют московских владык титулами не просто разного уровня, но разных культур и разной семантики. Подобно тому, как в империи ещё не имели точного представления, как принимать московских послов, не могли там определиться и с именованием их повелителя. Два дома снова испытывали двойные трудности из-за отсутствия общего «церемониального языка»: он не совпадал не только в культурном, но и в буквальном смысле, так как европейская система титулования имела общие ориентиры и правила, но не совпадала с русской.

В современной русистике обосновано мнение, что семантику титула «царь» нельзя толковать в каком-либо одном контексте. Если в политическом контексте оно могло или должно было переводиться как «император», то в религиозном (а это важная для Кремля отсылка к библейским царям) оно строго соответствовало королю, гех.⁸⁸² Мы, однако, не увидим такого строгого разделения в имперском именовании правителей Московии. В политическом контексте империя не признаёт царей императорами. Религиозный же контекст царской власти она практически игнорирует, лишая Московию, в её собственных глазах, важной части её мессианских амбиций. Из всех имперских послов только Принц подводит под семантику царского титула ветхозаветные аналогии, но это не возвышает кремлёвский престол в политическом отношении, а скорее умаляет его, превращая царя в «обычного» короля.

Перемешивание терминологии, когда в Москве звали кайзеров царями, а имперские дипломаты именовали царей императорами, могло вести к сдвигу во взаимном восприятии. Понятия «царь» и «император / цесарь», несмотря на огромный семантический разброс и различия в словоупотреблении, подразумевали повелителя обширной и разнородной империи, домена, но в одном случае общенемецкого («империя германской нации»), а в другом – общерусского («государь всея Руси»). Это способствовало постепенному установлению внешнего статусного равенства, которое империя негласно признавала, даже если формально отказывала в нём царям. В Московии же такое именование отражало своего рода «статусный блеф»: за претензиями на древнеримское и византийское наследие видится лишь московский удельный князь, который расширил свой удел до пределов русских земель, и с позиции территориальной и военной мощи мог коммуницировать на равных с первыми монархами Европы.

⁸⁸² Подробнее Б. УСПЕНСКИЙ, *Царь*, стр. 37.

Теперь взглянем на именование кайзеров в московской дипломатической переписке и сделаем вывод: статус императора казался Москве «символическим монолитом», а его монархическая власть – подобной царской власти, без противовесов и внутренних структурных конфликтов. Власть эта воспринималась столь же мифологизированной в качестве своего рода «отражения первого Рима», причём отражения «неправильного», чуждо-«немецкого» и иноверно-католического. В Московии не была отрефлексирована (да и вряд ли хорошо известна) средневековая дилемма *imperium* и *regnum*, противоречие между претензией кайзеров на воображаемый статус «властелина христианского мира» и их реальным статусом «*rex Alamanniae*».⁸⁸³

Примечательно, что в похожей, но более слабой позиции, находились и сами Рюриковичи: за глобальными мессианскими претензиями Грозного виден вчерашний удельный князь, власть которого ещё не успела институционализироваться даже на общерусском уровне, и который, вскоре после помазания на царство, развернул беспрецедентный террор, боясь за прочность этой власти. Стоит вспомнить, как Максимилиан II предлагал Грозному некий статус «восточного императора» за альянс против турок. Отказ Ивана IV развивать эту линию хорошо показывает его реальные внутривосточные приоритеты, которые исключали всякую реализацию претензий на мифическое наследие василевсов, зато обнажали неспособность различать власть мифическую и реальную, духовную и светскую.

Этот нарратив «монолитной» императорской власти парадоксальным образом сосуществовал с реальными представлениями москвитов о политической структуре империи и потенциале императоров. В Кремле хорошо знали, что кайзеры вынуждены выпрашивать войска и деньги у рейхстагов, ведя сложный торг с курфюрстами и сословиями, которые тем самым ограничивали политический арсенал императора.⁸⁸⁴ Иван IV был, в его собственном представлении, в чём-то даже «более император», чем германские кайзеры: их мощь была выборной, ограниченной и в ряде отношений символической, а «Московит» стягивал русские земли под свою прямую и бесконтрольную власть – чем куда более уподоблялся цезарям Древнего Рима. Всё это не мешало Москве видеть в императоре эталон статуса для владык «Третьего Рима», «анти-

⁸⁸³ Подробнее об этом Ernst SCHUBERT, *König und Reich. Studien zur Spätmittelalterlichen deutschen Verfassungsgeschichte*, Göttingen 1979.

⁸⁸⁴ Все московские посольства получали задачу узнать, сколько у «Цесаря» денег и войска, и привозили стереотипные ответы: «Казны, сказывают, мало у цесаря» (Статейный список Константина Скобельцына, стр. 312) и «коли живёт большое собранье [войско – В.П.], тогда ему на пособь дают дяди его, Удельные князи»: ПДС, том 1, столбцы 889-890. Москве было ясно: кайзер не распоряжается ресурсами по-царски самовластно, а значит, и политически зависит от тех, кто эти ресурсы предоставляет.

василевса» — признанного наследника Рима, даже отчасти обладавшего сакральностью, сравнимой с таковой у византийских «царей» (неслучайно кайзеру присуждалась коннотация главы христианства, а его империя признавалась «Святой»).

Сделаю поэтому вывод, что именно поэтому в отношениях с Габсбургами Грозный боролся за признание своего статуса настойчиво, но куда менее агрессивно, чем с другими монархами. Даже на пике успехов в Ливонской войне он уже не позволил себе наказывать Кобенцеля и Принца за умаление своего титула так, как наказал Гофмана, которого оставили без «корма» и наспех выдворили. Тем более Иван IV не позволял себе прекратить коммуникацию с Веной в ответ на отказ Максимилиана II звать его царём, как Грозный поступил с Польшей даже вопреки угрозе срыва перемирия в 1552 году.⁸⁸⁵ Эта осторожность показательна: в отличие от ситуации с поляками, Грозный мог идти ва-банк, не боясь вооружённого конфликта с империей. В Кремле явно понимали, что чрезмерная пропаганда царя как нового императора осложнит отношения с императором *настоящим*.

Лишь неожиданно снисходительная позиция Рудольфа II позволила Москве добиться от самих Габсбургов того, чего Рюриковичи не могли получить ни от Максимилиана II, ни даже от Речи Посполитой. Если от Польши царь мог добиться признания и путём конфронтации, то в согласии императоров звать Грозного царём Москве была важна именно добровольность. То, что Максимилиан I однажды назвал Ивана IV «кайзером», царь потом активно использовал как довод на переговорах с Польшей о своём титуле.⁸⁸⁶ Что ещё важнее, борьба за царский титул служила внутрирусской саморепрезентации Ивана IV: она институализировала его абсолютную власть нового типа, в отличие от власти великокняжеской, исходившей из договора с «землёй», народом.⁸⁸⁷ В титуловании Габсбургов и царей, как и в спектакле пиров и аудиенций, Москва доказывала своё могущество и новый статус империи, чтобы в первую очередь убедить в нём саму себя. Инициатива в церемониальной борьбе за признание царского титула принадлежала Московии, но результат зависел уже от имперской стороны, которая понемногу сдавала позиции, сделав ряд уступок в признании царского титула.

⁸⁸⁵ В. САВВА, *Московские цари*, стр. 294-295.

⁸⁸⁶ Документы о переговорах с польским посольством Станислава Довойны 1553 года, без названия, опубликованы: Сборник Императорского Русского Исторического Общества, том 59. Санкт-Петербург 1887, стр. 397. Речь Посполитая не желала признавать Грозного царём именно потому, что этот титул ставил бы его вровень с императором, так как «*по цесари кристьянском никоторый государь у кристьянстве тым именем не называетца*», о чём московским послам открыто говорили в Варшаве: Ibidem, стр. 446. Титулы царя и кайзера, таким образом, отождествлялись.

⁸⁸⁷ И. ЗАБЕЛИН, *Домашний быт русских царей*, часть 1, стр. 3.

IX. Взаимные представления через оптику посольских документов

Общим местом в московитике давно стало основополагающее влияние барона Сигизмунда Герберштейна. Он и в 21 веке представляется эталонным учёным и путешественником, который охватил все стороны жизни Московии, наметил базовые направления их изучения, сделал ключевые выводы. Во многом это так. Его «Записки» играли роль главного компендиума этнографических и политических знаний о Руси для многих авторов, как бывавших, так и не бывавших в Москве.⁸⁸⁸ Но изучение документального массива австрийских дипломатических документов второй половины 16 века подводит к парадоксальному выводу: уже в это время «*Rerum Moscoviticarum commentarii*» стали безнадежно устаревать. Инерция открытий Герберштейна, конечно, осталась огромной: многие явления московской жизни, описанные им, ещё только начинали осознаваться «германским миром» и при этом сохранялись на Руси.

Но история Московского государства успела сделать ряд критических поворотов, что требовало переоценки старых дискурсов. Во-первых, в 1547 году Иван IV в 16 лет венчался на царство, став своего рода инструментом в руках той прогрессивной части элит, которая стремилась дореформировать систему управления в самодержавном ключе. Во-вторых, Московия ворвалась в европейскую политику, когда оккупировала Ливонию и спровоцировала роковые социально-экономические изменения в себе самой, не в последнюю очередь опричнину. Наконец, вырождались и уходили с арены Рюриковичи; несмотря на короткую «годуновскую стабилизацию» самодержавия, экономики и социума, на горизонте появились признаки катастрофы Смуты.

Всё это вынуждает искать новые подходы к герберштейнову наследию открытий и дискурсов, и спросить: что оригинального дипломаты Фердинанда I, Максимилиана II и Рудольфа II привнесли в московитику своего времени? Какими они видели своих московских оппонентов, и что писания имперцев говорят о политических отношениях двух монархий, о воззрениях и о работе самих габсбургских дипломатов?

⁸⁸⁸ Об этом Walter LEITSCH, *Herberstein's Impact on the Reports about Muscovy in the Sixteenth and Seventeenth Centuries: Some Observations on the Technique of Borrowing*, *Forschungen zur osteuropäischen Geschichte* 24, 1978, стр. 163-177, здесь стр. 163-164.

IX. 1. Царские дипломаты об империи: только служебные описания

Я намеренно сосредотачиваюсь здесь на подробных австрийских описаниях Московии 16 века, а не на скудных русских описаниях империи: объём последних, в отличие от данных о ритуалах, исчезающе мал. Приходится констатировать, что московские посольские документы едва ли не намеренно игнорировали такую «неслужебную» информацию. Иностранцы интересовали Московию только на её собственной территории и только с практической точки зрения: что они могут дать царству, как их можно использовать. Следовательно, за границей это были «абсолютные другие» с чуждой культурой, религией и нравами, интересоваться которыми было не принято, а то и опасно (с духовной или с политической точки зрения). Постоянно закрытые границы Московии, пересекать которые можно было только по «государеву делу», резко сокращали личные и деловые контакты русских с европейцами, а следовательно, и наблюдения за Европой, обмен мнениями и культурный трансфер.

Мысли о том, какими москвиты видели «царских немцев», приходится искать между строк скупых, сухих и слишком деловитых московских реляций, экстраполировать и строить ненадёжные догадки. Чаще всего сообщения, не связанные напрямую с делами службы, у русских скупы, одинаковы и касаются религиозных дел, но и здесь мало что можно извлечь. Пример и квинтэссенция таких наблюдений – упомянутые выше сообщения Новосильцева о том, как проходит служба в соборе Св. Вита и как там погребены короли. (Вспомним, красоты замка «Звезда» его не впечатлили вообще).

Но ещё показательнее один пассаж в реляции Истома Шевригина. Тот тоже был на богослужении (правда, не в империи, а в Риме в соборе Св. Петра). Можно было ждать, что он опишет архитектуру и шедевры изобразительного искусства, подобных которым он больше нигде не мог увидеть. Но Истома писал о том, что католики крестятся «наоборот», «неправильно», и вообще обряды у них иные: *«Крест на себя кладут, первое, на левое плечо, а после на правое»*.⁸⁸⁹ Казалось бы, лишняя подробность. Едва ли этого не знали в Москве, тем более такой знаток богословских вопросов, как Иван Грозный. Но здесь отразилось, во-первых, удивление Шевригина европейской инаковостью, острым осознанием иной культуры в самом сердце иноверной католической Европы, где абсолютно всё «не так» и по-другому. Во-вторых, «образ другого», который выстраивал Шевригин, мог строиться у него только на одном основании – на иноверности. Замечу,

⁸⁸⁹ ПДС, том 10, столбцы 23-24.

что это едва ли не самый любознательный и инициативный из московских дипломатов своей эпохи: от прочих, следственно, можно было ждать ещё меньшей открытости.

Эмиссары Габсбургов, напротив, открыто рассуждали, полемизировали и делали выводы. Кобенцель и Принц, Варкоч и Гейс, и в меньшей степени, Шиль, Гофман, Лассота и фон Дона смотрели на Московию через широкую «герберштейнову оптику», давая образные и обобщающие картины, которые освежают их же сугубо служебные описания ритуалов и обрядов кремлёвского «спектакля власти». Так они обеспечили массив свежих наблюдений, которые оживили каркас сухой служебной информации. Такое различие в подходах можно объяснить, в частности, тем, что этос ренессансного европейского дипломата предполагал интерес к стране пребывания и знание её культуры, нравов и институций,⁸⁹⁰ чего в московском обычае не велось.

XI. 2. Московская вера и нравы глазами имперских дипломатов

Замечания австрийцев тем ценнее, что они сами бывали в Московии (в отличие, например, от Марека Быдзовского и Даниэля Адама из Велеславина); что ещё ценнее, они соприкоснулись со всеми слоями московского общества, от простого народа, с которым контактировали редко, до среднего чиновничества и вершителей судеб Московии. (Тот же Варкоч общался с Годуновым и шефом московской дипломатии Андреем Щелкаловым и на аудиенциях, и тет-а-тет).

Итак, о чём же писали австрийцы? Русист Маршалл По выделял четыре дискурса, которые с подачи Герберштейна доминировали в московитике с начала раннего нового времени, причём все они напрямую связаны с царизмом как политическим строем и идеологией. Эти дискурсы – абсолютная самодержавная власть, деспотизм царя, который основывает своё величие на всеобщем подчинении, негласный статус всех подданных как «рабов» (слуг, холопов царя), и квазибожественный статус царя.⁸⁹¹ Все они обнаруживаются у двух самых плодovitых послов-писателей, Кобенцеля и Принца, что уже фиксировалось тем же Маршаллом По и не требует более подробной остановки.

Но читая реляции, дневники и публицистику имперских послов нельзя не выделить и пятый дискурс, который Герберштейн оставил в тени за темами деспотизма, политически

⁸⁹⁰ Н. NICHOLSON, *The Evolution*, стр. 64-66.

⁸⁹¹ Marshall POE, *Herberstein and Origin of the European Image of Muscovite Government*, in: Frank KÄMPFER (ред.), *450 Jahre Sigismund von Herbersteins Rerum Moscoviticarum Commentarii: 1549-1999*, Wiesbaden 2002, стр. 20.

более яркими и выигрышными для империи. Это тематика религиозной и нравственной инаковости. Она выступает у «немцев» тем ярче, что в отличие от московитских послов, они были свободнее в выборе тематики, интересовались бытом чуждой Московии, и имели возможность создавать эго-документы, которые в целом отсутствуют в наследии московского чиновничества 16 века. Этот пятый важный дискурс, можно назвать «москвиты как иные, но ревностные христиане».

Все четыре самых плодотворных автора, Кобенцель, Принц, Варкоч и Гейс, уделяют теме московской веры и нравов много места. При этом у австрийцев здесь можно выделить несколько типов оптики и амплуа. У Даниэля Принца, например, виден полемический накал. Раздел о религии русских он поместил сразу во вторую главу своего труда, где перечислил 37 «главных заблуждений русской веры», важнейшие из которых – неприятие примата и учения Римской церкви.⁸⁹² Принц даже обнаружил между католиками и православными некоторую враждебность, сообщая, что все члены римской церкви, по мнению москвитов, еретики (хотя такого же мнения держались о москвитях и сами дипломаты).⁸⁹³ При этом силезец признаёт, что русские постятся лучше немцев и более тщательно соблюдают обряды, истово крестятся и часто молятся. При этом сложно отделаться от мысли, что в целом Принц пишет о православии с неприязнью и даже враждебностью. Лексика вроде «заблуждения», «еретики», «презирают папу» не оставляют в этом сомнений, и такой негативизм мог иметь практические последствия в политике: Принц – ближайший «референт по Московии» двух императоров, участник посольских приёмов и переводчик; конечно, он помогал формировать московскую политику империи. В Принце говорит идеолог и полемист, который видит в москвитях религиозного оппонента, волею случая оказавшегося политическим союзником.

Что касается русских нравов, то Принц единственным из австрийцев оставил подробное описание внешности Ивана IV. Оно примечательно обилием утрированных физических, даже животных черт, акцентом на телесное, а не на духовное начало, часто с негативной и неевропейской коннотацией (например, обритая наголо голова, что Принц считает типично русским обычаем). Грозный описан высоким и «довольно толстым», с длинной рыжей бородой и бегающими глазами; он склонен к частому гневу, в котором «испускает

⁸⁹² Д. Принц, *Начало*, стр. 43. Автор признаёт, что это изыскания не его, а митрополита Киевского Исидора (1380/90-1463), православного иерарха, перешедшего к униатству и католицизму. Но заочная полемика с православием показалась Принцу такой важной, что он сделал этот единственный заимствованный отрывок частью своего текста.

⁸⁹³ *Ibidem*.

пену, словно конь».⁸⁹⁴ Не исключено, что такие припадки ярости Принц наблюдал лично, но упоминание пены и сравнение с конём намекает на некое преувеличение, которым силезец постарался выразить своё негативное отношение к «Московиту». Царь мужествен, но не благороден, как даёт понять Принц: по-королевски благородным с виду посол называет царевича Ивана, но не его отца.⁸⁹⁵

Иное амплуа видим у его начальника Иоганна Кобенцеля. Ландкомтур, в первую очередь, исследователь. Отношение к русской вере у него двойственное: москвиты — «схизматики», но при этом народ истых христиан, который от веры «по видимому... не отступал»; однозначных оценок посол поэтому не делает. Вера для него – важный камень преткновения; Кобенцель даже открывает своё «Письмо» о Московии теологическими различиями православия и Рима, посвящая им половину работы. Для него это важнейшая часть образа другого, основа мировоззренческой инаковости русских. В духовном отношении москвиты стоят, конечно, ниже имперцев: Кобенцель смотрит на них как на «младенцев», которых надо кормить «духовным млеком» католицизма.⁸⁹⁶

При этом тон у посла примиряющий: если раньше москвиты ненавидели папу и католиков, то «теперь этого вовсе нет». Перед нами непрямая полемика и с Герберштейном, и с коллегой Принцем. Кобенцель идёт даже дальше, считая, что каждый русский мечтает посетить святые места Рима и Лорето, и что к католикам в Московии относятся лучше, чем к лютеранам.⁸⁹⁷ Эта оценка субъективна и неточна. Хотя Грозный, например, открыто приравнивал к псам чешского пастора-дипломата Яна Рокиту и его коллег-протестантов, в очной полемике называя их речи «лаянием»,⁸⁹⁸ католики тоже воспринимались на Руси как вероотступники. А готовность московских элит контактировать с ними за пределами аудиенций была так редка, что всегда попадала в посольские реляции, так как давала шанс на развитие личных контактов.⁸⁹⁹ Но тут важно, что Кобенцель искал и нашёл точки соприкосновения с чужой «варварской» культурой.

⁸⁹⁴ Ibidem, стр. 27.

⁸⁹⁵ Ibidem, стр. 29.

⁸⁹⁶ Письмо Иоганна Кобенцеля, стр. 139. Отмечу это довольно типичное сравнение для этнографической литературы нового времени, которая часто приравниваем «варварские» народы, к детям.

⁸⁹⁷ Ibidem, стр. 132. Катерина Пражакова приводит цитату Герберштейна, не попавшую в большинство изданий: «Keinen Menschen dermaßen haßt wie den Papst»: К. PRAŽÁKOVÁ, *Obraz*, стр. 81. Схожими словами пишет Принц, цитируя различия в православном и католическом вероучении и указывая с чужих слов, что русские в церквях регулярно проклинали папу, причём это упоминается как актуальное, а не исчезнувшее явление: Д. ПРИНЦ, *Начало*, стр. 44.

⁸⁹⁸ Об этом подробнее Jaroslav VIDLO, *K rozmluvě br. Jana Rokyty s cářem Ivanem Hrozným (r. 1570)*, *Český časopis historický* 4, 1905, стр. 430–432, здесь стр. 432.

⁸⁹⁹ Поссевино, например, с надеждой доносил, что царевич Фёдор «не чуждается католиков»: Антонио ПОССЕВИНО, *Исторические сочинения о России*, Москва 1983, стр. 25.

Неслучайно Кобенцель — единственный дипломат-австриец, который отважился на культурный трансфер и пытался приобрести русский религиозный опыт: он хотел посетить православное богослужение и спросил, можно ли ему поклониться знаменитой деревянной иконе-статуе Николы Можайского, причём даже получил на это разрешение.⁹⁰⁰ В итоге ландкомтур никуда не пошёл, решив, что контакт с верой «схизматиков» плох для него самого и обиден для русских. И всё же Кобенцель не утерпел и несколько раз ходил слушать богослужения с церковного порога, поражаясь «*благоговению, которое трудно выразить словами*».⁹⁰¹ Эта оценка ценна своей искренностью и тем, что её сделал рыцарь Тевтонского ордена: редкий случай, когда имперец видит в москвичах хотя и «других», «схизматиков», но в чём-то лучших, превосходящих его собратьев. Сама эта готовность посла примерить на себя мировоззрение «других», понять их, говорит о его интересе, — который, возможно, даже слегка пугал его самого.

Полемиста Принца и исследователя Кобенцеля дополняет секретарь Стефан Гейс в ипостаси путешественника, проезжего наблюдателя: его замечания точны и вместе с тем иногда неглубоки; он был чужд точных и резких оценок, так как ему не нужно было принимать политические решения. Гейс словно бы писал путевые заметки, отмечая повседневность, которая не открывается глазу идеолога или политика, и в этом его ценность как наблюдателя.⁹⁰² Говоря о русской вере, он не анализирует обрядность, а восторгается храмами или высмеивает суеверия.

Он, например, пересказывает предание о священной статуе Николы — той, которой чуть не поклонился его коллега Кобенцель. Статуя, якобы, сама ходила по храмам и убегала от пожара, «*однако ж это невозможное дело*», — рассудил секретарь.⁹⁰³ Занятно, что эту историю делегация слышала от московских «бояр», которые явно хотели поразить «латинян» силой чудес православия, но добились обратного: прослыли суеверными и стали объектом насмешки. Гейс тут не одинок: о знаменитом образе и чудесах, которые он творит, писал и Принц, и тоже с оттенком недоверия.⁹⁰⁴

⁹⁰⁰ Письмо Иоанна Кобенцеля, стр. 130.

⁹⁰¹ Ibidem, стр. 131. Вообще и само своё письмо о Московии посол мыслил как докладную записку для некоего проекта по обращению москвитов в католическую веру.

⁹⁰² О путешественнике как о своеобразном и живом историческом источнике пишет Walter LEITSCH, *Kliuchevskii's Study On the Reports of Foreign Travelers About Muscovy: A Belated Review*. Canadian-American Slavic Studies 20, No. 3-4, 1986, стр. 299-308, здесь стр. 299.

⁹⁰³ С. Гейс, *Описание*, стр. 14.

⁹⁰⁴ «*Говорят [sic! – В.П.] что его образ, поставленный в храме в городе Можайске, знаменит многими чудесами*», — сухо отмечает Д. ПРИНЦ, *Начало*, стр. 34. Представляется, что знакомство австрийцев с этой статуей и культом Николая Угодника во многом обусловлено тем, что Можайск был на западном пути из

Гейса увлекают эстетические свойства Москвы: ему очень нравятся новый Кремль, звон колоколов, которых в городе «тысячи», а особенно церкви и их вызолоченные купола; дипломат отмечает их высокую цену и «великолепный вид». Москва у него – город хоть и деревянный, но «прекрасный», «большой» и «сильный»,⁹⁰⁵ что в целом соответствует взглядам европейцев того времени. В 16 веке Москва считалась в Восточной Европе огромным городом, вдвое больше Праги, что не следует понимать буквально: перед нами, видимо, очередное символическое преувеличение.⁹⁰⁶

В делах религии секретарь заметит внешнее и нарочито «другое»: в отличие от Европы, церкви в Москве не строят высокими, а колокола при звоне неподвижны. При этом Гейс заметил важные мессианские отсылки и библейские аллюзии московской идеологии: ему было известно, что «превосходный» Собор Василия Блаженного зовут Иерусалимом; эту информацию ему явно сообщили москвиты.⁹⁰⁷ Никакого впечатления это, однако, не производит, и выводов Гейс не делает, хотя не понять суть московских претензий он не мог в силу универсальности отсылок к Иерусалиму.

У Гейса же встречаем любопытную цифру: в Москве «до 1500 церквей»⁹⁰⁸ – число, не достигнутое даже к 20 веку.⁹⁰⁹ Это можно отместить как преувеличение, но через полвека ту же цифру приводит и Адам Олеарий, ссылаясь на самих москвичей.⁹¹⁰ Гонец Шель, приехавший в 1598 году, приводил ещё большую цифру, но и она кратна 1500: церквей в Москве якобы «до трёх тысяч».⁹¹¹ Перед нами, судя по всему, отражение старого и популярного русского мифа о «сорока сороков» церквей в столице Руси. Это число символизировало её мощь и благочестие; до настоящего времени оно известно как

Европы в Московию, и благодаря образу Николы почитался священным. В 1593 году Варкоч пострадал из-за этого: он серьёзно заболел, но остановку в Можайске ему не позволили, именно потому, что священный город был фактически закрыт для иностранцев: С. ГЕЙС, *Описание*, стр. 14.

⁹⁰⁵ Ibidem, стр. 34-36.

⁹⁰⁶ Об этом писал польский историк, в Москве не бывавший, но опрашивавший путешественников и в любом случае, популярный в тогдашней московитике: Матвей МЕХОВСКИЙ, *Трактат о двух Сарматиях*. Москва-Ленинград 1936, стр. 114. То же утверждала и «Космография» Мюнстера, как указала К. PRAŽÁKOVÁ, *Образ*, стр. 78. Возможно, Москва была больше, но не вдвое: конкретных параметров никто не приводит, так что перед нами очередной стереотип, кочевавший по литературе 16 века и призванный показать обширность и населённость Московии – точно так же, как имперцы преувеличивали и количество московских церквей. В таком случае Гейс пересказывает какие-то источники или общепринятое мнение, которое сам никак не аргументирует.

⁹⁰⁷ С. ГЕЙС, *Описание*, стр. 35.

⁹⁰⁸ Ibidem, стр. 36.

⁹⁰⁹ Наиболее авторитетный труд по московским храмам на начало 20 века не насчитывает в Москве даже 1400 храмовых престолов. Подробнее Пётр ПАЛАМАРЧУК, *Сорок сороков. Москва в границах 1917 года*. Москва 1995.

⁹¹⁰ Адам ОЛЕАРИЙ, *Подробное описание путешествия голитинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1638 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием*, Чтения в императорском обществе истории и древностей российских, книга 3. Москва 1868, стр. 113.

⁹¹¹ А. ШЕМЯКИН (ред.), *Донесение*, стр. 15.

прозвище Москвы. Вероятно, эту цифру в 1600 церквей иностранцы и округляли до полутора тысяч, предпочитая воспринимать её приблизительно.

Но у всех трёх авторов получается многократная переоценка, что не может быть случайным совпадением. Сорок, то есть административно-церковный округ, возник, видимо, в 1551 году, и при Гейсе, Шиле и Олеарии в Москве сороков было не 40, а лишь семь,⁹¹² причём ни в одном не было строго по 40 храмов. Церквей в столице, тем самым, было в условном диапазоне от 250 до 300 или чуть больше. Но сразу два «немца», даже преувеличивая, писали не о 500 и не о тысяче храмов, а именно о 1500. Это говорит нам, во-первых, о древности «мифа сорока сороков», который мог появиться ещё при Грозном и хорошо работал на мессианство московских элит. Во-вторых, видно: иностранцы впечатлялись Москвой и резко переоценивали её населённость, благочестие и богатство: не зря Гейс особо отметил, что на золочение куполов москвиты не пожалели немалых денег. В-третьих, перед нами косвенное подкрепление дискурса о москвитях как о ревностных христианах: даже для большого города в Европе многие сотни и даже тысячи церквей были невероятным делом, признаком сильной религиозности населения.

Никлас Варкоч, в свою очередь, представлял собой четвёртую ипостась, политика. Он единственный из австрийских дипломатов, кого религия и нравы москвитов не интересовали сами по себе: ему были важны только их политическое применение. В 1589 году Варкоч убеждал Рудольфа II, что твёрдость русских в вере компенсирует их «несколько варварские обычаи». Она могла служить и опорой для союза с империей, тем более что москвиты «*благородного духа*», надёжны и строго соблюдают клятвы – эту особенность никто из австрийцев больше не подчёркивает.⁹¹³

Варкоч здесь отличился от своих коллег двояким образом: говоря о русских, он имел в виду политическую элиту, с которой только и общался, в отличие от предшествующих дипломатов, чей круг общения был явно шире – у них это «москвиты вообще». Во-вторых, он обошёл самые популярные «герберштейновы дискурсы», которые присутствуют почти у всех авторов, а из остальных вскользь упоминает дискурс «варварства». Либо Варкоч не считал это важным для своей миссии, либо тактично умолчал: он вообще не был склонен к резким оценкам, и часто сообщал неприятные ему

⁹¹² Анна ФЕДОРЕЦ, *Исповедные ведомости как исторический источник по социальному составу и расселению дворовладельцев города Москвы в 40-х – 80-х гг. XVIII в.* Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Москва 2014, стр. 35.

⁹¹³ J. POLIŠENSKÝ, *Poselství*, стр. 119.

вещи между строк.⁹¹⁴ Куда показательнее, что посол не акцентирует дискурс тиранства и всевластия московского царя – чуть ли не первым среди немецких авторов, бывших на Руси. Варкоч смотрит на вещи реалистично: рассуждая о слабости царя Фёдора и сильных, но исторически обречённых властных амбициях Годунова, посол намекает, что это мифическое всевластие если не исчезло, то резко ослабло.

Нравы московитов выглядят у австрийцев куда менее лестно, чем их религиозность. Здесь бросается в глаза, что предполагаемая моральная испорченность, нечестность русских, о которой писали австрийцы, никак не коррелирует с их набожностью, и эти пласты национального характера существуют в отрыве друг от друга, намекая на пустоту религиозной обрядности. Свидетельства имперских дипломатов, более того, нередко выглядят написанными с чужих слов или стереотипными: это не всегда их личный опыт. Вот Гейс называет московитов обманщиками в торговых делах, «самым плутоватым и хитрым народом».⁹¹⁵ Но никакой конкретики и никаких следов его контакта с торговцами найти нельзя: передвижения делегации были ограничены, и ничего покупать сам Гейс не мог. Значит, об этом он слышал или читал, что не мешает ему приводить это стереотипное описание рядом с собственными впечатлениями.

Другим эмиссарам пришлось испытать «московитскую нечестность» на себе, что приводило к скандалам. Лукас Паули однажды пожаловался лично царю Фёдору на произвол главы Посольского приказа Василия Щелкалова: один из богатейших людей Московии отобрал у Паули золотую цепь, дар эрцгерцога Максимилиана Габсбурга. По объяснению Щелкалова, он присвоил эту цепь как компенсацию за три сорока соболей, которые Паули не вручил шведскому принцу Густаву от царского имени (соболя потом потерялись, так как дьяк Власьев не хотел за них отвечать). У царя приняли соломоново решение: за соболей Паули заплатил 150 рублей, но Щелкалова заставили вернуть дипломату цепь. Здесь интересно не только то, что имперский агент (всего лишь!) имел, как выясняется, поразительно лёгкий доступ к царскому вниманию: такой привилегии не имели и многие послы. Ещё показательнее, что в Москве обошлись таким образом с лучшим, доверенным агентом двух монархов. Скорее всего, на впечатление имперцев о московитах это никак не повлияло: Василий Щелкалов был известен как злой, жадный и беспринципный человек, о чём знали и иностранцы.⁹¹⁶ Да и самих имперских дипломатов,

⁹¹⁴ Как, например, на вышеупомянутом долгом пиру в Москве, где Варкоча раздосадовало многочасовое пьянство, которое он, однако, не осудил прямо.

⁹¹⁵ С. Гейс, *Описание*, стр. 33. Любопытно, что Принц, который подробно описывал русскую торговлю, ничего такого не заметил, или, возможно, не придал этому значения.

⁹¹⁶ Н. Рогожин, «У государевых дел...», стр. 182-183.

включая отца Паули, Магнуса, в Москве тоже иногда обвиняли в бесчестных попытках обогатиться.⁹¹⁷

Но вот то, что московиты тёмный, необразованный народ с неразвитой экономикой, австрийцы не просто декларируют, а доказывают: «*В Московии нет ни одной школы, ни других удобств для обучения*».⁹¹⁸ Как выясняется, самые искусные мастера разных специальностей живут только в Москве, да и то это главным образом «*Germani*».⁹¹⁹ Принц даже особо отмечал русские лапти, «*обувь из древесной коры*», так как многие в царстве не могут позволить себе сапоги – яркая картина инаковости и бедности одновременно.

Московиты, пишет Даниэль Принц, пресмыкаются перед своим правителем, но перед остальными склонны к гордыне. Заодно они склонны к другим грехам и порокам и «*нередко оскверняют себя прелюбодеянием, блудом и проклятым содомским грехом*».⁹²⁰

Снова неясно, откуда силезец получил всю эту информацию. Какие-то сцены он мог наблюдать в дороге, но для широких обобщений ему вряд ли бы хватило материала, а его предшественник и источник Герберштейн московитов в повальном блуде не обвинял.⁹²¹ Всё же речь, скорее всего, об очередном стереотипе, который укоренился в московитике и помимо Герберштейна, например, в «Космографии» Себастьяна Мюнстера (1544), где о русских автор пишет как о народе обжор, пьяниц и развратников – в рамках типично варварской парадигмы.⁹²²

Зато источником другой сенсации, которую упоминают и Принц, и Гейс, мог быть как Герберштейн, так и их собственный опыт. Оба дипломата могли видеть, что московитские женщины сидят дома и редко выходят на улицу, но вряд ли кто-то из них лично убедился, что браки в Московии часто заключают заочно, так что жених видит невесту только на свадьбе, о чём писали оба.⁹²³ Присовокупив это герберштейново известие о браке к собственным наблюдениям, оба дипломата предъявили ещё одно доказательство

⁹¹⁷ По жалобе того же Скобельцына, перед выездом из Ливонии в империю он отдал Магнусу на хранение 400 иоachimсталеров, а тот присвоил эти деньги. Магнус Паули всё отрицал, а Скобельцына потом обвинил в пьянстве и оскорблении императора: Нина КочекOVская, *А был ли авантюрист? Казус Константина Скобельцына*, in: Мария Неклюдова — Екатерина Шумилова (ред.), *Русская авантюра: идентичности, проекты, репрезентации*, Москва 2019, стр. 234.

⁹¹⁸ Письмо Иоанна Кобенцеля, стр. 136.

⁹¹⁹ Д. Принц, *Начало*, стр. 71.

⁹²⁰ *Ibidem*, стр. 66-68. «*Блуд у них считается небольшим грехом*», — резюмирует Принц неприглядную картину русских нравов.

⁹²¹ Герберштейн указывал, что знать иногда сожительствует с чужими жёнами, находясь в отъезде из дома, но на всю Московию он такие обобщения не распространяет: С. ГЕРБЕРШТЕЙН, *Записки*, том 1, стр. 235.

⁹²² На это указывает К. PRAŽÁKOVÁ, *Obraz*, стр. 78.

⁹²³ См. Д. Принц, *Начало*, стр. 71-72 и С. Гейс, *Описание*, стр. 33: Гейс причём счёл домоседство женщин знаком того, что мужья опасаются их измен. О своеобразных свадьбах русских первым написал С. ГЕРБЕРШТЕЙН, *Записки*, том 1, стр. 235.

инаковости и экзотичности москвитов, резкого отличия их нравов от европейских – читателям о такой диковине, конечно, следовало сообщить.

Это, правда, было не ново: критические описания русской домашней жизни и торговых обычаев стали нормой ещё в начале 16 века.⁹²⁴ То, что послы и полвека спустя едва ли не дословно повторяли эти описания, говорит нам только об одном: австрийцы мало углубили свои знания московской повседневности и не могли предложить здесь читателям ничего нового, в отличие от политико-дипломатической и духовной сферы. Но образ Московии как экзотической страны обязывал их делать акцент на всём, что у русских было иначе.

Никто из имперцев не проходит стороной мимо герберштейнова дискурса русского пьянства, но они не судят его строго, не преувеличивают и не стереотипизируют, несмотря на то что имперские дипломаты видят своих московских коллег много пьющими и в империи, и в царстве: чего стоит одна жалоба Максимилиана II на пьянство гонца Скобельцына в Праге, которую имперцы подали Грозному особо и лично.⁹²⁵ Здесь интересно, что можно встретить полярные оценки о «трезвой» и «пьяной» Московии едва ли не у членов одной делегации. Дипломаты иногда разделяют ритуальное злоупотребление алкоголем на пирах и общее отношение русских к выпивке. Гейс замечал, что пьянство считалось на Руси «*гну́сным состоянием*», на что закрывали глаза лишь по праздникам.⁹²⁶ Если Варкоч, как уже говорилось, косвенно осуждал пьянство на пирах и тяготился им, то Кобенцеля неприятно удивил только один эпизод, да и то потому, что он коснулся лично посла: при отпуске Грозный заставил дипломатов выпить по два кубка вина, «*хотя то было ещё натошак*».⁹²⁷ Принц при этом пьянство прямо не осуждает и непосредственно не наблюдает, кроме ритуального, когда хозяева в любое время дня подносят гостями чарку водки; он лишь признаёт, что в Московии пьют довольно много всего, кроме вина.⁹²⁸

Разгадка этого разнобоя может быть в том, что разные дипломаты наблюдали разное. Употребление алкоголя в русских землях было не скромным и частым, как в Европе, а с чередованием многомесячного воздержания и праздничных запоев, тем более что водка в 16 веке только начинала распространяться на Руси,⁹²⁹ и обычаи и характер её

⁹²⁴ Здесь начало положил именно Герберштейн: К. PRAŽÁKOVÁ, *Obraz*, стр. 191-192.

⁹²⁵ С. БЕЛОКУРОВ, *Списки*, стр. 13.

⁹²⁶ С. ГЕЙС, *Описание*, стр. 33.

⁹²⁷ При этом Кобенцель высоко отозвался о русском мёде, сравнивая его даже с мальвазией: Письмо Иоанна Кобенцеля, стр. 144-146.

⁹²⁸ Д. ПРИНЦ, *Начало*, стр. 69.

⁹²⁹ Р. ПАЙПС, *Россия*, стр. 107.

употребления к концу столетия явно не успели бы устояться. В таких условиях можно было увидеть в одном и том же народе и строгих трезвенников, и горьких пьяниц. Всё это австрийцы и видели, так что ближе всего к истине оказался, как видно, Гейс.

Примечательно такая сдержанность в оценках именно от дипломатов, которым в Московии как раз приходилось злоупотреблять алкоголем с подачи хозяев. Предположу, что ситуацию застольного пьянства имперцы воспринимали как не типичную, а особую, как свойство русской культуры и свою служебную обязанность, что, однако, не мешало им жаловаться на обильные возлияния. Таким образом, личный опыт послов вроде бы должен подкреплять стереотип, но во многом эти два явления существуют отдельно.

Такое важное средство культурного трансфера, как личное неформальное общение имперских дипломатов с русскими чиновниками фиксируется в документах довольно редко: обычно они даже наедине общаются официально, по делу, как Никлас Варкоч с Андреем Щелкаловым. Исключением становятся вышеописанные беседы того же Варкоча с его приставом Писемским, хотя посла к русской культуре это никак не приблизило. Какие-то личные контакты с русскими, как можно судить по косвенным признакам, имел Принц, и здесь трансфер был гораздо мощнее. Как следует из его записок, силезец, как и ранее Герберштейн, получил доступ к московским документам и летописям, которые цитировал, а также осваивал русский язык. В сочинении Принца находим следы его штудий, переписанную азбуку со средневековыми обозначениями букв.

Источники явно были предоставлены ему самими москвитями, едва он проявил к этому интерес: в Москве, центре русской книжности, Принц не был, а вся рабочая часть его поездки заняла около месяца, что оставляло мало времени на штудии. С какой целью ему дали эти источники? Предположу, что это были летописи, исторические труды и «дайджесты» на их основе, которые доказывали величие Рюриковичей и их права на царский титул. Скорее всего, за ними не посылали в Москву, но все эти документы царские чиновники могли привезти с собой, чтобы на переговорах опираться на соответствующие данные. Во-первых, именно намерением защиты своего титула был движим Грозный; во-вторых, русские документы Принц упоминает и цитирует именно в главах об истории московского дома и царского титула.

Следственно, это сочинения, которые посвящены ещё киевской эпохе истории Руси, принятию христианства, и особенно – весьма лестные сообщения о том, как ближайшие предки Грозного, начиная от Василия II Тёмного, объединяли Русь под владычеством

Москвы.⁹³⁰ Это лишний раз доказывает, что документы Принцу подбирали чиновники из Кремля: такой критик «московского тиранства», как он, должен был обратить внимание на то, как жестоко отец и дед Ивана Грозного расправлялись с политическими оппонентами. Однако об этом ему не сообщили, зато вместо этого Принц переписал восхваления. Впрочем, старания московитов не произвели должного эффекта: портрет Московии, который нарисовал Принц на основе русских документов, при всём стремлении к объективности дышит инаковостью и варварством русских, и тиранством их владык. Всё это едва ли располагало адресатов, имперских стратегов, к сближению с царями.

Важный след русского культурного трансфера оставила вторая миссия Варкоча в одном из эго-документов, альбоме чешского дворянина Яна Рейхарта Штампах. Мария Риантова нашла в его *album amicorum* азбуку, которую записал там русский переводчик: чех, следственно, интересовался русским языком и возможно, пытался на нём читать. Были там и две записи московских чиновников от 24 сентября 1593 года, значит, Штампах пытался как-то вызвать их к неформальному общению.⁹³¹

Это были приставы Казарин Бегичев и Иван Зубов,⁹³² которые встречали посольство под Смоленском. Штампах назвал их гоф-юнкерами, по аналогии с пражским двором, и значит, термин «пристав», который австрийцы знали и употребляли, он не усвоил.⁹³³ В отличие от изысканий Принца, это интерес, видимо, без политической подоплёки: просто любопытство к чужой культуре. Зачем Штампах попросил своих визави написать их имена? Возможно, так он закрепил знакомство, но возможно, заодно он учился читать или писать по-русски или пленился русской экзотикой.

Неформальное общение московских чиновников, обычно чуждавшихся иностранцев, с дипломатом, да ещё и оставившее след в эго-документе – редкость само по себе. Ещё примечательнее, что приставы решили повысить свой статус с помощью очень наивного

⁹³⁰ Судя по тому, как подробно описывает Принц легендарное призвание варягов, у него мог быть один из списков «Повести временных лет» либо сочинений на её основе. Он не раз цитирует легенду о происхождении Рюрика от императора Августа, откуда следует, что Принцу могли показать и «Сказание о князьях Владимирских», основной источник этой легенды, или Степенную книгу: он жалуется, что список летописи с соответствующими доказательствами ему не дали. Сына Василия II Тёмного и деда Грозного, Ивана III, Принц именует «одарённым великим духом» и даёт ему другие, не менее лестные оценки: *Ibidem*, стр. 3-8.

⁹³¹ M. RYANTOVÁ, *Z Čech*, стр. 237.

⁹³² *Ibidem*, стр. 256.

⁹³³ Кобенцель так и называл их «*Pristawen*», либо, на латинский манер, комиссарами: Письмо Иоанна Кобенцеля, стр. 142. Приставы – не придворные чиновники, хотя оба были из очень знатных родов. «*Приставы Казарин и Бегичев да Иван Зубов писали, что они цесарева посла встретили и речь ему от Смоленского воеводы говорили*»; они подсчитали дипломатов, и вместе с Варкочем насчитали 34 человека, включая посла и пятерых дворян. Дата и место записей – 24 сентября, Москва – ошибочны: в Москве миссия оказалась только через три дня: ПДС, том 1, столбец 1256.

средства репрезентации, которое, однако, «немцы» вряд ли поняли. Представляясь Гейсу и записываясь в альбом Штампхаха, Казарин и Зубов именуют себя с отчеством, «Давидович» и «Ипатович», то есть как сановники более высокого ранга. Но права на это они не имели. Книга Посольского приказа выдаёт их реальный статус: ни один из них там не назван по отчеству, в отличие от воеводы Смоленска, стоявшего в иерархии выше.⁹³⁴

Перед нами ещё один пример неудачной репрезентации из-за разного церемониального языка: приставы просто не знали других, понятных австрийцам средств проявить свой воображаемый социальный статус. При этом можно предположить, что такая практика именно в отношении австрийцев была простительной и даже негласно поощрялась. Со знатными дипломатами самого именитого монарха Европы должны были контактировать как можно более знатные москвиты, поэтому в Кремле часто завышали статус своих эмиссаров. Если бы во внутримосковской переписке Зубов и Бегичев рискнули именоваться «с вичем», с отчеством, то были бы строго наказаны. Но обмануть так иностранцев они не побоялись: это явно не считалось грехом.

В завершение надо сказать о том, чего никто из дипломатов кайзера *не видел*. Никто не упоминает популярный в московитике унижительный обычай публичного омовения рук царём после рукопожатия с послом-иноверцем, известный на Западе благодаря Герберштейну и Антонио Поссевино.⁹³⁵ Это вновь заставляет усомниться, что такой обычай символического очищения вообще существовал. Речь о живучем стереотипе и важной черте «образа другого», который сложился в Европе и подчёркивал инаковость и враждебность русских на важном религиозном уровне восприятия. Тем не менее, имперским послам не стесняются напомнить, что они иноверцы, в сущности, еретики. Варкоча, который во второй поездке заболел возле Москвы, не пустили отдохнуть в Можайск, объяснив: город священный и закрыт для неправославных.⁹³⁶

Ответы на вопросы, поставленные в начале этого раздела и данные выше, можно интерпретировать следующим образом. Дипломатический корпус Свящённой Римской империи, работавший в Московии, в духе своего времени отчётливо видел в московитах «инокультурных и иноверных других». Но часто он не смотрел на них предвзято, несмотря на почти полное отсутствие общих «культурных кодов», понятного ритуального языка. Послы решали практические задачи сближения с совершенно не похожим на немцев народом, что требовало реалистично и трезво оценивать обстановку; тем самым,

⁹³⁴ Ibidem.

⁹³⁵ Как отмечает Л. Юзефович, ни тот, ни другой тоже лично не видели этого обряда, а описывали с чужих слов. См. Л. ЮЗЕФОВИЧ, *Как в посольских обычаях*, стр. 198-199.

⁹³⁶ С. ГЕЙС, *Описание*, стр. 14.

их писания становились редкими источниками достаточно объективной европейской информации о Московии. Избавиться от наследия Герберштейна они, как мы видели, до конца не могли, да и не собирались, но и не боялись его развивать.

Все эмиссары кайзеров пошли дальше Герберштейна, чей труд имел известный полемический оттенок: барон, как может показаться, сгущал краски в критике Московии, так как спорил с радужной картиной своего современника Иоганна Фабри (также Фабера). Тот описал царство как «политический рай», где центральная власть царя тверда и стабильна, экономика и армия сильны, а подданные – образцовые христиане, преданные своему монарху; соответственно, Герберштейн опровергал эту благостную картину.⁹³⁷

Это была та же тоска по твёрдой вере и власти в дестабилизированной Реформацией империи, которая заставляла политических писателей того времени симпатизировать даже и Владу III Дракуле.⁹³⁸ Но австрийцы не следуют этому дискурсу слепо, что говорит об их пристальном внимании к политической жизни в Кремле: как мы видели, уже у Варкоча этот мотив ослабевает, а фон Дона его не акцентирует вообще. Из их писаний следует, что перед Смутой всевластие царя-деспота существовало только в виде ритуальных форм и структур, за ширмой которых уже шла борьба за власть – так им, по крайней мере, виделось.

Новым по отношению к «Запискам» Герберштейна стали участвовавшие и искренние похвалы московитской религиозности. Предположу, однако, что они были вызваны не только восхищением. Во-первых, это была скрытая полемика, адресованная своим же единоверцам-католикам. В эпоху религиозных войн и роста протестантизма писателям-послам было выгодно укорить собратьев, которые стали соблюдать обрядность даже хуже, чем московские «схизматики», не знавшие проповедей. Это следует, например, из идей Кобенцеля: он считал, что русских можно и нужно отвратить от их «заблуждений» и принять в лоно Римской церкви вместо Франции, которую папа уже якобы «потерял». Московиты у ландкомтура, таким образом, почти готовые католики. Они даже лучшие христиане, чем еретики-лютеране; это как бы «заблудившиеся католики», которых надо только передать под власть Рима и тем формально закрепить их личное благочестие.⁹³⁹

⁹³⁷ Об этом подробнее М. РОЕ, *“A People Born to Slavery”*, стр. 39. Трактат 1525 года, который Герберштейн использовал, Фабри написал, не побывав на Руси, но он крайне тщательно записал сообщения тех, кто там был: Иоганн ФАБРИ, *Религия московитов*, in: Олег КУДРЯВЦЕВ (ред.), *Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы*, Москва 1997, стр. 143-216.

⁹³⁸ На такой тренд в вышеупомянутой «Космографии» указывает К. PRAŽÁKOVÁ, *Obraz*, стр. 79.

⁹³⁹ Письмо Иоанна Кобенцеля, стр. 130.

Во-вторых, религиозность москвитов уместно было подчёркивать в рамках проектов по включению Московии в орбиту Рима – в том числе несбыточных (именно к такому проекту, как мы помним, имел отношение Кобенцель). Не имело смысла обращать русских в католичество, будь они плохими христианами. Именно поэтому москвитам отчасти прощается формальная и пустая обрядность, в которой их часто обвиняют и католики, и протестанты. Австрийцы писали, что здесь даже клир не знает основ веры, неграмотен и к тому же не читает проповедей – снова яркое отличие от Европы, свидетельство её духовного превосходства.⁹⁴⁰

Относительно благосклонное или просто взвешенное отношение особенно интересно на фоне двух обстоятельств. Первое – разительный контраст с надменной враждебностью и сарматизмом соседней Речи Посполитой, которая как раз вопреки своей относительной веротерпимости и куда лучшим знанием москвитов, чем у австрийцев, привыкла видеть в Московии не просто врага, но абсолютного «другого».⁹⁴¹ Второе – ситуация церемониального конфликта, в которую имперский посол гарантированно попадал в Московии.

Важна и чёткая грань между нравами москвитов и их религиозностью, которая видна у всех описанных выше дипломатов. Даже те из них, кто не питал никакого снисхождения к православию, не объясняет реальные или мнимые пороки русских их иноверностью: для австрийцев пороки — скорее часть своеобразного московитского менталитета. Это разительное отличие от русского подхода, в рамках которого иноверности католиков или протестантов уже было достаточно для их осуждения. Это говорит о разнице оптики взаимного восприятия имперских и московских дипломатов. Вялотекущий церемониальный конфликт, не говоря о политических и бытовых столкновениях, неизбежно активизировал ментальность «свой – чужой».⁹⁴² И всё же имперцы пытались воспринимать своих визави объективно, ища в них достоинства, пусть и по политическим мотивам. Это резко противоречило московской парадигме «исключительности

⁹⁴⁰ «Отче наш» там знают очень немногие», — резюмировал С. Гейс, *Описание*, стр. 33. Ситуация не изменилась и в конце 17 века, когда австрийский дипломат писал, что русские священники неучёные, не знают языков и не вступают в прения о вере: Адольф ЛИЗЕК, *Сказания Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу в 1675 году*, in: Михаил СУХМАН (ред.), *Иностранцы о древней Москве. Москва XV-XVII вв.* Москва 1997, стр. 367. О протестантской критике православия см. Людмила СУКИНА, *Русский человек и его православная вера глазами европейцев. (вторая половина XVI — XVII вв.)* in: Юлия ЗВЕЗДИНА (ред.), *Иноземцы в России в XV—XVII веках.* Москва 2006, стр. 216.

⁹⁴¹ Тему развил Václav BŮŽEK, *"Od Rakous a od Moskvy zbav nás, Pane Bože, všecky" (K projevům sarmatismu v polsko-litevské unii po vymření Jagellonců)*, in: František STELLNER (ред.), *Staletí objevů, diplomacie a válek. Sborník k 60. narozeninám Aleše Skřivana*, Praha 2005, стр. 137-143.

⁹⁴² Олег УСЕНКО, *Отношение к «немцам» в России XVII века (на примере движений социального протеста)*. In: Юлия ЗВЕЗДИНА (ред.), *Иноземцы в России в XV—XVII веках.* Москва 2006, стр. 395.

православного мира», которая превращала всё иноверное и инокультурное, что в этот мир не входило, в символические силы зла, пособников ада.⁹⁴³

Московия, тем самым, одновременно служила австрийцам то пугалом тирании, отсталости и варварских нравов, то образцом христианского благочестия и политической стабильности и мощи. Удивительно, что эти противоположные нарративы не противоречили друг другу и сталкивались даже в рамках одной делегации: двое сотоварищей, Кобенцель и Принц, видели одно и то же, но написали несколько разное. Этому видится одно объяснение: оба лагеря обращали внимание, в первую очередь, на необычное, на то, что отличало русских от европейцев, но каждый использовал эту информацию в своих целях. Если Принц как бы призывал к осторожности в сближении с непредсказуемым восточным партнёром, то Кобенцель восхвалял москвитов, чтобы усовестить пошатнувшихся в вере соотечественников.

Имперские рассуждения о Московии свидетельствуют и ещё о двух обстоятельствах. Во-первых, о том, что в имперских элитах раннего нового времени уже стартовала многовековая и незавершённая до сих пор дискуссия: считать ли Россию Европой и частью *res publica christiana*.⁹⁴⁴ Во-вторых, в этом споре имперские дипломаты (и видимо, имперские верхи в целом) не занимали единой твёрдой позиции. Важную роль играла условная концепция «москвитов как христиан, но иных» (религиозный фактор, тем самым, отчасти нейтрализовал стереотип москвиты как «другого»). Вместе с тем, были сторонники и у концепции, которая относила царя к «неверным князьям Европы», с которыми надо поступать, как с султаном Турции, как напишет вскоре герцог де Сюлли.⁹⁴⁵

В империи линия идеологического разлома «Русь – Запад» в конце 16 века проходила, в первую очередь, по религиозному принципу, но с ним коррелировала слабая вера в политический союз с царём. Дискурсы тирании, рабства и варварства ошутимого влияния на политические отношения не оказывали, тем более что они давно воспринимались в элитах империи как данность. Русских при дворе кайзера и так изначально видели экзотическими варварами и азиатами: достаточно сказать, что на одном из придворных балов 1564 года гости одевались «*als Türken, Tataren, Moskowiter, Narren, Riesen, wilde Männer*» — компания, весьма показательная для образа русских.⁹⁴⁶

⁹⁴³ Ibidem, стр. 395-396.

⁹⁴⁴ Подробнее J. HENNINGS, *Russia*, стр. 29.

⁹⁴⁵ Ibidem, стр. 30.

⁹⁴⁶ H. RUDOLPH, *Das Reich als Ereignis*, стр. 354.

Религиозный дискурс был явно сильнее тиранско-варварского, причём его дополняет традиционный габсбургский прагматизм в выборе союзников на фоне сложных войн с Турцией. Принц, который наиболее критически смотрел на Московию и больше других осуждал её тиранию, не верил, видимо, и в сближение с царством. По крайней мере, военно-политические возможности Московии он не ценит высоко: «плохие христиане» были для него и плохими союзниками.

В свою очередь, мы видели, что Варкоч и Кобенцель, писавшие о готовности Кремля к союзу и дружбе с Габсбургами, одновременно ценили в Московии в первую очередь её иную, но прочную христианскую традицию. Таким образом, отношение дипломата к нравам и вере москвитов важно: оно отчасти указывает и на то, какую стратегию на московском театре он продвигал. Тем самым, политические стереотипы могли иметь и реальные политические последствия. Видимо, не было простым совпадением то, что в период конца 1570 – начала 1590 годов, когда отношения империи и Москвы ощутимо буксовали, к формированию русской политики кайзеров приложил руку Даниэль Принц, видный «московитский скептик».

В писаниях дипломатов обращает на себя внимание слабое присутствие дискурсов Ливонской войны и московитской жестокости: пристальное внимание уделяет обоим факторам только Принц, чей труд был ориентирован на практическое применение в качестве своего рода идеологизированного «учебника по политике Московии» для имперских элит. Это очень показательно, учитывая, что данный дискурс тесно связан с популярным дискурсом московитского тиранства, и с тем, что эта тема набирала обороты в московитике конца 16 века, включая рукописную и печатную прессу.⁹⁴⁷ Это говорит, во-первых, о том, что ливонская проблема быстро перестала быть существенным фактором в имперско-русских связях уже через несколько лет после конфликта. Во-вторых, в имперских дипломатических кругах Ливонская война, видимо, перестала использоваться для стереотипизации московитской жестокости, которая одно время занимала столь важное место в немецкой периодике.⁹⁴⁸

⁹⁴⁷ А. KAPPELER, *Ivan Groznyj*, стр. 274.

⁹⁴⁸ К. PRAŽÁKOVÁ, *Obraz*, стр. 203-205.

Х. Заключение

Вторая половина 16 столетия, которую рассмотрела данная диссертация, по многим параметрам стала ключевым периодом для развития сначала имперско-московских, а затем и имперско- или австрийско-русских отношений. Если в 15 – начале 16 века стороны ещё только наводили мосты, узнавали друг друга, то с 1560-х годов наступило время более активного сотрудничества по международной повестке, ограниченной, впрочем, в основном польским и турецким вопросами. На предыдущем этапе империя и Московское государство заключили союзный договор, который на практике не работал,⁹⁴⁹ — заключили, как представляется, слишком поспешно, «на будущее», даже не приступая к разработке внятной стратегии сотрудничества, но в реальности слабо сотрудничали, несмотря на обоюдную неприязнь к общему недругу, Польше.

Противодействие Речи Посполитой, особенно с московской стороны, «перешло по наследству» к Ивану Грозному и трём императорам от предыдущего этапа имперско-московских отношений, когда польская корона стремилась присоединить к себе не только чешскую и немецкую, но ещё и западнорусские земли.⁹⁵⁰ Несмотря на кажущуюся безрезультатность сношений и даже формальный регресс — а ведь сторонам даже не удалось ни вдохнуть жизнь в старый договор о союзнничестве, который был подписан в 1490 году, ни заключить новый, на котором так настаивала Московия — Священная Римская Империя заложила фундамент для дальнейших контактов с Москвой.

Они набрали темп уже в 17-18 столетиях и к середине 19 века достигли расцвета, который был бы немыслим без кропотливой работы Лукаса и Магнуса Паули, Никласа Варкоча, Иоганна Кобенцеля и Даниэля Принца. На новом этапе отношений стороны пусть и стремились возобновить этот договор, но вынуждены были сотрудничать и без него. Причём теперь в повестке уже не доминировали Польша и Литва, а стоял самый широкий круг тем.

Попыткам сотрудничества не мешала конфликтная обстановка: империи приходилось искать контактов с Грозным вопреки его нападению на Ливонию и энергичному продвижению царского титула в Европе – которое, к слову, потерпело заметный урон после провала балтийской авантюры Грозного. Вообще, приходится удивляться терпению

⁹⁴⁹ D. PÍSKOVÁ, *Habsburkové*, стр. 193.

⁹⁵⁰ *Ibidem*.

императорского двора, который был вынужден терпеть покушение «Московита» на формально имперскую Ливонию; с другой стороны, это объясняет готовность Габсбургов требовать уступки по польскому вопросу, а впоследствии и бездействие империи, которая ничем, даже посредничеством, не помогла Московскому царству в момент нападения Батория: Прибалтика Москве так и не досталась.

16 век был полон острых противоречий в отношениях двух монархий, хотя в целом эти отношения развивались поступательно. Ведь в более широком контексте восточно-европейской политике стороны начинали нуждаться в друге едва ли не больше, чем раньше: на южном пограничье империи подняла голову турецкая угроза, а у Грозного сама Москва была сожжена вассальным Высокой Порте крымцами — всё это не могло оставаться без совместного ответа, пусть и в перспективе.

Представляется, что в польском и турецком вопросах у Московии не было достижимых позитивных целей, кроме максимального ослабления Речи Посполитой и Высокой Порты. Но и эти цели, как быстро стало понятно, в условиях Ливонской войны не достигались неплодотворным сотрудничеством с империей. Так что оба вопроса в Москве использовали скорее для политического торга, чем для реального сотрудничества.

Поэтому наиболее важной практической задачей Кремля было утверждение царского титула именно у кайзеров как самых статусных правителей Европы. Во второй половине 16 века именно московские стратеги выдвинули мощный элемент повестки, который в Вене, а затем Праге просто не могли игнорировать. Это обретение Иваном IV царского титула и энергичная борьба за признание его за рубежом — энергичная насколько, что не раз приходилось удивляться, как легко первые монархи Европы иногда шли на поводу у настойчивых князей с окраины европейской ойкумены, которых никто на континенте толком не знал, и нередко признавали их равными себе. Надо признать, что к концу 16 века в этой борьбе Московия добилась впечатляющих успехов, сочетая дипломатический напор (подчас просто блеф) с умело выбранными точками воздействия на кайзеров (чего стоит одна отправка мехов, которая так впечатлила рудольфинскую Прагу). Сложно найти такой же по масштабу успех, который империя бы обеспечила себе в отношениях с Московией во второй половине 16 века.

Сам процесс обсуждения и торга с императорами был, по-видимому, так же важен для Кремля, как и его результаты. Обсуждения союза было достаточно, чтобы пропагандировать себя равным первому монарху Европы. Неслучайно, что эта стратегия родилась именно в рассматриваемый здесь период: Иван Грозный, первый венчанный и

правлящий русский царь, нуждался в своеобразном международном эталоне своего статуса. Это был не спонтанный ход, а скорее осознанная политика, иначе трудно объяснить, почему именно Грозный пользовался почти любым предложением для коммуникации с императором, даже когда им, по сути, нечего было обсуждать. Контакты уже сами по себе были самоцелью. Представляется, что эта стратегия Грозного стала одной из причин отсутствия конкретных результатов: едва стратеги кайзера сопоставили непомерные политические амбиции последних Рюриковичей с вырождением и угасанием их дома, как стало понятно, что в практической плоскости Московия, тем более разорённая войной, не в состоянии дать им ничего, кроме материальной помощи.

За исключением редкого периода на рубеже 1570-1580 годов, когда резко участились московские миссии в Вену и Прагу (впрочем, слабо репрезентативные и нерезультативные), реальная политическая инициатива в двусторонних контактах принадлежала кайзерам. Этому способствовал не только более высокий статус главных potentатов Европы, которые, как было показано выше, служили своего рода репрезентативным эталоном для последних Рюриковичей, подтверждавших свой царский статус через дипломатические контакты с империей.

Сама политическая повестка того периода диктовала примат австрийского дома. Это и польское бескоролье, которое Габсбурги, в отличие от Рюриковичей, могли, но не сумели «разыграть» на политической шахматной доске, и турецкий вопрос, который был многократно более важен и опасен для империи, чем для Московии. Если сторонам не удалось добиться никаких результатов в обоих случаях, это было вызвано не только неготовностью к жертвам или непримиримыми позициями, но скорее недостатками политико-дипломатического аппарата у каждого из партнёров и неудачными стратегиями их сотрудничества.

Личности potentатов, которые сносились между собой в 1558-1598 годах, тоже накладывали заметный отпечаток на отношениях их держав. Если дипломатическую стратегию Ивана Грозного на имперском направлении можно обозначить как «всё обещать и ничего не исполнять» (и «всего требовать, но ничего не уступать», добавлю я), то стратегию Максимилиана II, да и его сына, можно обозначить как «всюду ставить масштабные задачи, но ничего не доводить до конца». Иван IV сосредоточен только на своём титуле и мессианстве, Рудольф II, по-видимому, вообще не мог надолго сосредотачиваться на Московии.

Кроме того, русское направление вообще обречено было оставаться для кайзеров второстепенным, особенно с середины 1570-х годов, когда усилить военное или политико-дипломатическое давление на Польшу Кремль уже не был не в силах, а на Турцию – не только не мог, но и не собирался. Тем не менее, материальная помощь, которую империя научилась получать от царей в обмен на углубление связей, уже представляется прогрессом в двусторонних отношениях. Здесь надо отметить, что это было едва ли не единственным практическим итогом сотрудничества двух монархий в рассматриваемый период: ни альянсы, ни династические браки, ни даже совместные действия на польском сейме так и не стали реальностью.

Что касается области церемониала, то во второй половине 16 века здесь, наконец, начали складываться ясные правила игры — правда, не раньше, чем Грозный смешал Европе все карты сперва своим венчанием на царство, а потом ливонской авантюрой. Обе стороны всё чаще использовали в качестве дипломатического рычага подарки, и здесь империя обнаруживала большую гибкость, разнообразие и находчивость, тогда как Московия умела обеспечить мощный внешний эффект богатства и экзотики. То же можно сказать о ритуалах встречи и пиров: верность московитов чину, канону и обычаю выходила здесь на первый план. Наименьшее количество взаимных уступок можно видеть в нормах и ритуалах именования: если империя и начала признавать царский титул последних Рюриковичей, а затем и Годунова, то лишь постепенно, тогда как Кремль в вопросах титулования не уступал вовсе.

По мере того как Московия утверждала себя политически равноправной силой в Восточной Европе, в отношении империи Кремль установил систему ритуалов, которая подразумевала три вещи, порой взаимоисключающие. Это: 1) внешнее статусное равенство сторон, 2) скрытое церемониальное соперничество на каждом шагу и вместе с тем 3) уважительное отношение к имперцам и готовность на уникальные периодические уступки. Для каждой имперской миссии эта сложная система «перенастраивалась заново», как ни пытались в Кремле установить её раз и навсегда.

В свою очередь, имперский посольский ритуал в отношении московитов одновременно и был гибок, и помещал Московию в ряд второстепенных восточных держав, с которыми ведут дела больше по необходимости, не чувствуя их сходства и родства с собой. Имперские дипломаты нередко смотрели на московитов сверху вниз, как на носителей ориентальных варварских нравов, которые ещё «не доросли» до Европы – Московия выглядела чем-то вроде «Турции, которую не приходилось опасаться» (неслучайны

поэтому частые сравнения москвитов с татарами и скифами, которые встречаются, например, в трактате Принца).

И именно имперские церемонии, ритуалы и практики именования, дарения, пиров и встреч подчёркивают это как ничто другое. При этом страдали от одной и той же беды: отсутствия общего «церемониального языка» и культурных кодов – проблемы, которая будет вполне решена только в петровской России, которая начнёт вестернизироваться и перенимать европейские порядки (да так, что даже религиозные стереотипы и установки, православные на одной стороне и католические на другой, перестанут мешать).

Обе стороны видели друг в друге «инокультурно-иноверного другого», с той разницей, что для Московии, похоже, эта чуждость европейцев была незыблемой реальностью и не требовала понимания, а имперские дипломаты нередко пытались понять и объяснить русских. Следы этого понимания видны едва ли не в каждом значимом посольском документе. Австрийские послы, обычно более профессиональные и подготовленные, чем московские, показали себя не только более прагматичными дипломатами, но и разносторонними бытописателями и в чём-то даже этнографами. «Герберштейнова инерция» познания была так мощна, что имперские эмиссары всегда продолжали углублять знания своих властителей о Московии.

Это тем заметнее, что их московские визави подобных попыток не делали: их интерес к империи не выходил за профессиональные пределы. Поражает практически полное отсутствие рефлексии на западные темы в русских посольских документах, хотя их авторы получали уникальный шанс увидеть немислимые на родине явления и артефакты. Сложно сказать, в чём тут причина: в культурной оторванности и религиозной инаковости Московии, что заведомо отчуждало московских дипломатов от их страны пребывания, в жёстких нормативах Посольского приказа, или же в элементарной неподготовленности дипломатического корпуса в период «кадровых бурь» опричнины. Такое явление, как профессиональный ренессансный посол, воспетый Гарретом Мэттингли, в Московии так и не успело зародиться. Отправка во дворцы Праги и Вены неграмотных ротных командиров вроде Молвянинова или пьянствующих авантюристов вроде Скобельцына, казалось, заведомо обрекала дипломатическую коммуникацию на неудачи и лишала возрождающуюся Московию и надёжных контактов при европейских дворах, и ценной информации, которую легко бы собрал опытный посол.

В 16 веке ещё немислим чиновник Посольского или Разрядного приказа, который работает с немецкими картами, документами и хрониками, как Герберштейн, Принц или

чуть позже Олеарий работали с русскими — уже хотя бы потому, что ни один царский посланец в империю не знал иностранных языков. В отличие от австрийских эмиссаров, которые обладали известной оперативной самостоятельностью и *действовали*, невзирая на жёсткий контроль москвитов, их русские визави были подчинены единственной идее — репрезентации своего монарха за рубежом и получению для него возможно большего количества почестей. Такая формализация дипломатической работы не приводила и не могла приводить Москву к практическим результатам. Негибкость русского дипкорпуса, в том числе и в церемониальной плоскости, особенно бросается в глаза на фоне гибкости австрийцев. Обе стороны не давали в обиду честь своих монархов, но сплошь и рядом «немцы» уступают, договариваются и пытаются понять, москвиты же обычно только *требуют*.

Вопреки дискурсам царского тиранства, «московского рабства» и варварства, в описании царства эмиссары кайзера живо интересовались и иным дискурсом: русской веры, православного христианства. В австрийских документах парадоксальным образом сосуществуют рассуждения о русской иноверности (православие понималось как своего рода искажение католицизма, отступление от него) и правоверности (русские как истые, практикующие христиане, часто более верующие, чем даже католики). Этот дискурс, который фигурировал у австрийцев часто и подавался довольно объективно, сложно найти у других иноземцев, посещавших Московию: англичане, много и осуждающе писавшие о царстве, были протестантами, а поляки, часто политически враждебные Московии, мало интересовались её духовным обликом и достоинствами.

Дискурс иноверности играл важную роль в восприятии имперцами и москвитами друг друга, но эта роль была неодинаковой. В русском восприятии он явно доминировал (и здесь его рупором служил в основном сам Иван IV с его мессианством и «православным крестовым походом» в Ливонию, с «наказанием отступников» в качестве предлога). Неслучайно упомянутый выше Истома Шевригин из всех диковинок империи сделал акцент на главной для него вещи: здесь *иначе крестятся*. Для империи же важным фактором была и инокультурность москвитов — точнее говоря, их культурная отсталость с точки зрения Европы. Она окрашивала даже религиозную инаковость: имперцам было непонятно, как это столь ревностные христиане не только не знают проповедей и теологических диспутов, но и не имеют даже церковных школ и не знают «Отче наш».

Можно поэтому заключить, что австрийскими эмиссарами двигала не только человеческая пытливость, но и практические задачи. Для политического сотрудничества русского «варвара» надо было понять и как-то символически приблизить к себе, найти общую почву для сотрудничества с ним, увидеть в нём какие-то достоинства. А в качестве важнейшего сближающего фактора, помимо общих противников, могла выступить лишь общая христианская вера и основанная на ней культура. На всех этих основаниях и закладывалась база для дальнейшего культурного трансфера и «сотрудничества на будущее». Всего через столетие, в 1698 году, Пётр I лично встретится с Леопольдом I, а в 1726 две империи подпишут Венский союзный договор, который надолго изменит баланс сил в Европе – свершения, едва ли возможные без 16 века с его внешне бесплодными переговорами и спорами о том, кто первым должен снимать шапку.

XI. Приложения

XI. 1. Неопубликованные источники

Haus-, Hof- und Staatsarchiv, Вена, Австрия

Документы о визите Авраама фон Доны в Москву, 1597. Haus-, Hof- und Staatsarchiv in Vienna, StAbt Russland I, 4 (1596-1599).

Донесение Авраама фон Доны (неозаглавленное). Haus-, Hof und Staatsarchiv, Russica, AT-OeStA/HHStA StAbt Russland I 4 K3 (1596-1597).

Донесение о второй миссии Никласа Варкоча в Москву, 1593. Relatio auss Moskaw. Den 19 Martzj 1594, Haus-, Hof- und Staatsarchiv in Vienna, StAbt Russland I, 3 (1589-1595).

Österreichisches Staatsarchiv, Finanz- und Hofkammerarchiv, Вена, Австрия

Письмо Никласа Варкоча Рудольфу II с приглашением на свадьбу его дочери, 1591. Österreichisches Staatsarchiv, собрание AT-OeStA/FHKA SUS Fam.A., W40, Warkotsch von Nobschitz, Niclas, Einladung zur Hochzeit seiner Tochter und Präsent, 1591. 05. 21.

Финансовые и путевые документы миссии Авраама фон Доны в Москву, 1597. Österreichisches Staatsarchiv, Finanz- und Hofkammerarchiv, Sonderbestände, Sammlungen und Sekelte (1170-1987), Reichsakten, Aktenstücke betreffend den Voranschlag über die Kosten der Gesandtschaftsreisen des Abraham Burggrafen von Dohna nach Moskau (AT-OeStA/FHKA SUS RA 269.7),

Финансовые и путевые документы миссии Никласа Варкоча в Москву, 1593-1594. Österreichisches Staatsarchiv, Finanz- und Hofkammerarchiv, Sonderbestände, Sammlungen und Sekelte (1170-1987), Reichsakten, Aktenstücke betreffend die Kostfreihaltung der in Begleitung des Niklas von Warkotsch, der vom Kaiser nach Moskau gesandt worden war, eintreffenden moskowitzischen Gesandtschaft von der Grenze bis Prag (AT-OeStA/FHKA SUS RA 269.6).

Российский Государственный Архив Древних Актов (РГАДА), Москва, РФ

Верительная грамота Никласа Варкоча. РГАДА, фонд 32, опись 2, дело 16.

Грамота к Царю Иоанну Васильевичу Римского Императора Максимилиана II. РГАДА, фонд 32, опись 2, дело 2.

Грамота Цесаря Рудольфа Второго. РГАДА, фонд 32, опись 2, дело 4.

Грамота Цесаря Рудольфа Второго. РГАДА, фонд 32, опись 2, дело 17.

Грамота Рудольфа II к царю Фёдору Иоанновичу. РГАДА, фонд 32, опись 2, дело 12.

Грамота Рудольфа II царю Фёдору Иоанновичу об отправке посла в Швецию от 28 июня 1594 года. РГАДА, фонд 32, опись 2, дело 14.

Грамота Рудольфа II царю Фёдору Иоанновичу. РГАДА, фонд 32, опись 2, дело 10.

Грамота Рудольфа II царю Феодору Иоанновичу. РГАДА, фонд 32, опись 2, дело 14.

Грамота к царю Иоанну Васильевичу римского императора Максимилиана. РГАДА, фонд 32, опись 2, дело 2.

Грамота Императора Рудольфа Второго царю Иоанну Васильевичу, лист 4, РГАДА, ф. 32, опись 2, дело 4.

XI. 2. Опубликованные источники

БУГАНОВ, Владимир (ред.), *Разрядная книга 1475-1605 гг.*, Москва 1984.

ВАСЕНКО, Платон (ред.), Книга степенная царского родословия, часть первая, in: Полное собрание русских летописей, том 21. Санкт-Петербург 1908.

Грамота императора Фердинанда к великому князю Московскому: ЛЮБИЧ-РОМАНОВИЧ, Василий (ред.), *Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках*, Санкт-Петербург 1843.

Дневник секретаря второй миссии Варкоча Стефана Гейса: ГЕЙС, Стефан, *Описание путешествия в Москву посла римского императора Николая Варкоча с 22-го июля 1593 года*, Москва 1875.

Дневники Павла Корки из Коркине: VYBÍRAL, Zdeněk (ред.), *Paměti Pavla Korky z Korkyně: Zápisky křesťanského rytíře z počátku novověku*. Pelhřimov 2014

Документы ливонских и немецких миссий в Москву: БОРИЧЕВСКИЙ, Иван (ред.), *Supplementum ad Historica Russiae monumenta, ex archivis et bibliothecis extraneis deprompta, et a Collegio archaeographico edita*, Санкт-Петербург 1849.

Записка Иоганна Кобенцеля по итогам миссии 1576 года («Письмо Иоанна Кобенцеля о России XVI века», автор не указан), Журнал Министерства народного просвещения 9, 1842, стр. 127-153.

Записки имперского эмиссара на Дону Эриха Лассоты: БРУН, Фёдор (ред.), *Путевые записки Эриха Лассоты, отправленного императором Рудольфом II к запорожцам в 1594 году*. Санкт-Петербург 1873.

Записки французских дипломатов о рудольфинской Праге: FUČÍKOVÁ, Eliška (ред.), *Tři francouzští kavalíři v rudolfínské Praze*. Praha 1989.

Имперская и папская дипломатическая переписка с Московией на темы Ливонской войны: De jure Magni Moscoviae Ducis in Livoniam epistola, in: STARCZEWSKI, Adalbert (ред.), *Historiae Ruthenicae Scriptorum Exteri Saeculi XVI*, том 2, Берлин – Санкт-Петербург 1842, стр. 31-34.

Инструкция императора Максимилиана II Кобенцелю и Принцу Maximilianus etc.: Фёдор ВЕРЖБОВСКИЙ (ред.), *Материалы по истории Московского государства в XVI – XVII веках, выпуск 1: Путешествие Иоанна Кобенцеля в Москву в 1575-1576 гг.*, Варшава 1896, стр. 43.

Инструкция императора Рудольфа II первой миссии Никласа Варкоча: Instructio pro Nicolao Warkotz, 6 octobris 1588: Отчёт о 21 присуждении наград графа Уварова, Санкт-Петербург 1880, стр. 115-116.

Инструкция императора Фердинанда I И. Гофману, опубликована в: Исторический архив 6, 1957, стр. 134.

ЛИЗЕК, Адольф, *Сказания Адольфа Лизека о посольстве от императора Римского Леопольда к великому царю Московскому Алексею Михайловичу в 1675 году*, in: СУХМАН, Михаил (ред.), *Иностранцы о древней Москве*. Москва XV-XVII вв., Москва 1997.

МЕХОВСКИЙ, Матвей, *Трактат о двух Сарматиях*, Москва-Ленинград 1936.

ОЛЕАРИЙ, Адам, *Подробное описание путешествия голитинского посольства в Московию и Персию в 1633, 1636 и 1638 годах, составленное секретарем посольства Адамом Олеарием*, Чтения в императорском обществе истории и древностей российских, книга 3. Москва 1868.

Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, тома 1, 2, (Священная Римская Империя), 10 (Святой Престол, Италия), Санкт-Петербург 1851.

Памятная записка, переданная Иоганном Таубе и Эллертом Краузе Павлу Магнусу, in: ЩЕРБАЧЁВ, Юрий (ред.), *Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене*. 1326-1690, Москва 1893.

Письма папского нунция в империи Чезаре Специано, касающиеся Московии: PAZDEROVÁ, Alena (ред.), *L'edizione critica della corrispondenza dei nunzi del XVI secolo (Elaborazione editoriale della*

- corrispondenza di Cesare Speciano, nunzio apostolico presso la corte imperiale nel periodo 1592-1598*). Praha 2018.
- Письмо папы Климента VIII царю Фёдору: Clemens P. P. VIII Theodoro Czar, Domini Russiae, Magno Duci Moscoviae etc. Principi Magno et desideratissimo salutem et omnis gratiae frictum: ТУРГЕНЕВ, Александр (ред.), *Акты исторические, относящиеся к России, извлечённые из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым*, том 2, Санкт-Петербург 1842.
- Послания Ивана IV: ЛИХАЧЁВ, Дмитрий — ЛУРЬЕ, Яков (ред.), *Послания Ивана Грозного*. Москва – Ленинград 1951.
- ПОССЕВИНО, Антонио, *Исторические сочинения о России XVI в.*, Москва 1983.
- ПРИНЦ, Даниэль, *Начало и возвышение Московии*, Москва 1877.
- Реляция второй миссии Никласа Варкоча в Москву и переписка римского папы и царя Фёдора: ТУРГЕНЕВ, Александр (ред.), *Акты исторические, относящиеся к России, извлечённые из иностранных архивов и библиотек А.И. Тургеневым*, том 2, Санкт-Петербург 1842.
- Реляция первой миссии имперского посла Никласа Варкоча: ЛАПТЕВА, Людмила, *Донесение австрийского посла о поездке в Москву в 1589 году*, Вопросы истории 6, 1978; чешская публикация итальянского списка документа: POLIŠENSKÝ, Josef, *Poselství z Prahy do Moskvy roku 1589*, Praha, 1975.
- Реляция Иеронима Гофмана, МАДИССОН, Ю., *Посольство И. Гофмана в Ливонию и Русское государство в 1559-1560 гг.*, Исторический архив 6, 1957, стр. 134-140.
- Реляция датского посла Якоба Ульфельдта: БАРСОВ, Елпидифор (ред.), *Путешествие в Россию датского посланника Якова Ульфельда в XVI веке*, Чтения Императорского Общества Истории и Древностей Российских, Москва 1889.
- Реляция имперского гонца Михаэля Шеля: ШЕМЯКИН, Александр (ред.), *Донесение о поездке в Москву придворного Римского императора Михаила Шеля*. Москва 1875.
- Сборник документов “Сношения царя Иоанна Васильевича с императором Фердинандом о ливонских делах”: Василий ЛЮБИЧ-РОМАНОВИЧ (ред.), *Сказания иностранцев о России в XVI и XVII веках*, Санкт-Петербург 1843, стр. 1-10.
- Сборник имперских документов о встрече московского посольства Захария Сугорского в 1576 году: HÄBERLIN, Franz Dominicus, *Neueste Teutsche Reichs-Geschichte: Vom Anfange des Schmalkaldischen Krieges bis auf unsere Zeiten*, 1781 том 10, Vorrede,
- Статейный список (реляция) московского дипломата Константина Скобельцына: Археографический ежегодник за 1979-1981 годы, Москва 1981, стр. 308-319.
- «Сказание о князьях Владимирских»: ДМИТРИЕВ, Лев — ЛИХАЧЁВ, Дмитрий (ред.), *Памятники литературы Древней Руси*, книга 6, Москва 1984.
- Трактат о Московии Сигизмунда Герберштейна: ГЕРБЕРШТЕЙН, Сигизмунд, *Записки о Московии*, тома 1 и 2, Москва 2008, а также KÄMPFER, Frank – MAURER, Eva – FÜLLBERTH, Andreas (ред.), *Sigismund von Herberstein. Rerum Moscoviticarum Commentarii. Synoptische Edition der lateinischen und der deutschen Fassung letzter Hand*, Basel 1556 und Wien 1557, München 2001.
- ФАБРИ, Иоганн, *Религия московитов*, in: ТУПОЛЕВ, Борис (ред.), *Россия и Германия*. Выпуск 1, Москва 1998.
- Хроника Даниэля Адама из Велеславина: VELESLAVÍNA, z, Daniel Adam, *Dějiny evropského světa 1453 – 1576 v interpretaci Veleslavínové*, in: Pavel VOREL (ред.), *Dějiny evropského světa 1453 – 1576*, Praha 2008.
- Хроника Марека Быдзовского: BYDŽOVSKÝ Z FLORENTINA, Marek, *Svět za tři českých králů*, Praha 1987.

ХIII. 3. Библиография

- ADELUNG, von, Friedrich, *Kritisch-Literarische Übersicht der Reisenden in Russland bis 1700*, Sankt Petersburg 1846.
- ALLPORT, Gordon, *The Nature of Prejudice*, Cambridge 1954.
- ALTHOFF, Gerd — STOLLBERG-RILLINGER, Barbara, *Spektakel der Macht? Einleitung*, in: Barbara STOLLBERG-RILLINGER — Matthias PUHLE — Jutta GÖTZMANN — Gerd ALTHOFF (ред.), *Spektakel der Macht. Rituale um alten Europa 800 – 1800*, Darmstadt 2008.
- АЛЬТХОФ, Герд — ШТОЛЬБЕРГ-РИЛИНГЕР, Барбара, *Язык даров. Логика и семантика обмена дарами до начала нового времени*, in: Герд АЛЬТХОФ — Михаил БОЙЦОВ (ред.), *На языке даров. Правила символической коммуникации в Европе. 1000 – 1700 гг.*, Москва 2016.
- ANGERMANN, Norbert, *Studien zur Livländpolitik Ivan Groznyj's*, Marburg 1972.
- APPADURAI, Arjun, Introduction: Commodities and the Politics of Value, in: Arjun APPADURAI (ред.), *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*, Cambridge 1986.
- AUERBACH, Inge, *Russland in deutsche Zeitungen (16. Jahrhundert). Auszüge aus Russlandschriften der Zeit Iwans IV.*, in: Mechtild KELLER (ред.), *Russen und Russland aus Deutscher Sicht 9. – 17. Jahrhundert*, München 1985, стр. 183-205.
- AUGUSTYNOVICZ, Christoph, *Kaiser Maximilian II. als electus Rex poloniae*, in: Michael PORTMANN — Marija WAKOUNIG — Wolfgang MUELLER (ред.), *Nation, Nationalitäten und Nationalismus im östlichen Europa: Festschrift für Arnold Suppan zum 65. Geburtstag*, Wien – Berlin 2010.
- БАГАЛЕЙ, Дмитрий, *Записки о Московии Иоанна Перништейна и принца Даниила фон-Бухау*, Киев 1879.
- БАНТЫШ-КАМЕНСКИЙ, Николай, *Обзор внешних сношений России (по 1800 год)*, том 1, Москва 1894.
- БАУЭР, Владимир, *Сношения России с германскими императорами в конце XV – начале XVI столетий*, Журнал Министерства народного просвещения 3, 1870, стр. 55-93.
- БАЧИНСКИЙ, Алексей – ЕРУСАЛИМСКИЙ, Константин – КОЗЛЯКОВ, Вячеслав – ШВАРЦ, Искра, *Проект раздела Речи Посполитой между Россией и Священной Римской Империей: Краковский столбец начала 1576 года*, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 2019, №2 (26).
- БАШМАКОВ, Александр, *Балтийский вопрос*, Ревель 1894.
- БЕЛОКУРОВ, Сергей, *О Посольском приказе*, Москва 1906.
- БЕЛОКУРОВ, Сергей, *Списки дипломатических лиц русских за границей и иностранных при русском дворе*, Москва 1893.
- БЕРЕЖНАЯ, Лилия, *Символика даров в дипломатических отношениях между Речью Посполитой и Московским Царством во второй половине XVII века*, in: Герд АЛЬТХОФ — Михаил БОЙЦОВ (ред.), *На языке даров. Правила символической коммуникации в Европе. 1000 – 1700 гг.*, Москва 2016.
- БЕСТУЖЕВ-РЮМИН, Константин, *Русская история*, том 2, Санкт-Петербург 1885.
- VIDLO, Jaroslav, *K rozmluvě br. Jana Rokyty s cářem Ivanem Hrozným (r. 1570)*, *Český časopis historický* 4 (1905), стр. 430-432.
- БОГАТЫРЁВ, Сергей, *Шапка Мономаха и шлем наследника: репрезентация власти и династическая политика при Василии III и Иване Грозном*, *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana* 9, 2011, стр. 171-200.
- БОЙЦОВ, Михаил, *Папский зонтик, бог Гелиос и судьбы России*, Казус: Индивидуальное и уникальное в истории, 6, 2004, Москва 2005, стр. 99-154.

- БОЙЦОВ, Михаил, *Различные взгляды на посольство Ивана IV к императору Максимилиану II в 1576*, in: Михаил БОЙЦОВ (ред.), *Средневековая Европа: Восток и Запад*, Москва 2015.
- БОЙЦОВ, Михаил, УСПЕНСКИЙ, Фёдор (ред.), *Власть и образ: очерки потестарной имагологии*, Санкт-Петербург 2010
- БОДЯНСКИЙ, Осип, *Донесение о Московии Иоанна Пернитейна*, Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, книга 2, 1876, стр. II-VI.
- BOŤEK, Pavel, *Představy o carovi a carství na středověké Rusi (do poloviny 16. století)*, Vladimír GONĚC – Radomír VLČEK (ред.), *Z dějin visehradského prostoru. Richardu Pražákovi k pětasedmdesátinám*, Brno 2006, стр. 19-30.
- BOŤEK, Pavel, *Stát a církev v Rusku na přelomu 15. a 16. století*, Brno 1995.
- BOŤEK, Pavel – GONĚC, Vladimír – HAVLÍKOVÁ, Lubomíra – PRAŽÁK, Richard – ŠRÁMEK, Jiří – VESELÁ, Zdenka, *Dějiny střední, jihovýchodní a východní Evropy*, Brno 1995.
- BŮŽEK, Václav, *Alchymie v každodenním životě vrchních komorních služebníků Rudolfa II.*, in: Ivo PURŠ — Vladimír KARPENKO (ред.), *Alchymie a Rudolf II. Hledání tajemství přírody ve střední Evropě v. 16. a 17. století*, Praha 2011.
- BŮŽEK, Vaclav, *Dvůr habsburských císařů v letech 1526-1740 a historiografie na prahu 21. století*, in: Vaclav BŮŽEK — Pavel KRÁL (ред.), *Šlechta v habsburské monarchii a císařský dvůr (1526-1740)*, *Opera historica* 10, 2003, стр. 5-32
- BŮŽEK, Václav, *"Od Rakous a od Moskvy zbav nás, Pane Bože, všecky". (K projevům sarmatismu v polsko-litevské unii po vymření Jagellonců)*, in: František STELLNER (ред.), *Staletí objevů, diplomacie a válek. Sborník k 60. narozeninám Aleše Skřivana*, Praha 2005, стр. 137-143.
- BŮŽEK, Václav, *Pijácké zábavy na dvorech renesančních velmožů (Ambras – Bechyně)*, in: Václav BŮŽEK — Pavel KRÁL, (ред.), *Slavnosti a zábavy na dvorech a v rezidenčních městech raného novověku*, *Opera historica* 8, 2000, стр. 137–161.
- BŮŽEK, Václav, *Smrt a pohřby Ferdinanda I. a jeho synů. Reprezentace katolické víry, politické moci a dynastické paměti Habsburků*, Praha 2020
- BŮŽEK, Václav — HRDLIČKA, Josef — KRÁL, Pavel — VYBÍRAL, Zdeněk, *Věk urozených. Šlechta v českých zemích na prahu novověku*, Praha 2002.
- BUŽEK, Václav – SMÍŠEK, Rostislav, *Volba Karla V. římským králem*, in: Lenka BOBKOVÁ – Mlada HOLÁ (ред.), *Lesk kralovského majestátu ve středověku. Pocta Prof. PhDr. Františku Kavkovi, Csc. k nedožitým 85. narozeninám*, Praha 2005.
- ВЕРЖБОВСКИЙ, Фёдор, *Посольство Иоанна Кобенцеля в Москву в 1575-1576 гг.: исторический очерк*, in: ВЕРЖБОВСКИЙ, Фёдор (ред.), *Материалы к истории Московского государства в XVI и XVII столетиях*, Варшава 1896.
- ВЕСЕЛОВСКИЙ, Николай, *Татарское влияние на русский посольский церемониал в московский период русской истории*, Санкт-Петербург 1911.
- ВИЛКОВ, Олег, *Пушиной промысел в Сибири*, Наука в Сибири: еженедельная газета Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирск 1999, 45 (2231) от 19. 11. 1999.
- VOCELKA, Karl, *Die politische Propaganda Kaiser Rudolfs II. (1576–1612)*. Wien 1981.
- VÖLKL, Ekkehard – WESSELY, Kurt, *Die Russische Gesandtschaft am Regensburger Reichstag*, Schriftenreihe des Regensburger Osteuropainstituts Band 3, Regensburg 1976, стр. 5-56.
- WATANABE-O'KELLY, Helen, *Court Culture in Early Modern Dresden*, London 2002.
- WICHMANN, Burchard Heinrich von (ред.), *Sammlung bisher noch ungedruckter kleinen Schriften zu ältern Geschichte und Kenntnis des russischen Reiches*, Berlin 1820.

- WINDLER, Christian, *Tributes and presents in Franco-Tunisian diplomacy*, Journal of Early Modern History 4, no. 2, 2000, стр. 168-199.
- WORTMAN, Richard S., *Scenarios of Power: Myth and Ceremony in Russian Monarchy*, Princeton 1995.
- GARNIER, Claudia, „Welcher massen die Potschafften emphanen und gehalten werden”. *Diplomatisches Zeremoniell und Ritualpraxis am Moskauer Hof aus der Perspektive westlicher Gesandter im 16. und frühen 17. Jahrhundert*, in: Peter BURSCHEL – Christine VOGEL (ред.), *Die Audienz. Ritualisierter Kulturkontakt in der Frühen Neuzeit*, Köln – Weimar – Wien 2014, стр. 57-80.
- GARNIER, Claudia, “Wer meinen Herr ehrt, den ehre ich billig auch.” *Symbolische Kommunikationsformen bei Gesandtenempfangen am Moskauer Hof im 16. und 17. Jahrhundert*, Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte 7, 2005.
- GEERTZ, Clifford, *Centers, Kings and Charisma: Reflections on the Symbolics of Power*, in: Sean WILENTZ (ред.), *Symbolism, Ritual and Politics since the Middle Ages*, Philadelphia 1985.
- GESTRICH, Andreas, *Höfisches Zeremoniell und sinnliches Volk*, in: Jörg Jochen BERNS —Thomas RAHN (ред.), *Zeremoniell als höfische Ästhetik in Spätmittelalter und Früher Neuzeit*, Tübingen 1995.
- ГРАЛЯ, Иероним – ДАВТЯН, Олег, *Подарочный этикет*, Санкт-Петербург 2017.
- ГРЕКОВ, Борис, *Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV-XVII вв.*, Москва 1963.
- ГРИНВАЛЬДТ, П., *Меховая торговля в России и за границей: История ее и статистика, обделка мехов и товароведение*, Рига 1872.
- GRUBER, Isaiah, *The Muscovite Embassy of 1599 to Emperor Rudolf II of Habsburg*, Montreal 1999.
- GRZYBOWSKI, Stanisław, *Organizacja polskiej służby dyplomatycznej w latach 1573–1605*, in: Zbigniew WÓJCIK (ред.), *Polska służba dyplomatyczna XVI–XVIII wieku*, Warszawa 1966.
- DELIUS, Walter, *Antonio Possevino SJ und Ivan Groznyj. Ein Beitrag zur Geschichte der kirchlichen Union und der Gegenreformation des 16. Jahrhunderts*, Stuttgart 1962.
- ДЕМЕНТЬЕВ, Георгий, *Сокола-кречеты*, Москва 2017
- DILTNEY, Wilhelm, *Über das Studium des Menschen und der Geschichte*, in: Wilhelm DILTNEY, *Die Wissenschaften vom Menschen, der Gesellschaft und der Geschichte. Vorarbeiten zur Einleitung in die Geisteswissenschaften (1865–1880)*, Göttingen 1977.
- DONNERT, Erich, *Der Livändische Ordenstritterstaat und Russland. Der Livändische Krieg und die baltische Frage in der europäischen Politik 1558–1583*, Berlin 1963.
- DONNERT, Erich, *Iwan Grosny „der Schreckliche“*, Berlin 1980.
- DONNERT, Erich, *Russland an der Schwelle der Neuzeit. Der Moskover Staat im 16. Jahrhundert*, Berlin 1972.
- ДУБРОВСКИЙ, Игорь, *Новые документы по истории отношений России и Италии при Иване Грозном*, Русский сборник XIV, Москва 2013.,
- ДУБРОВСКИЙ, Игорь, *Политика папства в отношении Московии: черновики инструкции Поссевино*, Русский сборник: Исследования по истории России, том 16, Москва 2014.
- ECK, Alexandre, *Le Moyen Age Russe*, Paris 1933.
- ECKARDT, Hans von, *Iwan der Schreckliche*, Frankfurt am Main 1947;
- ELIAS, Norbert, *O procesu civilizace: sociogenetické a psychogenetické studie. I. Proměny chování světských horních vrstev na Západě*, Praha 2006.
- ESPAGNE, Michel — WERNER, Michael, *Deutsch-Französischer Kulturtransfer im 18. und 19. Jh.: Zu einem neuen interdisziplinären Forschungsprogramm des C.N.R.S.*, Francia 13, 1985, стр. 502- 510.
- EVANS, Robert, *Rudolph II. Ohnmacht und Einsamkeit*, Graz 1980.

- ЗАБЕЛИН, Иван, *Домашний быт русских царей в XVI и XVII ст.*, Москва 1895.
- ЗАБЕЛИН, Иван, *Домашний быт русских цариц в XVI и XVII ст.*, Москва 1901.
- ЗАБЕЛИН, Иван, *Домашний быт русского народа*, Москва 2014.
- ЗАГОРОДНЯЯ, Ирина, *Дипломатические дары русским царям из Речи Посполитой (по материалам книг приездов польских великих послов второй половины XVII в.)* In: Александр АКСЁНОВ (ред.), *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.)*, Москва 2003, стр. 71-98.
- ЗАНКОВ, Дмитрий, *Русь за трапезой*, Москва 2016.
- ЗИМИН, Александр, *В канун грозных потрясений: Предпосылки первой Крестьянской войны в России*, Москва 1986.
- ЗИМИН, Александр, *Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI века*, Москва 1988.
- ЗИМИН, Александр – ПАШУТО, Владимир (ред.), *Международные связи России до XVII столетия*, Москва 1961.
- JANÁČEK, Josef, *Rudolf II. a jeho doba*, Praha 1987.
- JUCKER, Michael, *Raub, Geschenke und diplomatische Irritationen. Die ökonomische Zirkulation und Distribution von Beutestücken und Luxusgegenständen (13.–16. Jahrhundert)*, in: Mark HÄBERLEIN — Christof JEGGLE (ред.), *Materielle Grundlagen der Diplomatie. Schenken, Sammeln und Verhandeln in Spätmittelalter und Früher Neuzeit*. Konstanz 2013, стр. 59-78.
- КАВЕЛИН, Константин, *Мысли и заметки о русской истории*, Санкт-Петербург 1904.
- КАГАН, Михаил, *«Повесть о двух посольствах» – легендарно-политическое произведение начала XVII века*, Труды отдела древнерусской литературы Института русской литературы, Москва-Ленинград 1955, том 11, стр. 218-254.
- КАЗАКОВА, Наталья, *Западная Европа в русской письменности XV-XVI веков*, Ленинград 1980.
- КАЗАКОВА, Наталья, *Русско-ливонские и русско-ганзейские отношения. Конец XIV - начало XVI в.*, Ленинград 1975.
- CAVAZZA, Silvano, *La Relazione delle Cose di Moscovia di Giovanni Cobenzl*, Quaderni Giuliani di Storia, 34 (1/2013), стр. 53–98,
- KAISER, Friedhelm Berthold – STASIEWSKI, Bernard (ред.), *Reiseberichte von Deutschen über Russland und von Russen über Deutschland*, Wien 1980.
- KANTOROWICZ, Ernst H., *Dvě těla krále: studie z dějin středověké politické teologie*, Praha 2014.
- KAPPELER, Andreas, *Ivan Groznyj im Spiegel der ausländischen Druckschriften seiner Zeit. Ein Beitrag zur Geschichte des westlichen Russlandbildes*, Bern-Frankfurt am Mein 1972.
- KAPPELER, Andreas, *Russland als Vielvölkerreich. Entstehung. Geschichte*, München 1992.
- КАРАМЗИН, Николай, *История государства российского*, том 10, Санкт-Петербург 1834.
- KARL, Barbara, *Objects of Prestige and Spoils of War: Ottoman Objects in the Habsburg Networks of Gift-Giving*, in: Zoltán BIEDERMANN — Anne GERRITSEN — Giorgio RIELLO (ред.), *Global Gifts: The Material Culture of Diplomacy in Early Modern Eurasia*, Cambridge 2017.
- KIRBY, David, *Northern Europe in the Early Modern Period: The Baltic World. 1492–1772*, London, New York 1990.
- KIRCHNER, Walther, *The rise of the Baltic question*, Westport 1970.
- КИЗЕВЕТТЕР, Александр, *Иван Грозный и его оппоненты*, Москва 1898.
- KLEIN, Holger A., *Eastern Objects and Western Desires: Relics and Reliquaries between Byzantium and the West*, *Dumbarton Oaks Papers*, Vol. 58, Harvard 2004, стр. 283-314.

- КЛЮЧЕВСКИЙ, Василий, *Полный курс лекций по русской истории*, Москва 2005.
- КЛЮЧЕВСКИЙ, Василий, *Сказания иностранцев о Московском государстве*, Москва 2012.
- КОВАЛЕВСКИЙ, Павел, *Иоанн Грозный и его душевное состояние*, in: Психиатрические эскизы по истории, том 3, Санкт-Петербург 1901.
- КОРЮТОВ, Igor, *The Cultural Biography of Things: Commoditization as a Process*, in: Arjun APPADURAI (ред.), *The Social Life of Things: Commodities in Cultural Perspective*, Cambridge 1986, стр. 64-91.
- КОРЕНЕВ, Дмитрий, *Третий Рим: власть одежды и одежда власти*, Орёл 2011.
- КОРОЛЮК, Владимир, *Ливонская война*, Москва 1954.
- КОСТОМАРОВ, Николай, *Ливонская война*, in: Николай КОСТОМАРОВ, *Исторические монографии и исследования*. Санкт-Петербург 1867, том 3.
- КОСТОМАРОВ, Николай, *Русская история в жизнеописаниях её главнейших деятелей*, Москва 1995.
- КОЧЕКОВСКАЯ, Нина, *А был ли авантюрист? Казус Константина Скобельцына*, in: Мария НЕКЛУДОВА — Екатерина ШУМИЛОВА (ред.), *Русская авантюра: идентичности, проекты, репрезентации*, Москва 2019, стр. 232-236.
- KRÁL, Pavel, *Křtiny, svatby a pohřby. K vzájemné reflexi panovnických a šlechtických přechodových rituálů ve druhé polovině 16. a první polovině 17. století, Šlechta v habsburské monarchii a císařský dvůr (1526-1740)*, Opera historica 10, 2003, стр. 439-456.
- КРШЛЯНИН, Нина, *Титул самодержца (автократора) в Сербии и России: два пути развития византийского наследия*, Вестник Волгоградского государственного университета 4 (том 22). Волгоград 2017, стр. 162–183.
- KRISCHER, André, *Souveränität als sozialer Status: Zur Funktion des diplomatischen Zeremoniells in der Frühen Neuzeit*, in: Jan-Paul NIEDERKORN — Ralf KAUF — Giorio ROTA (ред.), *Diplomatische Praxis und Zeremoniell in Europa und dem Mittleren Osten in der Frühen*, Wien 2007, стр. 1-32.
- KUBEŠ, Jiří (ред.), *V zastoupení císaře: česká a moravská aristokracie v habsburské diplomacii 1640-1740*. Praha 2018.
- КУДРЯВЦЕВ, Олег, *«Kaysar vnnd Herscher aller Rewssen»: обращение к русскому государю как к императору в габсбургских документах первой трети XVI в.*, Древняя Русь. Вопросы медиевистики, 1 (63), 2016, стр. 41-55.
- КУРУКИН, Игорь, *К изучению источников о начале Ливонской войны и деятельности правительства Адашева и Сильвестра*, in: Владимир БУГАНОВ (ред.), *Источниковедческие исследования по истории феодальной России*, Москва 1981.
- LAVERY, Jason, *Germany's Northern Challenge: the Holy Roman Empire and the Scandinavian Struggle for the Baltic, 1563-1576*, Boston, Leiden 2002.
- LEHMKUHNL, Ursula, *Diplomatiegeschichte als internationale Kulturgeschichte: Theoretische Ansätze und empirische Forschung zwischen Historischer Kulturwissenschaft und Soziologischem Institutionalismus*, Geschichte und Gesellschaft 27, 2001, стр. 394-423.
- LEITSCH, Walter, *Herberstein's Impact on the Reports about Muscovy in the 16 and 17 Centuries. Some Observations on the Technique of Borrowing*, Forschungen zur osteuropäische Geschichte 24, 1978, стр. 163-178.
- LEITSCH, Walter, *Kliuchevskii's Study On the Reports of Foreign Travelers About Muscovy: A Belated Review*, Canadian-American Slavic Studies 20, No. 3-4, 1986, стр. 299-308.
- LEITSCH, Walter, *Moskau und die Politik des Kaiserhofes im XVII. Jahrhunderts*, Graz 1960.
- LIEVEN, Dominick, *Empire. The Russian Empire and its Rivals*, Yale 2003.

- ЛИМОНОВ, Юрий, *Культурные связи России с европейскими странами в XV – XVII веках*, Ленинград 1978.
- ЛИППМАН, Уолтер, *Общественное мнение*, Москва 2004.
- ЛИСЕЙЦЕВ, Дмитрий, *Российский посольский обычай в начале XVII века по материалам делопроизводства Посольского приказа*, in: Павел ЗЫРЯНОВ (ред.), *Исследования по источниковедению истории России (до 1917 г.)*, Москва 2004
- ЛИХАЧЁВ, Николай, *Дело о приезде Антония Поссевина в Москву*, Санкт-Петербург 1903.
- ЛУРЬЕ, Яков, *Английская политика на Руси в XVI веке*, Учебные записки ЛГПИ 61, 1947, стр. 131-133.
- ЛУРЬЕ, Яков, *Донесения агента императора Максимилиана II аббата Цира о переговорах с А. М. Курбским в 1569 году*, Археографический ежегодник за 1957 год, Ленинград 1959.
- ЛУРЬЕ, Яков, *Русско-английские отношения и международная политика второй половины XVI века*, in: Александр ЗИМИН – Владимир ПАШУТО (ред.), *Международные связи России до XVII века*, Москва, 1961.
- МАГИЛИНА, Инесса, *Московское государство и проект антитурецкой коалиции в конце XVI – начале XVII веков* (диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук), Волгоград 2009.
- МАГИЛИНА, Инесса, *Переговоры между Московским государством и Священной Римской Империей по поводу заключения антитурецкого соглашения*, Известия Самарского научного центра Российской академии наук 2, том 11, 2009, стр. 18-23.
- МАГИЛИНА, Инесса, *Россия и проект антиосманской лиги в конце XVI – начале XVII вв.*, Волгоград 2012.
- МАДИССОН, Ю., *Посольство И. Гофмана в Ливонию и Русское государство в 1559-1560 гг.*, Исторический архив 6, 1957, стр. 134-140.
- МАЛЫГИН, Пётр (ред.), *Западноевропейские авторы XV-XVII вв. о России: материалы к библиографическому словарю*, Москва 2018.
- МАНЬКОВ, Аркадий, *Цены и их движение в Русском Государстве XVI века*, Москва – Ленинград 1951.
- MARTINEAU, Jonathan, *Times, Capitalism and Alienation*, (без места), 2016.
- MAŠEK, Petr, *Šlechtické rody v Čechách, na Moravě a ve Slezsku od Bílé hory do současnosti*, díl II., Praha 2008
- МАТАСОВА, Татьяна, *Попугай в Москве в 1490 году*, Русь, Россия, средневековье и новое время 6, Москва 2019, стр.126-129.
- MATOUŠEK, Josef, *Turecká válka v evropské politice v letech 1592-1594*, Praha 1935.
- MATTINGLY, Garrett, *Renaissance diplomacy*, Boston 1955.
- MITCHELL, Bonner — ZGUTA, Russell, *The Sixteenth-Century Account of Muscovy Attributed to Don Felippo Pernesstein*, Russian History/Histoire Russe 8/3, University Center of International Studies, University of Pittsburg, Pittsburg 1981, стр. 390-420.
- МОИСЕЕВ, Михаил, *Слон Ивана Грозного*, Studia historica Europae Orientalis 3, Минск 2010, стр. 209-220.
- MUIR, Edward, *Ritual in Early Modern Europe*, Cambridge, 1997.
- МУЛЮКИН, Александр, *Приезд иностранцев в Московское государство. Из истории русского права XVI и XVII веков*, Санкт-Петербург 1909.

- МИХАЙЛОВА, Ирина, «И здесь сошлись все царства...»: Очерки по истории государева двора в России XVI в.: повседневная и праздничная культура, семантика этикета и обрядности, Санкт-Петербург 2010.
- МИХАЙЛОВСКИЙ, Николай, *Критические опыты*, Санкт-Петербург 1887.
- NEUHAUS, Helmut, *Russische Gesandtschaften auf den Reichstagen des 16. Jahrhunderts*, in: Alois SCHMID (ред.), *Bayern und Russland in vormoderner Zeit*, München 2012
- NEVEROVA, Natalia, *The Emperor and Diplomatic Relations: Rudolph II through the Eyes of Foreign Ambassadors*, in: Sean MCGLYNN – Elena WOODACRE (ред.), *The Image and Perception of Monarchy in Medieval and Early Modern Europe*, Cambridge 2014
- NICHOLSON, Harold, *The Evolution of Diplomatic Method*, London 1954
- NICOL, Donald M., *The Byzantine View of Western Europe*, *Greek, Roman and Byzantine Studies* 8, vol. 4, Cambridge 1967, стр. 315-339
- NIEDERKORN, Jan Paul, *Die europäischen Mächte und der „Lange Türkenkrieg“ Kaiser Rudolfs II. (1593–1606)*, Wien 1993
- NIEDERKORN, Jan Paul, *Gesandte – Vermittler – Schwindler. Von der Schwierigkeiten diplomatischer Kontakte mit orientalischen und osteuropäischen Mächten in der frühen Neuzeit*, *Östeuropäische Osthefte* 37, 1995, стр. 863-878
- НОВОДВОРСКИЙ, Витольд, *Борьба за Ливонию между Москвою и Речью Посполитою*, in: Записки историко-филологического факультета Императорского Санкт-петербургского университета, Санкт-Петербург 1904.
- НОВОДВОРСКИЙ, Витольд, *Ливонский поход Ивана Грозного*, Москва 2010.
- НОВОСЕЛЬСКИЙ, Алексей, *Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века*, Москва — Ленинград 1948.
- ОРЛЕНКО, Сергей, *Выходцы из Западной Европы в России XVII века: правовой статус и реальное положение*, Москва 2004, стр. 266.
- ОРЛОВ, Владимир, *Новые данные о посольстве Николая фон Варкоча в 1589 году*, *Советские Архивы* 2, 1985, стр. 75-77.
- ПАВЛОВ, Александр, *Государев двор и политическая борьба при Борисе Годунове (1584-1605)*, Санкт-Петербург 1992.
- ПАЛАМАРЧУК, Пётр, *Сорок сороков. Москва в границах 1917 года*, Москва 1995.
- PANOV, Vladimir, *Boček, Pavel a kolektiv, Moskva – Třetí Řím. Od ideje k symbolu*, *Opera historica* 21, 2020, стр. 305-307.
- PANOV, Vladimir, *Ivan the Terrible in the Russian Historiography of the 19th-21st Centuries: Problems, Methodology, Opinions*, *Opera historica* 19, 2018, стр. 83-105.
- PANOV, Vladimir, *On the Contents of Niklas Warkotsch's 1594 Report in the Light of His Moscow Missions*, *Slovanský přehled* 105, 2019, č. 2, стр. 277-292.
- PANOV, Vladimir, *Tři moskevské mise Mikuláše Varkoče 1589-1594 ve světle diplomatického rituálu Ruska*, *Opera historica* 20, 2019, č. 1, стр. 7-20
- PERRIE, Maureen, *The Image of Ivan the Terrible in Russian Folklore*, Cambridge 1987.
- PERRIE, Maureen, *The Cult of Ivan the Terrible in Stalin's Russia. Studies in Russian and Eastern European History and Society*, New York 2001.
- PICKOVÁ, Dana, *Anglo-ruské vztahy ve druhé polovině 16. století*, Praha 1992.
- PICKOVÁ, Dana, *Habsburkové a Rurikovci na prahu novověku. Příspěvek k dějinám ruskohabsburských vztahů na přelomu 15. a 16. století*, Praha 2002.

PÍSKOVÁ, Dana, *První moskevská mise císařského diplomata Siegmunda von Herberstein (1517)*, Staletí objevů, diplomacie a válek (Acta Universitatis Carolinae Philosophica et Historica 1 – 2003, Studia Historica LV.), Praha 2005, стр. 375-385.

ПИРЛИНГ, Павел, *Россия и папский престол*, Москва 1912.

ПИСАРЕВСКИЙ, Георгий, *К истории сношений России с Германией в начале XVI века*, Чтения в Императорском обществе истории и древностей российских 2, 1895.

ПЛАТОНОВ, Сергей, *Москва и Запад в XVI – XVII веках*, Москва 1925.

ПЛАТОНОВ, Сергей, *Очерки по истории Смуты в Московском государстве 16-17 веков*, Москва 1937.

ПЛАТОНОВ, Сергей, *Под шапкой Мономаха*, Москва 2001.

РОЕ, Marshall, *“A People Born to Slavery”: Russia in Early Modern European Ethnography, 1476-1748*, Ithaca, London 2000.

РОЕ, Marshall, *Foreign Descriptions of Muscovy: An Analytic Bibliography of Primary and Secondary Sources*, Columbus, Ohio 1995

РОЕ, Marshall, *Herberstein and Origin of the European Image of Muscovite Government*, in: Frank KÄMPFER (ред.), 450 Jahre Sigismund von Herbersteins *Rerum Moscoviticarum Commentarii*: 1549-1999, Wiesbaden 2002.

ПОГОДИН, Михаил, *О характере Ивана Грозного*, in: Михаил ПОГОДИН, *Историко-критические отрывки*, Москва 1825.

PRAŽÁKOVÁ, Kateřina, *Obraz Polsko-litevského státu a Ruska ve zpravodajství české šlechty (1450-1618)*, České Budějovice 2015.

PRESS, Volker, *Das Haus Dohna in der europäischen Adelsgesellschaft des 16. und 17. Jahrhunderts*, Reformatio et reformationes. Festschrift für Lothar Graf zu Dohna zum 65. Geburtstag, Darmstadt 1989, стр. 371–402.

PROCHÁZKA, Jiří, *Cesta slezského šlechtice do Ruska v roce 1589*, Slezský sborník 4, 1997, стр. 255-262.

ПРОХАЗКА, Иржи, *Посольства Николая Варкоча в Россию и проблема образования в конце 16 века антитурецкой коалиции*. Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук, Москва 1981.

ПРОКОПЬЕВ, Андрей, *Германия в эпоху религиозного раскола*, Санкт-Петербург 2008.

PURŠ, Ivo, *Habsburkové na českém trůně a jejich zájem o alchymii a okultní nauky*, in: PURŠ, Ivo — KARPENKO, Vladimír (ред.), *Alchymie a Rudolf II. Hledání tajemství přírody ve střední Evropě v. 16. a 17. století*, Praha 2011.

PURŠ, Ivo — KARPENKO, Vladimír (ред.), *Alchymie a Rudolf II. Hledání tajemství přírody ve střední Evropě v. 16. a 17. století*, Praha 2011.

PFERSCHY, Gerhard (ред.), *Sigismund von Herberstein. Kaiserlicher Gesandter und Begründer der Russlandkunde und europäische Diplomatie*, Graz 1989.

ПЧЕЛОВ, Евгений, *Символика регалий российских государей: цвета и числа*, Вестник РГГУ 7, 2010, стр. 140-152.

ПЫЛЯЕВ, Михаил, *Драгоценные камни, их свойства, местонахождения и употребление*, Санкт-Петербург 1888.

RASMUSSEN, Knud, *Die livländische Krise 1554-1561*, Kobenhavn 1973

REIMANN, Eduard, *Das Verhalten des Reichs gegen Livland in den Jahren 1559-1561*, Historische Zeitschrift 1876, Band 35, стр. 350-368.

- REINHARD, Wittram, *Baltische Geschichte - Die Ostseelände - Livland Estland Kurland 1180-1918*, Darmstadt 1973.
- РОГОЖИН, Николай, *Посольские книги конца XV – начала XVII веков* (автореферат диссертации на соискание степени доктора исторических наук), Москва 1993, стр. 1.
- РОГОЖИН, Николай, «У государевых дел быть указано»: история Посольского приказа, Москва 2019.
- ROTHER, Hans (ред.), *Deutsche in Russland*, Wien 1996.
- ROWLAND, Daniel, *Architecture, Image and Ritual in the Throne Rooms of Muscovy, 1550-1560: A Preliminary Survey*, in: Chester S. L. DUNNING – Russell E. MARTIN – Daniel ROWLAND (ред.), *Rude & Barbarous Kingdom Revisited: Essays in Russian History and Culture in Honour of Robert O. Crumme*, Bloomington 2008, стр. 53-71.
- RUDOLPH, Harriet, *Das Reich als Ereignis. Formen und Funktionen der Herrschaftsinszenierung bei Kaisereinzügen (1558–1618)*, Köln 2011.
- RUDOLPH, Harriet, *The Material Culture of Diplomacy. The Impact of Objects on the Dynamics of Habsburg-Ottoman Negotiations at the Sublime Porte (1530-1650)*, in: Gunda BARTH-SCALMANI — Harriet RUDOLPH — Christian STEPPAN (ред.), *Politische Kommunikation zwischen Imperien. Der diplomatische Aktionsraum Südost- und Osteuropa*. Innsbrucker Historische Studien, Band 29. Innsbruck 2013, стр. 211-238.
- RUDOLPH, Harriet, *Entangled Objects and Hybrid Practices? Material Culture as a New Approach to the History of Diplomacy*, in: Harriet RUDOLPH — Gregor M. METZIG (ред.), *Material Culture in Modern Diplomacy from the 15th to the 20th Century*. Jahrbuch für Europäische Geschichte, Band 17, Oldenbourg 2016, стр. 1-28.
- РУЩИНСКИЙ, Лев, *Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII веков*, Москва 1871.
- RYANTOVÁ, Marie, *Z Čech až do Konstantinopole a Moskvy. Neznámý štambuch téměř neznámého šlechtice Jana Rejcharta ze Štampachu z let 1589 až 1610*, Studie o rukopisech, Praha 2014, стр. 201-270.
- RYBÁR, Lukáš, *Misia Mikuláša Varkoča Lukáša Pauliho do Moskvy v roku 1589 a otázka spojenectva Habsburgovcov s Perziou proti Osmanom*, Byzantinoslovaca VII. Byzantologický seminár A. Avenaria. Zborník k životnému jubileu profesora Miroslava Daniša, Bratislava 2020, стр. 214-229.
- САВВА, Владимир, *Московские цари и византийские василевсы*, Харьков 1901.
- СЕРГЕЕВ, Фёдор, *Русская дипломатическая терминология XI – XVII веков*, Кишинёв 1971.
- SIEBENHÜNER, Kim, *Approaching Diplomatic and Courtly Gift-giving in Europe and Mughal India: Shared Practices and Cultural Diversity*, *The Medieval History Journal* 16 (2), 2014, стр. 525-546.
- SLAVÍK, Jan, *Habsburkové a Rusko v 16. století*, *Český časopis historický* 12, 1906, стр.
- СОЛОВЬЁВ, Сергей, *История России с древнейших времён*, Москва 2005.
- SCHIEMANN, Theodor, *Russland, Polen und Livland bis ins 17. Jahrhundert*, Berlin 1887.
- SCHNEIDER, David, *The Psychology of Stereotyping*, New York 2005.
- SCHUBERT, Ernst, *König und Reich. Studien zur spätmittelalterlichen deutschen Verfassungsgeschichte*. Göttingen 1979.
- STOLLBERG-RILLINGER, Barbara, *Des Kaisers alte Kleider. Verfassungsgeschichte und Symbolsprache des Alten Reiches*, München 2013
- STOLLBERG-RILLINGER, Barbara, PUHLE, Matthias, GÖTZMANN, Jutta, ALTHOFF, Gerd (ред.), *Spektakel der Macht. Rituale um alten Europa 800 – 1800*, Darmstadt 2008.
- СТРЕМОУХОВ, Дмитрий, *Москва – Третий Рим: источники доктрины*, in: Анна ЛИТВИНА – Фёдор УСПЕНСКИЙ (ред.), *Из истории русской культуры*, т. 2, кн. 1, Москва, 2002, стр. 425-441.

- СУКИНА, Людмила, *Русский человек и его православная вера глазами европейцев (вторая половина XVI - XVII век)*, in: Сергей ОРЛЕНКО (ред.), *Иноземцы в России в XV – XVII веках: сборник материалов конференций 2002-2004 годов*, Москва 2006, стр. 215-225.
- TALBOT, Michael, *Gifts of Time: Watches and Clocks in Ottoman-British Diplomacy, 1693–1803*, in: Harriet RUDOLPH – Gregor M. METZIG (ред.), *Material Culture in Modern Diplomacy from the 15th to the 20th Century. Jahrbuch für Europäische Geschichte, Band 17, De Gruyter Oldenbourg 2016*, стр. 55-79, здесь стр. 56.
- THYRET, Isolde, *Between God and Tsar: Religious Symbolism and the Royal Women of Muscovite Russia*. DeKalb 2001.
- TIBERG, Erik, *Zur Vorgeschichte des Livländischen Krieges: Die Beziehungen zwischen Moskau und Litauen 1549–1562*, Uppsala 1984.
- ТОЛКАЧЁВ, Михаил, *Европейское направление во внешней политике России в период правления Фёдора Иоанновича и Бориса Годунова* (диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук), Самара 2011.
- ТРАЧЕВСКИЙ, Александр, *Польское бескоролье по прекращении династии Ягеллонов*, Москва 1869.
- UEBERSBERGER, Hans, *Österreich und Russland seit dem Ende des 15. Jahrhunderts*, Wien 1906.
- УСЕНКО, Олег, *Отношение к «немцам» в России XVII века (на примере движений социального протеста)*, in: Юлия ЗВЕЗДИНА (ред.), *Иноземцы в России в XV—XVII веках*. Москва 2006.
- УСПЕНСКИЙ, Борис, *Загадочная форма в титуле русских царей*, *Slověne* 9, 2020, стр. 163-184.
- УСПЕНСКИЙ, Борис, *Царь и император. Помазание на царство и семантика монарших титулов*, Москва 2000.
- УСПЕНСКИЙ, Фёдор, *Как возник и развивался в России Восточный вопрос*, Санкт-Петербург 1887.
- ФЕДОРЕЦ, Анна, *Исповедные ведомости как исторический источник по социальному составу и расселению дворовладельцев города Москвы в 40-х – 80-х гг. XVIII в.* Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук, Москва 2014.
- ФИЛЮШКИН, Александр, *Завоевание Стефаном Баторием Полоцка в 1579 г. в европейском нарративе*, *Вестник Санкт-петербургского Университета* 2, выпуск 1, Санкт-Петербург 2014.
- ФИЛЮШКИН, Александр, *Иван Грозный против Европы: Ливонская война глазами современников и потомков*, Санкт-Петербург 2013.
- ФИЛЮШКИН, Александр, *Изобретая первую войну России и Европы: балтийские войны второй половины XVI в. глазами современников и потомков*, Санкт-Петербург 2013.
- ФИЛЮШКИН, Александр, *Окончание Ливонской войны 1558-1583 гг.: «Московская война» (1579-1582)*, in: *История военного дела: исследования и источники*, [без места] 2015, Специальный выпуск II: Лекции по военной истории XVI-XIX вв., ч. 2.
- ФЛОРОВСКИЙ, Антон, *Чехи и восточные славяне: очерки по истории чешско-русских отношений (X – XVIII вв.)*, том 2, Прага 1947.
- ФЛОРИЯ, Борис, *Проект антитурецкой коалиции середины XVI в.*, in: Борис РЫБАКОВ (ред.), *Россия, Польша и Причерноморье в XV-XVIII вв.*, Москва 1979.
- ФЛОРИЯ, Борис, *Русское государство и его западные соседи*, Москва 2010.
- ФЛОРИЯ, Борис, *Русско-польские отношения и балтийский вопрос в конце XVI – начале XVII века*, Москва 1973.
- ФЛОРИЯ, Борис, *Русско-польские отношения и политическое развитие Восточной Европы во второй половине XVI – начале XVII в.*, Москва 1978.

- ФОНКИЧ, Борис, *Грамота Константинопольского Патриарха Иоасафа II и собора Восточной Церкви, утверждающая царский титул Ивана IV*, in: Сергей КАШТАНОВ, Людмила СТОЛЯРОВА (ред.), *Россия и греческий мир в XVI в.*, том 1, Москва 2004, стр. 381–388.
- ФОРСТЕН, Георгий, *Балтийский вопрос в XVI и XVII столетиях (1544-1648)*, том 1, Санкт-Петербург 1893.
- ФРАНЦЕВ, Владимир, *Русские посольства в Чехии в XVI веке*, Варшава 1902.
- FROST, Robert, *The Northern Wars: War, State and Northeastern Europe: 1558–1721*, Edinburgh 2000.
- FRÖTSCHNER, Reinhard, *Herberstein-Bibliografie 1949-1999*, in: Frank KÄMPFER (ред.), *Das Russlandbuch Sigismund von Herberstein Rerum Moscoviticarum Commentarii 1549-1999. Beiträge zu Ehren der internationalen Tagung im Oktober 1999 an der Universität München, Hamburg 1999*, стр. 131-140.
- HAJNÁ, Milena, *The International Wardrobe of Emperor Rudolf II: Visual and Textual Representations of an Early Modern Emperor's Clothes (1552–1612)*, in: Isabelle PARESIS — Natacha COQUERY (ред.), *Se vêtir à la cour en Europe 1400-1815, Villeneuve d'Ascq 2011*.
- HENGERER, Mark, *Access at the Court of the Austrian Habsburg Dynasty (Mid-Sixteenth to Mid-Eighteenth Century): A Highway from Presence to Politics?*, in: Dries RAEYMAEKERS — Sebastiaan DERKS, *The Key to Power?: The Culture of Access in Princely Courts, 1400-1750, Leiden — Boston 2016*.
- ХЕННИНГС, Ян, *Неудачный подарок: культурный шок или политическая культура? О функции и значении дипломатического дара в англо-русских отношениях XVII в.*, in: Герд АЛЬТХОФ — Михаил БОЙЦОВ (ред.), *На языке даров: правила символической коммуникации в Европе*, Москва 2016.
- HENNINGS, Jan, *Russia and the courtly Europe: ritual and the culture of diplomacy, 1648-1725*, Cambridge 2016.
- HORACEK, Ivana, *Alchemy of the Gift: Things and Material Transformations at the Court of Rudolph II. A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in the Faculty of Graduate and Postdoctoral Studies (Art History and Theory), The University of British Columbia, Vancouver 2015*.
- ХОРОШКЕВИЧ, Анна, *Россия в системе международных отношений середины XVI века*, Москва 2003.
- HRBEK, Jiří, *Insignie – symboly vlády a moci*, in: Václav BŮŽEK — Rostislav SMÍŠEK (ред.), *Habsburkové 1526-1740: země Koruny české ve středoevropské monarchii, Praha 2017*.
- HRDLIČKA, Josef, *Hodovní stůl a dvorská společnost, České Budějovice 2000*.
- HRDLIČKA, Josef, *Jidelniček habsburských slavností*, in: Václav BŮŽEK — Rostislav SMÍŠEK (ред.), *Habsburkové 1526-1740: země Koruny české ve středoevropské monarchii, Praha 2017*.
- ЦВЕТАЕВ, Дмитрий, *Протестанты и протестантство в России до эпохи преобразований*, Москва 1890.
- ЧЕРНЯВСКИЙ, Михаил, *Хан или василевс*, in: Анна ЛИТВИНА, Фёдор УСПЕНСКИЙ (ред.), *Из истории русской культуры*, т. 2, книга 1. Москва 2002.
- ЧЁРНАЯ, Людмила, *Антропологический код древнерусской культуры*, Москва 2008.
- ČORNEJ, Robin, *Antonio Possevino a jeho zprostředkovatelská mírová mise. Magisterská diplomová práce, vedoucí práce doc. PhDr. Pavel Voček, CSc., Brno 2008*.
- ЧУМАКОВА, Татьяна, *Царская власть в России глазами иностранцев (XVI-XVII вв.)*, in: Сергей ОРЛЕНКО (ред.), *Иностранцы в России в XV – XVII веках: сборник материалов конференций 2002-2004 годов*, Москва 2006, стр. 207-214.

- ЧУМИЧЁВА, Ольга, «Что есть аллегория?» *Смена культурной парадигмы в репрезентации верховной власти в Москве в первой половине XVI в.* Русь, Россия, средневековье и новое время. Выпуск 6, Москва 2019, стр. 130-133.
- ШИШКОВ, Сергей, *Дьяк Андрей Щелкалов. Опыт реконструкции политической биографии.* Диссертация на соискание учёной степени кандидата исторических наук. Москва 2002
- ŠIMEČEK, Zdeněk, *Počátky novinového zpravodajství a novin v českých zemích (do devadesátých let 18. století)*, Brno 2011.
- ŠVEC, Luboš – MACURA, Vladimír – ŠTOL, Pavel, *Dějiny pobaltských zemí*, Praha 1996.
- ЮЗЕФОВИЧ, Леонид, *Путь посла: русский посольский обычай, обиход, этикет, церемониал: конец XV-первая половина XVII в.*, Санкт-Петербург 2011,
- ЮЗЕФОВИЧ, Леонид, «Как в посольских обычаях ведётся...»: *Русский посольский обычай конца XV – начала XVII века*, Москва 1988.
- ЮРГАНОВ, Александр, *Категории русской средневековой культуры*, Москва 1998.
- ЯНУШКЕВИЧ, Андрей, *Ливонская война 1558–1570 гг. и Великое княжество Литовское*, Минск 2013.